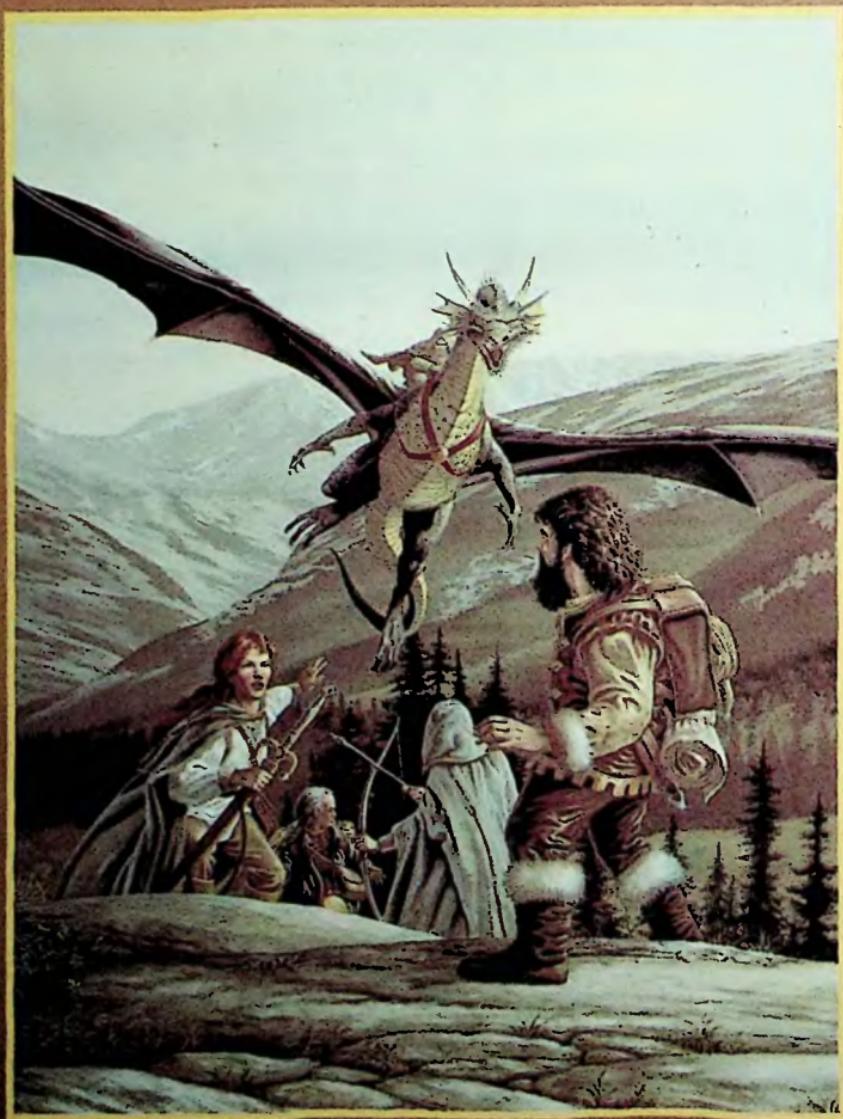

НЭНСИ ВЕРАЙН
МЕЧ БУРИ

ТРИЛОГИЯ ГЕРОЕВ

DragonLance™
Saga
ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ГЕРОЕВ

**STORMBLADE
HEROES TRILOGY
volume 2**

TSR, Inc.

МЕЧ БУРИ
ТРИЛОГИЯ ГЕРОЕВ
том 2

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
1996

**ББК 84.7 США
В 31**

**Литературная обработка
Виктора Андреева**

- Верайн Н.**
**В 31 Сага о Копье: Трилогия Героев. Т. 2: Меч Бури: Роман / Пер. с англ.— СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 480 с.
— ISBN 5-7684-0058-3**

В этом романе трудно выделить главного героя. Можно сказать: все — главные. Это и гномы-кузнецы Изарн и Станах, выковавшие Меч, и их таны. Это и люди, пришедшие искать у гномов защиты, и сами защищающие Меч от драконов и их повелителей. Это и эльфы, и кендеры, а среди них никогда не унывающий кендерочек Лавим Попрыгунчик. Книга написана так, что оторваться от нее невозможно, тем более что окончательной точки автор в книге не ставит...

**COPYRIGHT © 1988, 1996 TSR, Inc. All rights reserved
DRAGONLANCE™ and TSR logo are trademarks of TSR Inc.**

ISBN 5-7684-0058-3

Предуведомление Астинуса

Войну 348—352 годов С.В. эры население Кринна назвало Войной Копья, под таким названием война вошла и в научные труды по истории. Это было время, когда сами боги сражались друг против друга — добрые против злых. Такхизис создавала армии драконов во главе со своими военачальниками, которых она называла Повелителями. Паладайн и Мишакаль старались всячески помогать тем, кто боролся с Тёмной Воительницей и ее армиями. Паладайн под именем Фисбен время от времени странствовал по Кринну с кендером Тассельхофом Непоседой и его товарищами. Мишакаль дарила свои знания Женщине с Равнин, которая вселила Веру в добро в сердца многих жителей Кринна.

О главных событиях войны написаны тома и тома; об отдельных эпизодах в исторических сочинениях говорится подчас одной-единственной строкой.

Одна из таких строк вызывает любопытство у многих — она обнаружена в записях, относящихся к 348 году С.В.: «Нордмаар взят армией драконов. Гномы в Торбардине выковали Королевский Меч и назвали его Меч Бури».

*Строка, в которой упоминается Королевский
Меч, есть и в рукописи 350 года: «Рабы
повелителя Верминаарда бежали из его шахт
Пакс Таркаса*

*с помощью группы друзей, среди которых кендер
Тассельхоф Непоседа и маг Фисбен. Выкованный
гномами Королевский Меч найден».*

*За этими словами кроется история, которая
может объяснить, почему, сперва отказавшись
помогать сражающимся против Королевы
Драконов, гномы все же приняли потом участие
в Войне Копья.*

*Но признаюсь, положа руку на сердце: многое
в ней на удивление правдиво. Ну а в заключение
хочу напомнить читателю ворта что.*

*В Торбардине гномы говорят: легенда — это
сгусток правды,
и поэтому кто угодно, даже глупый овражный
гном, может ее понять правильно.*

*Что правда, а что в этой истории вымысел? —
трудно сказать.*

ПРОЛОГ

Как слышит бард — всем сердцем своим — неуловимую мелодию и тайную гармонию рождающейся в нем песни, как знает рассказчик — всем существом своим — слова и ритмы рождающейся в нем повести, так и гном Изарн Молотобоец знал: мастером-оружейником он сделался потому, что хотел выковать Меч Бури. Именно он, Изарн, должен был выковать этот меч. Меч, возникавший перед его мысленным взором в кузнице всегда. Всегда в душе своей вынашивал гном Меч Бури, терпеливо ожидая часа его рождения.

Изарн считал, что он достоин такой работы.

Когда клинок пройдет закалку в жарком пламени горна и в охлаждающем масле, когда приобретет холодный голубой блеск и будет заточен, Изарн должен будет отдать его своему тану, Хорнфелу из Хайлара.

Если Хорнфел сочтет работу Изарна поистине прекрасной, он окажет честь мастеру, как это делали таны уже на протяжении многих столетий, и поместит меч в хранилище рядом с изделиями лучших мастеров.

А если меч будет помещен в хранилище, Изарн потеряет право выковывать еще хотя бы один клинок. Кузница, где он работал долгие годы, перейдет к его молодому ученику и родственнику — Станаху Молотобойцу. Изарн должен будет оставить свой молот и кузничные клещи, и суждено ему будет окончить свои дни на покое. Окончить их в славе и почестях.

Этот меч должен был стать его лучшей работой, воплощением мечты и высочайшего искусства, поэтому Изарн своими руками выплавил чистейшую сталь из руды, которую и нашел он сам.

Да, он сам искал эту руду; хотя, как мастер-кузнец, мог и не делать этого; но Изарн лучше других знал, как выглядит нужная ему руда, чувствовал ее, ощущал ее горький запах.

Руду, которая была ему нужна, он нашел в одной из старых, заброшенных шахт, и добывали ее под его наблюдением.

Вернувшись с рудника, Изарн много дней не выходил из кузницы; ожидая, когда привезут руду, он рисовал будущий клинок, хотя никогда ранее не пользовался чернилами и бумагой, — контуры будущих изделий просто возникали у него в душе и в сердце. Он знал, что меч должен быть красивым; его руки уже ощущали мускульное напряжение работы, а уши слышали дунот молота и наковальни, огня и пара.

Наконец руда была доставлена. Оставалось только подобрать для украшения меча драгоценные камни. Сработать рукоять должен был ученик Изарна, Станах Молотобоец, — это счита-

лось знаком доверия мастера к тому, кто должен наследовать его кузницу.

В Торбардине жили, разумеется, не только оружейники. У мастера-ювелира Изарн выбрал пять прекрасных сапфиров: четыре — цвета вечернего неба, а пятый — темно-синий, как безоблачные небеса в полночь, с посверкивающими в глубине камня искорками-звездочками. А сам эфес меча будет сделан из чистого золота.

Все обдумано и все готово к началу работы.

И вот Изарн и его помощник приступили к созданию меча. Разожгли огонь в кузнечной печи, заполнили одно корыто водой для охлаждения металла, а другое — маслом для закаливания клинка. Раздувая пламя, Станах качал мехи медленно, ритмично, как учил его Изарн; поглядывая на золотисто-оранжевые отблески огня на каменных стенах кузницы, Станах думал о том, сколь трудной казалась ему работа кузнеца в начале его ученичества и сколь легка она сейчас... Да, он стал другим человеком!

Никто, кроме мастера и его ученика, не должен был видеть рождение Меча Бури, и Станах знал, что ему долго уже не придется почувствовать магию мастерства, — до тех пор, пока годы и годы спустя он сам не даст жизнь своему собственному Главному мечу.

Сталь возникает из частиц, слагающих мир. Взятая из земли руда соединяется с огнем и водой и превращается в железо. Станах внимательно смотрел сейчас, как Изарн выплавляет железо для меча. Каждое движение мастера было осторож-

ным и расчетливым. Изарн, уже тысячи раз выплавлявший железо и научившийся трудиться так, что руки работают сами, почти без участия мысли, теперь действовал как ученик, которому впервые позволили подойти к горну.

И сам Станах смотрел сейчас на мастера так, будто видел его впервые.

«Я запомню это, — думал он. В кузнице было жарко, пот выступил на лбу, и Станах, не сводя глаз с Изарна, вытер его тыльной стороной руки. — Всегда, всегда я буду помнить эти минуты».

Глядя на вытекающий из горна металл, Станах думал о том, что ему необходимо запомнить выражение глаз Изарна. Это был взгляд человека, который смотрит на предмет своей глубочайшей любви и больше ничего в мире не видит.

Пока железо охлаждалось, они молчали, да ничего и не нужно было говорить. Изарн не ощущал ничего, кроме общности своей души и стихий, слагающих мир. Когда наконец железо отвердело и превратилось в пористую черную массу, Изарн загрузил его в ящик, сделанный из обожженной глины, еще хранившей отпечатки поцелуев пламени, и засыпал в него измельченный древесный уголь. Станах поднял тяжелый ящик и поставил его в печь — туда, куда указал мастер. Пот непрерывно струился по лицу Станаха, стекал на его пышную черную бороду. Волосы прилипли к шее. Он сбросил свою просторную кузничную рубаху, остался в кожаном переднике. Его сильные, мускулистые руки светились в золотистых отблесках пламени.

Жар печи напомнил ему об огне, который, как говорят, постоянно бушует в сердце Кринна. В яростном пламени горна угольная пыль соединялась с железом, на его темной поверхности появилась блестящая пленка: это была сталь.

Станах подтащил к печи бадью с водой. Несколько часов назад вода была ледяной, но сейчас стала теплой, как будто стояла на солнце. Подмастерье зачерпнул воды для Изарна, затем напился сам. Для пересохшего горла эта теплая вода была подобна вину. Зачерпнув воды большим ковшом, Станах вылил ее себе на голову. Ощущая, как течет по затылку и по шее теплая вода, Станах вдруг погрустнел, он вспомнил, что, когда Меч Бури будет выкован, они с Изарном уже не смогут работать вместе.

Изарн был для него не только мастером и родичем, но и другом. Печаль, подобно облачку, закрывающему луну, легла на сердце Станаха.

Он выволок пустую бадью из кузницы и поставил у двери, чтобы прислуживающий кузнецам мальчишка снова наполнил ее холодной водой. Затем вернулся к печи, к старому гному, терпеливо ожидающему превращения железа в сталь,— этого чуда, которое сотворил Реоркс для своих детей в давние-давние времена. В те времена, когда первый гном-кузнец соорудил первую кузницу.

«Это и вправду чудо,— думал Станах.— Чудо единения с богами».

«Вера в богов, вера в себя, вера в свое мастерство».— Такими словами встретил мастер Изарн

Станаха, когда тот пришел к нему в кузницу в первый раз.

Изготовление любого, даже самого простого клинка — подобно служению богам, и Изарн всю свою жизнь истово им служил.

Сталь потекла из горна, рдеющая, как красная луна, сияющая, как солнце.

Щурясь от палившего жара, Станах принес к наковальню молот и клещи; Изарн поднял молот. Он был готов выковать Меч Бури.

Сталь — не дерево, ее не рубят топором и не пилят пилой — со сталью работают молотом. За свою жизнь Изарн выковал великое множество мечей. Когда он брал в руку молот, тот словно бы сам становился послушным продолжением руки, но сегодня словно бы сам Изарн был молотом. Правда, на раздумья мастер времени не тратил, он полагался на свои знания и интуицию. Ковать надо быстро — иначе сталь остынет, и тогда, сколько ни бей молотом, толку не будет.

В кузнице звучал радостный гимн молота, и сердце Станаха ликовало от счастья. Это была песня Главного клинка; Станах знал, что молот и наковальня Изарна так, как сегодня, никогда раньше не пели.

Теперь этот молот и эта наковальня споют похожую песнь, только когда Станах будет ковать свой Главный клинок.

В песне не было слов, но мастер и ученик слышали их в душах своих, слышали прославле-

ние благородного клинка, сейчас уже почти готового, Изарну оставалось только кое-что подправить. Мастер взял в руки напильник, опилки серебряной пылью посыпались на каменный пол кузницы.

Станах подумал: «Клинок похож на вспышку серебристого звездного света».

Наконец клинок был доведен до совершенства, теперь он снова должен был вернуться в печь — для закалки.

— Это его последнее погружение в огонь, последний танец в языках пламени, — сказал Изарн ученику.

Станах и прежде слышал эти слова — слышал так много раз! Но теперь, глядя на стоящего с клинком в руках Изарна, он услышал их будто бы впервые.

Закалку меча Изарн проводил так же тщательно, как делал сегодня все. Станах раздул пламя и проверил, достаточно ли прохладно масло в корыте; все было как надо, и теперь он внимательно смотрел на мастера и на меч.

Сейчас клинок светился в печи не серебристым, а темно-красным сиянием — словно вытянутое в длину солнце, словно кроваво-красная рука огня.

Когда Изарн извлек клинок из печи и опустил его в масло, Станах видел, как постепенно угасает солнечное сияние клинка. Красный металл стал серебристой сталью — чистой, как горный снег, и сильной, как горы, породившие ее. Изарн отер пот с лица и плавным движением

вынул меч из корыта с маслом. Мягкой тряпкой он стер масло с металла, нежно погладил клинок и положил его на наковальню — так кладут новорожденного на грудь матери.

Станах был зачарован игрой бликов пламени на стали, оранжевым сиянием отточенного лезвия; сердце отчаянно колотилось в груди, он взволнованно ходил от горна к наковальню, от наковальни к горну... И вдруг увидел...

Когда он заслонил своим телом топку горна, сталь продолжала светиться!

Меч Бури!

Меч Бури лежал перед ним. Исполненный совершенства, рожденный сердцем огня, впитавший в себя саму душу огня, светившуюся сейчас в холодной стали, и этот свет не могла ослабить никакая тьма.

Внезапно постаревший, с широко открытыми глазами, дрожащий, как в лихорадке, Изарн приблизился к клинку, протянул было к нему руку, но сразу же отдернул ее, как будто боялся обжечься. Или не имел права коснуться этой стали...

— Ты видишь? — прошептал мастер. — О парень, ты видишь?

Станах не мог вымолвить ни слова. Он молча кивнул и отступил назад. Но глаз от клинка оторвать он был не в силах. От этого великолепия, от этого еще не имеющего рукояти клинка. В сердце его зазвучали стихи, написанные так давно и столь часто повторяемые повсюду, что их автор был забыт и они стали просто песенкой уличных мальчишек:

*Горные гномы знают: у Верховного Короля должны
непременно быть
Королевский Меч, отвагу дающий ему волей
Отца Реоркса,
Душа, обретшая мудрость в испытаниях суровых
борьбы,
Молот, Харасом легендарным скрытый во тьме.*

О да! Королевский Меч, сделанный для Верховного Короля, служивший ему во все дни его царствования и похороненный вместе с ним; мудрая душа, вобравшая в себя опыт, накопленный в дни войны и мира; Молот Хараса, который не видели столь давно, что большинство гномов считали рассказ о нем не более чем мифом.

О, этот Молот Хараса! Однако же мифический он или реально существовавший, но с тех пор как Молот Хараса был утрачен, у гномов не было уже Верховного Короля.

Внезапно похолодев, несмотря на жаркий пот, струившийся по лицу, Станах вздрогнул, закрыл глаза, глубоко вздохнул, стараясь унять дрожь, затем открыл глаза и снова взглянул на меч.

Свечение стали пульсировало, как если бы действительно в ней жило сердце, которое дал клинку сам Реоркс; и Станах почувствовал: его собственное сердце забилось с новой силой, в новом ритме.

Легенда утверждает, что так может дышать только Королевский Меч.

За три столетия никто в Торбардине не мог выковать Королевский Меч. И вот теперь...

Станах покачал головой.
Он знал легенды своего народа. Какой же гном их не знает?

Когда-то у гномов была династия Верховных Королей. Последний из них, Дункан, царствовал триста лет назад, когда шла Война Гномских Ворот. У него был телохранитель и друг Харас, «легендарный Харас», воспетый в поэмах. В них говорилось, что Харас, чье имя переводится на соламнийский как «нож», сделал боевой Молот в кузнице бога. Реоркса. Говорилось также, что никто не сражался лучше Хараса в то кровавое и жестокое время после Катализма, когда ведомые магом Фистандантилусом армии людей вместе с гномами холмов возжелали взять себе то, что, по их представлениям, было богатством Пакс Таркаса и Торбардина..

Торбардин был прекрасно защищен, но пострадал тогда больше, чем Пакс Таркас. Гном воевал против гнома — именно это привело в ярость Реоркса. В гневе бог схватил свой молот — тот самый, которым он некогда выковал мир, — и ударил по Земле; легенда гласит, что затем Реоркс помог Харасу сделать боевой Молот. Бог не собирался просто разрушить разгневавший его мир; он хотел его переделать.

И мир был переделан. Равнинны Дергота превратились в почти непроходимые зловонные трясины, получившие теперь название Равнинны Смерти. Когда Молот Реоркса ударил в крепость магов Жаман и разрушил ее, то на свободу вырвались палящие смерчи, несущие раскаленный песок

и камни. Сказано в поэмах о Харасе: руины крепости, когда увидел он их, были похожи на огромный оскалившийся череп. Теперь эти руины гномы сделали кладбищем, на котором хоронили своих сородичей, погибших в междоусобных войнах.

Однако же изменения коснулись не только лица мира. Вскоре после войны умер Дункан. Верховный Король еще не был даже похоронен, а его сыновья уже сцепились в яростной схватке за трон...

Опечаленный смертью своего друга и короля, ставший свидетелем борьбы его сыновей за власть, Харас решил, что никто из них не должен править в Торбардине. Он похоронил короля в величественной погребальной пирамиде, ныне известной как Могила Дункана, в Долине Танов. И эта пирамида — с помощью магии — висит там в воздухе вот уже три столетия.

После этого Харас с помощью магии и самого Рекорса спрятал неизвестно где свой боевой Молот и объявил, что без этого Молота ни один гном не должен править в Торбардине как Верховный Король.

«Правда все это или миф, — подумал Станах, — но с тех пор действительно ни одного гнома не короновали как Верховного Короля. А ведь в нашей истории были времена, когда Верховный Король был нам воистину необходим. Вот и сейчас такие времена, — думал он, — во Внешних Землях идет жестокая война. Война с драконами Такхизис...»

Дрожащей рукой Станах вытер со лба пот. Никто в Торбардине не мог править без Молота Хараса, и никто не мог править без Королевского Меча. В разные годы многие кузнецы пытались выковать Меч: некоторые потому, что знали — владелец такого меча может править Торбардином как Король-регент, другие полагали, что если будет выкован Королевский Меч, то будет найден и Молот Хараса. Выкованные разными кузнецами в разные годы мечи были подчас великолепными произведениями оружейного искусства, но ни один из них не был Королевским Мечом. Репоркс никогда не касался своей рукой клинка, никогда не давал стальному мечу темно-красного сердца, никогда... до этого дня.

Кузнецы говорили, что голос каждого гномского молота, ударяющего по наковальне, всегда отзывается в гигантской пещере, соединяющей Северные ворота с Торбардином. В пещере, которую гномы называют Эхо Наковальни.

«Если это верно, — подумал Станах, — то звон молота Изарна сегодня должен был отозваться в этой пещере эхом в сотни раз сильнее обычного».

Станах снова вздрогнул. Когда он отвел взгляд от клинка, то увидел, что Изарн плачет.

Мастер сделал Меч для своего тана, для Хорнфела из Хайлара.

Глава 1

B

стародавние времена, до Катализма, Торбардин был всего лишь одним из мало чем отличающихся друг от друга гномских городов, однако впоследствии он остался единственным городом во всех некогда великих королевствах гномов на Кринне. Построенный в горах, в пещере, простирающейся на двадцать две мили с севера на юг и на четырнадцать миль с востока на запад, Торбардин был не только великим городом, но и неприступной крепостью. На юге вход в него с поверхности земли надежно защищали Южные ворота; другие ворота, Северные, были во времена Катализма сильно повреждены, теперь это была пятифутовой толщины стена, закрывающая проход к Торбардину со стороны Мертвых Равнин.

В городе было много храмов, таверн, мельниц, кузниц, магазинов; здесь были даже сады и парки. Гномы получали хорошие урожаи с участков, расположенных ниже города, а после Войны Гномских Ворот у них были также обширные поля за Южными воротами. Город и фермы освещались установленными в стенах и в

потолках пещер кристаллами, передающими солнечный свет с поверхности.

Торбардин называли городом, хотя, строго говоря, он был сообществом шести расположенных в горном массиве городов, или танств, каждым из которых правил свой тан; пять городов располагались по берегам искусственного водоема, получившего название Урханско море, а шестой, самый красивый, находился на острове. Построенный в форме сталактида, этот город, Хайлар, состоял из 28 уровней (как бы районов). Это был главный город гномов, их правительственный и деловой центр. Здесь заседал Совет танов всего Торбардина, главой его был Хорнфел из Хайлара, правивший уже три сотни лет.

Иногда на Совете между представителями шести гномских городов происходили настоящие баталии. Гномы были темпераментны и страстно отстаивали свои права и свободы, никому не позволяя их нарушать.

Торбардин, можно сказать, был родным домом горных гномов. Все прочие территории, даже их собственные участки за пределами горы, считались Внешними Землями.

Под Торбардином были пещеры, в которые не заходил никто, кроме магов Тейвара. Там находились Глубинные Лабиринты, и расположены они были значительно ниже всех уровней Торбардина, поодаль от пещеры, укрывшей город в сердце горы.

Здесь царствовала Черная магия.

Где-то в глубинах таинственного государства Тейвар находился Чертог Черной Луны. Кроваво-красный свет факелов колыхался на стенах высокой пещеры. Пещера, на первый взгляд казавшаяся естественной, на самом деле была создана руками магов.

На стенах в каменных нишах висели позолоченные металлические светильники, стены были гладкими, камень отполирован и сверкал во всем своем природном великолепии.

Издали пол казался каменным, однако вблизи было видно: он гладкий, как полированное дерево, — его покрывал толстый слой прозрачного стекла толщиной около дюйма. По этому полу ходили уже четыреста лет, но на стекле не было ни малейшей трещинки; стекло невозможно было оцарапать даже самым твердым алмазом.

В центре пещеры находился круглый помост из черного мрамора, на котором стоял — а казалось, висел в воздухе — стеклянный стол, придинутое к нему глубокое кресло было покрыто мягким черным бархатом. Здесь Рилгар, тан Тейвара, изучал древние магические книги, произносил заклинания и... замышлял убийства.

В ночь, когда Станах и Изарн наблюдали за биением темно-красного сердца огня в Мече, Рилгар убийства не замышлял — замышлял он воровство.

«Убийство, — думал он, улыбаясь, — убийство должно произойти позже, когда история сможет назвать казнь Хорнфела казнью предателя».

Королевский Меч выкован! И выкован он для Хорнфела!

Тот, кто сообщил Рилгару об этом, не произнес слова «Королевский»; он вообще не видел этого Меча. Он просто пересказал услышанные в таверне слова мальчишки, что прислуживал в кузнице Изарна.

— Если верить парнишке, Меч удивительный, — говорил соглядатай. — Красная сталь. Не голубовато-серебристая, как обычно, а красная.

«Ну что же, — думал Рилгар, — клинок, видимо, и правда необыкновенный. Клинок с огненным сердцем — подобный тому, какой был у легендарного Дункана. Но действительно ли это Королевский Меч, созданный, чтобы возвести на престол Верховного Короля, а потом, когда король умрет, Меч будет похоронен вместе с ним? С тех пор, как триста лет назад был погребен Меч Дункана, с того дня, когда Харас спрятал свой божественный Молот, ни одному гномскому кузнецу не удавалось выковать Королевский Меч. Но ведь боги теперь находятся повсюду, странствуют по всему миру; они должны будут обнаружить себя в борьбе друг с другом — в войне, которая, как утверждают предсказатели, скоро запылает по всему Кринну. Наблюдатели на вершине горы уже видели летающих по ночам драконов Таххизис».

Рилгар оскалил зубы в мрачной улыбке. Ну что же, уже этой ночью бог может посетить Торбардин.

Но действительно ли коснулся Рейоркс огня в горне Изарна? Превратил ли он простую сталь в Королевский Меч?

Изарн, видимо, думает именно так. Мастер ушел из кузницы совершенно без сил, но он оставил в ней своего родственника-подмастерья — сделать рукоять и, как говорил в таверне мальчишка, велел этому родственнику не спускать с Меча глаз всю ночь. Конечно, если это Королевский Меч, Изарн не мог оставить его без охраны. Пальцы Рилгара сжались в кулак. Да, охранять Меч будут всю ночь, а утром принесут Меч Хорнфелу. В знак расположения к нему бога.

Рилгар знал, что Королевский Меч не способен сделать Хорнфела Верховным Королем. Никто, кроме Молота Хараса, не может этого сделать, и даже сам Хорнфел уже не верит, что Молот найдется. Слишком давно утерянный, слишком далеко спрятанный, Молот уже никогда не даст гномам Верховного Короля.

Но Королевский Меч все-таки принесет своему хозяину титул Короля-регента, итаном, который получит этот титул, должен будет стать именно Хорнфел.

Совет танов будет приветствовать возвышение Хорнфела. Только Хорнфелу удавалось примирять на Совете враждующие стороны — даже сейчас, когда у него было всего лишь традиционное — не более! — право главенствовать на Совете. Конечно, далеко не всегда Совет танов принимал решения, какие были желательны Хорнфелу, и если теперь он станет Королем-регентом,

то сможет навязывать Совету свою волю. Да, его не будут величать Верховным Королем, но на деле именно он будет править Торбардином.

Маг Рилгар сквозь зубы прошипел проклятие. Желание власти всегда жило в его душе, пульсировало, подобно крови в венах. Рилгар не наследовал танство Тейвара, по закону он проложил себе путь к власти убийствами, обманом и черной магией. Он ненавидел Хорнфела, потомка Верховных Королей, — эта ненависть была подобна его отвращению к солнечному свету.

Рилгар медленно разжал кулак, сделал рукой магический жест и прошептал слова заклинания. Возле мраморного возвышения появилась тень, вот она превратилась в гнома.

— Здравствуй, хозяин, — прошептал голос.

Рилгар молчал, пока вызванный его заклинанием вор не встал на колени; затем тихо сказал вору несколько слов и отпустил его. А оставшись в одиночестве, вновь стал размышлять о грядущей смерти Хорнфела.

Пусть, пусть Изарн считает, что рождение Королевского Меча в его кузнице было знаком благоволения к нему доброго бога. Рилгар, поклонившийся темным, злым богам, уже чувствовал протянутую ему в ночи руку Такхизис. Утром он получит Королевский Меч и сам станет Королем-регентом шести гномских государств.

Конечно, Скарн воровал для Рилгара, но о его преданности Рилгару не могло быть и речи.

Он стер с рук кровь, подумал, не добить ли ему подмастерье, лежащего без сознания на каменном полу кузницы, и взглянул на Меч. Мгновенно Станах был забыт. Сердце стали пульсировало красным солнечным светом. Меч лежал на наковальне, — туда положил его Станах, перед тем как упал.

Скарн называл Рилгара «хозяин», однако никогда его своим хозяином на самом деле не считал; он всегда считал Рилгара главным виновником смерти своего сына. О, Скарн еще отомстит Рилгару!

— Надо быть осторожным, когда имеешь дело с магисей, — только и сказал Рилгар, когда умер Турм.

Род магов *дерро* всегда занимался Черной магией, но Рилгар не приближал к себе магов своего рода — и никаких других тоже; он хотел быть единственным властелином. Время от времени он отбирал себе помощников и учил их самым простым правилам и заклинаниям. Он называл помощников «волхвишками» и произносил это слово всегда с высокомерной усмешкой.

Турм был одним из самых талантливых его учеников. Он умел делать очень многое. При должной подготовке он мог бы пройти через Внешние Земли к Башне Высшего Волшебства. И мог бы выдержать испытания на магистра Черной магии. Неистовый огонь магии пылал в душе Турма. Желание танцевать в этом пламени было главным его желанием.

И Рилгар знал об этом, чувствовал силу Турма и счел ее угрозой себе. Он попросил Турма — о:

да, попросил, не приказал! — произнести одно необычное заклинание. Рилгар наблюдал за смертью Турма и смеялся, а вызванные из Бездны порождения зла и тьмы грызли плоть Турма и вынимали душу из его тела. Да, конечно, Турм сам произнес это заклинание, но сделать это велел ему Рилгар!

Много лет ждал Скарн, когда он сможет отомстить за смерть Турма, и вот теперь дождался своего часа.

Скарн поднял Меч с наковальни и злорадно улыбнулся. Рилгар очень хотел получить этот клинок: Скарн не задумывался для чего, да это его и не заботило. Но он хорошо помнил: в глазах тана ясно читалось желание заполучить этот клинок, оно горело в его глазах; сейчас Скарн подумал: это было больше чем желание — Рилгар просто жить не мог без этого Меча.

О, были тайные пути, малозаметные тропы через Внешние Земли, тропы, нейзвестные даже пограничным патрулям. Скарн знал эти пути.

Он оставил бесчувственного Станаха лежать там, где тот упал.

Когда Рилгар узнал, что Королевский Меч не будет ему принесен, Скарн был уже далеко от Торбардина.

Глава 2

ребенок проснулся, плача и всхлипывая, он все еще находился во власти кошмара; подобные кошмары мучили сейчас почти всех восемьсот спящих человек; это были воспоминания о рабстве, от которого они бежали. Серебряными светлячками танцующие в черном провале ночного неба, звезды увидели, как поднялась женщина и, покачиваясь от усталости, еще полусонная, подошла к малышу. Она не была его матерью — ее ребенок умер еще утром. За двое суток, пока бывшие рабы, бежавшие с шахт Пакс Таркаса, шли по горам, умерли пять стариков и двое детей.

«Как далеко! — думал Танис Полузельф, сидя у затухающего костра. — Как далек еще путь!» Он посмотрел на угли и бросил в костер несколько щепок. Танис чувствовал себя донельзя усталым. Восемьсот человек, спасенных от рабства им и его друзьями, изнуренных на шахтах непосильным трудом, медленно брели по горным тропам от Пакс Таркаса к Южной дороге.

А ведь Южная дорога — еще не путь к свободе, это всего лишь начало пути...

Тихие, как шепот успокаивающей младенца женщины, шаги послышались за спиной Таниса, он резко повернулся, схватившись за рукоять короткого меча у пояса, и тут же виновато улыбнулся.

— Золотая Луна, — прошептал он, — а я уже стал беспокоиться о тебе. Где ты была?

Она была очаровательна, эта женщина с равнин, и, хотя ее лицо казалось от усталости постаревшим; вся она излучала душевное тепло, радующее Таниса как прикосновение ласковой дружеской руки.

— Искала Тассельхофа.

— Нашла?

Золотая Луна улыбнулась.

— Нет. Конечно нет. Однако это было хорошим поводом для прогулки по горам.

— Мы и так уже «гуляем» в горах двое суток и, вероятно, будем гулять еще долго; а выходит, при этом нужно еще и искать кого-то? — сказал Танис.

Золотая Луна грациозно присела у костра напротив Таниса.

— Иногда мне необходимо прогуляться, чтобы побывать одной, — это помогает мне думать. Танис, куда мы ведем всех этих людей? Есть ли на земле такое место, где их примут?

— Где?! Ну разумеется, где?! — Танис покачал головой. — Выбор у нас невелик. Драконы Верминаарда вот-вот появятся над горами — если уже не появились... Тас прочно закрыл ворота и хорошо завалил проход, но это ненадол-

го задержит наших преследователей. Мы должны привести людей в укрытие как можно скорее. Обратно пути нет, нужно идти только вперед.

— Но куда?

— Есть только одно место, Золотая Луна, только одно, где они будут в безопасности.

— Торбардин! — Золотая Луна покачала головой. — Целых три года, пока на Кринне шла эта жуткая война, гномы о ней ничего и слышать не хотели. Почему же ты думаешь, что теперь они предоставят убежище восьми сотням беглецов?

Танис подложил сушняка в огонь и стал смотреть, как пламя лижет ветки и кору.

— Мы убедим гномов...

— Мы можем их только просить. — Золотая Луна прищурилась. — Вряд ли они услышат нас, Танис.

Танис, поблескивая зелеными глазами, мрачно улыбнулся:

— Тогда мы заставим их услышать нас!

Он был уверен: восемь сотен голосов нельзя не услышать.

На склонах горы, укрывающей Торбардин, у самой вершины были узкие уступы, из долины незаметные, но известные гномам с той давней поры, когда создавался Торбардин. Подняться к этим уступам по склонам было практически невозможно, но из пещеры к ним можно было пройти по подземным тоннелям. По ним можно

было пробраться от стены Южных ворот к поверхности склонов недалеко от уступов; далее вели тропинки, по которым могли пройти разве что только гномы да дикие козы. И летом и зимой здесь всегда было холодно — и трудно было дышать разреженным морозным воздухом.

Для Станаха Молотобойца эти уступы были как дом родной.

Сегодня он поднялся сюда налегке, лишь с флягой на поясе, наполненной водкою. Весь день он усердно трудился в кузнице; от работы, от жара горна и тяжести молота он устал так, что едва мог вздохнуть полной грудью. И потому он поднялся сюда, чтобы отдохнуть в мирном покое горных высот и кое-что обдумать...

Станах прислонился спиной к большому камню. От глотка крепкой гномской водки по телу разлилось тепло. Далеко внизу, в долине, наступала ночь, и черным бархатом она уже укрывала золотисто-коричневые от опавшей листвы склоны.

Час назад Станах узнал, что Меч Бури находится где-то во Внешних Землях далеко от Торбардина. Из стран, где драконы чертят небо своими широкими кожистыми крыльями, где идут жаркие сражения во имя богов добра и зла, пришел странник и принес слух об украшенном сапфирами замечательном Мече. Уже прошло два года после кражи Королевского Меча, и теперь Хорнфел, узнав новость, решил отправить во Внешние Земли отряд, который вернул бы Меч домой. Это была трудная задача. Хорнфел не без

оснований полагал, что до Рилгара, тана Тейвара, тоже дошло известие о Мече; посланцы Хайлара должны действовать быстро и осторожно, потому что из-за Королевского Меча Рилгар, несомненно, кого угодно готов убить.

С той ночи, как Королевский Меч был украшен, не было минуты, чтобы Станах, посмотрев на пламя горна, не вспомнил бы, как от руды, огня и воды рождался Меч Бури. С той ночи Изарн — его мастер, родич и лучший друг — прямо-таки заболел от горя, временами он даже терял рассудок.

Станаха не пугала никакая опасность, он просто горел желанием вернуть Меч Бури домой и был готов ради этого на все.

На поиски Меча Хорнфел решил послать близкого родственника Станаха, которого звали Киан Красный Топор. Никто во всем Торбардине не знал Внешние Земли лучше, чем Киан. Во всяком случае, так говорил сам Киан, и Станах верил ему. Они были одногодки, но Киан казался старше: он долгое время жил на границе с Внешними Землями, в постоянном ожидании врагов и в борьбе с опасностями, о которых Станах мог лишь догадываться. Станах хорошо знал всю семью Киана и сейчас с готовностью вручил бы саму свою жизнь в руки Киана.

Чтобы обеспечить безопасность самого Киана, Хорнфел отправлял с ним мага Музыканта.

«Нет такой опасности, о которой Музыкант не сумел бы предупредить!» — считал Станах. Он хорошо знал этого золотоволосого колдуна, знал

уже три года, с тех пор как Музыкант пришел в Торбардин. Вообще-то его имя было Джорди, однако все в Торбардине называли его Музыкантом; эту кличку дали ему гномские дети, любившие петь, когда он играл на флейте. В последнее время долговязый Музыкант и Станах стали близкими друзьями. Добрые духи, покровительствующие магу, немного разгоняли и печаль Станаха.

Они частенько вместе проводили время в тавернах Торбардина за кружкой эля. Особенно хорошо бывало, когда с границы возвращался Киан и присоединялся к ним: он без устали рассказывал невероятные истории и клялся самим Роркском, что все его рассказы — истинная правда.

Станах очень хотел пойти на поиски Меча с ними, однако прежде всего нужно было убедить Хорнфела, что именно он, Станах, должен отправиться в путь с Кианом и Музыкантом.

Он вовсе не считал предстоящий поход легкой прогулкой; более того, Станаха, привыкшего к спокойной и размеренной жизни в горе, никогда не покидавшего Торбардин, изрядно смущали предстоящие трудности.

Здесь, в Торбардине, его будущее можно было считать вполне обеспеченным. Станах принадлежал к богатому клану Молотобойцев, был искусственным мастером, а мастеров-молотобойцев в Торбардине все уважали. В последнее время его отец все чаще стал заговаривать о женитьбе Станаха, обычной темой разговоров его матери за обеденным столом стало обсуждение достоинств той или иной невесты; советы матушки одновремен-

но и забавляли Станаха, и вызывали любопытство. Семьдесят пять лет — не возраст для гнома, и, с точки зрения его народа, Станах был еще достаточно молод и мог бы не спешить создавать семью. Но в то же время ему постоянно напоминали: именно семьи создают процветание и богатство всего рода. Богатство рода не достанешь из отцовских сундуков...

— Твое главное богатство — доверие к тебе рода, — говорила ему мать. — Ты сможешь заслужить доверие рода не только благодаря детям — его принесут тебе и твоя жена, и твои друзья, и то, как ты живешь. И тогда, даже если ты в лохмотьях, — ты богат.

...Станах сидел, обхватив колени руками. Сейчас он беднее любого, самого обворванного овражного гнома. Он потерял доверие рода!

— Я должен был лучше охранять Меч! Должен был!

Но он не сумел его уберечь — Королевский Меч украли. Изарн ни в чем не винил своего родича, да и зачем? Но Станах сам осудил себя и терзался всякий раз, когда видел пламя кузнецкого горна.

Хорнфел обязательно пошлет за Мечом воина Киана и мага, это очевидно. Как же убедить его в необходимости послать и того, по чьей вине Меч был утрачен?

Станах грустно улыбнулся. Его двоюродный брат, Киан Красный Топор, — несомненно, прекрасный воин, а Музыкант — очень искусный маг, однако же ни один из них не видел Меча, не

знал, как он выглядит. Только Станах был при его рождении и все три года, каждую ночь, видел его в своих снах.

Он поднял глаза к небу, посмотрел на красную звезду, сверкавшую над самым высоким горным пиком. Легенда гласила, что эта звезда горит отраженным светом горна самого Реоркса.

— Я знаю, что должен был надежнее беречь Меч, — сказал он богу, — и все-таки, Отец, помоги мне уговорить Хорнфела, чтобы он отправил меня с Кианом и Мзыкантом; клянусь самим Мечом Бури, я верну его домой.

Произнеся молитву, Станах поднялся с камня и в задумчивости вернулся в Торбардин. Реоркс должен помочь ему — он отправится в путь с Кианом и Мзыкантом и принесет Меч на родину.

Глава 3

ровь пропитала дорожную пыль. Четыре гнома лежали на дороге, они были мертвые; ветер обдувал их холодные руки, шевелил волосы на непокрытых головах, трепал бороды. Где-то в вышине, в холодном голубом небе, кричала ворона.

Трех гномов Станах не знал, и то, что они убиты, его не печалило — скорее радовало; но четвертым был Киан Красный Топор. Станах закрыл ему глаза и склонил свою голову. Даже самый искусный воин становится беззащитной жертвой трусливого нападения из-за угла. Киан Красный Топор был убит выстрелом из арбалета в спину.

«Пирамида, — подумал Станах и посмотрел в небо. — Мы должны воздвигнуть пирамиду». Если гном умер на поверхности земли, его тело должно быть закопано в землю, а над ним должна быть воздвигнута пирамида; в противном случае его смерть считается смертью предателя. Киан Красный Топор не заслуживал такой участи.

Прохладный ветерок принес запах серы. Около дороги возник кружящийся столб пыли. Вихревой столб быстро утоньшался и через

несколько мгновений, когда Станах обернулся, совсем исчез; на его месте стоял Музыкант. Маг стоял прислонившись к стволу большого старого дуба. Красная одежда Музыканта была цвета крови Киана.

Крови, пролитой за Меч Бури.

— Музыкант, мы не можем оставить его здесь непогребенным, — сказал Станах.

Но маг покачал головой.

— Мы не можем здесь задерживаться, друг мой. Они скоро вернутся — у них есть для этого повод. Дорога, на которой ты стоишь, ведет к Старой Горе — или к морю, если идти в другую сторону. Слуги Рилгара прибыли сюда незадолго до того, как Киан первым — после моего заклинания — оказался здесь. Они ждали именно нас, и сейчас они находятся где-то поблизости. Нам грозит опасность, Станах.

Станах пристально посмотрел на мага. Как и большинство людей, Музыкант казался чрезмерно высоким; узкое белое лицо, тусклые голубые глаза. Заклинание полностью вымотало мага: несмотря на холод, пот струился у него по лицу. После того как маг заклинаниями перенес сюда гномов и себя самого, он должен был некоторое время восстанавливать свою магическую силу и сейчас не мог воздействовать на тейварцев, прячущихся где-то неподалеку.

Гном огляделся вокруг. Темный лес справа и голые каменистые холмы слева, на опушке леса громоздилась высокая куча камней.

Хриплое карканье ворон, казалось, стало ближе.

Музыкант оттолкнулся от ствола дуба, подошел к Станаху и встал за его спиной.

— Нам придется оставить его здесь, дружище. Прости меня, но мы не можем рисковать, нам надо торопиться...

Станах снова закрыл глаза. Боевой клич Киана был похож на летний гром, на вопль бесноватого. У него были крепкая рука и сердце воина, горячее и благородное. И вот теперь, когда он погиб в бою, он не получит не только воинских почестей — у него даже не будет пирамиды. Но Станах не забудет о нем!

Кузнец медленно подошел к Киану и посмотрел на небо. Солнце шло на закат: Молотобойцу не хотелось бы встретиться с тейварцами ночью: ночью они особенно опасны и коварны, они ведь привыкли жить в темноте.

— Музыкант, сколько отсюда до Старой Горы?

Маг пожал плечами.

— Восемь, возможно, десять миль, если идти через лес, и пять, если по дороге.

Станах хмыкнул. Он поднял красный от крови тейварцев меч Киана, тщательно очистил его травой, затем вложил меч в ножны и повесил себе на плечо.

— Да, нам лучше отправиться в путь сейчас же. Если, как ты говоришь, город занят врагами, не думаю, что они впускают странников после наступления темноты.

— Наверняка не впускают. И... — Музыкант внезапно замолчал и показал пальцем на ближайший холм.

На вершине холма показались темные, как волки, четыре тейварца. Самый низкорослый из них уже начал спускаться с холма.

Музыкант положил руку на плечо Станаха.

— ...И нам лучше добираться до Старой Горы поодиночке.

Четверо тейварцев медленно спускались с холма. Настоящие волки. Они дождались исчезновения магического огня и теперь возвращались — вновь убивать.

Станах отрицательно мотнул головой.

— Нет, мы будем вместе.

Музыкант помрачнел.

— Если мы будем вместе, то, можешь быть уверен, вместе и умрем. — Его пальцы сдавили плечо Станаха. — Пусть уж хоть один из нас доберется до Старой Горы. Нам надо расстаться... Эти леса, конечно, не таинственные леса Квалинести, но ведь и ты не лесной житель, так что смотри не заблудись. Не попадайся на глаза эльфийской страже или магам — пропадешь: Найди Меч Бури. Сделай все, что сможешь, чтобы найти его! И, получив его, — сразу уходи.

Тейварцы медленно, но не останавливаясь, охватывали их полукругом. Ветер поднимал пыль из-под ног тейварцев, и издали казалось, что они идут по воздуху.

— Ну а ты? — спросил Станах.

Музыкант лениво улыбнулся:

— У меня сейчас есть силы для одного заклинания. А может, и больше, чем для одного. Оставь меня, Станах.

Один из преследователей вдруг засмеялся высоким, завывающим голосом.

— И их тоже оставь мне. Я устрою им неплохую охоту, а потом они меня вовсе потеряют из виду. Я думаю, ты недолго будешь искать Меч, поэтому я буду ждать тебя здесь через два или три дня. Ты и не заметишь, как мы снова очумимся в Торбардине.

— Ну да, — сказал Станах, скривив гримасу, — будем в Торбардине, и, конечно, на крыльях еще одного из твоих заклинаний. В таком полете трясет так, что только и делаешь, что высматриваешь место, где тебя вывернет наизнанку.

Музыкант пожал плечами:

— Все же лучше, чем пешком.

Станаха не надо было уговаривать.

— Жди меня здесь. Если я один не сумею быстро найти Меч, потом будем искать вместе. Дай мне на поиски пять дней. Если я не вернусь, поступай так, как сам сочтешь нужным. — Он в последний раз взглянул на тело Киана и на кровь на дороге. — Счастливо тебе, Музыкант.

— Ну счастливо и тебе, Станах. И что бы ни случилось — делай то, что должен делать. А теперь иди.

Станах нырнул в тень деревьев. Пройдя немного по лесу, он услышал: тейварцы громко проклинают всех богов — и повернулся назад взглянуть, что, собственно, происходит.

Подобная густому дыму, плотная черная туча воронкой опускалась с неба. Странное шуршание и резкий неприятный визг наполняли воздух, словно летела огромная стая летучих мышей. Туча, вызванная Мзыкантом, спускалась по склону ближайшего к Станаху холма, затмевая свет, смердя и громыхая.

Станах про себя от души поблагодарил мага за столь удачную выдумку и пошел на север.

Густое зловоние пожарищ стояло в разоренной войной долине. Станах слышал о войне от Киана и от его сослуживцев по патрульной службе — они охраняли западные границы гномских владений — и полагал, что более или менее верно представляет, что ждет его во Внешних Землях. Но оказалось, он и вообразить не мог того, что открылось ему в действительности. Когда-то — совсем недавно! — эту долину можно было образно назвать рогом изобилия, однако теперь она не смогла бы прокормить даже и стайку воробьев. Мзыкант сказал: город находится на севере долины, почти у самых гор. И почти вся долина до самого города была выжжена.

Багровый свет заходящего солнца заливал обезображеные поля, лишь редко-редко виднелись золотистые ленточки нетронутых огнем посевов. Обугленные ветви ив, росших по берегам реки, тянулись к небу; словно пальцы скелетов.

Здесь пролетали драконы.

Из долины донесся грубый пьяный хохот и эхом отразился от склонов гор. «Грабители», — подумал Станах. Значит, не все еще выгорело. Долина была отдана солдатам армии драконов на окончательное разграбление.

Две недели назад войска Повелителя Вермина-арда захватили лежащий в Харолисовых горах город Пакс Таркас. Армии Такхизис вторглись в Абанасинию. Мудрецы Торбардина понимали: война пришла в Абанасинию потому, что люди стали поклоняться новым богам, а эльфы почему-то неожиданно ушли из нее. Теперь люди похищали плоды ими же самими вызванных бурь, сметавших все на своем пути и уносивших их жизни.

«Впрочем, все это не мое дело», — думал Станах. Его делом было найти в городе Меч, а до города было еще часа два ходьбы. Если он не хочет, чтобы его схватили мародеры, ему следует идти как можно быстрее.

Да и вообще, он сам был рад как можно скорее уйти отсюда. Ветер дул ему в спину, облегчая ходьбу, и завывал в опустошенных полях голосами неведомых призраков.

Музыкант тихо, как привидение, лежал на земле между корней поваленных ветром деревьев. Тейварцы шумели, словно бегущее стадо. Под их обутыми в тяжелые сапоги ногами громко трещали обгоревшие ветки, сухо шелестели опавшие листья.

Укрывшись в лесу, Музыкант с сожалением признался себе: у него не хватит сил для заклинания, делающего его невидимым. Но сейчас, услышав вопли тейварца, споткнувшегося о камень, он улыбнулся. Да самый последний осел — и тот смог бы обвести этих дурней вокруг пальца!

Он еще довольно долго слышал, как они бродили среди деревьев, окликая друг друга и осыпая проклятьями густой подлесок. В общем, поднятими были такой шум, что они распугали всех оленей, кроликов и даже белок, наверное, на несколько миль вокруг. Устав блуждать по лесу, тейварцы повернули на север, в ту сторону, куда ушел Станах. Если эта четверка всю дорогу будет идти столь же медленно, как и сейчас, Станах окажется в Старой Горе раньше, чем они дойдут до долины. Значит, у Станаха не менее двух часов в запасе. Музыкант сел, осмотрелся — вокруг никого.

«Два часа, — думал Музыкант, — это не так уж и мало для мага, который без какого-либо заклинания сумел сделать себя невидимым». Он улыбнулся и, встав, сбросил свой красный балахон. Затем взглянул на небо — до захода солнца около часа. Достаточно, чтобы позаботиться о Киане.. Музыкант подошел к мертвым гномам, все еще лежавшим на дороге. Полдюжины черных ворон прокричали ему что-то, похожее на ругательство, и медленно взлетели. Одна из ворон, сидевшая на плече мертвого тейварца, подняла голову и внимательно посмотрела на незваного

гостя; казалось, она хотела сказать: «Я вижу тебя сейчас, я запомнила тебя и когда-нибудь увижу снова...»

Музыкант бросил в птицу камнем, и она, закаркав, улетела. Теперь он взялся за работу. Сначала оттащил трупы трех тейварцев подальше от дороги, в тень деревьев. Затем занялся погребением Киана.

Да, для Киана необходимо было построить пирамиду. Музыкант снова взглянул на солнце и решил: ему следует вручить дух гнома Реорксу в тот момент, когда солнце последним лучом заката окрасит камни пирамиды в красный цвет.

— Ну вот, — сказал он мертвому, складывая камни, — ты не останешься без погребения, Кianne, друг мой. Когда в Торбардине узнают о твоей смерти, Король-регент будет носить по тебе траур.

Работая, маг напряженно размышлял. Слуги Рилгара были здесь, в засаде, уже тогда, когда Киан, Станах и он сам еще только готовились перенестись сюда. Они убили Киана, появившегося здесь первым, и отошли за холмы, не зная, сколько еще хайларцев появится на дороге. Так что же это — неудача самого Музыканта или же случайная удача тейварцев?

Музыкант воздвиг из камней пирамиду, подошел к Киану и сел возле него. Солнце висело над самым горизонтом, дорога на север была уже темна.

Маг аккуратно поправил на Киане кожаную куртку, надетую поверх кольчуги, не сумевшей

защитить хозяина от арбалетной стрелы. «Возможно, — думал маг, поднимая тело друга и укладывая его в пирамиду, — Рилгар заранее устроил засаду на этой дороге потому, что у него уже есть кто-то в Старой Горе. Значит, этот „кто-то“, или эти „кто-то“, уже ищет Меч Бури. И они либо снова придут сюда, либо каким-то другим образом попытаются помешать хайларцам проникнуть в город».

Он аккуратно заложил камнями вход в пирамиду. Теперь нужно дождаться, когда на камни упадет последний луч солнца.

— Пусть это станет отражением света из горна Реоркса, — тихо прошептал Мзыкант. — Прощай, Киан Красный Топор.

Он положил руку на флейту, висящую у него на поясе; нежные, печальные звуки зазвучали в душе мага. Мзыкант склонил голову. Увы, погребальная песнь Киану останется неспетой вслух: звуки флейты в тихом ночном воздухе были бы слышны слишком далеко.

Ночь уже опустилась в долину. Маг уселся на траве поудобнее, прислонившись спиной к могиле Киана. Он смотрел на загоревшиеся ранние звезды, затем взглянул туда, где скоро должны были взойти две луны — красная и серебристая. Теперь надо только ждать, как он и обещал Станаху.

Маг вздохнул. «Станах не воин и не маг, — думал он, — но он поклялся возвратить Меч в Торбардин, и он будет верен своей клятве, чего бы это ему ни стоило. Может быть, попытаться

установить с ним мысленную связь? Нет, не получится: мысли плохо передаются во тьме. Если Станах найдет Королевский Меч сегодня ночью, завтра он будет уже здесь».

«Если вы договариваетесь о месте встречи, — сказал однажды Киан, — никогда не меняйте его, ибо иначе вам придется дней пять гоняться за своими друзьями, а они все эти дни будут где-то поблизости тоже искать вас».

Глава 4

о нападения на город красного дракона теология жителей Старой Горы почти не занимала. В городе преспокойно ужива-лись приверженцы и старых, и новых богов, а также и сторонники наиболее распространенной религии — религии полного безразличия ко всем и всяческим богам. Высокие Искатели не были религиозны-ми фанатиками и были убеждены, что старые боги, которых некоторые называли истинными богами, вполне удовлетворены подобной веро-терпимостью. В некоторых других городах сто-ронники разных религий то и дело рубили голо-вы своим оппонентам, однако в Старой Горе, где всем жилось хорошо, ни разу не вспыхнули религиозные распри.

В Старой Горе жители всегда были сытыми: по берегам протекавшей в долине реки было создано много ферм, в лесах было много зве-рей и птиц, и поэтому жители Старой Горы никогда не подвергали сомнению старинное высказывание: «Голодный пойдет воевать, но сытый будет с улыбкой ждать новой трапезы». Когда расположенный к северу от Старой Горы город Утеха был разрушен завоевателя-

ми, жителям Старой Горы следовало бы призадуматься и почаше поглядывать на небо, но они предпочли просто не думать о возможной беде.

И вот когда закованный в красную броню Верминаард, одержавший легкую победу над Утхой, пришел к стенам Старой Горы, то захватил город всего-навсего за один день. Верминаарду для победы оказалось достаточно одного темно-красного дракона по кличке Янтарь и солдат, от которых еще несло дымом сожженных в Утхе домов.

Пока армия Верминаарда штурмовала город, он со своим красным драконом Янтарем выжигал в долине фермы и поля: Когда цветущие фермы превратились в обгоревшие пустоши, солдаты уже вошли в город и начали сжимать кольцо вокруг центра, подобно банде мучителей, медленно стягивающих веревку на горле жертвы.

Повелитель позволил своим солдатам вдоволь утолить жажду крови. Затем, когда половина города была разрушена, а большая часть его жителей убита или отправлена в рабство на шахты Пакс Таркаса, Верминаард приказал прекратить грабежи, насилия и убийства. Командиром гарнизона Старой Горы он назначил капитана Потрошителя — молодого, стройного, темноволосого человека — и разрешил тому поступать с еще оставшимися в живых горожанами как только ему заблагорассудится. Внешностью Потрошитель почему-то напоминал всем, кто его

видел, росомаху, хотя такое сравнение было явной несправедливостью по отношению к зверю.

Теперь хозяевами на городских улицах были вечно пьяные солдаты Верминаарда: люди, омерзительные дракониды и даже гоблины. Грубые, жестокие и жадные победители забирали у жителей Старой Горы все, что хотели и когда хотели, а при малейшей попытке протеста убивали любого. Больше всего они походили на волков в овечьем загоне.

По всему Кринну уже шли споры о причинах войны. Эльфы упрекали во всем людей, а скрытые в своем горном Торбардине гномы винили во всех грехах — прошлых и настоящих — и людей, и эльфов.

А люди в Старой Горе, занятой армией Верминаарда, просто пытались выжить в непривычных для них тяжелых условиях.

Когда рабы на шахтах Пакс Таркаса восстали и бежали в горы, Верминаард оставил править в городе Потрошителя, а сам выехал из Старой Горы: она ему была уже не интересна.

Да, оставшиеся в живых горожане наконец-то стали понимать, что им следовало бы более серьезно относиться к тому, что происходит вокруг них на земле и над их головами в небе.

Таверна называлась просто «У Тенни» и считалась «свободной», насколько это вообще возможно в оккупированном городе. Офицеры-

дракониды заходили сюда редко, а простым солдатам Потрошитель вообще запретил посещать заведение Тенни; но зато шпионы Потрошителя бывали здесь часто — потому-то он и предоставил таверне «свободу».

Тьорл смотрел на Хаука поверх наполненной элем кружки. Хаук был из его компании бродяг — «Компании Ночной Кошмар», как называл ее сам Тьорл, молодой, смелый, лютой ненавистью ненавидевший драконидов вообще и Верминаарда лично. Каждый в компании Тьорла потерял за время войны друзей или родственников. Родная деревня Хаука была сожжена, его отец убит драконидами. Родственники самого Тьорла были в безопасности — в Квалинести, но он потерял много друзей и родину. Хаук и Тьорл были людьми Финна.

Люди Финна рыскали вдоль границы между Квалинести и Харолисовыми горами и уничтожали встречавшиеся им патрули драконидов.

Финн послал Хаука и Тьорла в таверну Тенни выяснить что-либо о планируемых Потрошителем ближайших маршрутах его патрулей.

Тьорл уже узнал о том, что патрули посланы к подножию Харолисовых гор. Долго держать такое в секрете не удается, ведь Повелитель должен заботиться о снабжении своих отрядов. Верминаард, все еще пребывавший в ярости из-за бегства восьмисот рабов, задумал начать военные действия на юге и на востоке. Он хотел также захватить и Торбардин и планировал сделать это еще до наступления зимы.

Финн, наверное, просто дар речи потеряет, когда узнает о планах Верминаарда и особенно о нападении на Торбардин. Финн постоянно сыпал проклятия на головы гномов, которые отправляли группы, подобные его отряду, рыскать вдоль границ Торбардина, но в войну вступать отнюдь не желали. Впрочем, сам Финн не давал покоя солдатам Повелителя, где бы он их ни встретил.

Хаук вынул из ножен свой меч и положил его на стол рядом с ножом. Отблеск огня сверкнул на лезвии меча, отразился на золотой рукояти, в украшающих ее сапфирах, в серебряных оправах камней. Темно-красное сияние клинка, казалось, было живым сердцем стали. Четверо, что вышивали и играли в ножи за соседним столом, тотчас замолчали.

Тьюрл постарался изобразить на лице улыбку.

— Это прекрасный меч, — сказал самый высокий из четверых, он потер кулаком подбородок и поскреб небритую по меньшей мере неделю щетину, затем поднял кружку с элем. Эль выплеснулся из кружки на руку.

Кивнув, Хаук взглянул на меч, запрокинул голову, как если бы он только сейчас увидел, что меч действительно хорош. Потом улыбнулся, весело и открыто:

— Да, действительно меч отличный. Вполне годится, чтобы на него можно было поставить, а, Кив?

Его приятели уткнули носы в кружки с видом людей, не желающих явно проявлять интерес к

тому, что их очень и очень заинтересовало. Эти сапфиры просто чудо какое-то!

Кив отвел взгляд от меча и посмотрел на Тьорла.

Эльф только пожал плечами.

— Это сго меч. Я думаю, он поставит на него, если сам захочет.

Кив ухмыльнулся и, размазывая грязь, вытер о штаны мокрую от эля руку.

— Хорошо же! — Он повернулся к Хауку. — Но раз так, щенок, мишень выбираю я. Промахнешься — меч мой.

Хаук положил руки на стол и улыбнулся обезоруживающе простодушно. Никто, кроме Тьорла, не заметил холода в его глазах.

Вздохнув, Тьорл взял свою кружку и уселся напротив стены. Он знал Хаука уже три года. За это время он успел понять, что может надеяться на Хаука, как на самого себя; если нужно, Хаук всегда придет Тьорлу на помощь. Но он также знал: нельзя мешать Хауку, когда его глаза превращаются в льдинки.

И Тьорл, и Хаук много раз, когда им нечем было заплатить за ломоть хлеба и кусок мяса, играли в ножи на обед и на эль. Хаук любил похвастаться, что мог бы их обоих прокормить только своей меткостью. Он всегда очень точно бросал нож, но Тьорл чувствовал, что сегодня дело не в выигрыше. — Хаук задумал играть в какую-то другую игру.

Да, конечно, сегодня ставкой не могли быть еда или питье.

В кошельке Кива позывкало несколько монет, однако он хорошо знал, что если он хочет есть и завтра, то сегодня он должен выиграть, а не проиграть.

— Меч,— громыхнул Кив,— меч! Против чего?

— Это ты сам скажешь.

Стул под Кивом заскрипел.

— В кошельках моих друзей что-нибудь да найдется.

Тroe его приятелей почувствовали себя неуютно. Один из них стал было возражать, но Кив, взглянув снова на меч, указал им на золото, серебро и драгоценные камни, украшавшие оружие. Все замолчали; в черных глазах Кива огнем полыхала жадность.

Хаук фыркнул:

— А вправду ли хоть что-нибудь есть в этих кошельках?

Кив щелкнул пальцами — три кошелька тотчас тяжело шлепнулись на стол.

Да, кошельки были полны.

Эльф снова улыбнулся. Деньги в кошельках, конечно, не составляли и сотой доли стоимости меча. Но разве Хаук когда-нибудь промахивался?! На дальней стене зала кто-то давным-давно серой краской нарисовал силуэт человека, красивым вином обозначив сердце. Из двух дюжин отметин на сердце пять были сделаны ножом Хаука.

Вокруг них уже собирались зеваки. Сидевшие за соседним столом четыре горожанина наподняли у барменши свои кружки и сдвинули стулья

так, чтобы было лучше видно. Остальные посетители, наблюдая за происходящим, заключали пари и обсуждали ставки игроков.

Через длинный зал прошли два гнома в темных одеждах. Тьорл взглянул на них безо всякого интереса и про себя отметил только, что эти двое, занятые беседой, ни на что не обращают внимания.

Барменша, поставив поднос на стойку, тонкая и стройная, грациозно покачиваясь, прошла между столиков; она улыбнулась хозяину таверны и легко отстранилась от его раскрытых для объятия рук. Ее волосы цвета чистой меди были сплетены в две толстые длинные косы.

«Какая хорошенькая», — подумал Тьорл.

Кив также взглянул на девушку, уселся плотнее на стуле и слегка прикрыл глаза.

— Мишень у девчонки, — тихо сказал он.

Хаук изобразил недоумение и почесал бороду.

— Он имеет в виду поднос, а, Тьорл?

На мгновение у Тьорла мелькнула мысль, что Кив имеет в виду вовсе не поднос. Он отпил из кружки и поставил ее на стол. Посмотрел на девушку, идущую к стойке бара, потом перевел взгляд на нож Хаука.

— Ну, разумеется, он подразумевает поднос. — Тьорл вынул из ножен свой нож: — Не так ли, Кив?

— Конечно. Ее поднос. Точно в центр: Иначе будет считаться промахом.

Один из приятелей Кива нервно засмеялся:

— Без отметки, куда должен попасть нож?

Правой рукой Тьорл сжимал свой нож. Кив открыл глаза, посмотрел на меч и ухмыльнулся.

— Никаких отметок, — подчеркнуто жестко произнес он.

В зале стало тихо, слышались только легкие шаги идущей к стойке девушки. Все боялись пошевелиться и, казалось, даже дышать. Почувствовав, что она в центре внимания, барменша медленно повернула в руках круглый деревянный поднос.

Хаук, голубые глаза которого стали твердыми, как сапфиры в рукояти меча, взял нож в руку. Тьорл почти слышал его мысли: «Скверное условие! Но пути назад уже нет».

Тьорл про себя выругался. Все еще держа нож в правой руке, он левой схватил пустую кружку, стоявшую рядом.

— Девушка, пригнись!

Эльф резким движением бросил кружку.

Зеленые глаза барменши испуганно расширились; она, отражая летящую кружку, быстро подняла поднос над головой. В тот же момент нож Хаука, сверкнув серебром, разрезал воздух.

Сталь ударила в дерево, кто-то вскрикнул; девушка покраснела, а затем со всхлипом вздохнула. Этот вздох долго висел в воздухе и наконец пропал, утонул в шуме восклицаний. Один из зрителей, опрокинув свой стул, бросился к медленно опускающейся на пол барменше. Она была в обмороке.

Поднос положили на пол. Нож Хаука торчал точно в его центре.

Один из сидевших в дальнем углу гномов, одноглазый, с узким лицом, поднялся из-за стола и вышел из зала. Холодный свежий ветерок ворвался в таверну, закружился было голубоватым туманом, но, когда дверь закрылась, тотчас присмирел.

Тьорл увидел: его друг, побледневшее лицо которого в обрамлении черной бороды казалось совсем бледным, наклонился и убрал меч в ножны.

— Точно в центре, Кив.

Кив снова закрыл глаза, даже не взглянув на поднос. Затем медленно вытер капли пота с лица.

Тьорл смахнул со стола себе в карман три кошелька.

— Иди извинись перед девушкой, Хаук. Теперь-то наши друзья оставят нас в покое.

Кив покачал головой.

— А мне уже некуда сейчас идти.

— Где-нибудь да найдешь себе место.— Тьорл большим пальцем правой руки провел по рукоятке ножа.— Ты уже достаточно выпил сегодня, и в ножи ты уже сыграл; все равно в твоем кошельке ничего нет.

Кив перевел взгляд с ножа Тьорла на руку Хаука, лежавшую на рукояти вложенного в ножны меча. Он готов был начать драку, но его друзья не захотели связываться с Хауком и Тьорлом.

— Пойдем,— сказал один из них мрачно.— Ты проиграл наши деньги, Кив, оставь нам хотя бы головы, а?

Кив облизал губы и осторожно почесал бороду.

— Я думаю, здесь было какое-то мошенничество. Наверняка твоя работа, эльф.

— Нет, — просто ответил Тьорл.

Сапфиры блестели на мече Хаука, словно холодные голубые глаза.

Кив двинулось было к Хауку, но рука его товарища легла на плечо драчуна.

— Плюнь ты на все это, Кив, пойдем отсюда.

Тьорл улыбнулся.

Кив отпихнулся стоявший перед ним стул и вышел из таверны. Хаук разжал пальцы, сжимавшие рукоять меча, и пошел через зал вытащить из подноса свой нож.

Гомон в общем зале то затихал, то вновь усиливался. Тьорл снова уселся у стены. Теперь надо было поскорее уходить из города.

Запах пролитого эля смешивался с вонью тряпок, валявшихся под стойкой бара. Сидевшая на стуле Кельда стиснула зубы, с трудом проглотила комок в горле. Она закрыла глаза и снова увидела сверкающее лезвие летящего ножа. Она услышала стон и вдруг осознала: это ее собственный стон. Ее только что чуть не убили! Шум в зале затихал. Тенни, хозяин таверны, что-то сказал мальчишке-уборщику. В чью-то кружку полилась из бочонка струя эля.

Кельда работала в таверне всего две недели, но уже усвоила: нужно сторониться ножей, если они не в ножнах. Тенни не видел ничего особенного в том, что посетители таверны тешат себя

игрой в ножи, так же как не увидел ничего из ряда вон выходящего в том, что несколько мгновений назад его помощница сама стала, можно сказать, мишенью.

Наконец она пришла в себя полностью. Кто-то сел рядом, брызнул ей в лицо водой. Обернувшись, она увидела молодого человека — того человека, что метнул в нее нож.

У него на поясе в ножнах был меч. Лицо обветренное, загоревшее; он упал на колени рядом с ней, и Кельда увидела: все лицо его в испарине.

— Прости меня, — сказал он хриплым голосом.

— Но ведь ты рисковал моей жизнью, — ответила она.

Он кивнул:

— Да.

Когда он протянул к ней руку — большую, тяжелую, мозолистую, — Кельда отшатнулась. Он был похож на медведя — приземистый, широкогрудый, с черной бородой. И голубоглазый. Она посмотрела на него, внезапно встревожилась: он заслонял дверь, и она не видела, что творится в общем зале таверны; будто почувствовав это, парень встал, отошел в сторону:

— Прости меня, — повторил он хрипло.

Кельда прислонилась к двери.

— Оставь же меня, наконец, в покое!

— Вот все и прошло. — Он улыбнулся, губы его слегка дрожали: — Я виноват, что метнул нож в твой поднос:

Кельда вдруг резко повернулась к нему, руки ее сами сжались в кулаки.

— Ты бы так же извинился, если бы я уже была мертва?

Он стоял не двигаясь.

— Но я не промахнулся!

— Но ты рисковал моей жизнью!

Вспыхнув от ярости, она вдруг бросилась на него, стала царапаться; по его щекам потекла кровь. Своими большими руками он схватил ее за запястья, отодвинул ее руки подальше от своего лица. И тогда она плюнула ему в глаза.

Он перехватил одной рукой оба ее запястья, свободной рукой вытер лицо, затем вынул меч из ножен. Кельда совсем близко от своих глаз увидела его голубые глаза. Он выпустил ее руки.

— Я еще раз прошу простить меня. Я действительно рисковал твоей жизнью. — Он держал меч обеими руками, как при жертвоприношении; в темной кладовке сапфиры на рукояти мерцали тускло, а клинок отливал кроваво-красным светом.

Кельда испуганно отпрянула.

— Возьми его.

— Я? Нет! Нет, не хочу, мне он не нужен.

— Это мой тебе подарок. — Он ободряюще улыбнулся. — Он был сегодня ставкой в игре. Меч твой: он честно выигран с опасностью для жизни. Для твоей жизни.

— Ты пьян.

Он повернул к ней голову:

— Пьян? Ну разве что немного. Но пьяный или трезвый — я дарю тебе этот меч.

От растерянности она не могла и руку протянуть к оружию, и он положил меч на пол к её ногам; затем отстегнул от пояса кожаные ножны и положил их рядом с мечом. Не сказав больше ни слова, повернулся и ушел.

Кельда долго смотрела на драгоценные камни, золото и сталь, затем очень осторожно, как будто это был не мертвый металл, а живая змея, обошла меч и вышла в пропахший элем и потом общий зал.

Молодой человек уже ушел из таверны. Его товарищ, эльф, уютно устроившийся у стены, внимательно посмотрел на Кельду и поднял свою кружку в молчаливом приветствии. Кельда отвела глаза.

Сидевшие за ближайшим к эльфу столом горожане поднялись и вышли — в зал вновь ворвался свежий ветер. За освободившийся стол тут же сел бородатый гном, бросил на пол сумку, снял перевязь с ножнами и положил на стол поближе к себе; затем знаком потребовал кружку эля. Кельда встала за стойку.

Пригавившийся около таверны Тенни одноглазый гном был изгоем — он был лишен клана. Он жил в Тейваре, а для всех тейварцев, и прежде всего для гномов Торбардина, гном, лишившийся клана, — это просто пустое место, нечто еще менее значимое, нежели привидение, и, встречаясь

с ним, все смотрели на него так, словно вообще не видят его. Без особой необходимости с ним не заговаривали даже его сотоварищи, другие телохранители Рилгара; для них он как бы вовсе не существовал.

Никто не знал, за что этот гном лишился клана, все только строили догадки.

Некоторые полагали, что когда-то он не выполнил какой-то приказ тана, другие — что он в каком-то деле стал действовать исключительно в собственных интересах. Но в чем на самом деле заключалось преступление одноглазого гнома — Рилгар держал это в тайне.

В жилах одноглазого текла кровь магов, и хотя он и не прошел полного курса обучения, но все же знал многое и умел произносить несложные заклинания, и, когда было нужно, Рилгар мог видеть и слышать то, что видит и слышит одноглазый, а его голосом передавать свои приказания.

Одноглазого гнома звали Агус. Среди тейварцев он был известен как Серый Вестник. По Тор-Бардину ходили слухи: Серый Вестник может, ласково улыбаясь в глаза жертве, спокойно перерезать горло кому угодно.

Агус ожидал Хаука в густой тени проулка между таверной и конюшней. А у примыкавшего к конюшне выгона, рядом с кузницей, стоял напарник Серого Вестника Руел.

На улице появились два солдата драконовской армии, покачиваясь, они шли в сторону казарм.

«Они пьяны, — решил Серый Вестник, — и им не до меня».

Из конюшни послышались цокот копыт лошади, которую заводили в стойло, и громкая ругань конюха, потом лошадь заржала.

Дверь таверны открылась, на улицу вырвались свет и шум, но дверь захлопнулась, и опять стало темно и тихо. Серый Вестник с кинжалом в руке стоял у стены конюшни. Шаги, глухие и медленные, приближались. В дальней части проулка возник силуэт Руела.

Серый Вестник пригладил короткую бороду и выглянул на улицу. Опустив голову, задумавшись о чем-то, Хаук шел в его сторону. Серый Вестник ухмыльнулся, быстро взмахнул правой рукой и прошептал какое-то заклинание.

Хаук остановился у поворота в проулок, вскинул голову, будто услышав, что кто-то зовет его по имени. Он оглянулся, но никого не увидел — улица была пуста. Он слышал только глухой шум, доносившийся из таверны. Одноглазый снова взмахнул рукой, сделав какой-то более замысловатый, чем в первый раз, жест.

Полагая, что он продолжает идти по улице, Хаук свернул в проулок и тотчас упал, сраженный действием сонного заклинания. Серый Вестник ухмыльнулся: Хаук вряд ли когда-нибудь сможет вспомнить, как и почему он упал на землю.

Кельда перевернула последний стул вверх ножками и бросила половую тряпку в деревянную кадушку с водой. Посетителей в таверне уже

не было, настало время уборки. Слышалась негромкая ругань Тенни, выкатывающего на улицу пустые бочки из-под эля. Тыльной стороной руки Кельда поправила волосы, выбившиеся из-под стягивающей голову ленточки. Сегодня она устала больше, чем когда-либо. Ноги гудели, руки болели от тяжелых подносов, заставленных наполненными элем кружками. До такой степени она не уставала даже в деревне во время уборки урожая.

В горле у нее пересохло. Горькие слезы сами собой брызнули из глаз. В этом году в ее родной деревне уборки урожая не будет, как не будет и самого урожая. Не будет и в следующем году. Недавно кто-то из посетителей мрачно сказал: «В долину пришла чума. Чума, принесенная драконами».

«Нет, — думала сейчас Кельда, — не драконами, всего одним драконом, — и одного было вполне достаточно». Она снова вспомнила, как дракон безжалостно уничтожил в долине все живое, и вздрогнула.

Услышав звук открывающейся двери, Кельда обернулась, она решила: пришел какой-то припозднившийся постоялец гостиницы, что была над таверной. Однако это пришел друг того странного молодого человека, что метнул сегодня нож в ее поднос. Эльф увидел, что она пытается поднять кадушку с водой, быстро пересек зал и взял кадушку из ее рук:

— Дай-ка мне, — сказал он, — куда ее поставить?

Кельда показала на длинный помост:

— Спасибо тебе.

Она снова принялась за мытье.

Облокотясь на стойку, эльф смотрел, как Кельда работает.

— Бар закрыт, — сказала она, не поднимая глаз.

— Я знаю. Я не ищу, где можно что-нибудь выпить, я ишу, где Хаук.

— Кто?

— Хаук. — Тьорл слегка улыбнулся и махнул рукой, как бы бросая нож. — Ты с ним разговаривала сегодня вечером. А потом ты его больше не видела?

— Нет. — Кельда отмывала липкое винное пятно на полу.

— Похоже, ты и видеть-то его больше не хотела бы...

Она быстро взглянула на эльфа. Хаук ступал твердо, как медведь, а движения его друга были быстры и легки, как у оленя. Кельда не могла даже и приблизительно сказать, сколько ему лет, — не так уж и часто встречалась она с эльфами.

Кельда спросила, как его зовут, и он ответил коротко:

— Тьорл.

— Твой друг, поговорив со мной, тотчас ушел из таверны.

— И он не вернулся за мечом?

— Он отдал его мне.

— Ну да, конечно. Когда Хаук выпьет лишнего, от него можно ожидать всего, чего угодно.

Кельда вдруг подумала: «Столь красивый меч вполне мог принадлежать кому-нибудь из вождей эльфов».

— Этот меч, он твой? Хаук сказал мне, что он поставил на него. Но...

— Нет, это его меч, не беспокойся. Он — меченосец. А я — лучник. Если мне и нужно еще какое-нибудь оружие, то только нож. — Тьорл улыбнулся. — Это я учил Хаука метать ножи.

— За этот меч можно купить полгорода.

— За него можно купить и весь город или даже два таких, как этот. Так, значит, Хаук не вернулся за мечом?

— Нет. Меч у меня.

Когда Хаук ушел, Кельда унесла меч в кладовку, завернула в мешок из-под муки и спрятала его между бочками старого вина. Это было лучшее вино Тенни, и никто, кроме него, не имел права прикасаться к этим бочкам; а сам Тенни сегодня ночью к ним наверняка не прикоснется.

Она весь вечер думала о мече, о золоте и сапфирах на его рукояти. Может быть, она и хотела бы продать меч, а потом уйти из города... Но куда ей было идти?

— Отдать меч тебе?

Тьорл задумался:

— Ты действительно хочешь отдать его мне?

— А что с ним делать?

— Продай кому-нибудь.

Кельда покачала головой:

— И что потом?

— Не знаю. Уйдешь отсюда.

— Некуда мне идти. Моя семья... Все мои родные убиты. Кто же отважится ныне ходить один по стране? И мне, конечно, не следует этого делать, особенно если вместо меча у меня будут деньги.— Она посмотрела на него в упор.— Кроме того, это меч твоего друга. Почему ты хочешь, чтобы я продала его?

— И вовсе я этого не хочу. Я только удивляюсь, почему *ты* не хочешь его продать. Ну да ладно, не будем об этом. Рано или поздно, но Хаук придет за ним.

Кельда вернулась к своей работе.

— Я ведь уже сказала: он отдал меч мне.

Тьорл, не споря, кивнул.

— Конечно. Но ты имеешь право на маленькую месть моему другу Хауку.— Он засмеялся и отошел от бара.— Не отдавай ему меч так просто, леди. Заставь его немного попотеть за это, а?

Кельда ничего не ответила, она глядела, как Тьорл выходит из зала, потом услышала, как он идет по лестнице, ведущей в комнаты на втором этаже. Зашла в кладовку, достала меч, поплотней завернула его в старую мешковину и отнесла в свою холодную, продуваемую всеми ветрами мансарду. Там она села на покрытую шерстяным одеялом кучу соломы, служившую ей постелью, развернула мешковину, вынула меч из ножен и немного полюбовалась золотом и серебром, сапфирами и сталью.

И Хаук рискнул, играя в нож, поставить на этот меч?! Он что, сошел с ума или был пьян?

В кожаных охотничих брюках, в высоких сапогах, он был похож на бродягу. А его голос... да таким голосом удачливому охотнику кричать или уверенному в себе дуэлянту бросать вызов! Обладателю такого голоса должно казаться унизительным просить прощение... Вдруг она поймала себя на мысли: она хотела бы, чтобы Хаук поскорее, завтра утром, пришел за мечом.

И тут же она вспомнила, что должна бы сердиться на него. «Маленькая месть», — сказал эльф. Кельда улыбнулась. Она решила, что и вправду имеет право на маленькую месть.

Глава 5

крашенные кровью камни отмечали путь восьмисот беглых рабов, донельзя измученных, шатающихся, израненных людей. Многие падали от изнеможения; некоторые, отлежавшись, поднимались сами, другим помогали подняться на ноги их товарищи. Третья, упав, умирали.

Впереди шли мужчины, за ними — женщины с младенцами на руках, старших детей, чтобы не потерялись, они привязывали веревкой к поясу. Голодные, все время голодные, они смотрели по сторонам — искали хоть чего-нибудь съедобного. Но отыскать съедобное в этих местах было невозможно. Ничто здесь не росло, никакая дичь не водилась.

Голодные... Все они были голодны донельзя.

Холмы вставали перед ними. Это были Кровавые Холмы — красный цвет точно соответствовал их названию; бесплодные нагромождения покрытых пылью камней. Вода в этих местах была солоноватой и затхлой. Никто не останавливался у ручьев и озер, чтобы наполнить фляжки и попытаться, напившись, водой заглушить голод.

Лишь немногие из беглецов задумывались: а почему, собственно, Торбардин должен представить им убежище? Вообще, мало кто был еще в силах думать, и уж вовсе ни один из них не представлял себе, что с ними будет, если гномы откажут им в приюте.

— Мы заставим их слушать нас, — сказал Танис.

И эти слова придавали людям силы идти — людям, которым некуда было идти.

— Ну, хватит! Довольно! — Голос Гнейсса прорезал тираду Ранса, как луч света рассекает темноту ночи. Стены Большого зала были сплошь увешаны сотканными из цветных сверкающих нитей гобеленами, изображающими эпизоды гномской истории. Однако даже гобелены не уменьшили силы голоса Гнейсса.

В Зале Совета танов постоянно гремели громкие словесные баталии, и сегодня здесь все было как всегда. Пламя укрепленных в серебряных подставках светильников трепетало, как при сильном ветре. Тени метались по стенам и колоннам, исчезали в густом мраке сводчатого потолка. Но вот шесть гномских вождей, собравшихся в Зале Совета танов, наконец замолчали.

Хорнфел, тан Хайлара, потомок Верховных Королей, терпеливо ждал, когда шум уляжется. Рилгар — маг племени *дерро*, с черными глазами и черной душой, тан Тейвара и интриган-убийца — смотрел на Гнейсса не мигая, как змея на

кролика. Ранс, союзник Рилгара, всегда неуравновешенный и злой, стоял, задыхаясь от ярости и потеряв дар речи; он ждал, когда его приступ неистовства пройдет и он сможет снова говорить. Туфа расчесывал пальцами свою красную бороду, обдумывая, как себя вести, чтобы никого не поддерживая, никого и не оскорбить: он всегда говорил и действовал, взвесив все «за» и «против». Овражный гном Блаф, не обращая внимания ни на грубые, оскорбительные выкрики Ранса, ни на резкую отповедь Гнейсса, уснул и сейчас уже слегка похрапывал.

Ранс, тан Дергара, сжал кулаки и выставил вперед каменный подбородок. Уж кого-кого, а его было трудно заставить замолчать.

— Нет, это уж слишком! Вы говорите: восемь сотен? — Как хороший актер, он понизил голос. — Я говорю: нет. Неужели мы будем давать приют каждому бездельнику и бродяге, нашедшему путь к нашим воротам?! Нет. — Он презрительно фыркнул. — А в следующий раз вы еще скажете: пусть приходят к нам гномы холмов.

Все посмотрели на Гнейсса, сейчас пока еще молчавшего. Гнейсс был серъезен, хотя ему и хотелось улыбнуться. Он мельком взглянул на Туфу, тана Клара и вождя единственного клана гномов холмов, обитающего в Торбардине. Презрительная реплика Ранса о гномах холмов, даром ему не обойдется. Взгляд карих глаз Туфы, обычно ласковый и добрый, сейчас стал жестким.

«Ага, — подумал Гнейсс, — этот уже на стороне Хорнфела».

Хорнфел тоже понял это и улыбнулся. «Ну, ну, — подумал Гнейсс, — разулыбался... Всем и так понятно, что Туфа уже твой».

Гнейсс вздохнул и забарабанил пальцами по мраморному подлокотнику своего кресла. Блаф из Ахора проголосует за предложение Хорнфела. Он всегда поступал так, если, конечно, не спал. Овражный гном был жалким, ничтожным созданием, но Гнейсс хорошо понимал, что Хорнфел не будет пренебрегать ничьей поддержкой. Хотя бы и поддержкой овражного гнома.

А Блаф между тем блаженно спал, голова его мирно покоялась на подлокотнике кресла. Так Блаф и проспал счастливо весь этот ночной Совет, и даже вопли Ранса не разбудили его.

Однако сам Гнейсс еще не решил, как он будет голосовать. Вообще-то он, как и Ранс, не хотел, чтобы в Торбардин были допущены люди; вместе с тем он не был удивлен, что Хорнфел готов представить приют в Торбардине восьми сотням беглецов, ведь в Хайларе уже не раз бывали люди. В последние три года Хорнфел, например, был очень дружен с долговязым желтоволосым магом, — кстати, любопытно, а где сейчас этот Музыкант?

Рилгар наклонился к подлокотнику кресла, всем своим видом показывая, что ему до смерти надоела эта бессмысленная перебранка. Гнейсс взглянул на тана Тейвара и вздрогнул: Рилгар, почувствовав направленный на него взгляд, посмотрел в его сторону и улыбнулся:

Это была улыбка змеи, гревшейся на солнце и широко раскрывшей пасть.

Встретив взгляд этих змеиных глаз, Гнейсс сразу же отвел свои в сторону. Он вдруг представил себе, что Рилгар сейчас подслушивает его мысли. Колдовство Черной магии и еще более черные мысли делали сейчас глаза мага племени *дерро* черными. Казалось, он очень доволен, придумав какой-то свой план, и этот план он во что бы то ни стало исполнит.

Что это за план?

Холодная игла страха пронзила все тело тана Девара, но он все же пересилил себя и снова взглянул на Рилгара. Ни для кого не было секретом, что Рилгар — противник Хорнфела. Сейчас в Торбардине нет никого, кто мог бы по гномским законам претендовать на трон Верховного Короля. Значит, никто и не должен претендовать. Но по Торбардину уже два года ходят слухи, что Королевский Меч выкован, причем именно в Хайларе и именно для Хайлара, и что в споре за обладание этим Мечом уже пролилась кровь.

Гнейсс верил этим слухам не более, чем легендам о том, что кто-то когда-то, в один прекрасный день, найдет Молот Хараса. Но... Если слух о Мече все же достоверен, то Хорнфел мог претендовать на трон Короля-регента. Этого Рилгар не потерпит. Страсть тана Гейвара к власти столь же велика, как и его темная душа.

«Ох, Хорнфел, — думал Гнейсс. — Я не знаю, существует ли уже действительно Королевский Меч, но я знаю, в чьи глаза должен ты всмотреться особенно пристально. Когда-нибудь ты прощешь в них, долго ли тебе осталось жить».

Гнейсс наклонился вперед.

— Вот что я тебе скажу, Ранс: предложение Хорнфела следует рассмотреть со всех сторон. Да, эта война, что сейчас идет наверху, не наше дело. Не мы развязали ее, и не нам в ней участвовать. С тем, что люди и эльфы сами породили, они сами и должны разбираться.

Ранс почесал бороду, собираясь что-то сказать, но Гнейсс остановил его своим ледяным взглядом и продолжил:

— Тем не менее тан Хайлара прав. Мы можем не обращать внимания на войну, но она все равно останется реально существующим событием. И она приближается к нам. Разведчики сообщили, что эти беглецы ушли из Пакс Таркаса совсем недавно. Их восемь сотен, все они слабы и беспомощны. Подумайте о них, пока они терпеливо ждут своей участи. И еще вот о чем следует подумать: как мы будем защищать Торбардин, когда армии драконов перелетят через Равнины Смерти и явятся сюда.

Молчавший до сих пор Хорнфел посмотрел на Гнейсса. «Очевидно, он сказал не все, что мог бы, но, безусловно, он присоединился к моему предложению».

Наконец Хорнфел заговорил, голос его был низким и ровным:

— Девар, безусловно, прав. Время у нас пока еще есть. Однако поступь вражеской армии нам все слышнее и слышнее. Думайте, друзья, думайте хорошенъко. Так или иначе скоро у нас возникнет необходимость искать себе союзников.

Пакс Таркас — это неприступная крепость армии драконов. Верминаард жив. Да, рабы, которых он держал в наших же древних шахтах, освобождены, но вовсе не войсками какого-либо государства; если донесения разведчиков верны, эти восемьсот человек спасены группой, в которой было всего-навсего девять смельчаков.

Глаза Хорнфела сузились. Золотистый свет факелов скользил по его каштановой бороде.

— Эти беглецы, по своей воле или нет, пришли в Торбардин. И Верминаард знает об этом.

— О да, — проворчал Ранс, — я не сомневаюсь, что он знает. Но тогда почему же ты хочешь принять их?

Когда Хорнфел отвечал, Гнейсс в его голосе услышал грохот камней и ощущил холод льда.

— Потому, Ранс, что мы — гномы Торбардина и мы сами вольны распоряжаться своей судьбой. Верминаард не имеет указывать нам, когда и кому должны мы оказывать гостеприимство. — Он внезапно поднялся со своего места и жестом показал на Блафа, все еще похрапывающего и что-то бормочущего во сне. — Если мы разбудим Ахора, я знаю, что бы он нам сказал, и сейчас я согласен с его словами. Да, уже поздно, и все мы устали, пора спать. Давайте завтра соберемся снова.

Хорнфел вышел из зала. Традиционное право тана Хайлара: открывать и закрывать заседания Совета по своему усмотрению.

«Он редко пользуется этим своим правом, — подумал Гнейсс, — но, если пользуется, ни у кого

не спрашивает на то разрешения». Девар задумчиво потер тыльную сторону руки. Ранс и Рилгар улыбнулись друг другу.

Рилгар быстро шел по темным тоннелям мимо помещений, в которых содержались домашние животные. Он шел без факела, но шел уверенно. Как и всякий тейварец, Рилгар был не только приспособлен к жизни в темноте — он любил темноту. Здесь, в абсолютном мраке тоннелей, он чувствовал себя словно рыба в воде. Тусклый красный огонь светился в глубине его глаз.

Конечно, Хорнфелу не удалось убедить весь Совет Танов в том, что войну, пылающую на поверхности Кринна, он оценивает верно; однако он был близок к этому. «Глупость какая-то, — презрительно думал Рилгар, — и надо же было взывать к священным традициям гномского гостеприимства и вольности! Однако именно этот призыв может сработать. Немногие члены Совета действительно хотели предоставить убежище восьми сотням бролаг, но тем не менее они вспомнили, что сами вольны сделать свой выбор, и никому не позволят вмешиваться в их решение».

По мере того как Рилгар спускался все ниже и ниже в глубины укрывавшей Торбардин горы, его мысли становились все мрачнее и мрачнее.

«Он сильный оратор — этот Хорнфел, претендующий на регентство! Если у него будет достаточно времени, он, пожалуй, сумеет убедить

Гнейсса присоединить свой голос к голосам других умников. Умников, готовых открыть ворота Торбардина толпам людей, бегущих от войны, которую они сами и развязали».

Руки Рилгара вдруг сами собой сжалась в кулаки, и тут он почувствовал, как его сознания коснулось сознание Серого Вестника, возникло нечто подобное видению холодной синей тени на снегу. Наконец он явственно увидел Серого Вестника, стоящего у забрызганной грязью и мокрой от дождя стены конюшни в каком-то проулке в Старой Горе.

Они обнаружили Хаука и — они не нашли Меч!

Ярость Ранса на Совете Танов была всего лишь детской истерикой по сравнению с тем бешенством, какое в этот момент испытал Рилгар. Никто об этом не узнал и никто не увидел этого — только Серый Вестник услышал его чудовищные проклятия.

Но ведь он, Рилгар, совсем недавно сам выследил Хаука, и Королевский Меч у него был! Когда воины Задиры подстерегали его у таверны, Меч у него был! А теперь они и знать не знают, где Меч?!

Рилгар зарычал. С Хауком был его приятель эльф — Меч у него! Или... У кого? Кian Красный Топор мертв. Любимец Хорнфела маг и отправившийся с ним на пойски тот ненормальный, подмастерье Изарна, еще не вошли в город, да они ничего и не знают ни о Хауке, ни о том, где Меч Бури. Они сумели каким-то чудом избежать

встречи с Задирой и его отрядом, но до города еще не дошли. А эти... Человек Хаук должен был прятать Меч, а эльф — охранять его...

— Доставь мне этого бродягу сюда, — приказал он Агусу, — и я через час буду знать, у кого теперь Меч.

Серый Вестник положил руку на голову Хаука и произнес заклинание.

Через мгновение Агус, Руэл и Хаук были уже в пещере под Торбардином и ожидали прихода Рилгара.

Тоннель кончился. Рилгар злобно улыбнулся и вошел в круглую пещеру, высокую, темную, с влажными стенами. Он быстро прошел по гладкому полу и остановился над неподвижно лежащим Хауком.

Хаук во сне слегка пошевелился. Рилгар усмехнулся и, небрежно махнув рукой, отпустил своих слуг.

Глава 6

оздним вечером в переулке, примыкающем к самой богатой до войны улице Старой Горы, пожилой кендер, жмурясь от ветра, подошел к запертой задней двери хлебного магазина. В воздухе смердело какой-то дрянью; кендер сморщился, чихнул раз, потом еще раз. Этот магазин был одним из немногих еще не разграбленных в городе. И дракон его не сжег — промахнулся или еще по какой-то причине, — и солдаты тоже почему-то не стали грабить его.

Открыть замок кендеру сразу не удалось. Но Лавим Попрыгунчик не желал признаваться себе, что справиться с этим совсем простым замком ему мешает уже возраст. Ему совсем-совсем недавно исполнилось только шестьдесят, — разве же это возраст? Да любому кендеру известно, что дядя Прыг-Скок перестал считать себя юношой, только когда ему перевалило за семьдесят!

Действительно дядя Прыг-Скок дожил до вполне солидного возраста — девяносто семи лет, — и прожил бы, может, и еще, но в конце концов ужасный призрак Ригаровского Болота все-таки его «достал». Впрочем, Лавим

Попрыгунчик вовсе не был уверен, что ужасный призрак и вправду «достал» дядю Прыг-Скока, — эта сомнительная информация поступила от отца двоюродного брата его тетки, а вся семья знала, что рассказы тетушки Эвалии только при очень большом желании можно было назвать правдивыми. Несомненно, более правдивым был рассказ племянника сестры его матери — рассказ о том, что это сам дядя Прыг-Сок «достал» призрака. Такая версия куда более устраивала всех в семье.

Кендер немного постоял, потом оглянулся, прислушался — не идет ли кто? — и снова занялся замком на задней двери магазина.

Видел он еще преотлично, ну а руки, если они и дрожали немного, то, по убеждению Лавима, это от голода, а вовсе не от старости. В магазин он как раз и хотел проникнуть, чтобы взять там хлеба насущного, а затем он закрыл бы замок еще надежнее, нежели сейчас. Усердье и труд, как известно, все перетрут. Замок наконец щелкнул — раз, другой, третий — и открылся. Бесшумно входя в магазин, Лавим не преминул отметить про себя, что этот замок вовсе не годится для сохранения чего-то от кого-то; а значит, коль висит такой негодный замок, это можно рассматривать как приглашение посетить магазин.

На столе лежал небольшой каравай хлеба. Лавим забрал его и подумал, что завтра утром будочник просто благодарить будет ночного посетителя, ведь он спас магазин от разорения мышами; безусловно, мыши толпами рванулись бы

сюда, поняв, что в этот магазин можно попасть так легко!

Потом, забрав с полки три медовых кекса, Лавим существенно уменьшил опасность возможного нанесения ущерба магазину крысами. Затем, наполнив сумочку сладкими пончиками, он защитил незадачливого булочника от муравьев — муравьи ведь так любят сладкое! — и завершил обход булочной тем, что заполнил свою сумку сдобными булками, — конечно же, исключительно в целях защиты булочника от тараканов.

Чрезвычайно довольный тем, что булочник, прийдя утром в магазин, почувствует себя невероятно счастливым человеком, Лавим Попрыгунчик выскользнул за дверь, закрыл замок и направился в таверну.

Лавим Попрыгунчик был чрезвычайно любознательным кендером, и сейчас его очень интересовало: остались ли еще в таверне гномские крепкие вина? Ведь захват города чужаками — заражение паразитами, как сказал бы его отец, — делал такую возможность маловероятной. В последнее время лишь очень немногие торговцы приезжали в Старую Гору, да и у тех, как правило, всё отбирали при въезде солдаты Верминаарда. Но Лавим уповал на лучшее. Его отец — а он был, без сомнения, очень мудрым кендером, и сын его, что тоже без сомнений, пошел в отца — всегда говорил: сумка никогда не наполнится, если ее сначала не открыть поближе.

Вооруженный отцовским оптимизмом, Лавим отправился в таверну, подкрепляясь по дороге медовым кексом.

В шумной и душной таверне Станах чувствовал себя очень неуютно. Здесь пахло мокрой шерстью, кожей, кислым вином и элем. Впрочем, эти запахи были ему знакомы по тавернам, в которых они с Кианом проводили время в Торбардине. Неуютно же он ощущал себя потому, что не видел здесь никого из знакомых. Вообще, в таверне Тенни было сейчас больше людей, чем Станах видел их за всю свою жизнь, и лишь немногие из них, усевшиеся маленьками группами, были знакомы друг с другом. Духота была такая, что Станах даже удивлялся: как он здесь еще не задохся!

Если бы здесь был Музыкант, он бы не преминул сказать, что люди вдыхают и выдыхают больше воздуха, чем гномы. Но Станах не знал, где сейчас Музыкант и жив ли он, хотя и надеялся, что жив. Ведь Музыкант — маг, и к тому же хороший маг.

Станах пришел в Старую Гору на закате, холодным ветреным вечером. Он хотел есть, и ему нужен был кров. — и то и другое он нашел у Тенни.

Однако, кроме еды и ночлега, он нашел и кое-что еще: Сомнений не было, Меч Бури — в Старой Горе; по крайней мере, прошлой ночью его видели в городе, и именно в таверне Тенни.

Станах слегка подергал себя за бороду. Когда он пришел в таверну, в общем зале стоял гул — посетители обсуждали пари, которое накануне вечером заключил молодой бродяга при игре в ножи: против трех кошельков он поставил свой меч. Прекраснейший меч! Золото и серебро... и пять сапфиров на рукояти...

«Невероятное пари, — думал Станах. — Ну да, конечно невероятное». Он стал осторожно спрашивать посетителей о бродяге и о Мече, но, где мог быть сейчас Меч Бури, так узнать и не сумел.

Какой-то человек сказал ему, что с бродягой вчера был его приятель эльф. Станах отпил из кружки и огляделся. В тавerne был всего один эльф и вчера, и сегодня — высокий и стройный. Сейчас он беседовал с рыжеволосой барменшей.

Станах внимательно посмотрел на него. На эльфе были охотничьи кожаные брюки, высокие ботинки; на поясе — нож в ножнах, за спиной — лук и колчан со стрелами. Оружие он носил так, что было с первого же взгляда ясно: в лесу он проводит значительно больше времени, чем в тавернах. Охотник. Или бродяга.

Хозяин подозвал рыжеволосую помощницу к себе. Его голос перекрыл шум в таверне. И в ту же минуту дверь открылась и в зал, удушающее смердя, вошло безобразнейшее существо. Как по команде; все в таверне замолчали.

— Солдафон, — послышался чей-то шепот:

Станаху захотелось только одного — закрыть глаза, чтобы не видеть того, кто шел

через притихший зал. Когда он был ребенком, нечто похожее на Солдафона снилось ему в жутких ночных кошмарах. «Он, должно быть, — решил Станах, — послан сюда наблюдать за поведением горожан».

Подобно чудовищам из детских снов Станаха, Солдафон был ростом с самого высокого человека, чрезвычайно широк в груди и в плечах, с головой ящера и гребнем на спине. На нем была металлическая кольчуга, но Станах не смог бы сказать, где у чудовища чешуйчатая кольчуга, а где его собственная чешуйчатая шкура. Казалось бы, его ноги не были приспособлены для ходьбы, но, как ни странно, Солдафон передвигался на них вполне уверенно. А какие страшные — безжизненные, тусклые, черные — были у него глаза! Посмотришь — и сразу становится ясно: ничего похожего на сострадание или милосердие никогда не светилось и не будет светиться в этих глазах.

Драконид поднял голову. Отблески света от камина и от светильников заплясали на кольчуге и на чешуе. Драконид двигался медленно, как змей, распрямляющаяся из своих колец. Станах пробыл в Старой Горе всего сутки, но уже узнал, что дракониды чрезвычайно раздражительны и почти всюду, где они появляются, проливается кровь.

Каждый из посетителей таверны как бы уменьшился в росте. Полотенце на руке бармена висело словно флаг, говорящий о готовности к капитуляции. В зале ясно ощущался общий страх.

Рука Станаха будто сама по себе скользнула к эфесу меча. Барменша стояла боясь дышать, с белым как мел лицом; на ее щеках сейчас отчетливо выделялись веснушки. Неожиданно она всхлипнула. Солдафон сразу повернулся в ее сторону.

Он почувствовал, что девушка испугана, и пристально уставился на нее. Его узкий раздвоенный язык быстро облизывал безгубый рот. Пальцы Станаха еще крепче сжали рукоять меча. Стоявший возле бара эльф медленно двинулся к дракониду. Лук эльфа сейчас был бесполезен, но его правая рука уже сжимала нож. Станах сразу и хорошо понял холодный взгляд голубых глаз эльфа и быстро кивнул ему. Гном улыбнулся девушке; ее глаза цвета изумруда расширились от ужаса.

И тут неожиданно вновь отворилась дверь и в таверну вошел кендер Лавим Попрыгунчик. Одетый в ярко-желтые брюки, мягкие кожаные ботинки и в черный широкий плащ до колен, кендер был явно не молод. Длинные белые волосы его были заплетены в толстую косу. Мелкие морщинки на лице делали кендера похожим на симпатичного мопса. Он увидел драконида, почувствовал опасность, но не потянулся за привязанным к спине хупаком — к короткой палке с острым концом, с которой никогда и нигде не расстается, ни один кендер; нет, вместо этого он подошел к Солдафону, вытер руки о свои штаны и внимательно всмотрелся в него.

— Ты здесь, — сказал кендер. — А знаешь ли ты, что я побегал весь город, разыскивая тебя?!

Драконид нахмурился, выражая, как понял Станах, гнев и угрозу.

— Меня, мелкий воришка?

Услышав оскорбление, кендер даже глазом не моргнул, а лишь ухмыльнулся. Его голос звучал ровно и был для такого маленького существа, как кендер, удивительно громким.

— Ну да, тебя, а кого же? Кое-кто встретил меня и велел тебя найти.

— Кто велел?

Кендер пожал плечами:

— Откуда я знаю, кто он? На нем были броня красного цвета и большой шлем. Знаешь, шлем выглядел ну точно голова дракона. На шлеме — рога и вроде пасть с клыками. В общем, я думаю, он выглядел как дракон — я имею в виду шлем. Вообще-то я дракона никогда не видел, кроме этого, красного, который летает над нами каждый день. Но, правда, он летает так высоко, что толком и не разглядишь...

Солдафон что-то сердито проворчал, кендер не сводил с него глаз.

— Во всяком случае, он что-то говорил еще о войсках, и его называли то ли Повелитель, то ли как-то вроде этого...

Солдафон зашипел. Он, как и любой в зале, хорошо знал, как выглядит капитан Потрошитель, начальник гарнизона Старой Горы. Но если приказом Потрошителя он мог и пренебречь при случае, то на зов Повелителя следовало являться немедленно. Между тем, в эти дни никто толком даже и не знал, где находится Вер-

минаард, знали только, что он все еще после побега восьмисот рабов был в ярости. Драконид снова заворчал, потом повернулся и вышел из таверны, по дороге он раздраженно пнул стол и опрокинул кружки и бокалы — те дождем посыпались на пол. Дверь хлопнула с такой силой, что задрожали стены.

Некоторое время в таверне было совершенно тихо; затем послышались сначала отдельные голоса, а вскоре снова поднялся сплошной гомон.

Девушка нервно протирала тряпкой стойку бара. Станах принес ей пустой бокал и две кружки.

— Остальное не уцелело.

— О да, конечно, — ответила девушка. Ее лицо все еще было бледным. — Кажется, мне сегодня невероятно везет...

— Не надо нервничать, все будет хорошо.

В ответ она молча улыбнулась краешком рта.

Станах вернулся к своему столику, за столиком уже сидел кендер. «Что-то мне не очень хочется сидеть за одним столом с гонцом капитана этой вонючей армии», — подходя, думал Станах. Он оглядывался, выискивая другое место, а кендер внимательно смотрел на него. Глаза кендера, зеленые, как весенние листья, сверкали на удивление весело.

— Иди сюда, ко мне. Ты как раз тот, кого мне сегодня хотелось увидеть.

Станах пристально посмотрел на кендера, немного подумал и затем уселся на свой прежний стул. Ему стало даже любопытно.

— Меня увидеть, кендер? А я думал, ты должен был увидеть Солдафона.

Кендер пожал плечами.

— Ты сказал: Солдафон? Его так зовут? Когда я вошел сюда и увидел его, я подумал: для всех будет лучше, если он уйдет. Ну куда-нибудь, лишь бы отсюда. — Он усмехнулся. — Кое-кто утверждает, что я уже стар, но я еще умею думать как молодой.

Станах засмеялся:

— Ты умеешь думать лучше иного молодого. Но подумал ли ты о том, что может случиться в дальнейшем?

Кендер откинул голову назад:

— А что ты имеешь в виду?

— А как ты думаешь, когда Солдафон придет к этому Потрошителю и тут выяснится, что капитан никого за ним не посыпал?

— О! — Вокруг зеленых глаз кендера собрались морщинки, брови нахмурились. Но улыбка осталась столь же радостной. — Я надеюсь, ему понадобится по крайней мере несколько часов, чтобы отыскать свое начальство и осознать, что к чему.

— Ну конечно, ты надеешься. И все-таки, может, тебе следует немного поторопиться — так, на всякий случай... Ну а почему ты хотел видеть меня?

— Да так: Просто ты гном, а мой отец говорил, что, если хочешь выпить чего-нибудь гномского, проверь это сперва на гноме, и он скажет тебе, стоит ли это пить вообще. Здесь есть какая-нибудь приличная выпивка?

Станах с сомнением оглядел маленького кендерра. Добрая кружка крепкой гномской водки валит с ног даже громадного, здоровенного человека, а этот кендер такой худой и хрупкий — да ему и одного глотка будет слишком много...

В раздумье Станах пожал плечами.

— Что же тебе сказать? Но впрочем, в этой таверне, кроме эля да слабенького эльфийского вина, и нет ничего. Ничего поистине гномского здесь нет ни капли, — только вино и эль. Кстати, как тебя зовут, кендер?

— Лавим Попрыгунчик. — Кендер протянул руку.

Станах, вспомнив об отцовском кольце у себя на пальце, не говоря уж о медных украшениях на своей куртке, сделал вид, что не заметил протянутой руки своего собеседника, однако постарался улыбнуться как можно более открыто.

— А я Станах Молотобоец из Торбардина. И я готов выпить с тобой, чего ты пожелаешь, кроме, конечно, гномских напитков, которых здесь нет.

Этого было достаточно. Лавим предложил пройти к бару и выпить там, но Станах отрицательно замотал головой. Он уже понял, что кендер, несомненно, достиг замечательных успехов в таком популярном у его народа искусстве, как воровство, и мог бы, если бы захотел, украсть даже зубы из пасти дракона. Да стоит ему хоть раз пройтись по залу, и хозяева кошельков, кинжалов, ножей, браслетов — в общем, один Реоркс знает, чего еще! — глазом не успеют моргнуть,

как лишатся всех этих вещей, а это, конечно, вызовет у них неудержимое желание подвесить воришку за его длинную белую косу на ближайшей балке.

И Станах один пошел за выпивкой. Когда он подошел к бару, эльф наклонился к нему и спросил, о чём они сейчас говорили с кендером. Станах коротко рассказал. К сожалению, он не мог сейчас поговорить с эльфом по душам, но он уже знал, что тот имеет какое-то отношение к Мечу Бури, и надеялся, что у него еще будет время задать эльфу некоторые вопросы.

Теперь Станах был благодарен слухаю, который привел Солдафона в таверну Тенни.

Лавим Попрыгунчик посмотрел на свою полу-пустую кружку с элем — это была уже четвертая — и ловко снял кошелек с пояса проходившего мимо горожанина. Он был просто убежден, что кошелек сам прыгнул к нему в руки, и очень удивился, когда Станах поднес свой кулак к его носу.

— А ну верни его, — жестко сказал гном.

Лавим поднял брови:

— Вернуть? Что? Ах это!

— Вот именно это.

Лавим повертел кошелек в руках и посмотрел на него так, как если бы не совсем понимал, каким образом эта вещь у него оказалась. «Не возражай приятелю, если не хочешь его потерять», — процитировал он про себя своего родителя. Кошелек был набит монетами, которые,

когда кендер перебрасывал кошелечек с руки на руку, так приятно звякали. Станах взял кошелек, подошел к горожанину-ротозею, хлопнул по плечу и протянул его потерю. Человек хотел было сказать что-то злое, но, посмотрев в глаза гнома, передумал и уткнувшись поблагодарил. Станах коротко кивнул и вернулся к своему столику.

Лавим посмотрел на него и осознал, что гнома эль вовсе не интересует.

«Он просто глаз не спускает с эльфа, который почему-то почти не отходит от стойки».

Даже самый нелюбопытный кендер чувствует запах секрета за милю, а то и больше. Лавим Попрыгунчик наблюдал за Станахом так же внимательно, как сам Станах — за эльфом.

Станах охотно приносил любое питье, которое заказывал кендер, но болтовню его слушал рассеянно и так же рассеянно отвечал на вопросы. В конце концов и Лавим замолчал, глядя на мерцающий дымчатый аметист в кольце на пальце гнома и на сверкающую серебряную серьгу в его левом ухе.

Ничто в Станахе не казалось кендеру очень уж необычным. Лавим думал, что кольцо, скорее всего, сделал для себя кто-то, случайно разбогатевший, а серебряная серьга почему-то наводила на мысль о разбойниках с большой дороги. Бородатый гном старался выглядеть сердитым и строгим, однако время от времени он забывал о своей маске, и тогда молодое озорство светилось в его глазах, черных как уголь и почему-то с голубыми бликами.

«Этот Станах, — думал Лавим, — сейчас молчалив и скрытен, словно запертый дом с закрытыми окнами».

А скрытые вещи, запертые вещи интересовали Лавима больше всего на свете!

Кендер наклонился вперед, поставил локти на стол и принял разгадывать про себя секрет Станаха. Он начал с меча, висевшего у гнома на поясе. Вложен в старые, хорошо смазанные ножны. Рукоять простая, без украшений. Отметив про себя еще некоторые особенности меча, кендер заговорил со Станахом:

— Я вижу, с топором ты не ходишь.

Станах кивнул.

— Я сказал это только потому, что раньше никогда не встречал гнома без топора.

— Да, верно, большинство наших предпочитают топор.

— Но у тебя меч. Это ведь старый меч, верно?

— Да, это старый меч.

— Но для чего тебе старый меч? Прости за любопытство. Может, он принадлежал твоему отцу?

Станах, прищурившись, посмотрел на Лавима.

— Нет, это мой собственный меч. — Затем, как бы извиняясь за краткость ответа, добавил: — Я сам его выковал.

— Так ты кузнец?! Ну разумеется! Я должен был сам догадаться по твоим рукам: кожа вся в шрамах и следах от ожогов. От горна, да?

— Конечно.

— Ты сделал уже много мечей? А сколько времени нужно, чтобы сделать меч? Готов поспо-

рить, ты и кинжалы делать умеешь и много других вещей. А топоры ты ковал когда-нибудь? Говорят, что острее гномских мечей вообще на свете ничего нет. И...

Станах громко рассмеялся. Вот уж, действительно, правду говорят: ответь кендеру на один вопрос — и он жить не сможет, пока не получит ответов на тысячу других!

— Да, Лавим, я сделал множество мечей, а этот — мой первый. Меч, может быть, и не очень хорош, однако мне он подходит. И кинжалы я тоже делал, и топоры.

Лавим снова посмотрел на руки гнома. Некоторые шрамы были старыми, а некоторые — совсем свежие. На большом пальце правой руки виднелся недавний ожог; Лавим подумал, что этот ожог выглядит так, будто Станах обжегся чуть ли не вчера. А ведь отсюда до Торбардина сотни миль. Кажется, Станах принадлежит к клану Хайлара, одному из главных в Торбардине. А для этих гномов выйти из горы на поверхность — все равно что рыбе покинуть воду.

Старая Гора сейчас под властью Верминаарда. Янтарь, красный дракон Повелителя, каждый день летает над городом. Горожане, оставшиеся в живых, сейчас не живут, а просто кое-как существуют. Зачем же кому-то понадобилось вдруг прийти сюда, в этот умирающий город? Эти мысли Лавима были подобны искрам, попавшим на трут, — кендера просто распирало от любопытства.

Что, что заставило гнома из безопасного Торбардина прийти в этот несчастный-разнесчастный город?

Но спросить он уже не успел. С улицы донесся какой-то шум, а затем в таверну ворвался дикий рев.

— Солдафон! — Станах схватил кендера за руку и рывком кинул его на пол. — Уходи отсюда поскорее, Лавим. Он вернется, и я не сомневаюсь, что именно тебя он сейчас более всего желает увидеть.

Лавим только пожал плечами:

— Что же, может быть.

Когда он сел, Станах увидел, что в его глазах пляшут чертенята.

— Не бойся за меня, драконид никогда не может вспомнить, кого он видел, даже если видел совсем недавно: И это раздражает его — о, ты и представить себе не можешь, как раздражает! Должно быть, он ворвется сюда фиолетовый от злости, хотя, может, он не совсем драконид, а просто...

— Если ты немедленно не уберешься отсюда, значит, ты просто дурень и пьяница, кендер. Здесь должен быть чёрный ход; где-то за баром. Ну, быстрее. Быстрее!

— Но...

— Быстрее же!

Станах потащил кендера через весь зал к бару. Лавим споткнулся, затем выпрямился и тут же увидел чёрный ход за баром.

Кто может понять гнома? Вот он сидит угрюмый и молчаливый, а через минуту — уже весе-

лый и общительный, вот он темен, как гроза, и вдруг — ясен, как солнечный свет...

Станах выпроваживал кендера не потому, что боялся Солдафона, — опасность ведь грозила не ему, — а просто Станаху уже важно было избавиться от общества Лавима Попрыгунчика.

«Гномы, — думал между тем кендер, — обычно не раздражаются, а этот... Но впрочем, они ведь столетиями не выходят из своей горы».

Он улыбнулся девушке-барменше. Высокий эльф, голубые глаза которого блестели весело, схватил Лавима за руку и толкнул его к двери кладовки, выходящей в переулок.

— Иди, кендер, — прошептал он, — иди не останавливаясь, пока не выйдешь из города.

Однако Лавим все же не побежал из таверны со всех ног. Он вышел, но тотчас вернулся в кладовку, взял там маленькую фляжку вина и еще кое-что прихватил, а затем выскользнул через заднюю дверь в переулок как раз в ту секунду, когда с улицы в таверну ворвался Солдафон. Ворвался с проклятиями по адресу «богом проклятого лживого кендера», который, с его, Солдафона, точки зрения, уже слишком зажился на этом свете...

Глава 7

раконид Солдафон был чрезвычайно раздражительным, однако считалось, что он достаточно смыщен, чтобы не только исполнять чужие распоряжения, но и иногда принимать самостоятельные решения. На сегодня у него дел по службе было совсем немного, поэтому он мог обдумать, как отомстит кендеру. Кендеру, из-за которого минувшей ночью Солдафон получил хорошую взбучку от Потрошителя, весьма недовольного тем, что его из-за чьей-то дурацкой шутки разбудили.

По убеждению Солдафона, шкура негодяя кендера станет прекрасным украшением на воротах армейской конюшни.

На рассвете он поднял своих солдат по тревоге и приказал им поставить заграждения на всех трех ведущих из города дорогах, а затем стал обходить весь город. Солдафон не сомневался, что ему удастся найти и схватить кендера еще до наступления ночи.

Тяжело топая по улицам, драконид все более свирепел и придумывал для кендера самые невероятные способы казни, а он знал не менее двадцати различных способов медленного убийства,

самый простой из которых заставляет жертву не-
прерывно вопить не менее двух суток.

Прилетевший из долины холодный утренний ветер не смог освежить пропахший гарью воздух Старой Горы, и пробирающаяся через городскую окраину Кельда подумала: «Серая дымка останется здесь навечно». Меч, висевший на боку, постоянно бил ее по ногам, Кельда спотыкалась и сердито ворчала; она пыталась потуже затянуть пояс, но безуспешно, меч вновь и вновь оттягивал пояс. «И как это мужчины ходят с такой тяжеленной и неудобной штуковиной?!»

Она попыталась нести меч в руках, но быстро поняла, что в руках его нести еще труднее. При каждом шаге меч так и норовил выскользнуть из ножен, да к тому же сразу заболели руки. «Ну что за глупая вещь! Хорошо бы избавиться от этого проклятого меча!» Она остановилась у поворота дороги и снова подтянула пояс.

Ее юбка перекрутилась и собралась на талии в складку, блузка порвалась.

Дурацкий меч! Он ей не нужен, и она вовсе не хочет, чтобы он был у нее. Все, что он ей принес, — синяки на ногах и порванную одежду! Хорошо, если Тьорл уже ждет ее. Пусть бы он поскорее забрал этот меч. Его сумасшедший друг, Хаук, всучил ей эту ненужную вещь, а сам исчез, как в воду канул; этот несчастный меч ему, видимо, тоже не нужен. Конечно же, он был пьян в тот вечер. Вероятно, сейчас он скрывается где-то от

солдат армии драконов. Но ведь в этом случае меч ему, скорее всего, очень даже нужен!

Кельда вздрогнула — от холода, а также от мысли, что Хауку ведь действительно необходим его меч. Она осмотрелась. За поворотом дорога шла под уклон и уходила в долину. С того места, где стояла Кельда, долину не было видно; не было видно и заграждения, поставленного солдатами Потрошителя, но Кельда знала о том, что оно здесь есть. Такие заграждения были поставлены на рассвете на всех трех дорогах, ведущих из города. И было объявлено: сегодня никому не разрешается покидать город. Нескольких горожан солдаты уже задержали.

Кельда не хотела видеть ни ферму, где она раньше жила, ни солдат, опустошивших ее родную долину.

«Я хочу видеть только Тьорла», — думала она.

Тенни сегодня сказал Кельде: Тьорл хочет встретиться с ней. Он уходил из Старой Горы и хотел поговорить с ней. Кельда расстроилась. Если эльф уходит, значит, он уже не надеется встретить своего друга Хаука в Старой Горе. А как же ее маленькая месть молодому человеку?! Ведь для этого нужно было увидеть его, нужно было снова услышать его медвежье рычание.

Кельда отстегнула пояс с ножнами — оружие упало на припорошенную сажей и пылью дорогу. Ветер донес до рыжеволосой девушки ругань и смех солдат, дежуривших у заграждения. Кельде явно не следовало идти дальше. Она села на плоский валун, вытянула ноги, подперла руками

голову и стала смотреть на черные, выжженные поля, лежавшие по другую сторону дороги.

Здесь, на окраине города, дракон Янтарь не жег все подряд. К востоку от дороги все было черным, выжженным, однако на западе была видна кое-где зелень. Рошу стройных серебристых берез на вершине холма огонь почти не затронул. В придорожном болотце виднелась осока, уже вызолоченная осенью. Белая яснотка разбросала по земле лепестки своих цветов, словно белый зимний снег. Кое-где еще цвела желтая льнянка.

— Ну хорошо,— прошептала Кельда,— я здесь. Но где же он?

А Тьорл уже был здесь. И Кельда вздрогнула от неожиданности, когда он вдруг вышел из тени.

— Я здесь, Кельда.— Он улыбнулся и пальцем показал на меч: — А это еще зачем?

Она перевела дыхание.

— А где еще он должен быть? Если ты уходишь, ты наверняка хочешь взять его с собой.

— Но он дал его тебе.

До чего же противный эльф!

— Но я не хочу, чтобы он был у меня. И никогда этого не хотела. Что мне с ним делать? Я не могу его продать, я не могу им сражаться, я даже не могу носить его! Пожалуйста, ну пожалуйста, забери его, иди туда, куда собрался идти, и оставь меня в покое!

Тьорл бросил быстрый взгляд в сторону заграждения и жестом попросил ее помолчать.

— Успокойся, Кельда. Я ухожу. И это все, что я хотел тебе сказать. — Он показал на березовую рощу. — Пойдем туда. Я не хочу говорить с тобой, когда сюда вот-вот явится чуть ли не половина армии драконов.

Она не знала, что и ответить.

Глаза Тьорла были серьезными, голос — низким и напряженным. Наконец Кельда подняла с земли меч и пошла за Тьорлом в рощицу.

— Слушай, — прошептал он, — и слушай внимательно. Я не знаю, где Хаук. Я не знаю, что с ним случилось, но уверен: сейчас его уже нет в городе. — Он помолчал. — Знаешь, мы с ним солдаты.

Кельда кивнула.

— Мы — солдаты, и наш командир — человек по имени Финн. Он давно ждет нашего возвращения. И я больше уже не могу оставаться здесь, в городе.

— Ты уйдешь и забудешь о Хауке?

В глазах эльфа вспыхнула ярость. Кельда прикусила язык, она поняла, что едва ли не смертельно оскорбила Тьорла.

— Нет, Кельда. Я ухожу не потому, что не хочу найти Хаука; отсюда до предгорий — долгий путь, и я буду искать его на этом пути повсюду. Но сейчас я обязан вернуться к Финну. — Он ткнул пальцем в меч. — И пожалуйста, сохрани его. Возможно, Хаук вернется в город отыскать меч и... меня. Ты скажешь ему, куда я пошел, да?

— Но...

Пальцы Тьорла с силой сжали ее запястье.

— Кельда, мне надо немедля уходить из Старой Горы. Нам с Хауком удалось убедить солдат Потрошителя, что мы просто охотники. Если я останусь здесь на какое-то время, кто-нибудь, конечно, заметит, что я ни разу не ходил на охоту. И тогда смогут легко догадаться, кто я такой на самом деле.

Страх охватил Кельду. И уже зная, каков будет ответ, она все же спросила:

— Куда ты идешь?

Тьюрл ответил почти тотчас:

— К южной границе Квалинести. У Финна там, на границе, есть работа для нас. Прости, что тебе пришлось тащить меч сюда; я был бы рад отнести его сам, но у меня уже нет времени — пора уходить.

— А как же ты минуешь заграждения?

— Заграждения? Да Финн с меня с живого шкуру бы спустил, если бы я не смог проскользнуть мимо пары пьяных мерзавцев.

Он взял меч из ее рук и провел ладонью по старым, потертym ножнам. Холодный свет сверкнул на сапфирах — они блеснули, как льдинки.

— Представляешь, он выиграл этот меч в ножички.

— Это меня вовсе не удивляет, — улыбнулась Кельда. — Он очень меток.

Тьюрл засмеялся.

— Да, уж это точно. Передать ему твои слова при встрече?

Ветер, казалось, стал холоднее. Кельда вспомнила горы на юге Квалинести — зимой они такие

мрачные и суровые. Она также подумала и о Хауке и удивилась про себя: «Почему он бросил такой замечательный меч и такого хорошего друга, как Тьорл?»

Затем она подумала: «Может быть, Хаук просто решил уйти из отряда Финна?»

Она украдкой взглянула на Тьорла.

Нет, эльф такой мысли даже и не допускал, сразу видно. Кельда, не раздумывая, взяла меч из рук Тьорла. Ну до чего же тяжело держать его!

— Я сохранию его, не беспокойся. — Она перевела дыхание, затем поднялась на цыпочки и поцеловала эльфа в щеку. — Счастливо тебе!

— Спасибо. Но, похоже, нам обоим нужна еще и удача, а? — Он улыбнулся. — Ну, еще раз, спасибо.

Он взял ее за руку и повел назад, к дороге.

Все время думая о мече и поправляя пояс, на котором он висел, Кельда не сразу почувствовала, что Тьорл сильно сжал её пальцы. Она подняла голову.

Прямо перед ними, загораживая дорогу, стояли три солдата Потрошителя: один человек и два драконида. Человек ухмыльнулся, показывая редкие желтые зубы.

— Сентиментальное прощание, — медленно протянул он. Скользнув безразличным взглядом по Тьорлу, он мрачно уставился на Кельду.

Она почувствовала, как ей стало трудно дышать.

Лавим Попрыгунчик бежал словно кролик, знающий, что он гораздо проворнее преследующей его собаки, а потому наслаждающийся выпавшим ему развлечением. Посмеиваясь, он вел четырех драконидов вверх по одной улице, потом вниз по другой; затем влетел в какую-то таверну и выскочил из нее через заднюю дверь. Солдаты гнались за ним с ревом и проклятиями, громыхая мечами и кольчугами, — они были похожи на груды ожившего металлического хлама.

Вот кендер пригнулся и нырнул в темный переулок. Быстро пересахнув через забор, он насмешливо окликнул своих увешанных оружием преследователей — для них этот забор оказался серьезным препятствием; прежде чем первый из них наконец одолел преграду, Лавим уже проскользнул между кирпичной стеной и бочкой для сбора мусора и затаился там. Он вовсе не устал — так, слегка запыхался.

Солдаты перебрались через забор и гуськом стали обходить двор. Когда шедший вторым Солдафон поравнялся с затаившимся за бочкой кендером, тот быстро просунул свой хупак между ног драконида. Солдафон рухнул на переднего солдата, а шедший за ним — на них обоих; четвертый испуганно шарахнулся к противоположной стене прохода. Смеясь и улюлюкая, Лавим выскочил из-за мусорной бочки, перепрыгнул через барахтавшихся в куче трех драконидов, прошмыгнулся между ног четвертого и выбрался на улицу. Он чуть было не столкнулся с какой-то толстой женщиной, метнулся в сторону, ловко пролез под

брюхом лошади и оказался на другой стороне мостовой. По доносившейся до него ругани Лавим понял, что дракониды наконец поднялись на ноги и сейчас снова пустятся в погоню.

Лавим знал улицы и переулки Старой Горы так, как их может знать только кендер или уличный мальчишка. Он поднял с мостовой несколько камней и пошел к полусгоревшему складу. Здание было огромным — длиной в полквартала и шире любого дома в городе. До войны в этом складе хранилось множество самых различных товаров, — теперь от них осталась одна зола.

Кендер забежал в это длинное, стоявшее без крыши здание и, разбрызгивая грязь из луж, бросился к находившейся неподалеку лестнице. Солдафон и его солдаты с воплями и проклятиями бежали по улице, распугивая прохожих, — так внезапный дождь распугивает цыплят.

На складе пахло гарью. Кендер остановился у нижней ступеньки лестницы, перевел дыхание, затем быстро, но внимательно осмотрелся. У здания сохранился второй этаж, вернее, часть второго этажа, тянувшаяся вдоль всего строения примерно на половину его ширины, другая половина выгорела и обрушилась. Кендер решил, что оттуда он сможет безнаказанно для себя метать в драконидов камни.

Осмотрев внимательней лестницу, Лавим решил, что уж его-то вес она выдержит, и начал подниматься как можно быстрее. Когда он был уже на середине лестницы, ступенька под правой ногой треснула и сломалась.

Лавим подпрыгнул, ухватился руками за деревянные доски пола второго этажа и повис, жалея о том, что у кендеров нет крыльев.

Вскоре внизу послышался лающий смех. Смеялся Солдафон; его глаза мрачно поблескивали в полумраке, тонкий змеиный язык облизывал губы.

Никогда в жизни Лавим не мог противиться своим желаниям и сейчас — тоже. Он изогнулся и плюнул вниз. Он всегда гордился умением точно плевать в цель; он и сейчас не промахнулся: попал Солдафону точно между глаз. Рев драконида гулким эхом прокатился по пустому зданию.

Лавим сумел уклониться от кинжала, брошенного Солдафоном, подтянулся и залез-таки на доски второго этажа.

Солдафон захлебнулся жестким холодным смехом:

— Хватит выпендриваться, крысеныш! Отсюда ты не сбежишь, и сейчас мы с тобой вдоволь сможем наговориться!

Лавим, словно пружина, выпрямился. Доски под ним прогибались и угрожающе трещали.

Внизу гулко зазвенел металл. Это драконид сбросил свою кольчугу. Лавим, любопытство которого не смог бы укротить даже темный ужас Бездны, глянул вниз. Кольчуга Солдафона кучей красного металла лежала на полу, в зубах у него был короткий меч. Резким движением Солдафон расправил крылья. Три других драконида, ухмыляясь, стояли поодаль. Они предвкушали забавное зрелище.

«Они умеют только планировать, — напомнил себе Лавим, — летать по-настоящему они не умеют. Каждый знает, что...»

Солдафон действительно не умел летать. Но у него были сильные ноги, и подпрыгнуть он мог намного выше, чем предполагал кендер. Правда, первый прыжок оказался неудачным, и Солдафону не удалось ухватиться за балки второго этажа.

Но вот он вновь прыгнул, сильно взмахнув крыльями, и одной рукой схватился за балку, а в другой держал меч. Кендер пригнулся и ловко отпрыгнул. Солдафон, злобно ухмыляясь, двинулся к нему. Кролик теперь не был уверен в том, что ему удастся удрать от собаки.

Тогда Лавим выхватил нож из ножен, висящих на поясе, и ударил драконида по руке, однако нож лишь слегка оцарапал толстую шкуру.

Пригнувшись, Лавим снова увернулся от драконида и полоснул ножом по правому крылу Солдафона; тотчас мощная когтистая лапа схватила его за руку. И нож выпал из мгновенно онемевшей руки кендера.

Лавим — со свойственным его народу упорством — сдаваться не желал. Он резко ударил драконида ногой в низ живота и, когда тот с воем согнулся, коленом другой ноги нанес сильный удар в челюсть. Клацнули зубы, голова Солдафона откинулась, Лавим высвободил руку, схватил нож и отскочил.

Да, отсюда ему было не убежать. Некуда...

Стен не было совершенно — одни обгорелые балки. Над головой — только небо и низкие об-

лака, внизу — холодные твердые камни. Лавим обернулся. Драконид, прихрамывая и хлопая порезанными крыльями, медленно шел на него, и смерть Лавима ясно читалась в черных глазах чудовища.

Лавим Попрыгунчик, наверное, целую вечность ждал, когда Солдафон бросится на него, и, когда дождался, подпрыгнул высоко-высоко.

Станах безуспешно искал повсюду эльфа.

Искал он и кендер; впрочем, о кендере говорили все вокруг.

Бондарь, кузнец, даже свечной мастер — все искали кендера, дабы свести с ним, с наглым во-ришкой, счеты. Бондарь желал получить назад свой струг, кузнец обещал, если кендер до полу-дня не вернет зубило, отвести его к Потрошителю; а свечной мастер только проклинал судьбу: это надо же — спасти от солдат свое добро только для того, чтобы тебя потом обворовал прохода кендер.

Станаху даже казалось, что всего лишь один кендер может принести вреда больше, чем эпидемия чумы. Если речь заходила о кендерах — такого можно было наслушаться!..

Разыскивая по городу Тьюрла, Станах натыкался на следы Лавима всюду: в лавках мясника, кожевенника, гончара...

Один мальчишка видел, как кендер вбежал вот в эту таверну. В таверне Станаху сказали, что да, здесь он, разумеется, был, но очень недолго. За

ним гнались дракониды. Солдафон! Конечно, Солдафон...

Станах все время думал о Тьорле и о Мече. Никто ничего не знал об эльфе, а ведь он единственный, кто мог бы сказать, куда делся Меч.

А если Станах найдет Тьорла, а эльф ничего не знает о Мече? Придется искать заново или ни с чем возвращаться к Музыканту.

Кендер, по-видимому, мог выпутаться из любой переделки. Обычно кендерам это удается. «Да, — подумал Станах, — но если его все-таки поймают?» Что сделает Солдафон с Лавимом, если схватит его, можно было, конечно, вообразить, но очень уж не хотелось.

— Ох, проклятый кендер! — ворчал Станах.

Он почему-то все еще надеялся, что, отыскав кендера, отыщет и эльфа.

Станаху сказали: Лавим вбежал в здание обгоревшего склада, куда вслед за ним ворвались дракониды.

Гном проверил, на всякий случай, хорошо ли вынимается меч из ножен, и отправился к складу.

Он не стал подходить вплотную к черному, обгоревшему скелету склада. На верхнем этаже здания кто-то смеялся высоким голосом — то ли дрозд, то ли кендер.

Станах поднял глаза и увидел драконида, падающего со второго этажа склада. Драконид, размахивая руками и ногами, раскинул крылья, однако падения замедлить не смог — в пропоротых ножом дырах свистел ветер; драконид испуганно

вскрикнул и тяжело грохнулся на булыжники мостовой. Глухо треснули кости, лопнула чешуйчатая кожа. И вновь послышалось сверху птичье хихиканье Лавима.

Гном вынул меч из ножен и перешел улицу. Подойдя к неподвижной туше, он пнул ее ногой. Да, это был Солдафон.

Станах вздрогнул: едва он пнул тело Солдафона ногой, как оно превратилось в камень. Станах отпрянул, он и раньше слышал, что происходит с телами драконидов почти сразу после смерти, однако до сегодняшнего дня считал, что эти рассказы — враки.

И тут сверху послышался голос Лавима:

— Станах! Увидеть тебя так приятно! А этот, он мертв? Ну да, конечно, он забыл о дырках в своих крыльях. Как говорил мой отец, незначительные детали рано или поздно становятся очень важными и... Эй! Станах! Обернись!

Тroe драконидов, услышав голоса гнома и кенданера, выбежали из склада на улицу. Они тотчас увидели своего командира — его каменное тело уже начало превращаться в пыль — и, конечно, решили: Солдафона убил гном.

Как и каждый мастер-кузнец, Станах умел не только ковать оружие, но и владеть им. Он не был воином, но в его руках оружие становилось смертоносным. Первым же ударом он отрубил руку нападавшего на него драконида, тот упал на мостовую и завыл.

Станах отметил про себя: раненые дракониды в камень не превращаются.

Но он не стал тратить время на обдумывание этой загадки, а сразу же повернулся к двум другим солдатам. Его меч снова сверкнул в воздухе серебристой молнией. Дракониды попятились. Один из них споткнулся и упал, Станах занес меч для удара, и тут слева на него напал второй драконид. Он наверняка убил бы гнома, но в голову ему попал метко брошенный Лавимом камень, и драконид свалился на землю.

— Станах! Не оставляй меч в теле драконида, сразу выдергивай его, а то потом не сможешь вынуть! Пригнись, Станах!

Гном быстро пригнулся — вражеский меч свистнул всего лишь в дюйме над его головой, Кендер бросил еще один камень, но на этот раз промахнулся. Станах удачно отразил новый выпад драконида. Тот зашипел и всей тяжестью своего тела навалился на гнома.

Драконид был сильнее Станаха и весил много больше его. Станах напряг все свои силы — пусть даже мышцы отойдут от костей, но он должен вывернуться из-под драконида!

Послышался резкий смешок Лавима, и тяжелый камень ударил противнику Станаха в глаз.

Но следующий бросок был неудачным: камень попал уже самому гному в локоть — рука Станаха онемела, меч упал на землю.

Сердце тяжело стучало в груди. Станах повернулся, упал на колени и стал нащупывать меч, уверенный, что вот-вот ему будет нанесен смертельный удар. Он про克лял кендера и взмолился Реорксу — то и другое получилось у него на

одном дыхании. И тут Лавим, исправляя свою ошибку, метко попал камнем в голову солдата. Драконид взревел и, полуоглушенный, зашатался. Лавим закричал:

— Добей его, Станах! Нет, не делай этого! Смотри, сколько их! Беги, Станах! Беги!

Из-за угла выскочили несколько солдат; кованые сапоги гремели по булыжной мостовой, словно раскаты грома. Станах схватил меч левой рукой, поднялся на ноги и крикнул Лавиму:

— Давай сюда, кендер! Скорее вниз!

Лавим был бы и рад это сделать, но не знал, каким образом. «Крылья... кендеру действительно необходимы крылья!» — подумал он. Потом увидел: Станах подошел к стене склада. Кендер решил, крикнул ему «лови!» и прыгнул вниз.

Лучшее, что мог сделать Станах, — поймать падающего кендера. И он это сделал.

Они побежали вниз по улице, крепко держась за руки, все время ожидая удара камнем в спину. Надеясь, что у кендера ноги целы, вцепившись в его руку, Станах бежал так быстро, как никогда в жизни.

Тьорл заслонил Кельду собой.

Глаза солдата сузились. Он положил руку на эфес меча.

— Ну, — сказал солдат. Его пальцы с силой сжали рукоять. — Сентиментальное прощание. Разве ты не собирался уходить, эльф?

Драконид коротко хохотнул — жестко, лающе.

— Думаю, он собирался, Хариг.. Их поцелуй, конечно же, был прощальным, последним.

Руки Тьорла уже зачесались от желания взяться за меч. Кельда глядела на солдат со страхом, ее глаза расширились, дыхание перехватило, жилки на шее дрожали.

— Готов поспорить: она забудет эльфа сразу, как только он умрет, Хариг. Как думаешь, ты с ним сумеешь справиться один?

— С эльфом-то? — Хариг фыркнул. — Мой меч уже проливал эльфийскую кровь и раньше. Он у меня, конечно, старый, но для такого дела вполне годится.

Тьорл схватил Кельду за плечо и выхватил меч Хаука из ножен у нее на поясе. Хариг тоже вынул меч. Дракониды стояли поодаль. Они пока не вмешивались, но их глаза были красными и злыми.

Хариг усмехнулся, вновь показав гнилые желтые зубы.

— Ну, что скажешь, эльф? Девчонка стоит того, чтобы за нее сражаться, а?

Ветер зашумел на вершине холма, он принес из долины запах пожарищ и смерти. Сапфиры на рукояти меча Хаука замерцали, будто запели беззвучную песню света.

Тьорл начал бой легко, не защищаясь, а нападая.

— Вся твоя кровь, — сказал он ледяным голосом, каким умеют говорить только эльфы, — вся твоя кровь не стоит капли крови из ее мизинца..

Глаза Харига были мутны.

Вот меч в руках Тьорла взлетел высоко вверх и резко упал. Два драконида одновременно взвыли, Кельда вскрикнула. Хариг умер, не успев даже сдвинуться с места.

Реакция Тьорла была мгновенной. Он схватил Кельду, прижал ее к себе. И тотчас вытянул руку с мечом в сторону двух воюющих солдат.

— Учтите: я и вас прирежу как цыплят.

Солдаты уже подходили к нему с обнаженными мечами. Один драконид зашипел, словно змея, что собирается напасть на жертву. Тьорл взмолился богам, которыми он так долго пренебрегал, взмолился богам, чтобы только что сказанные им слова стали истиной.

Станах и Лавим бежали сломя голову — впрочем, как и преследующие их дракониды. Кендер перебирал своими маленькими ногами быстро-быстро. Три кожаных и два матерчатых кошелька на пояссе у него мелодично позвякивали. Лавим уже дышал с трудом, как старые кузнецкие мехи, и не смеялся вслух, хотя Станах видел: его сияющие зеленые глаза по-прежнему смеются.

Когда один из преследователей поскользнулся и, шлепнувшись в грязь, обрызгал двух других драконидов, заоравших благим матом на всю улицу, Лавим замедлил бег и обернулся: ссорящиеся дракониды его забавляли. Станах снова схватил кендера за руку и, таща Лавима за собой, нырнул в переулок. Гном остановился,

намереваясь сбряхнуть с себя грязь, но тут в переулке появились дракониды, и Станаху с Лавимом снова пришлось бежать. Сердце Станаха колотилось о ребра; ноги стали тяжелыми, будто налились свинцом, бок болел.

Едва они достигли последнего поворота, за которым дорога выходила из города и спускалась в долину, как услышали громкий женский крик.

Завернув за поворот, Лавим крепко схватил Станаха за руку.

Станах замер. Эльф, которого он искал все утро, дрался с двумя солдатами. Кровь струилась по его правому плечу и по лицу.

Девушка — барменша из таверны Тснни — подбирала на дороге камни и бросала их в сражавшихся с эльфом солдат. Задумала она, несомненно, благое дело, но, увы! помочь эльфу она ничем не могла, так как бросать камни не умела и они попросту не попадали в солдат.

Но вообще-то, почему она здесь, да еще вместе с эльфом?

Держа меч обеими руками, эльф сражался умело, но Станах знал, что даже самый искусный воин не может долго биться против нескольких противников. Эльф скоро устанет, и дракониды легко убьют его.

Лавим, свято веряший, что каждый, кто сражается с драконидами, его друг, с воинственным криком подбежал к одному из драшившихся солдат и ударил его головой в спину. Солдат обернулся, кендер отскочил и побежал вниз, по дороге в долину, драконид бросился за ним...

Станах действовал более осторожно; в отличие от Лавима, он ни на минуту не забывал о тех четырех драконидах, что преследовали их. Кендер, девушка, потерявший много крови эльф и все съе тяжело дышащий после быстрого бега гном не смогут одолеть шести драконидов Потрошителя. Однако же сейчас было пока всего два драконида, и они должны как можно быстрее умереть. Возможно, это хоть немного охладит пыл четырех преследователей...

Ничего так не хотелось сейчас Станаху, как оказаться где-нибудь подальше от Старой Горы!

Но, не раздумывая более, он подскочил к нападавшему на эльфа дракониду, вонзил в него свой меч и сразу выдернул его, а обессилевший от усталости и потери крови эльф уже, упав на колени, выронил свой меч. Станах протянул руку, чтобы поднять меч и отдать его эльфу, протянул руку не глядя, но оказалось, что тот уже сам поднял его и вновь сжимает рукоять своего меча.

Станах взглянул на рукоять меча — дыхание его перехватило.

Сквозь кровь, покрывавшую клинок, струилось темно-красное сияние.

«Великий Рейоркс! — воскликнул про себя Станах. — Так ведь это же он! Меч Бури!»

Плавшийся за Лавимом солдат поскользнулся и упал, кендер быстро поднял с дороги большой камень и с силой бросил его в голову противника;

треснула кость, солдат вскрикнул, а Лавим тотчас добил его вторым камнем.

Станах, качая головой, смотрел на тяжело дышавшего эльфа, бледного от потери крови, с тусклыми глазами, едва живого от усталости. «Если ты умрешь сейчас, — вдруг безжалостно подумал Санах, — я получу то, что искал! И я буду тебе благодарен за это! Да, я буду очень тебе благодарен!»

Но эльф не собирался умирать. Вот он поднял голову, стер кровь с лица и посмотрел Санаху прямо в глаза.

— Раны мои отнюдь не смертельны.

Станах хмыкнул:

— Но можешь ли ты бежать?

Эльф еле заметно вздрогнул, переспросил:

— Бежать? Могу, если должен.

Станах указал рукой в сторону города. Как он и предполагал, из-за поворота показались четыре драконида.

— Да, ты должен бежать, — сказал он жестко.

«Да, — повторил он про себя, — ты должен бежать! Ты с Мечом Бури побежишь вместе со мной!»

И они побежали. За Санахом и Тьорлом побежали Лавим и Кельда.

Глава 8

десь совсем не было света. Здесь вообще ничего не было. Придя в себя, Хаук даже не знал, сколько времени он здесь...

Он не был ни связан, ни закован, но все равно не мог двигаться. Он лежал на мокром камне, и холод просачивался в него, мертвой хваткой сжимал тело.

Казалось, он вообще никогда в жизни не чувствовал тепла. В его памяти оставались только пронзающий душу страх и без конца повторяющийся вопрос:

— Где меч с украшенной сапфирами рукоятью?

Будучи здесь, он умирал дважды. Первая смерть была быстрой и мучительной: он чувствовал, как холодная сталь вошла в его тело, как вытекла из него кровь. Во второй раз он лежал в кромешной темноте, лежал целую вечность, чувствуя медленное приближение смерти, осознавая ее безжалостную, неотвратимую поступь, слыша, как она накатывается на него, подобно буре, врывающейся в долину. И тогда он тоже не был связан, но не мог двигаться, он беспомощно лежал в темноте, ощущал приближение смерти и безмолвно молился всем:

богам, которые, как ему казалось, могли его слышать. Смерть к нему придет, видимо, еще не раз, ее шаги подобны грому, ее голос — как погребальная песнь, в которой звучит его имя.

А между двумя этими смертями — без конца повторяемый вопрос:

— Где меч с украшенной сапфирами рукоятью?

Хаук ни разу не ответил на этот вопрос. Он не позволял себе даже думать о мече или о девушке из таверны, которой он его отдал.

Тот, кто убивал его дважды, вполне мог убить и девушку — мог погасить свет в ее зеленых глазах столь же просто, как человек гасит светильник.

Тот, кто убивал его дважды, мог пронзить ее сердце, подобно ножу, летящему, сверкая серебром, в голубоватом воздухе таверны, в центр подноса.

Но почему, почему кто-то так сильно желает получить этот меч? Хаук этого не знал.

Так он и существовал в этой вечной пустыне ужаса. Одни и те же кошмары посещали его и во сне, и наяву.

Но теперь Хаук начал медленно осознавать, что он не одинок в этой пустыне. Последнее время у Хаука появилось чувство, будто кто-то неслышно ходит поблизости.

Вот кто-то вздохнул в темноте. На вздох откликнулось эхо, и Хаук понял, что здесь есть стены. Чей-то голос что-то едва слышно пробормотал.

Страх прошел через все тело Хаука и осел, тяжелый и холодный, где-то внизу живота.

Это не был тот безжалостный голос, что задавал вопрос о мече. Тот голос был твердым, как камень, как сталь, а этот совсем другой, слабый и мягкий.

А может, это было его собственное бормотание, его шепот?

И вдруг свет вспыхнул в темноте, разбросал тени по стенам и острыми стрелами ударил в глаза Хаука. Он закричал от боли: он не мог ни отвернуться, ни хотя бы закрыть глаза. Но свет сразу же стал слабее.

Огненный образ гнома, спрятавшего за спиной яркий фонарь, ослепил Хаука.

— Кто?.. — прошептал Хаук.

Ответа не было, только послышались прерывистое дыхание и приглушенные, осторожные шаги.

— Кто ты?

В ответ — рыдание, затем глухое недовольное ворчание.

И опять настала полная тишина. Хаук снова был один.

Глава 9

охладный ветер преследовал их до самой лесной опушки и отстал только тогда, когда они вступили в таинственное царство деревьев. Станах вздрогнул от сусекущего холода, пробежавшего по спине. Вот уж никогда он и думать не думал, что попадет в Квалинести, хотя от Торбардина до Эльфийского леса было всего четверть дня пути. Наслушавшийся разных легенд, Станах был уверен, что все в этом лесу скрытое, заколдованное, охраняемое.

С самого раннего детства Станах слышал сказки о путешественниках, побывавших в Квалинести; правда, ни один из рассказывающих сам в тех местах не бывал. Никто из приходивших в Эльфийский лес без приглашения никогда не выходил из него. Если бы не Меч Бури, Станах предпочел бы лучше иметь дело с драконидами, чем входить незваным в Эльфийский лес. Но ведь он поклялся, что отыщет Меч и принесет его Хорнфелу, своему тану.

Станаха, Лавима и Кельду привел в лес Тьорл. Эльф прихрамывал и шел медленно; когда он сказал, что их единственное спасение — укрыться в Эльфийском лесу, поскольку

ни один драконид не последует за ними туда, никто не пытался и спорить с ним.

У Станаха не было особого желания идти в лес, на запад, в то время как Музыкант ждет его на холме, на юго-востоке. Прошло уже двое суток, как они расстались. Удалось ли Музыканту обмануть преследователей? Четверо против одного — это все-таки не шутка.

«Но ведь у нас не было никакого выбора, — думал Станах, продираясь через заросли колючих кустарников. — А я не могу бросить своих, пусть и случайных товарищай. Меч еще не у меня в руках».

Сердце Станаха застучало сильнее. Впереди было что-то вроде стены из переплетенных ползучими растениями кустов и свисающих ветвей деревьев; казалось, перед ними кем-то специально созданная преграда. Станах шел в лес вслед за Тьорлом, не рассуждая, и теперь чувствовал себя в этом лесу незваным гостем.

Меч надо было принести в Хайлар, хотя бы во имя того, чтобы смерть Киана Красного Топора не оказалась напрасной. Станах должен был следовать за Мечом, должен был найти возможность забрать его у Тьорла и затем встретиться с магом в условленном месте.

По лесу Меч Бури несла Кельда. Тьорл хотел было взять Меч у нее, но она решительно замотала головой. Станах не понимал, почему она не отдала Меч, ведь идти ей с Мечом было трудно: он бил ее по ноге, оставляя синяки и ссадины. Удовольствие весьма сомнительное...

«Странно, — думал Станах, — как все-таки Меч вообще оказался у Кельды? Впрочем, разве это так уж и важно? Важно придумать, как забрать его и принести в Торбардин».

А придумать этого он все еще не мог. Разумеется, он мог бы просто украсть Меч Бури; но красть что-либо у эльфа в Квалинести? Ничего не зная о том, что связывало Кельду и Тьорла, Станах в то же время чувствовал, что красть у Кельды — то же самое, что красть у эльфа.

Конечно, эльф ранен, но ведь не настолько тяжело, чтобы не отыскать вора в лесу, — в лесу, который он знал с детства, а Станах не знал вовсе. Несомненно, кража кончится тем, что гном получит стрелу в спину, а Меч Бури снова будет утерян.

«Нет, — думал Станах мрачно, — пусть девушка, если хочет, несет Меч, пока я не придумаю, как смогу заполучить его».

Лавим, быстро семенивший рядом с Тьорлом, вдруг взглянул на эльфа своими сверкающими зелеными глазами.

— А что, здесь много привидений?

Тьорл слегка улыбнулся.

— А ты очень хочешь встретиться с привидениями, кендерочек?

— Ну еще бы! А также со всякими фантомами и призраками, хотя, полагаю, это, видимо, одно и то же. Ты ведь наверняка слышал про этот лес разные истории *правдивых* рассказчиков? Я имею в виду тех болтунов, что сначала говорят, мол, попавший в этот лес выйти уж

никак не может, ну а потом начинают рассказывать всякие сказки про существа без сердца, без души и даже без голов! Да как же они могли узнать о...

— Лавим, помолчи-ка лучше, — вмешался Станах.

Кендер повернулся к нему, чтобы достойно ответить, но, увидев мрачное выражение лица гнома, замолчал.

Кельда молчала всю дорогу от Старой Горы и, несмотря на то что несла тяжелый меч, не отставала от своих спутников. Но чувствовалось, что она усталая. Вот она споткнулась, Станах успел поддержать ее под локоть.

— Скажи мне, Тьюрл, — проворчал гном, — это место действительно обиталище призраков или ты просто хотел бы нас изрядно попугать?

Тьюрл остановился, повернулся к Станаху и посмотрел на него сонными глазами.

— На самом деле здесь не больше призраков, чем в любом другом месте на Кринне.

Лавим, взглянув на Кельду, сошел с тропы. Он подумал: она чем-то озабочена, надо будет порасспросить ее попозже... В любом случае это Эльфийский лес, и при некоторой удаче они смогут увидеть призраков, хотя только что сказанные Тьюрлом слова особой надежды не вселяли.

Кендер пристально взгляделся в заросли, ожидая, что привидения все-таки появятся. Он полагал, что время привидений уже настало.

Они все шли и шли, и только через час, когда красная луна закатилась и на небосводе осталась одна лишь серебристая луна, заливавшая своим призрачным светом все вокруг, Тьорл остановился на прогалине под ветвями старого дуба. Лавим вызвался дежурить ночью первым — никто не был против.

Тьорл, прихрамывая, отправился к ручью промыть раны на лице и на плечах. Станах собрал сухие ветки и разжег костер, Лавим пошел похотиться и вскоре вернулся с двумя жирными куропатками.

Кельда легла спать сразу после еды.

Влажный холодный ветер играл языками пламени, ветви над головой постанывали. Станах поправил костер и посмотрел на облачное небо.

— Скоро начнется дождь, — сказал гном.

Тьорл согласился.

Где-то рядом заухала сова, затем послышалось хлопанье крыльев. За ручьем залаяла лисица. Около невысокой серебристой берески стоял Лавим — он рьяно исполнял взятую на себя обязанность дежурить в первую смену. Ни Станах, ни Тьорл не надеялись, что кендер простоит на посту сколь-нибудь продолжительное время, и оба, не сковариваясь, остались бодрствовать у костра.

Тьорл откинулся на лежащее у него за спиной бревно и вытянул к огню ноги: Он сыт, огонь пылает жарко — эльф сидел почти умиротворенный. Он посмотрел на Станаха, почесал пальцем подбородок и улыбнулся лениво и проницательно.

— Ну, говори, гном.

Удивленно посмотрев на эльфа, Станах спросил:

— Что говорить?

— Хоть что-нибудь из того, что ты весь день хотел сказать мне. Что-нибудь, что ты хочешь сказать каждый раз, когда видишь меч Кельды. Это ведь прекрасный меч, и ты, видимо, удивляешься: как он к ней попал? — Тьюрл кивнул головой на Кельду; она спала, положив одну руку под голову, а другую на меч. — Ты, конечно, сразу понял, что это оружие не для нее.

— Ну и что... А в самом деле, как попал к ней меч?

— Это вопрос?

— Вопрос и пока один, — сухо сказал Станах.

— Отлично, я так и думал. Ей его подарили.

— Кто сей подарил?

— А какое это имеет значение?

Станах смотрел, как пляшут языки пламени, как огонь лижет ореховые и дубовые поленья. Вопрос Тьюрл задал довольно мягким голосом, так что надо было ответить. Он задумался — в памяти всплыли слова мага: «Делай то, что ты должен делать, чтобы получить Меч». Станах улыбнулся.

— Это имеет значение, причем большее, нежели ты думаешь. — Гном показал рукой на меч Кельды. — У него есть имя: его зовут Меч Бури.

Гонимые ветром коричневые листья, крутясь, летели через прогалину и шелестели на камнях у берегов ручья и в зарослях кустов.

Тьорл наклонил голову.

— Прекрасное имя. Откуда ты его знаешь?

— Не я его придумал, — если ты это имеешь в виду. На клинке, около того места, где сталь соединяется с рукоятью, есть метка кузнеца, который его выковал; эта метка молот, разрубленный мечом. Меч выковал Изарн Молотобоец из Торбардина, и он сам дал ему имя. На рукояти есть пятнышко в том месте, где ее не удалось отполировать. Проверь, если сомневаешься.

— Да, я видел и то и другое. Но ты еще не ответил мне, друг Станах: какое для тебя имеет значение, кто подарил Меч Кельде?

— За этот Меч уже пролита кровь — и добрая, и злая. За него уже умерли четверо; один из них — мой родственник, Киан Красный Топор.

Тьорл снова облокотился на бревно. Он вдруг вспомнил четырех гномов в таверне Тенни, тех, что с особым интересом наблюдали за игрой в ножи.

С той ночи в Старой Горе никто не видел ни Хаука, ни четырех гномов. Не было причины связывать исчезновение гномов с исчезновением Хаука. Раньше не было, но теперь... Теперь, кажется, такая причина есть.

— Ну, дальше! — сказал Тьорл.

— Я плохой рассказчик, Тьорл, но я попытаясь рассказать тебе все. Меч был выкован в Торбардине и украден два года назад. С тех пор Хорнфел, мой тан, и другой тан, Рилгар, ищут его. Недавно нам стало известно, что Меч Бури

отыскался. Он был у одного человека, которого видели как раз в Старой Горе.

— Это всего лишь меч, Станах. — Тьорл фыркнул. — Убивают мечом, а не из-за меча.

— Но в данном случае убивают из-за Меча. Из-за Королевского Меча. Без такого Меча никто не может править гномами. Только с Королевским Мечом. Наш закон гласит: Торбардином должен править гном, владеющий Мечом Бури.

— В таком случае ты искал меч для себя самого.

«Он из Внешних Земель, — сказал себе Станах, — и слишком невежествен, чтобы понимать, что он говорит». Гном попытался объяснить эльфу все как можно понятнее:

— Меч не сделает меня правителем. Я кузнец; и только. У меня нет воинов, они есть у Рилгара. По-твоему, я — без единого солдата за спиной хочу устроить эдакую победоносную революцию и взять власть в свои руки...

Тьорл пожал плечами.

— Готов поспорить, у твоего Хорнфела найдется пара-другая солдат.

— Да, у него найдется.

— Ты ведь служишь ему?

— Он мой тан, — коротко ответил Станах. — Я помогал выковывать Меч именно для него. Я был в кузнице, когда сам Реоркс коснулся стали. — Он с удивлением посмотрел на свои руки со шрамами на ладонях. — Триста лет никому не удавалось сделать такой Меч, Тьорл. Меч не может стать Королевским Мечом, если его не коснется.

бог. Меня... меня поставили охранять Меч. Я повернулся к нему спиной лишь на мгновение...

— И ты потерял его, так?

Станах долго молчал; наконец эльф попросил его продолжать. Станах заговорил снова.

Извилистые тропы гномской политики были не вполне понятны эльфу, однако он сразу понял, что для Станаха и двух гномских танов Меч Бури был не просто великолепным произведением искусства. Для них это талисман, способный объединить раздираемый распятыми весь Торбардин. Для одного объединить во имя добра, для другого — во имя зла.

Тьорл слушал внимательно и удивлялся: откуда гномам уже известно о планах Верминаарда, о том, что тот собирается повести армию драконов к восточному подножию Харолисовых гор. Верминаард явно точил зубы на Торбардин.

Богами Тьорла были эльфийские боги: серебряный Паладайн и лесной повелитель, король-бард Астра. Но сейчас Тьорл, глядя на игру теней в гуще узорчатых листьев дуба, кажется, понял значение узора — узора, который могла выткать только Такхизис, Владычица Тьмы.

Внезапно почувствовав озноб, он придвигнулся к костру поближе.

— Ты же видел Меч, — сказал Станах, — а значит, видел красную полосу в стали; это отметка бога. Я видел, как она появилась, как она вылетела из горна Реокса, да, это метка бога. А значит, тан, который получит Меч Бури, будет править Торбардином, как Король-регент. Уже

триста лет ни один тан не правил объединенным гномским королевством. Плохо, когда нет единого королевства. Что-то всегда... мешает, что ли. Мы знаем, что у нас уже никогда не будет Верховного Короля. Молот Хароса стал легендой, его никому и никогда не удастся найти. Но Меч Бури дает право любому тану стать Королем-регентом и занять трон вместо Верховного Короля. Если Королем-регентом станет Рилгар, гномы Торбардина станут его рабами. Он — маг из племени *дерро* и почитатель Такхизис. Значит, Торбардин будет принадлежать ей, причем завоюет она его без боя. Рилгар готов на все, лишь бы получить Меч Бури; и убийство — это еще не самое страшное, на что он способен.

Из огня выкатилось полено, покрытое серой золой. Носком сапога Станах отбросил его назад в костер.

— В конце концов, я полагаю, что не Кельда должна владеть Мечом.

— Именно Кельда.

Тьорл сел прямо, его голубые глаза сверкали, словно лезвие ножа.

Станах сидел не шевелись, уставившись на эльфа.

— Но почему?

— Потому что она получила его в подарок от моего друга. От человека, о котором ты упоминал. Он исчез два дня назад. Два гнома, один из них одноглазый, были у Тенни в ту ночь, когда Хаук исчез, — может, это твои друзья?

Холод пронзил Станаха до мозга костей. Агенты Рилгара уже в Старой Горе?!

— Нет, они мне не друзья. Я ушел из Торбардина с Кианом и с человеком-магом по кличке Музыкант. Киан мертв. Маг ждет меня на юго-востоке. Я пришел в город один.

— Я дорого бы заплатил, чтобы знать, не врешь ли ты.

— Думай обо мне что хочешь.— Станах фыркнул. Он вспомнил Киана и громкий карк ворон в небесах.— Те двое, что были в таверне, не мои друзья. Скорее всего, они из отряда, посланного Рилгаром украсть Меч. Уверен, что по крайней мере один из них — маг. Несомненно, они подстерегли твоего друга, но не нашли у него Меч, потому что он уже был у девушки. И если они маги, Тьорл, то перенесли твоего друга в Торбардин намного раньше, чем ты подумал о том, что потерял его. Если он еще жив, он у Рилгара. По мне, в таком случае уж лучше смерть. Рилгар не остановится ни перед чем, чтобы узнать, где Меч.

«Скорее всего,— думал Станах,— Хаук уже мертв. Но раз Рилгар не преследует Кельду, значит, Хаук хранил молчание до конца».

Такие же мысли он прочел во внезапно потемневших глазах эльфа.

— Вижу, ты теперь все понял, — прошептал Станах.

Тьорл тряхнул головой и огляделся.

— Но сейчас я вижу, что мы потеряли нашего караульного. Кендера нигде нет.

«Ты не усомнился в моих словах, — думал Станах. — Если бы ты засомневался, то не стал бы искать повода проверить, не идет ли за нами тот, кто готов из-за Меча убивать всех подряд, не останавливаясь ни перед чем».

Станах кивнул в сторону березы, призрачно серевшей в темноте.

— Я подежурю за кендера. А ты поспи.

Тьорл покачал головой.

— Кендер — твой друг. Сдается мне, он ушел и оставил тебя, чтобы ты взял на себя ответственность за наш покой, вахту... а может быть, и Меч тоже.

— Я? — Станах протестующе фыркнул. — А куда я с Мечом пойду теперь? Ну да, обратно, в Торбардин, — если смогу дойти. Думаешь, я мог бы убить тебя спящего? Впрочем, ты хорошо знаешь, что мне не выйти из этого леса, буду блуждать, пока не умру. — Станах мрачно улыбнулся. — Лавим говорил: кто вошел в Эльфийский лес, не выйдет из него, пока сам эльф не покажет ему дорогу. Я подожду до утра, а утром мы еще поговорим об этом, согласен?

Тьорл, доверявший гному в городе, теперь, в лесу, ему не доверял.. Однако самому лесу он верил. Действительно, куда уйдет Станах, если он боится Квалинести? Слова гнома звучали в общем убедительно, но все же Тьорл сомневался в их правдивости..

Замерзнув, почувствовав, как донимает ее сырость, Кельда свернулась калачиком и замерла. Она слышала рассказ Станаха и поняла: лежащий

у нее под рукой меч — не обычный клинок с красивой рукоятью.

Разбудили ее как раз голоса Станаха и Тьорла, хоть и приглушенные. Впрочем, она была рада, что проснулась: во сне ее мучали кошмары. Она и не думала подслушивать, но стала прислушиваться, поняв, что говорят о мече, а когда услышала *его* имя, почувствовала себя совершенно несчастной.

«Хаук! Неужели он мертв? Или он до сих пор пленник этого Рилгара?»

Кельда как можно крепче сомкнула глаза. Она вспомнила его руки, большие и мозолистые, вспомнила, как он положил меч — Меч Бури — к ее ногам. Она вспомнила его улыбку и голос — прерывающийся, когда он просил у нее прощение. Что же с ним случилось?

«Если он жив, он у Рилгара. По мне, в таком случае уж лучше смерть», — вспомнила она слова гнома.

Тьорл спал рядом с ней. У костра дежурил Станах. Огонь золотил серебряную серьгу у него в ухе и окрашивал красным его густую черную бороду. Он взял в руку толстую ветку, чтобы бросить ее в огонь, и тут увидел: Кельда привстала. Он ничего не сказал, только кивнул. Кельда поправила волосы и протянула ему еще одну ветку.

Он взял ветку и сказал: «спасибо». Кельду удивило, что его голос, глубокий и громыхающий,

когда он говорил с Тьорлом, может быть таким нежным, как сейчас. Кельда улыбнулась Станаху, и его глаза немного повеселили.

Она поднялась, подошла к костру и села рядом с ним.

Кельда сидела на земле, прислонившись к бревну, и не могла отвести глаз от танцующих языков пламени.

...Огонь, жаркий, как пламя сотни факелов, вырвался из пасти дракона. Крыша родного дома загорелась, Кельда в ужасе закричала. Затем пламя охватило весь дом. Кельда увидела в окне лица ее матери и брата. Мальчик кричал, в отблесках пламени слезы на его лице были цвета крови. Мать закрывала мальчика, как будто верила, что своим телом сможет защитить его от нестерпимого жара.

И вот уже ничего не видно, только два человеческих тела в огненном доме...

Жар костра не согрел Кельду. Костер, напомнив ей о смерти брата и матери, вызвал у девушки ледяную дрожь во всем теле.

— Станах, а где Лавим?

Тот пожал плечами:

— Да кто его знает? Ушел по каким-то своим кендерским делам. К рассвету, я думаю, вернется.

Глянув вдаль, он больше ничего не добавил.

— А мы хоть поблагодарили тебя за наше спасение? — тихо спросила Кельда.

Он ответил не сразу, молчал, как бы задавая тот же вопрос самому себе.

— Нет, — наконец произнес он.

— Прости меня за такую оплошность. Конечно, мы должны были сделать это раньше. Спасибо тебе. Если бы не вы с Лавимом, Тьорла бы убили, да и меня тоже. — Говоря это, она запиналась: шипение веток в костре сейчас напомнило ей только что сившийся кошмар.

Станах покачал головой.

— Не думай об этом. Забудь, считай, что ничего такого не было. Лучше скажи, как ты оказалась с Тьорлом на той дороге?

— Я пришла попрощаться с ним. Он уходил из города.

— Вот как?

Заметив недоверие в его глазах, Кельда смущалась.

— Нет, я сказала не совсем то, что хотела. Я ведь познакомилась с ним всего за день или за два до этого. Когда Хаук отдал меч мне, а затем сам пропал, я хотела отдать меч Тьорлу. Но он его не взял. Он сказал, что Хаук может в любой день прийти за ним.

Станах улыбнулся. Теперь он все понял. Тьорл девушки, вовсе не был интересен — она все время думала о пропавшем Хауке. Он услышал подтверждение этого в ее голосе и увидел в ее взгляде, когда она посмотрела на Меч Бури. Меч мог быть каким угодно некрасивым, его рукоять могла быть сделана не из золота, а из свинца, а сапфиры могли быть простыми камешками, поднятыми со дна ручья, но меч принадлежал Хауку, и только это было существенно для Кельды.

Но Тьорла, однако, кроме судьбы Хаука, интересовало еще кое-что — его интересовала сама девушка. Это Станах отлично понял. Глаза эльфа могли быть твердыми, как сапфиры в рукояти Меча Бури, но когда он смотрел на Кельду или говорил с ней, они не были такими. Это нужно будет всегда иметь в виду.

— Кельда, — обратился к ней Станах, — а твоя семья не будет беспокоиться, что ты куда-то подевалась?

— Мой отец, и моя мать, и мой маленький брат... — Кельда громко вздохнула, — все они мертвы. У нас была ферма в долине. Но вот прилетел дракон и...

Станах посмотрел сперва на огонь, потом на лес. Сколько же страшного за свою короткую жизнь пришлось уже пережить девушке!...

— Успокойся, Кельда, — сказал он, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче, — успокойся.

Она снова вздохнула.

— У меня никого, никого не осталось...

«С точки зрения людей, она очень хорошенечкая», — подумал Станах. Он искоса взглянул на Кельду. Сколько ей лет? Трудно сказать. Может быть, двадцать... Высокие и русоволосые сыновья соседних фермеров, вероятно, сравнивали ее зеленые глаза с ночными светлячками; но сейчас здесь, в темном лесу, они были похожи просто на глаза потерявшегося ребенка, испуганно глядящего на обезумевший мир.

Двадцать лет! Станах, который — как и любой гном — в двадцать лет еще был малым ребенком, вообще не мог понять: как же можно считать взрослым кого-либо из существ, проживших еще так немного? Он и сейчас видел в Кельде только ребенка.

Станах попытался осознать, почувствовать, что означает для человека потеря семьи, но не смог. У гномов, кроме близких родственников, есть кланы — кланы, дающие им силы и поддержку во всех случаях, но у людей все, кто не входит в состав семьи, считаются чужими. За какое-либо особо тяжелое преступление или тяжкий грех гном мог быть изгнан из клана, и это было для любого гнома самым тяжелым наказанием. Про Кельду сейчас можно было сказать: все члены ее клана умерли.

Гном содрогнулся: «умерли все члены клана!» Он раздул плярче костер, и в ночном воздухе заплясали искры. Свет костра отразился на золотой рукояти Меча Бури и замерцал в сапфирах.

Станах почесал бороду. Итак, тот бродяга что-то значил для нее...

— А ты давно знаешь Хаука?

— Нет. Но для него, наверное, достаточно, раз он отдал меч мне. — Кельда застенчиво улыбнулась. — Это глупая-преглупая история. Улыбка сразу погасла. Ее зеленые глаза стали темными и печальными. — Он умер, да? Я слышала, что ты говорил о нем Тьорлу.

Станах уже чуть было не сказал ей, что Хаук, без сомнения, мертв. Ну как же мог он остаться

в живых до сих пор? Но тотчас же он сообразил, что если Кельда будет верить, что Хаук жив, что он до сих пор в пленау Рилгара и не говорит, где Меч, чтобы не убили девушку, то она, возможно, отдаст Меч ему, Станаху. Но это может произойти только в том случае, если он сумеет убедить ее, что, отдав ему Меч, она сможет избавить Хаука от смерти. Наверное, будет нетрудно убедить ее, что, если Меч достанется Рилгару, Хаук сразу будет убит. Тейвар непременно его убьет, чтобы Хаук не сказал никому, что Меч у него, у Рилгара.

О да, она, поверив, что этим может спасти Хаука, охотно отдаст Меч Станаху. Конечно, возможность того, что действительно удастся спасти жизнь Хаука, невелика, но главное, чтобы она поверила в это. Она несла Меч Бури по лесу, спала, обняв его рукой. Это был Меч Хаука, и она ни за что не расстанется с ним, если... если не будет верить, что, отдав Меч Станаху, спасет Хаука.

Он взглянул на Кельду. Она уже снова спала — уснула сидя, обняв руками ноги и положив голову на колени. Такая симпатичная человеческая девушка, влюбившаяся в бродягу...

Слегка коснувшись её плеча, Станах разбудил Кельду и сказал, что ей лучше снова лечь в свою постель и еще хоть немножко поспать нормально: скоро рассветет.

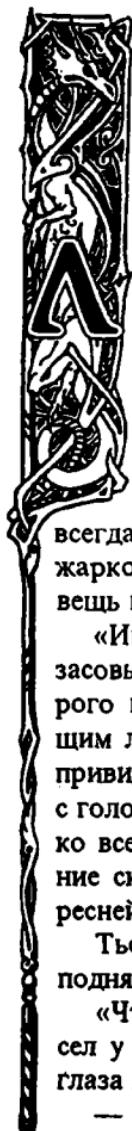
Она вернулась к своей холодной постели — и к Мечу. Станах устроился у огня поудобнее и начал обдумывать, что ему делать дальше?

«Делай то, что ты должен делать», — сказал Музыкант.

Станах подумал с тревогой: где сейчас Музыкант, в безопасности ли он, ждет ли его на холме? Четверо против одного. Да, но этот один — маг.

«Делай то, что ты должен делать».

«Хорошо, маг, я так и буду делать: то, что должен».

Глава 10

лавим вернулся, едва рассвело. Замерзший и вымокший, кендер, вздыхая, жалел, что ему так и не удалось в Старой Горе найти гномской водки. Фляжка на пояссе была пустой. Некоторые называли гномскую водку «Белая Погибель», но все-таки ужасно жаль, что фляжка пуста. Лавим всегда считал, что сделать запас — вторая после жаркого любовного свидания — *наиважнейшая* вещь в жизни.

«Иногда даже первая», — думал он сейчас, засовывая руки поглубже в карманы своего старого широкого плаща и горбясь под моросящим ледяным дождем. Он не увидел в лесу ни привидений, ни призраков, ни фантомов — ни с головами, ни без голов. Лес, о котором столько всего говорили, оказался просто на удивление скучным местом! У костра куда как интересней!

Тьорл сердито смотрел на Станаха. Кельда, подняв голову, не смотрела ни на кого:

«Что-то ее допекло», — подумал Лавим. Он сел у костра, протянул руки к огню и поднял глаза на Станаха.

— Что произошло?

— Ничего. Просто упрямство, — проворчал Станах. — Дурацкое эльфийское упрямство.

Он положил в костер веток и посмотрел на Тьюрла насмешливо.

— Тогда скажи мне, эльф, как ты собираешься узнать, что твой друг НЕ в пленау Рилгара? Ты хочешь уйти от нас? Хорошо, тогда я могу предположить, что ты собираешься просто продать его.

Тьюрл ледяным взглядом смерил гнома.

— Я скажу тебе, чего я не собираюсь делать. Я не собираюсь отдавать меч Хаука тебе — я не поверил ни одному твоему слову. Я иду туда, куда велит идти меч.

Лавим навострил уши.

— А куда конкретно мы идем?

Никто ему не ответил.

— Ну что же, прекрасно, — сказал Станах Тьюрлу. — Иди один. Я почему-то думаю, ты веришь мне, эльф. А если нет — спроси у мага Мзыканта, он подтвердит мой рассказ. — Станах горько усмехнулся. — Я полагаю, ты отлично понимаешь, что если я солгал, то его рассказ будет отличаться от моего, так ведь? Хорошо, иди один. Сам по себе. Спроси его прежде, чем я рискну сказать ему хоть слово. Правда, Мзыкант не будет торчать на холме, если он решит, что я мёртв. Если его там не окажется, я тотчас пойду в Торбардин. — Станах мрачно улыбнулся. — Я думаю, и ты пойдешь со мной.

— Кто такой Мзыкант? — Лицо Лавима выражало недоумение и любопытство. — По-

чесму он должен считать, что ты мертв? Значит, мы идем в Торбардин? Я там никогда не был; Станах, и я думаю, это как раз то самое место, где можно найти самую лучшую гномскую водку. — Он улыбнулся эльфу. — Кельда тоже идет?

— Нет, — твердо сказал Тьорл.

До сих пор молчавшая Кельда пристально посмотрела на него.

— Да. Я иду!

Тьорл хотел что-то сказать, но Кельда его опередила.

— Я пойду с мечом. Я не могу вернуться в город, во всяком случае сейчас. Я должна отыскать свою собственную дорогу. — Она замолчала, ее глаза сверкали почти неистово. — И меч будет при мне. Он мой — ты сам это сказал. Если Хаук еще жив, то он жив потому, что защищает меня. Когда ты думал, что Хаук вернется, тебе было выгодно говорить, что меч — мой. О, тогда меч был моим. Так вот, он и сейчас мой, и только я имею право решать, куда мы с ним пойдем.

— Хаук? — Лавим смотрел то на Кельду, то на Станаха, то на Тьорла. — Что за меч? — Он увидел лежащий на коленях у Кельды Меч Бури. — О, так вы говорите об этом мече?

Станах положил свою руку на плечо кендора.

— Не шуми, старина, прибереги свои вопросы на потом. — Он кивнул Кельде: — Так, значит, ты идешь?

— Да, иду.

М.А.Л.

— Ладно. — Медленно протянул Тьорл. — Но вы хоть представляете, что вам предстоит испытать в пути?

— Нечто хуже того, что мы уже испытали?

Тьорл ничего не ответил. Ночью он не решился рассказать о Финне. Теперь он был рад, что промолчал. Отряд Финна ждал Тьорла за лесом Квалинести. Тьорл был почти уверен, что Финн встретится им раньше, чем Станах отыщет своего мага. А встретившись с Финном, он и расскажет ему все: и о мече, и о разговоре со Станахом, и о Верминаарде. О Верминаарде в первую очередь, о том, что он намерен отправить своих солдат к подножию Харолисовых гор. Пусть Финн и решает, что следует делать.

— Ладно, Кельда, — сказал он. — Но тебе нужна более теплая одежда. — Он поднял руку, призывая Станаха помолчать. — Я знаю одно место, где мы сможем кое-что достать для нее. Это к тому же нам по пути.

Станах подбросил веток в огонь.

— Где это место?

— Что это за место? — почти как эхо, отозвался Лавим.

— Квалиност.

Солнце прорвалось сквозь низкие серо-голубые тучи, и его теплые лучи осветили город. Четыре тонкие башни из чистого белого камня отмечали северный, южный, восточный и запад-

ный углы квадрата, внутри которого находился город Квалиност. Белоснежный камень башен пронизали блестящие серебристые жилки. Каждые хрупкими галереи высоко над городом соединяли между собой северную башню с южной и западную с восточной. В самом центре города возвышалась сверкающая ослепительным светом изящная Башня Солнца. Покрытая золотом, башня многие годы была домом Голоса Солнца. Сейчас, как и весь Квалиност, башня пустовала: Голос Солнца увел свой народ, своих детей, из города. Эльфийский город Квалиност был построен гномами по проекту эльфов в те далекие времена, когда между двумя расами царили полное согласие и мир.

Когда Тьюрл вошел в город своих предков, его сердце наполняли и радость, и печаль.

«Радость, — думал он, — оттого, конечно, что я снова увидел его, а печаль — потому что прекрасный город этот, увы, пуст».

В пустынном городе завывал холодный осенний ветер, рыдал у зданий, когда-то полных жизни, шелестел золотистыми листьями бесчисленных осин на улицах. Раньше в городе всегда звучал веселый смех, а теперь — только тихая и скорбная погребальная песня.

Тьюрл печально слушал голоса памяти: Громкий смех отца, песни сестер.

Где они сейчас?

Ушли вместе со всем народом.. Увидят ли они их снова когда-нибудь? Тьюрл тряхнул головой, отгоняя невеселье мысли.

Почти все дома в Квалинесте были выстроены из кварца цвета неба на рассвете. И все дома сейчас пусты, темны, печальны.

Кельда, закрыв глаза, прислонилась к серому стволу старой осины. Город не был сожжен, он просто покинут жителями, но смотреть ей на город было почти так же невыносимо, как на почерневшие, обгоревшие останки своего родного дома.

Станах, считавший свой дом в горе главным своим богатством, понял, почему Тьорл так печален. Он перевел взгляд с Тьорла на Кельду и подумал: так вот что у них общее — у Тьорла нет дома, у нее нет клана. Станаху стало их нестерпимо жалко.

Молчание нарушил Лавим. Голос его был веселым, как и всегда. Он показал на груды золы, лежавшие на улицах города повсюду.

— Тьорл, что это? Это словно бы следы от сигнальных костров, только их слишком уж много.

Эльф невольно улыбнулся.

— В городе не было сигнальных костров, кендерочек. Просто уходившие сжигали то, что они не могли унести с собой. Это, можно сказать, похоронные костры — костры, отмечающие путь, по которому безвозвратно ушла жизнь.

Лавим подошел к Тьорлу и сзади засунул ему под мышки свои замерзшие, посиневшие руки.

— Ой-ей-ей, Тьорл! Сжигать вещи — нехорошо, и, если ты меня спросишь, я скажу почему. Что бы там ни было, я бы или забрал их с

собой, или продал. А сжигать их?! Нет! Теперь вам снова нужно будет обзаводиться необходимыми вещами.

— Теперь вещи будут другими, не такими, как раньше.

Станах взглянул на Тьорла.

— Все живое изменяется, — сказал он как можно мягче. — Кажется, даже эльфы.

Глаза Тьорла сразу стали ледяными.

— Нет, гном. Мы не меняемся уже много столетий. Единственное изменение, которое знают эльфы, — это смерть.

Станах раздраженно фыркнул, уже сожалея о своей неуклюжей попытке утешить эльфа.

— Тогда, значит, ты уже мертв, Тьорл, а продолжая все еще ходить по земле, просто загрязняешь воздух, которым могли бы дышать другие. Ваш город, ваш жизненный путь изменился. Возможно, мы должны теперь считать вас не эльфами, а привидениями?

Тьорл хотел было возразить, но вдруг, взглянув на безмолвный город, сказал:

— Возможно, и так.

Лавим увидел: Тьорл куда-то повел Кельду. Его продолговатые глаза сузились, он стал задумчиво накручивать на палец конец своей белой косы.

— Станах, — сказал он, — если, уходя отсюда, эльфы сожгли все свои вещи, то что же Тьорл собирается найти для Кельды?

Гном пожал плечами.

— Не знаю. С тех пор как мы пришли в город, наш гостеприимный эльф превратился в какое-то привидение. Может, он сотворит ей что-нибудь из пустоты?! — Станах побрел по улице. — Чем скорее мы уйдем отсюда, тем лучше будет для всех...

Лавим пошел за Станахом. Он еще не знал и половины того, что очень и очень хотел знать. Меч Кельды, какой-то пропавший бродяга, два гномских тана — все сплелось в единый клубок. И еще: кто такой этот Музыкант?

Маленький деревянный олень, застывший в грациозном прыжке, лежал, опутанный серебряными ожерельями, засыпанный золотыми серьгами и другими украшениями. Детская игрушка и материнские драгоценности! Станах освободил оленя, и сделал это так осторожно, как будто тот был живым. Он перевернул фигурку, взглянул — и улыбнулся. На животе оленя, среди искусно вырезанных завитков шерсти, виднелось изображение наковальни, перечеркнутое гномской руной F. Значит, это изделие мастера-гнома.

Станах осторожно отложил игрушку в сторону и осмотрел комнату. В комнате был полнейший беспорядок.

Великолепные gobelены, огромные ковры, мягкие подушки — все было разбросано как попало. Даже платяной шкаф был опрокинут и лежал на полу.

Пошатываясь, вошел Лавим с огромной охапкой одежды в руках.

— А, ты здесь, Станах. Тьорл сказал, что это все для Кельды.

— А где она сама?

— Принимает ванну. А Тьорл пошел осмотреть какие-то механизмы. — Лавим бросил одежду на пол и уселся среди плащей, охотничих костюмов, ботинок и кофточек. — Как я и догадывался, они, уходя, сожгли не все. Знаешь, Станах, этот город, наверное, и впрямь был просто великолепным. И зачем только эльфы ушли отсюда?! Я думаю, если бы я тут жил, даже дракониды ни за что не смогли бы заставить меня уйти отсюда!

Страх, словно темнота, распоряжался в городе. Он прилипал к прекрасным зданиям, скрывался в яблоневых и грушевых садах. Страх и печаль шли по улицам и мрачно смеялись над каждой умирающей осиной.

Гном молча помотал головой. Кендер все равно не поймет, что это такое — страх. Так что стоит ли втолковывать ему что-либо?

Станах, скрестив ноги, сел на ледяной мраморный пол. Сдерживая нарастающее желание как можно скорее уйти из этой печальной комнаты, из этого печального дома, из этого пустынного города, он стал разбирать одежду. Не ровен час — Лавим всю одежду распихает по своим сумкам, а они у него и так уже полны-полны;

да и сам он что-то очень уж пополнил, а ведь Станах хорошо помнил, что еще совсем недавно кендер был строен, как тростинка. Дома и магазины, оставленные жителями Квалиногта, вызывали грусть и у Тьорла, и у Кельды, и у Станаха; Лавим же чувствовал себя в городе так, будто попал в свой родной, кендерский рай.

Гном отобрал у Лавима плащ цвета молодой сосны, подбитый кроличьим мехом, — плащ по размеру как раз подходил Кельде, — выбрал ей прочные ботинки, с двумя слоями замши, утепленные гусиным пухом.

— Если не ошибаюсь, эти ботинки как раз то, что ей нужно.

Лавим осмотрел вещи и сказал, что теперь Кельда будет одета намного теплее, чем любой из них.

— Она и мерзла сильнее, чем любой из нас, — сказал Станах, — но теперь она хоть не будет мерзнуть. Послушай, отнеси-ка все эти вещи ей сейчас, а? Ну а потом сходи за Тьорлом. И вот еще что, Лавим...

Держа в руках ботинки и плащ, кендер обернулся.

— Да?

— Прежде чем пойдешь искать Тьорла, вытряхни-ка свои сумки, да получше.

Лицо Лавима выражало полное недоумение.

А Станах добавил:

— И не рассказывай нам больше сказок о том, как вещи сами прыгают к тебе в карманы. Ну ладно, ладно, ступай, Лавим.

Оставшись один, Станах почистил свою одежду и задумался.

Да, он сделал то, что должен был делать. Ни Кельду, ни Тьорла он больше не убеждал, что Хаук еще жив. Кельда сама убедила себя: Хаук жив потому, что жива она.

Когда они еще шли по лесу, Кельда рассказала гному о том, как Хаук отдал ей Меч. Рассказывала очень взволнованно, даже голос ее дрожал.

Теперь Станах был уверен, что девушка ни за что не согласится с Тьорлом, если он будет против того, чтобы передать Меч магу. Кельда убеждена, что полупульянный бродяга, отдавший ей Меч, сейчас, словно палладин, защищает ее от мага *дерро*, — от мага, беспощадно убивающего всех из-за Меча Бури.

Может быть, Хаук и вправду защищает ее, если он еще жив; но Станах был убежден, что Хаук уже убит Рилгаром.

Станах закрыл глаза.

Как только они встретятся с магом, Меч Бури в одно мгновение будет перенесен в Торбардин — прямо в руки Хорнфела; Кельда и Тьорл даже понять не смогут, что случилось. Станах должен будет изо всех сил постараться как можно дольше внушать девушке надежду на то, что она спасает Хаука.

Имеет она право на Меч? И да, и нет! Такое право есть только у гномов. У одного гнома — у Хорнфела...

Тонкие пальцы коснулись его плеча. Станах открыл глаза и увидел стоящую перед ним Кельду.

— Станах? Ты как, готов в путь?

В этом покинутом жителями городе она все-таки ухитрилась вымыться. На ней был шерстяной охотничий костюм, замшевые ботинки и зеленый плащ. Меч Бури висел в ножнах на поясе.

— Да, готов, — сказал он. Потом посмотрел на Меч. — А ты в состоянии нести его и дальше?

Глаза Кельды сверкнули.

— Я уже несля его долго-предолго!

— Да, и спотыкалась на каждом шагу. Лес Квалинести — это не Старая Гора. Все будут думать: раз у тебя меч, то ты умеешь им пользоваться. Ты понимаешь, о чем я говорю?! Тебя убьют прежде, чем ты успеешь унести ноги куда-нибудь подальше. Позволь мне помочь тебе и нести твой меч или, если это тебя не устраивает, отдай его своему другу эльфу.

Кельда покачала головой.

— Меч пока еще мой.

— Но ты, по крайней мере, научись носить меч. — Он показал пальцем на ножны. — Затяни пояс потуже, чтобы ножны не били тебя по ногам.

Кельда затянула пояс. Меч действительно стал ей меньше мешать. Она посмотрела на Станаха и улыбнулась.

— Что еще?

— Еще найди себе подходящий нож. Мечом ты все равно защитить себя не сможешь.

Внезапно, без какой-либо видимой причины он рассердился на Кельду. И на себя. Станах по-

вернулся и прошел через комнату к окну. Посмотрел вниз, во двор. Это лучше, чем видеть боль в глазах Кельды.

Осиновые листья кружились над двором, гонимые ветром. Их шуршание было единственным звуком в этом печальном, пустынном городе. В молчащем Квалинесте повсюду бродили призраки. Призраки и память.

Или голос его совести?

Огромный черный дракон тридцати футов длиной вынырнул из облаков и спикировал над хребтами восточного Квалинести. Серебристая Солинари уже давно зашла, но кроваво-красный свет Лунитари заливал все вокруг, и этот свет сверкнул на его чешус, на когтях и острых зубах, а также в мутных, словно застывших глазах. Его драконье имя было Севрист, сам себя он звал Темная Ночь.

Дракон поймал крыльями ветер и полетел к заросшим чахлым лесом хребтам на границе между Квалинести и Гномскими горами. Дракон не любил яркого солнечного света, он любил тьму: ночью он видел великолепно. Холодный лунный свет смотреть ему не мешал, но лучше всего он видел в такие夜里, как вот эта, когда даже и луна закрыта облаками.

Он смотрел на землю внизу, словно человек, изучающий хорошо составленную карту. Спустившись пониже, он пронесся над лесами к востоку от озера Кристалмир и дальше, над низкими

холмами, что опоясывали Равнины Дергота, которые гномы называли Равнинами Смерти.

Тёмная Ночь был послан Верминаардом к Рилгару в Торбардин. Если гном примет предложения Верминаарда, его вскоре будут называть Повелителем. А он, конечно, примет предложения. Гном этот был хитрым, самолюбивым, злобным и едва ли не сумасшедшим. Душа у него почти такая же черная, как у черных драконов. Сейчас Рилгар с нетерпением ждал посланника из Пакс Таркаса. Севрист должен будет какое-то время служить новому Повелителю.

Дракон был как бы подарком Верминаарда Рилгару. А у всех его подарков обязательно есть зубы. Даже сейчас, собираясь сделать Рилгара Повелителем, Верминаард уже думал о том, где в Гномских горах будут стоять солдаты его армии. О да, он намеревался впоследствии сместь Тейвара, самому узурпировать власть и провозгласить Торбардин своей крепостью. Севрист все это знал. Знал он и еще кое-что.

Ветер был пронизывающе холодным, но это черному дракону было приятно.

Темная Ночь, улыбаясь, летел над болотами и лесами, над равнинами и горами и вот очутился уже в окрестностях Торбардина.

«Что верно, то верно, — думал дракон, — у всех подарков Верминаарда есть зубы, а мои, разумеется, остree других».

«Пусть гном сделает то, что должен сделать, — сказал Верминаард дракону. — А ты должен оказывать ему любую помощь, которая ему понадо-

бится. Ну а когда Совет Танов перестанет существовать, то...»

Что ж, спасибо Верминаарду за развлечение. Дракон произнес магическое заклинание страха и тьмы. Сегодня ночью в темной пещере под Торбардином, он будет сладко спать, и ему приснятся гномы — жалкие создания, в страхе умирающие неизвестно из-за какой болезни...

Глава 11

о лодный ночной ветер пролетел над долиной, встряхнул ветки сосен и обрызгал дождем белый лед, лежащий на плечах горы, в каменных недрах которой находился Торбардин.

Женщины с детьми на плечах и мужчины, в глазах которых уже почти погасла надежда на помощь, стояли у подножия горы со стороны Южных ворот. Совсем немногие, поеживаясь от ночного холода, с интересом разглядывали ворота; большинство на них и не смотрело — они чувствовали только усталость и холод.

И вдруг послышался детский смех. Так странно и так неожиданно! Но ведь дети есть дети; они не могут обойтись без шалостей, как бы ни устали.

Несколько часов назад восемьсот человечек со страхом подходили к воротам гномской крепости; они боялись, что их надежды окажутся тщетными: гномы не дадут им приюта.

В долине мелькали огни — слабые светлячки, подобные маленьkim мерцающим звездочкам. Дым костров плыл в воздухе и серым покрывалом ложился на реку.

Все понимали: предстоящая ночь будет ночью ожидания и молитв. Понимали также и то, что эта ночь будет бессонной для их представителей на Совете Танов Торбардина: Таниса Полузельфа и Женщины с Равнин — Золотой Луны. Смогут ли они убедить Совет предоставить убежище беглым рабам?!

Хорнфел любил своих подданных. Он восхищался их искусством, радовался их преданности роду и клану, восторгался воинской доблестью, высоко ценил их упорство, их жажду свободы и независимости.

Именно свою независимость, а не отсутствие уважения проявил старый седой воин Девара, охраняющий Южные ворота, когда увидел подошедших к нему на рассвете двух танов. Он лишь на мгновение повернулся к ним, коротко кивнул и снова стал всматриваться в рассветную мглу.

«Они нисколько не боятся своих правителей, — думал Хорнфел. — Никто не кланяется и не преклоняет колени. Они уважают своих танов потому, что мы тоже из их рода».

Хорнфел улыбнулся, взглянув на своего спутника, — тот смотрел на стражей, охраняющих ворота, без улыбки. Он, Гнейсс из Девара, отвечал за охрану Южных ворот, и Хорнфел, хорошо знавший своего друга, понимал, что тому хочется, чтобы его подчиненные не посрамили бы его перед таном Хайлара. Когда придет время

Торбардину вступить в войну, именно деварцы станут авангардом гномской армии. И Гнейсс верил в своих воинов.

Хорнфел задумчиво слушал звон брони и оружия, стук сапог о камень, слышал приказы, которые отдавал капитан охраны, видел Гнейсса, идущего вдоль стены и взглядающегося в долину далеко внизу. Холодный ветер обдувал стену. Рожденный в горах, ветер нес запах сосновых лесов и покрытых льдом озер. На тысячу футов ниже ворот лежали альпийские луга. Эти луга, сейчас позолоченные восходящим солнцем, были одними из самых плодородных в Харолисовых горах, но гномы здесь ничего не выращивали — они кормились от ферм, расположенных в пещерах внутри горы.

— Взгляни, Гнейсс, — сказал Хорнфел, показывая рукой на луга. — Восемьсот человек вполне могут, нисколько нам не мешая, прокормиться на лугах и в долине.

Гнейсс фыркнул.

— Ты снова об этом?

— Не только об этом, мой друг. Мы не можем больше откладывать решение их участия. Ты сам принес мне известие о том, что пограничные патрули уже видели беглых рабов у наших ворот. Надолго ли хватит терпения восьмистам голодным и напуганным людям? Пока они мирно ждут решения Совета. Но они не смогут ждать долго; нет, не смогут.

— Что это должно значить? — Гнейсс отвернулся от стены, неожиданно скжав кулаки, в гла-

зах сверкнул гнев. — Принять их или драться с ними? — Он показал на долину. — Эти луга скоро покроются снегом, а снег скоро станет красным от крови людей. Попробуй-ка убедить Совет...

Хорнфел ответил, осторожно подбирая слова:

— Но сам ты принял какое-то решение или ты думаешь, как Рилгар и Ранс?

— Я думаю так, как я думаю! — рявкнул Гнейсс.

Снег ложился на его каштановую бороду большиими хлопьями. Повернувшись спиной к долине, не принимая предложения поселить людей так близко от Торбардина, он стал смотреть на стражей, наблюдавших за окрестностями. Глаза его сузились. Хорнфел никак не мог понять: не загипнотизирован ли Гнейсс Рилгарам.

— Скажи мне, что ты думаешь, Гнейсс? Сейчас мне приходится обо всем лишь гадать, и ни одна из моих догадок не кажется мне правильной.

Гнейсс, все еще глядя на стражей, покачал головой.

— Я думаю, что мои воины вынуждены будут воевать на земле, далекой от этих гор — от гор, где мы родились. Я думаю, что они будут умирать на войне, до которой им нет никакого дела.

Старый довод! Хорнфел уже устал отвечать на него, он просто не знал, что еще можно сказать, кроме того, что уже говорил на бесчисленных заседаниях Совета. И еще — он не хотел говорить, пока Гнейсс не успокоится.

— Теперь это наше дело, Гнейсс. Восемьсот беглецов — у наших ворот. Только что ты сказал, что скоро эти луга будут залиты их кровью. Но ОНИ НАМ НЕ ВРАГИ. Наш враг — Верминаард. Он изгнал эльфов из Квалинэсти, он захватил Пакс Таркас. Верминаард поработил людей и теперь то же хочет сделать с нами. Когда он захватит Харолисовы горы, он захватит весь север и восток континента. Если ты считаешь, что он не вознамерится захватить и Торбардин, то, я думаю, ты не годишься в военачальники.

— Мне тяжело слышать твои слова, Хорнфел, — холодно произнес Гнейсс.

— Времена сейчас тоже тяжелые, друг мой. Если мы не сумеем как можно скорее принять верное решение, Верминаард продиктует нам свое. А я не думаю, что мы сможем жить под его диктовку..

Гнейсс невесело улыбнулся.

— Юмор висельника тебе не подходит.

— И виселица, однако, не должна подходить и тебе..

Девар пристально посмотрел на него.

— Виселица — это для предателей.

— Ты думаешь, Рилгар, если он воцарится в Торбардине, будет называть тебя по-другому?

— Рилгар? Он — ставленник Верминаарда? Прав ли ты, обвиняя Рилгара?

Хорнфел пожал плечами.

— Это не обвинение, пока только подозрение, мой друг.

Гнейсс посмотрел вокруг, на горы и луга, на небо, и небо словно бы помогло ему понять нечто важное. Когда он снова взглянул на Хорнфела, его глаза горели возбужденно.

— Но ведь уже выкован Королевский Меч?

Хорнфел кивнул:

— Да, выкован.

— Что ты сказал? Почему ты так уверен? Откуда ты это знаешь, Хорнфел? Ты ведь не мог просто прийти к кузнецу и приказать ему сделать Королевский Меч!

Хорнфел улыбнулся:

— Конечно, не мог. Изарн собирался выковать всего лишь красивый меч. Но Реоркс в ту ночь коснулся стали, и Изарн сделал Королевский Меч. Ты слышал об этом, Гнейсс, должен был слышать. Только Меч сразу же был украден.

— Но почему?

— Это все Рилгар. Но мне известно, где сейчас Меч. — Хорнфел коротко рассказал Гнейссу все, что знал о Мече. — Рилгар жаждет получить Меч Бури не меньше, чем я. Реоркс да защитит нас! Я только надеюсь, что Рилгар сейчас так же далек от Меча, как и я. Ставленник он Вермина-арда или нет — Рилгар все равно опасен.

Рука Гнейсса скжала кинжал.

— Я проучу его!

— Нет. Нет, не сейчас, если ты не хочешь, чтобы Тэрбардин сгорел в огне междоусобицы.

Гнейсс хорошо понял Хорнфела. В Совете Танов — как бы две партии, причем иной раз кажется, что обе они хотят одного и того же. Если

Рилгар умрет сейчас, — даже не важно, по какой причине, — его армия начнет в Торбардине войну. И тогда уже не будет иметь значения, у кого находится Королевский Меч. Огонь, зажженный Реорксом в стальном сердце Меча, станет символом кровавой междоусобицы. Гномы будут убивать гномов, как это было три столетия назад, во времена Войны Гномских Ворот.

— Сегодня ночью я буду поднимать тост за его здоровье, — пробурчал Гнейсс, — и молиться в душе, чтобы он умер еще до рассвета.

Хорнфел засмеялся.

— Гнейсс, осторожно! — Он вздохнул. — Сейчас пришло время оставить раздоры. Необходимо дать приют беглым рабам. Наши враги — Верминаард и Рилгар, а эти люди еще пригодятся нам как союзники.

— Люди? Они, наверное, все похожи на твоего любимого мага.

— Ну-нет, ни один из них не похож на Музыканта. А Музыкант — бесхитростный и верный друг. Я удивлен, что твои проницательные глаза не видят этого. Пусть даже у всех этих беглецов душа не лучше, чем у овражных гномов, — мы нуждаемся в союзе с ними.

Гнейсс некоторое время молчал. Когда он наконец вновь заговорил, Хорнфел почувствовал: он уже все обдумал и принял окончательное решение.

— Собирай Совет Танов сегодня ночью, Хорнфел. Я буду за тебя. — Он пошел ко входу, ведущему внутрь горы. Хорнфел двинулся было

за ним, но Гнейсс остановил его. — Нет, ты оставайся пока здесь. Тебе ведь по душе свежий воздух. Любуйся лугами и представляй себе, как они будут выглядеть, когда их заселят люди. Затем представь себе, как они кричат, собравшись у Южных ворот. Они ведь не смогут жить в долине зимой, и нам придется поселить их в горе. Восьмсот человек! — Гнейсс фыркнул. — Ну что ж, в Торбардине достаточно места...

Девар ушел, а Хорнфел повернулся лицом к долине. Он увидел летящего над лугами орла, увидел золотистый блик солнца на его спине. Не стоит сейчас звать назад Гнейсса, ни к чему. Хорнфел вспомнил о «своем любимом маге».

Где они сейчас, живы ли: маг, Киан Красный Топор и подмастерье Изарна Станах?

Прошло уже четыре дня, как Музыкант перенес себя и своих спутников на дорогу, ведущую в Старую Гору. Нашли ли они уже Королевский Меч? Ведь Хаук мог уйти из города прежде, чем они туда пришли. Может быть, они все трое уже мертвые. А может быть, живы. Они могли уже найти Меч. А могли и не найти. Единственное, что он знал точно, — Меча у Рилгара нет. Эта его уверенность основывалась на том, что он, Хорнфел, еще жив.

Хорнфел никогда не видел Меча Бури, но мечтал о нем много лет до того, как он был сделан, сделан — и украден. Он хотел коснуться его стали, почувствовать связь между собой и правителями, умершими сотни лет назад. Меч Бури был его мечом — мечом Хайлара, сделанным для

тана Хайлара, который должен править всем Торбардином; так же как правили Торбардином его предки.

Ветер с гор запел высоким голосом, словно зазвучало эхо одной из военных песен мага. Или одной из его кабацких песен. Хорнфел повернулся к долине спиной.

— Дорогой Джорди, — произнес он, — если ты жив, я молюсь, чтобы ты поскорее принес Меч.

«Если нет, если ты умер, — думал он, входя в гору, — тогда нам всем надо будет держать ухо востро. Если Королевский Меч попадет в руки Рилгара, в Торбардине восторжествует тирания...»

Гном Задира сложил из камней большую пирамиду и спрятался за ней от яркого света ненастного солнца. За пирамидой пристроился и Агус — Серый Вестник, он шептал заклинания, чтобы мысленно связаться со своимтаном. Занимался день. Задира закрыл глаза, ему хотелось, чтобы Рилгар поскорее разрешил им вернуться домой. Он и его подчиненные встречали здесь, во Внешних Землях, уже пять рассветов и теперь страстно мечтали о том, чтобы как можно скорее вернуться в глубинные коридоры под Торбардinem. Малыш и Бодряк, спавшие сейчас в тени, сравнительно легко переносили мучительный для тейварцев солнечный свет, но Вулфен, у которого было прозвище Безжалостный, кажется, уже слег-

ка повредился в рассудке. Задира крайне удивлялся, что Музыкант, любимый маг Хорнфела, которого сторожил Вулфен, все еще жив.

Задира обнажил зубы в злорадной улыбке. Похищение было проведено отлично. Они взяли Музыканта, когда тот возвращался из леса с пойманным на завтрак кроликом. Обе луны уже закатились, было совсем темно. Вот ведь как: даже маг оказывается беспомощным, словно младенец, если к его спине приставлен арбалет, а к горлу — меч.

Конечно, Задира надеялся, что Рилгар не поинтересуется здоровьем мага. Вулфен, кажется, постарался в полной мере отомстить магу за ранение, которое он получил четыре дня назад. Задира прислушался к ветру, шелестевшему замерзшей за ночь травой. Шелест ветра был таким же тихим, как шепот Серого Вестника. Задира вздрогнул.

Дрожь не была вызвана магией Серого Вестника! Сам Задира не был магом, но он достаточно долго служил тану *дерро*, чтобы по крайней мере привыкнуть к магическим ритуалам. Нет, дрожь вызывало само присутствие лишенного клана гнома, Серого Вестника, волосы на шее которого сейчас стояли дыбом.

Тень от пирамиды перемещалась, Вестник оказался на самом ее краю. Он надвинул на голову капюшон темного плаща, его единственный глаз сверкал зловещим светом; пустая левая глазница была черна. Лицо его стало похоже сейчас на неподвижную маску. Серый Вестник более всего

напоминал голодного волка. Задира как можно теснее прижался спиной к камням пирамиды.

— Тан желает с тобой говорить, — прошептал Вестник и поднял голову. В его зрячем глазу сверкнул свет и тотчас погас. Когда он заговорил снова, его голос стал совсем другим — голосом Рилгара. Задира отчетливо слышал ровный голос тана Тейвара.

— Вы взяли мага?

Гном облизал губы, перевел дыхание, набрал в легкие побольше воздуха. Серый Вестник — голос Рилгара — молча ждал.

— Да, тан, маг у нас, живой.

— А Меч?

Задира проглотил комок в горле.

— У него нет Меча, тан. Мы взяли его на расвете, Вулфен сразу же допросил его, но маг ничего не сказал. — Задира посмотрел на построенную им пирамидку; около нее виднелось круглое выжженное пятно костища, валялись мелкие кости — остатки еды Мзыканта. — Меча у него нет, он ведь все дни был здесь. И нам пришлось убить Киана, гнома..

Серый Вестник вздохнул, он, кажется, услышал что-то, чего не слышал Задира. Но это, конечно, гнев самого Рилгара вспыхнул сейчас в зрячем глазу Вестника.

— А где подмастерье? Третий из их компании?

— О нем нам пока ничего не известно. — Теперь Задира говорил быстро. — Маг ждал здесь кого-то, я думаю, как раз этого Станаха Молото-

бойца. Меч, без сомнения, окажется у него, тан. Больше ему не у кого быть.

— Да? Хорошо. Может быть, и так. Ждите его. Если Меч у него, убейте его.

Голос тана стал резким, насмешливым.

— Возможно, вы справитесь с ним — он теперь один. Если у него нет Меча, пусть Вестник перенесет его ко мне. Может, он будет более покладистым, чем этот проклятый Хаук.

— И если у подмастерья нет Меча, то?.. — спросил Вестник уже другим, своим голосом; теперь он сам разговаривал с таном, со стороны казалось: он говорит сам с собой.

— Да, Вестник, да. Довести дело до конца, как всегда, придется тебе. Развлекись пока с любимым магом Хорнфела. И сделай все так, чтобы он нас больше не беспокоил.

Маг видел пламя у своих глаз, сверкающее, как метка Королевского Меча, темно-красное, как кровь Киана. Он видел свет восходящего солнца, плотно закрыв глаза, мучимый невыносимой болью в израненных руках.

Тейварцы беседовали в тени от пирамиды Киана и своей только что построенной пирамиды. Музыкант хорошо слышал их разговор и знал, что скоро они убьют его. А затем, думал он, они станут ждать здесь Станаха. Станах придет сюда завтра — с Мечом или без Меча.

Слова целительного заклинания звучали у него в мозгу. Но он не мог претворить заклинания в реальность: Вулфен изуродовал его руки так, что он не может ими пошевелить. А без необходимых

жестов заклинание теряет всю свою магическую силу. Вулфен не дурак — он сразу лишил Музыканта возможности защищаться. У него осталась одна-единственная магическая вещь — его старая деревянная флейта, висевшая на поясе.

Флейта не вызвала у них подозрений — ведь они часто видели, как маг, развлекая ребятишек, играл на ней. Они были и правы, и неправы. Казалось бы, самая что ни на есть обычная флейта... Но она обладала магической силой и помогала при самых трудных заклинаниях. Заклинания...

Впрочем, все они утратили свою силу для мага с изуродованными пальцами; для мага, который едва мог дышать, а от продолжительности выдоха тоже зависело магическое искусство флейты.

Тейварцы называли его «любимый маг Хорнфела». Ну что же, пусть так; хотя он, как и большинство гномов в Торбардине, называл себя просто Музыкантом. Он был предан тану душой и телом, и называться любимым магом тана было для него честью.

В легкие Музыканта просочилась кровь, он слышал ее бульканье при каждом вздохе. Когда он кашлял, на губах выступали капли крови. Как избавиться от боли, как избавиться от мучителей-тейварцев? И хотя у него из-за дикой боли почти не было сил думать, не думать он не мог.

Любимый маг Хорнфела? Да.

Музыкант появился в Торбардине три года назад, грязный и уставший, как собака. Той

ночью в горах была гроза, жуткая, дикая летняя гроза. Сам Музыкант не помнил, как он очутился в Торбардине, но не раз слышал рассказ об этом от других.

Его подобрал в ту ночь один из стражей Южных ворот. Весь в грязи, едва живой, он лежал у стены, где буквально только что стоял страж.

— Как будто его выбросило бурей, — сидя за кружкой эля рассказывал потом этот страж своим приятелям. — Говорю вам, я сперва думал: парень мертв. — Он отпил из кружки и призадумался. — А может, он и вправду сначала был мертв, а потом магически вернул себя к жизни? Что мы знаем об искусстве магов?

Музыкант бесшумно вздохнул, затем попытался совсем не дышать. Морщась от боли, он начал медленно, дюйм за дюймом тянуть правую руку к флейте.

Что с ним делать, никто в Торбардине не знал. Капитан стражей даже высказал предположение: а что, если маг послан шпионить за гномами Торбардина?

Глубоко под Торбардином были тюремные камеры, Музыкант очнулся в одной из них, закованный в кандалы и недоумевающий: как и когда он сумел сделать такое заклинание, что очутился в Бездне?

Он понятия не имел, где находится в действительности, пока не узнал, что его тюремщики — гномы. Тот, кто приносил Музыканту еду и воду, был неразговорчив и на все вопросы отвечал только «да» или «нет». Правда, однажды он принес Музыканту теплое одеяло, но принес молча. И он ни разу не освободил от оков руки мага — они всегда были скованы.

«Всегда, — думал он с закрытыми от боли глазами, пока медленно тянул руку к флейте, — они все всегда помнят о руках мага».

Через два дня Музыканта привели на Совет Танов. Он предстал перед ними скованный: гномы боялись, что он может магически защитить себя или воздействовать на танов так, что они, помимо своей воли, поверят в его невиновность. Музыкант рассказал танам о том, что в Торбардин он попал совершенно случайно, он намеревался оказаться совсем в другом месте.

Таны совещались очень долго, как и всегда. Одни кричали «шпион», другие не верили в это, но считали, что, оказавшись в гномских владениях, маг совершил грех, и не хотели простить ему этот грех. Драконы уже легали в небесах Кринна, во Внешних Землях вот-вот должна была начаться война. Таны склонялись к тому, чтобы на всякий случай держать Музыканта закованным — закованным на всю жизнь! Такое решение удовле-

творяло большинство из них, но, конечно, не самого Музыканта.

Лишь один из танов настаивал на освобождении мага — Хорнфел. Он считал, что молодой маг рассказал правду и что наказывать его просто не за что. В конце концов Хорнфел поручился за него, дав слово чести, и Музыканту предоставили свободу.

Уже совершенно онемевшая рука мага коснулась флейты. Почувствовав это, он начал потихоньку пододвигать ее к лицу. Казалось, он слышал в своих легких ток крови, в ушах его снова зазвучали слова Хорнфела:

«Я обычно правильно сужу о тех, кто приходит ко мне; надеюсь, я не ошибся и в этот раз. Помни, Джорди: ты теперь хранитель моей чести. Так смотри же, храни ее верно».

Маг думал тогда, что оправдать доверие Хорнфела будет не так уж и трудно. Гном ему нравился, к тому же маг был обязан ему своей свободой. Помимо всего прочего, он был очарован Торбардином; а надо сказать, в Торбардине побывало совсем немного людей. Джорди ответил Хорнфелу искренне и никогда не пожалел о сказанном.

— Мы будем доверять друг другу, сэр! — Так сказал Джорди гному, который спас его от холода и мрака тюремного подземелья Торбардина. — Я перед тобой в долгу, и, если тебе будет нужна моя помощь, можешь на меня рассчитывать всегда.

Первые два года молодого человека в Торбардине звали кто Джорди, а кто «любимый маг Хорнфела». Затем дети, которым очень нравилась его игра на флейте, стали звать его Музыкантом.

Обливаясь потом, собрав все силы, Музыкант локтем пододвинул флейту как можно ближе к рту. Теперь она лежала около плеча. Музыкант изогнулся и сумел схватить флейту зубами.

Один из тейварцев засмеялся — смех его был похож на завывание ветра. Музыканту надо было выпрямиться. Но едва он пошевелился, сломанное ребро вонзилось ему в легкое. Кровь просочилась туда, где должен был быть только воздух. Теперь он не мог как следует вздохнуть, не мог произнести длинное заклинание. Да и времени на это у него уже не было.

«Заклинание... — думал он, — быстрое и надежное заклинание, которое унесет меня отсюда».

Переносящее заклинание. У него не было сил на заклинание, которое унесло бы его далеко отсюда, но даже если он просто окажется в ближайшем лесу, им придется все равно искать его немало времени. «Конечно, может быть, они не все пойдут искать меня, — думал он, медленно наполняя легкие воздухом. — Но все равно им придется окликать друг друга, и Станах услышит их голоса и поймет, что здесь засада».

Музыкант закрыл глаза и стал думать о поляне в лесу недалеко от опушки Эльфийского леса — эта поляна была ему хорошо знакома.

Тейварцы будут поначалу долго шарить поблизости, прежде чем рискнут отправиться к границам Квалинести...

Ему надо было сыграть три ноты, низкие, звучащие как ветер, пролетающий над высокой травой. И сказать три магических слова.

Он знал слова и нашел для них дыхание...

В безвременно магическом пространстве маг уже не чувствовал боли, не нуждался в дыхании. Все ощущения его исчезли, унесенные музыкой трех нот, и все вокруг было пусто, как на морском берегу после отлива.

Глава 12

олуденное солнце светило ярко, но теплее почти не становилось. Солнечные лучи стрелами пронзали кроны высоких деревьев и сверкали серебристыми пятнами на коричневых и красных листьях подлеска. Холодный ветер нес по лесу запах прелых листьев и влажной земли. В лесу было темно. Дорога — чуть шире оленьей тропы — была едва-едва видна, и Тьюрлу, ведшему своих товарищей по Эльфийскому лесу, помогало скорее чутье, нежели зрение..

Тьюрл шел первым, за ним Станах, далее Кельда; последним был Лавим — он, однако, словно старый охотничий пес, все время убегал то в одну, то в другую сторону от дороги. Кендер не пропускал ни одного сколь-нибудь необычного куста, ни прогалины или ручья. Лавим убегал от дороги, возвращаясь и, хотя язык у него так и чесался, молчал; однако в конце концов не выдержал и высказался в том смысле, что, мол, в этот солнечный день в лесу можно увидеть много интересного.

— Самое лучшее, что мы можем делать сейчас, — это не отставать от нашего проводника,

он один знает дорогу в этом проклятом лесу, — проворчал Станах.

Кельда улыбнулась: кендеру просто надоело молчать, ему хотелось поговорить. А Станах шел и угрюмо молчал. Она посмотрела на его широкую спину, на которой виднелась перевязь ножен, и вспомнила о его совете скорее научиться владеть ножом, что висел у нее на поясе.

Когда он сказал ей о ноже в Квалинoste, она сначала обиделась, а потом, подумав, принялась искать подходящий нож. Но подыскав себе нож, она, однако, не отдала меч Хаука ни Станаху, ни Тьорлу. Послушавшись Станаха, девушка более удобно надела перевязь с ножами, и нести меч стало полегче, но и сейчас он все же время от времени бил ее по ногам, отчего, конечно, все ноги уже в синяках и ссадинах.

Еще в Квалинoste Лавим показал ей, как надо сражаться ножом. Если то, что говорил Станах у костра, правда, значит, скоро они придут туда, где гнома ждет маг Мзыкант. Тогда до Торбардина можно будет добраться почти мгновенно — с помощью заклинания.

Перед самым уходом из Квалинosta Тьорл еще раз выслушал всех, но сам промолчал. Вспоминая взгляд его глаз, Кельда думала: действительно ли он сомневается в том, что сказал Станах? И в чем конкретно он сомневается: в том, что сказано было о мече, или в том, что говорилось о маге.

Кельда встряхнула головой и перешагнула через лежащее поперек дороги дерево. Шедший

впереди Станах оглянулся и, как всегда, посмотрел на рукоять Меча Бури.

«Нет, — подумала Кельда, — он говорил правду». Когда он смотрел на Меч, его глаза всякий раз ярко сверкали. И это был не холодный свет жадности. Он смотрел на Меч так, как смотрят на священную реликвию.

Что бы ни думал Тьорл, Кельда была уже убеждена, что Станах не собирается украсть Меч. Он называл его Королевский Меч, Меч Бури или Меч мастера. Он рассказывал о Королях-регентах, рассказывал гномские легенды о мечах. Теперь, после рассказов Станаха, Кельда представляла Хаука почему-то более робким, нежным и сильным, чем он казался ей прежде, и чувствовала, как он молчаливо защищает ее от жестокого мага *дерро*, убивающего всех из-за Меча Бури.

Оказавшись в Квалинести, Кельда стала относиться к гному с явной симпатией. Она не забыла их разговор у костра. Когда она рассказывала ему, как дракон сжег ее дом и семью, Станах мягко шептал: «Успокойся, девочка, успокойся».

Задумавшись, Кельда не заметила выступающих на дороге корней, споткнулась и упала на колени. Тьорл, услышав, как она падает, остановился и обернулся, но Станах был уже рядом с ней. Он осторожно взял девушку под локти и помог встать на ноги.

— Ты не ушиблась?

Кельда покачала головой.

— Нет, ничего страшного, просто споткнулась. Извините.

Она оправдывалась, сама не зная почему.

— За что тебя извинять? Но будь осторожна, не дай бог, сломаешь ногу или руку... — Улыбка смягчала суровое лицо Станаха, обрамленное густой черной бородой. — Наше дело — *смотреть под ноги*, Кельда. *Смотреть вокруг* будет Тьюрл.

Он повернулся и отошел. Кельда посмотрела ему вслед. Неслышно, словно кот, к ней сзади подошел Лавим.

— Ничего страшного не случилось, так ведь?

Вздрогнув от неожиданности, Кельда удивленно спросила:

— Лавим! Откуда ты взялся?

Кендер усмехнулся и задрал вверх голову:

— Откуда, откуда! Конечно, сзади, с дороги. Странные ребята — эти гномы. Хоть и умеют делать очень хорошую водку. Была бы у меня гномская водка, я бы ее пил бы и пил. И счастливее меня никого на свете бы не нашлось. Мечи и короли, которые не короли, — это все не мое дело, я в этом не разбираюсь. А гномская водка!.. Вот почему я хочу попасть в Торбардин. Можешь себе представить? Любая гномская водка, какую ты только захочешь, да еще изготовленная теми, кто хорошо знает, как ее надо делать! Думаю, этой зимой я не буду мерзнуть!

Кельда улыбнулась. Конечно, никто кендера в Торбардин не звал, но вроде никто сейчас и не думал его прогонять.

— Станах прав, ты должна смотреть под ноги. Я далек от мысли, что ты здесь только потому, что просто любишь гулять по лесу.

— Конечно нет. И я постараюсь больше не споткаться.

Глядя под ноги на еле заметную дорогу, Кельда пошла как только могла быстро: надо было догнать Станаха и Тьорла. И тут сзади вдруг споткнулся и упал Лавим.

— А ведь я смотрю в небо, только когда сплю, — со смехом крикнул он. — Или когда летит дракон.

— Недурно сказано, — ответила Кельда задумчиво.

Кендер вильнул с дороги в сторону, подбежал к большому дубу, осмотрел его и снова выбежал на дорогу.

— Наш приятель Станах — довольно мрачная личность..

— Я это поняла.

— Вообще-то он мастер по мечам, кузнец. Ты знала об этом? Ты как-нибудь посмотри на его руки — они же все в шрамах и ожогах от этого, ну, от кузничного горна.

Лавим вспомнил о встрече с гномом в Старой Горе; затем с улыбкой вспомнил Солдафона.

— Станах, конечно, отличный парень, но у него есть странная привычка: всегда лезть на рожон. Сколько у него из-за этого было неприятностей, да еще и каких! — Лавим широко раскрыл глаза, давая понять, какие это большие неприятности! — А этот маг, Музикант... я пред-

ставляю, как это будет здорово, когда Станах наконец встретится с ним. Уж он-то сумеет уберечь Станаха от неприятностей. Я думаю, это как раз то, чем Музыкант и занимается. Ты не знаешь случайно, как он это делает?

Кельда вспомнила о четырех драконидах, убитых, когда они убегали из Старой Горы.

— А чем Станах разозлил драконидов?

— О, лучше и не вспоминай о драконидах. Они нас не любят — это ты знаешь. Они подлые и другими быть не могут. Ну а Станах... Станах разозлил их около одного полусгоревшего склада. — Лавим замолчал, задумчиво посмотрел вокруг, а потом сказал: — Но ведь что-то же надо было делать с ними, когда четверо гнались за мной, верно? А потом к тому же один из них выпал из окна... Как я уже сказал, лучше о них и не вспоминать.

Болговня кендера была приятна, словно теплый летний ветерок.

— Уверяю тебя, — сказал Лавим Попрыгунчик, взглянув на девушку, — единственное, что может быть мерзостнее драконида, — это минотавр. Это ясно даже и медведю. Ты когда-нибудь видела минотавра, Кельда? Странно он выглядит, скажу я тебе. Такой здоровенный! И весь покрыт шерстью. Не длинной шерстью, понимаешь, а короткой. Ну как у быка. — Лавим нахмурился, но тотчас улыбнулся. — И никакого чувства юмора! Если ты когда-нибудь увидишь его, сама поймешь, что не зря говорят: его матерью была корова.

Глаза Кельды удивленно расширились.

— Да неужели это не враки?

— О, это, должно быть, какая-то загадка природы. — Зеленые глаза Лавима весело поблескивали. — Он выглядит как корова или бык. У него огромная голова и рога, а характер! Куда до него самому злощему быку! В прошлом году я был у Кровавого Моря и шел через Мидас, — внезапно он замялся, — тогда-то я и понял, что, может быть, я уже и старый, но бегать могу еще очень даже быстро! Нет, минотаврам и правда не очень-то нравится, когда им говорят о коровах. Не думаю, что на свете найдется хоть один минотавр, который понимает шутки.

Улыбаясь, Кельда шла рядом с Лавимом и слушала замысловатую историю о трех минотаврах, о гноме по имени Шиш и о стоге сена, предложенном на обед.

Постепенно история становилась все более путаной и нейсной, все более нелепой и многословной; и Кельда, потеряв нить рассказа, стала слушать гнома рассеянно, но начала внимательнее смотреть под ноги. Затем, вспомнив слова Станаха о том, что ей надо научиться хорошо владеть ножом, она проверила ножны, где лежал нож. Они были... пусты. Нож пропал.

— Лавим!

Кендер завертел головой.

— Что?

— Мой нож! Он пропал!

— Ну возьми вот один из моих. — Он протянул ей нож с костяной рукояткой. — Я нашел его

на дороге, но у меня, разумеется, уже есть шесть или семь таких.

— О да, это был нож, который потеряла Кельда. Кельда схватила нож и вдвинула его в ножны.

— И где же ты его нашел?

Лавим, пытаясь вспомнить, поскреб в затылке.

— Не помню где, но я все равно знал, что он когда-нибудь кому-нибудь да пригодится.

Он решил смснить тему разговора.

— Я слышал, как Станах советовал тебе научиться владеть ножом. Он был тогда почему-то немного раздражен, но он прав. И я могу, если хочешь, научить тебя.

— Правда?

— Конечно, Кельда, я просто обязан помочь тебе. — Лавим осторожно осмотрелся. Когда он подмигнул ей, девушка подумала: он выглядит как старый заговорщик с сомнительной репутацией. — В молодости я был в Кендертауне чем-то вроде чемпиона. Ладно, ладно, можешь не верить, но клянусь, что и на самом деле у меня было второе место. Ну или вроде того. Второе место — это ведь прекрасный результат, особенно если соревнующихся всего двое, как ты думаешь? Ого! Смотри! Там горы!

Теплый валун приятно грел спину Кельды. Здесь, на пригорке, солнце к полудню хорошо прогрело камни. Каменистый холм маленьким островком возвышался над лесом. Кельде казалось, что они уже близки к цели, но Станах,

сказав, что это еще вовсе даже и не предгорье, поверг ее в уныние.

— Это так, шишка на ровном месте, — сказал гном и показал на высокие голубые пики, видневшиеся на юге. — Настоящие горы еще далеко.

Кельда растирала гудевшие ноги. «Настоящие горы!» Камень, к которому она прислонилась, был гладким и теплым, словно печь в ее родном доме! Возле нее так приятно было греться зимой! Тени облаков скользили по земле. Кельда закрыла глаза. Она вспомнила о матери. И снова, словно наяву, увидела огонь и широкие крылья летящего дракона.

Слева, чуть ниже того места, где она сидела, между камней пробивался родник; его журчание и голос Станаха отвлекли Кельду от воспоминаний. Она открыла глаза.

Лавим, уже наполнивший фляжки водой из родника, прыгал по камням не хуже горного козла. Он протянул Кельде ее фляжку, достал свою, отвинтил крышку и забулькал, запрокинув голову.

— Станах свалился в ручей и теперь кричит, что это я его толкнул.

— Так ты его и вправду толкнул?

— Да нет! Он сам поскользнулся. Посмотри-ка на него, а? Теперь у него по крайней мере есть причина ругаться и ворчать.

Кельда посмотрела поверх головы кендера. Мокрый до колен, Станах медленно поднимался по склону. Он взглянул на сидевшего рядом с Кельдой кендера, свернулся в сторону и усился

рядом с Тьорлом. Оба не сказали друг другу ни слова. Когда Кельда повернулась к кендеру, то увидела у него в руке свой нож. Лавим, улыбаясь, держал нож на ладони.

— Смотри, что я опять нашел.

— Лавим, отдавай!

Кендер отдернул руку и сжал ладонь в кулак. А нож теперь лежал на другой ладони.

— Я думал, ты хотела, чтобы я научил тебя им пользоваться.

— Ну конечно, но...

— Никаких «но»!

Кельда улыбнулась.

— Ну хорошо. Но я не думаю, что мне так уж необходимо знать всякие фокусы.

— Не знаю, не знаю... Вообще-то, было бы не плохо научить тебя некоторым простым трюкам. Я и правда хороший фокусник. О да, я отлично понимаю, что невежливо все время говорить только о себе, но я... — Он пожал плечами, увидев, что Кельда нахмурилась. — Ну хорошо, хорошо. Не буду болтать. А если вот так?

Он поднял руку и неуловимым движением бросил нож.

Кельда оглянулась вокруг, но ножа нигде не увидела.

— Где же он?

Лавим ткнул пальцем в сторону большого куста ниже по склону.

— Там, я думаю, нас ожидает кое-какой сюрприз. — Кендер вскочил на ноги, пробежал по камням и нырнул в куст.

Вернулся он с большим серым зайцем в руках. Нож попал тому точно в сердце.

— Надеюсь, Тьорлу не нужно будет сегодня терять время на охоту. Нож для того и существует, чтобы его бросали и пронзали им то, что нужно. — Лавим сказал это совершенно серьезно. Очевидно, он уже входил в роль инструктора. — Да, только для этого и нужен нож. Ну конечно, еще и для того, чтобы резать мясо и открывать замки.

Он оценивающе посмотрел на руки Кельды.

— Твоя рука хорошо приспособлена для бросания камней и ножей. Я видел это тогда на дороге. Если бы на тех солдатах не было кольчуг, им бы сильно не поздоровилось от камней, что ты в них бросала. Просто тебе следовало целиться им в головы. Наверное, ты тогда не подумала об этом. Ну а теперь бери нож.

Лезвие было все в заячьей крови. Кельда осторожно взяла нож двумя пальцами.

— Нет, нет, нет. Не так. Смотри, как нужно. — Лавим положил нож вдоль её ладони.

На ее плащ капнула заячья кровь; Кельда содрогнулась, она почувствовала подкатывающую к горлу тошноту.

— А теперь бросай нож. Бросай сверху вниз, так, как ты бросала камни, только нож легче камней и поэтому полетит дальше. Ну, смелей, постараися попасть вон в тот старый пень.

Из небольшой ямки в пяти ярдах от них торчали почерневшие остатки сожженного молнией

ясения. Кельда прицелилась и, собравшись с духом, бросила нож. Бросок получился недостаточно точным, нож упал к корням ясения.

— Не так уж и плохо. Для начала. Но бросать нужно сильней, и рука в момент броска должна быть направлена точно в цель. — Лавим принес Кельде нож. — Попробуй еще.

Во второй раз нож только слегка оцарапал кору. С третьей попытки нож вошел в пень.

— Отлично! Теперь то, что надо. — Лавим снова принес нож и бросил его к ногам своей ученицы. — Вообще-то учиться лучше в специальной комнате, где ты думаешь только о том, чтобы попасть в цель, и не беспокоишься, как бы не потерять нож. Однако нож не только бросают, его еще и вонзают.

Кельда опять вздрогнула. Она закрыла глаза и судорожно вдохнула воздух.

Лавим дернул ее за рукав.

— Кельда, ты меня слышишь?

Девушка молча кивнула.

— Тогда хорошо. Вонзать нож — чудная штука. Нет, не чудная, конечно, но чём-то странная. Тоже искусство. Если ты стоишь вплотную к противнику, не пытайся вонзить нож сверху вниз — ты наверняка попадешь в какую-нибудь кость и особого вреда ему не причинишь. А тебе нужно сразу свалить его с ног. Поэтому наноси удар снизу вверх. Тогда ты попадешь в печень или в почки. Поняла?

— Я... да... Думаю, поняла.

Лавим взглянул на нее.,

— Ты что-то побледнела, Кельда. Плохо себя чувствуешь?

Кельда проглотила подступивший к горлу комок.

— Нет, нет, ничего. Я чувствую себя прекрасно.

— Ты уверена в этом? Может быть, продолжим урок позже? Или ты согласна еще несколько раз бросить нож?

Кельда сказала «да» и стала бросать нож. В первый раз немного промахнулась, во второй — попала точно.

— Молодец, давай-ка еще побросай, — поощрил ее Лавим. — Ты начинаешь чувствовать, как нужно это правильно делать.

Кельда снова бросила нож и промахнулась примерно на ярд.

Вокруг пня росла густая трава. Кельда стала искать нож в траве, но не нашла. За пнем склон круто опускался к лесу; внизу, там, куда не доходила тень от деревьев, она заметила блестевшее на солнце лезвие. Кельда быстро пошла вниз по склону.

У подножия холма было сырьо, ее ботинки шлепали по лужам, увязали в грязи. Кельда подняла нож и хотела было идти назад, но тут увидела, что ветки кустов недалеко от нее дрожат. Кельда осторожно пошла к кустам.

Раздвинув колючие ветки кустарника, она остановилась как вкопанная. Ей открылась небольшая полянка, покрытая мягкой, не по-осеннему зеленой травой, на траве лежал молодой человек.

Его правая рука была изогнута так, как человеческая рука не может быть изогнута, а откинутая левая рука словно бы умоляла о помощи. Жив ли он?

Кельда поднесла руку ко рту и закусила ее, чтобы не закричать. Молодой человек лежал на правом боку, его длинные светлые волосы омыval протекавший через полянку ручеек; с левой стороны они прилипли к лицу. Кровавая рана тянулась по всему лицу от глаза до рта. Красная одежда была покрыта пятнами крови — и уже за сохшей, и совсем свежей. Кельда услышала короткий прерывистый вздох.

— Лавим! — закричала она. — Тьорл! Станах!

Молодой человек застонал и открыл глаза, темные и тусклые от невыносимой боли.

— Леди, — прошептал он. С трудом вздохнув и облизав языком окровавленные губы, он попытался начать снова: — Леди, не могли бы вы мне помочь?

Станах упал перед Музыкантом на колени, руки его дрожали. Он положил ладонь на грудь мага и ощутил слабое тепло уходящей жизни. Музыкант был еще жив, но это была уже агония. Говорить он уже не мог, лежал безмолвно и неподвижно.

Да, он еще не был мертв, но всем было ясно, что долго ему не протянуть. Обе его руки и несколько ребер сломаны, в легких полно крови.

Подошел Тьорл — он ходил осмотреть окрестности: не прячутся ли те, кто напал на Музыканта,

где-то поблизости? В левой руке он держал лук и стрелу, в правой — старую флейту из вишневого дерева. Молча протянул флейту Станаху.

Станах взял флейту и осторожно погладил пальцами полированное дерево. Подумав, он положил флейту рядом с изуродованной правой рукой Музыканта.

— Где ты ее нашел, Тьорл?

— Недалеко отсюда. Станах, мне надо прямо сейчас поговорить с тобой.

Станах кивнул и медленно поднялся на ноги.

Эльф посмотрел на Музыканта, затем оглянулся на Кельду. Она стояла с Лавимом в стороне, у края поляны, Тьорл жестом попросил ее подойти.

— Побудь с ним, Кельда.

Кельда не произнесла ни слова. Она присела рядом с магом, ее зеленые глаза были невыразимо печальны; лицо залито слезами. Лавим молча опустился на землю рядом с ней. Станах мельком взглянул на них и пошел за Тьорлом в глубину леса.

Тьорл вложил стрелу в колчан, но лук зачехлять не стал.

— Твой друг выглядит так, будто побывал в лапах целой шайки бандитов.

Станах молча кивнул.

— Я не обнаружил никаких следов того, что здесь кто-то был. Ничего, ни малейшего следа. Да и сам он непонятно как оказался здесь... Что ты думаешь обо всем этом?

— Я не знаю. Он ведь маг и... — Станах откашлялся. — В Торбардине знали о его перено-

сящих заклинаниях. — Он чуть заметно улыбнулся. — Он мог перенести куда угодно и кого угодно, правда, после этого любого просто выворачивало наизнанку... Впрочем, я не думаю, что его изуродовали далеко отсюда: у него не хватило бы сил, чтобы перенести себя на большее расстояние. А далеко ли отсюда дорога в Старую Гору?

— Миль пять, может быть, немного больше, — сказал Тьорл.

— Значит, вот там его и схватили. Или где-то поблизости от того места, где он ждал меня.

— Извини меня за то, что...

— Да чего уж тут, — проворчал Станах.

Он повернулся и пошел назад, к Мзыканту, но не успел сделать и двух шагов, как Тьорл схватил его руку.

— А как насчет Меча?

— Насчет Меча? — Станах прикрыл глаза. — Я не знаю, — с горечью сказал он. — Я же не пришел к Мзыканту вовремя, понимаешь? Я не смог помочь ему — и он уже не сможет помочь мне. Пусти меня хоть посидеть с ним, пока он еще не умер.

Гном повернулся и пошел к магу. Тьорл молча последовал за ним.

Кельда подвинулась, освобождая Станаху место рядом с собой..

— Он еще дышит, Станах. Он еще жив...

Станах ничего не ответил, только вытер рот ладонью и кивнул — он смотрел на изуродованные руки Мзыканта.

Кельда тоже взглянула на руки мага и прошептала:

— Для чего они это сделали?

— Так он не мог защитить себя с помощью магии. — Станах пальцем коснулся флейты. — Но они ничего не знали об этой дудочке, и она помогла ему уйти от них. Помогла уйти, но не спасла ему жизнь.

«Ах, Джорди, — думал Станах. — Прости меня, Музыкант».

— Мы могли бы переночевать здесь, — вдруг сказал Тьорл. — Это, конечно, не лучшее место для ночлега, но зато холм скроет от посторонних свет нашего костра, и это лучше, чем сидеть на вершине холма, но без костра. — Тьорл увидел, что кендер хочет что-то спросить, и веско сказал Лавиму: — За костер будешь отвечать ты. Договорились?

Лавим встал и, бросив взгляд на Станаха, отправился в лес. Эльф поднялся на холм — наблюдать за окрестностями. Кельда, на глазах которой погибла вся ее семья, смотрела в глаза гнома и видела всю его безутешную скорбь — она чувствовала, что сейчас не должна оставлять его одного рядом с умирающим другом.

Солинари, как всегда, первой взошла на небосклон, Лунитари еще оставалась за горизонтом. На поляну опустилась темно-синяя холодная ночь. Освещенные пляшущим светом костра облестевшие кусты были похожи на паутину. Когда

свет красной луны коснулся вершины холма, Станах вдруг осознал: он уже не слышит дыхания Музыканта. Он наклонился и осторожно коснулся рукой груди мага; она даже и слегка не вздымалась, — бисене жизни из нее ушло.

Станах сидел неподвижно и слышал только удары собственного сердца.

— Прости меня, — прошептала Кельда.

Гном молча кивнул. Он посмотрел на нее, потом на Королевский Меч, все еще висевший у нее на бедре. Отблески пламени и тени скользили по золоту и серебру рукояти, холодно мерцали сапфиры. Станах подумал: он мог бы увидеть темно-красное сердце стали даже через грубую кожу ножен.

Кельда положила на его правую руку свою.

Станах молчал.

Музыка, которая так очаровывала гномских детей, улетела навсегда. Магия кончилась. Джорди мертв. И Киан тоже мертв.

Станах и не пытался скрывать своих слез.

Глава 13

— Где Меч?

Твердый и холодный, как обсидиан, голос превращался в мрак. Мрак превращался в голос. Хаук не знал, видел ли он гнома глазами или чувствовал его, подобно ночному кошмару, в своем мозгу.

— Где Меч?

Хаук отвечал кратко. Гном мог читать его мысли. Или же он сам был внутри его головы?

— Не знаю... Не знаю...

Допросы напоминали бой на мечах: парирую, уклоняюсь, отступаю, снова парирую. Подобно бойцу, за спиной которого скалистый обрыв, Хаук знал, что не может себе позволить долго отступать.

Его ответы были чистой правдой. Он действительно не знал, где сейчас Меч.

— У кого Меч?

— Не знаю. Не знаю, — говорил он себе. — Я не знаю ее имени.

Он спрятал образ рыжеволосой барменши за стеной своей воли и памяти.

— Это мое, — твердил он себе снова и снова. — Мое!

Он прятал это, словно скупец — свое несметное богатство.

Смех Рилгара иглами вонзался в Хаука. Подобно шахтеру с острой киркой, маг проникал в глубины сознания Хаука, отыскивал там воспоминания и освещал их белым холодным светом.

Вот Хаук ощутил запах табачного дыма в *той* таверне.

Рилгар снова засмеялся. Белый свет исчез, но его отсвет бился и пульсировал в мозгу Хаука. Между одним ударом сердца и следующим вздыпался высокий столб пламени. Завывал штурмовой ветер.

Хаук почувствовал вкус эля во рту. Серебристый отсвет рассек дым. Он увидел голубые глаза Тьорла — веселые глаза своего друга.

Нож торчал точно в центре деревянного подноса. Звук от вибрации лезвия все усиливался и усиливался. Пол в камере содрогался, как при землетрясении.

Снова упала темнота, и Хаук с дрожью в сердце впустил ее в свое тело, убеждая себя, что это темнота добрая. Она надежно укрывала сокровище.

Смех Рилгара превратился в гудящий шум таверны. Хаук вдруг увидел Тьорла в глубинах своей памяти и уцепился за образ своего друга. Он постарался полностью заполнить память воспоминаниями об эльфе.

Кровь капала на камень, просачивалась сквозь каменный пол. Тьорл лежал мертвым у ног Хаука. Руки эльфа зажимали смертельную рану на животе.

Меч Бури выпал из рук Хаука, кровь стекала по его лезвию.

— Где Меч?

Хаук откинул голову и застонал от горя и ярости.

Он никогда, даже на мгновение, не позволил себе вспомнить девушку с золотистыми косами и изумрудными глазами. Теперь она не была реально существующей. Она была только светом, ярким воспоминанием в темноте. Но это было только его воспоминание, и он хранил его, он держался за него, как утопающий держится за последнюю доску разбитого штурмом судна. Больше у него ничего не было.

Глава 14

танах начал строить пирамиду магу еще до того, как закатились луны. Ходивший в дозоре по вершине холма Тьорл подумал, что гном строит пирамиду с равнодушием каменщика, выкладывавшего стену чужого дома. В основу пирамиды Станах положил крупные камни — их он скатил с вершины холма. Гном не просил помочи, но и не стал возражать, когда Тьорл, сказав Кельда, чтобы она подежурила вместо него, принялся таскать камни для пирамиды. Они не сказали друг другу ни слова, оба очень устали, и каждый думал о своем. Когда рассвет окрасил небо холодным голубым светом, пирамида была построена и была готова принять тело мага.

К рассвету Тьорл для себя все решил. Подошла Кельда, он с благодарностью взял фляжку с водой из ее руки; напившись, протянул фляжку Станаху.

— Подожди, Кельда, — сказал Тьорл, увидев, что она хочет снова вернуться на вершину холма.

Повернувшись спиной к пирамиде, Станах осмотрелся вокруг. Затем снова повернулся к пирамиде. Лицо гнома было непроницаемо, его

большие руки беспрестанно двигались, машинально оглаживая большой плоский камень в основании пирамиды.

— И что теперь?

Тьорл осторожно подбирал слова.

— Пришло время решить, что мы будем делать дальше, Станах.

— Я иду в Торбардин.

Тьорл кивнул:

— Да, я думаю, ты должен вернуться в Торбардин.

Эльф взглянул на Лавима и увидел, что тот, скрестив ноги, сидит возле мага. Он удивился; ему казалось, что легкомысленному кендеру неведомо, что такое скорбь.

— Тьорл, — сказал Станах. — Я иду в Торбардин и беру с собой Меч Бури. — Он улыбнулся, но в его черных глазах никакого веселья не было. — Если ты не пойдешь со мной, я буду рад передать от тебя привет Хауку. Конечно, если он жив.

— Однажды ты уже пел эту песню, гном, — резко оборвал его Тьорл.

— Возможно, он жив. Не хочешь проверить? — Гном кивнул головой в сторону пирамиды, ожидающей тело Музыканта. — Ты пока что строишь такие сооружения довольно неуклюже. Пойдешь со мной — попрактикуешься.

— Зато ты уже весьма искусен в строительстве, — холодно усмехнулся Тьорл. — Кажется, твои друзья не живут долго, Станах. Сколько пирамид ты построил с тех пор, как ушел из Торбардина?

Молчаливо стоявшая между ними Кельда вдруг обеими руками схватила Тьорла за плечо.

— Перестань, Тьорл, перестань!

Станах перехватил руку эльфа.

— Ты же сам видишь, сколько уже смертей случилось из-за этого Меча. И будет еще больше, если Меч не вернется к тем, кому он принадлежит. Или ты не согласен, Тьорл?

Тьорл промолчал. Станах говорил правду, и эльф не мог этого отрицать. Он взглянул на Кельду, все еще стоявшую между ними. Свет нового дня золотил ее рыжие волосы. Одетая в охотничий костюм, с Мечом Бури на поясе — неужели это та самая испуганная девчонка, с которой он познакомился совсем недавно?! Сейчас она выглядела как один из солдат Финна.

Но ведь она-то *не должна* идти в Торбардин! Девушка только-только научилась сносно владеть ножом, и лишь вчера она научилась ходить с мечом на поясе так, чтобы он при каждом шаге не бил ее по ногам. Она явно не воин. Она просто сельская девушка, бывшая какое-то время барменшней.

Тьорл встряхнул головой и взглянул себе под ноги.

— Вот что я скажу тебе, Станах: я *не знаю* — жив Хаук или мертв, но твоим словам о Мече я верю. Значит, Меч Бури — больше не меч Хаука: Меч должен быть в Торбардине.

Он услышал вздох облегчения — это вздохнула Кельда — и, подняв голову, взглянул в черные глаза Станаха.

— Однако, прежде чем мы пойдем в Торбардин, нам надо сходить еще кое-куда. — Станах хотел возразить, но Тьорл не дал ему и слова сказать. — Отряд Финна находится здесь неподалеку. Не только ты надеялся на встречу с друзьями, Станах. Финн наверняка захочет узнать, что случилось с Хауком, и, главное, я должен ему рассказать то, что узнал в Старой Горе о Верминаарде.

Тьорл кратко рассказал о планах Повелителя. Лицо Станаха помрачнело еще больше.

— Значит, Верминаард решил напасть на Торбардин?

— Да, — сухо ответил Тьорл. — А ты думал, ваши горы запросто смогут защитить вас от чего угодно и к тому же на вечные времена? Ты думал, война будет идти везде, а ваши горы останутся нетронутым мирным островком? Первые отряды Повелителя, наверное, уже подходят к границам Квалинести. Надвигается зима, и Верминаард, конечно, пожелает начать войну до наступления холдов. Мне кажется, мы поступим правильно, если отправимся к твоей горе сейчас — прежде чем туда явятся орды драконидов... и до того, как на нас нападут те, кто убил мага.

Солнце уже поднялось над деревьями, осветило холм, яркими бликами отразилось на камнях пирамиды Мзыканта. Гном медленно поднялся и пошел к телу мага, ничего не сказав ни Тьорлу, ни Кельде.

Кельда видела, как Лавим вскочил на ноги и быстро пошел навстречу Станаху. Глаза девушки были полны скорби и жалости. Когда она взгля-

нула на Тьорла, то он в ее глазах увидел только жалость, одну жалость; эльф почувствовал себя неуютно: жалость эта относилась к нему.

— Это было с твоей стороны жестоко, Тьорл.

— Что именно?

— То, что ты сказал о смерти его друзей.

Она резко повернулась к нему спиной и побежала вниз.

Эльф стал взбираться на холм. И вдруг он вздрогнул — снизу, из лощины, донеслась песня флейты. Это Лавим пытался играть на ней, он терзал флейту до тех пор, пока Станах не отобрал ее у него.

Тьорл побежал по склону к своим спутникам. И дракониды, и злобные гномы, искающие Меч Бури, — все бледнело по сравнению с тем кошмаром, что создал кендер с помощью волшебной флейты.

Правый глаз и щека гнома Задиры непрестанно дергались, и он никак не мог справиться с тиком.

— Где Малыш?

— Я видел его следы на дороге. Думаю, он скоро вернется. — Добряк переминался с ноги на ногу и наконец выложил единственное, что ему удалось выяснить: — Маг мертв.

Полуденное солнце — для тейвэрцев столь же тошнотворно-отвратительное, как для человека падаль, — золотыми бликами сверкало на шлеме и кольчуге Добряка и заливало ярким светом каменистые холмы. Южная дорога в Старую Гору,

вьющаяся между этими холмами, выглядела узкой коричневой лентой; густой и темный лес окружал один из холмов, что был похож на большую пирамиду. А пирамида, построенная человеком, отсюда была не видна. Вдали, на востоке, сверкали белым и голубым высокие, достающие до самых небес пики Харолисовых гор, а под ними находился Торбардин — их, гномов, родной дом.

Задира сплюнул и подумал, что он, видно, умрет, уже не увидев родного подземелья, — умрет либо от света, либо от ножа Серого Вестника. Он бросил косой взгляд на Агуса. Задира подумал: «Скорее всего умрет от ножа одноглазого Вестника...»

— Откуда ты знаешь, что маг мертв?

— В лесу, на поляне, стоит совсем недавно построенная пирамида, — ответил Добряк.

«Такая же пирамида, возможно, будет построена здесь и для меня, — подумал Задира. — Если я не найду этот проклятый Меч, мои кости будут гнить и рассыпаться здесь на солнце. Рилгар, несмотря на все, что сделал я для него за двадцать лет верной службы; семь шкур с меня спустят из-за этого Меча».

— Ну и что с того, что на поляне стоит пирамида? — проворчал он.

— Но ведь кто-то должен же был построить ее. Это точно пирамида Музыканта. А кто же станет строить ее для мертвого, кроме его друга? Я видел следы трех, а может, и четырех существ. — Добряк ухмыльнулся и почесал свою спутанную

бороду рукой, покрытой шрамами. «Серебром воина» — так называли в Тейваре шрамы, полученные в сражениях. У Добряка их было много. — Один из них точно гном.

Стоявший позади Вулфен зашелся низким, горловым смехом. Смехом, напоминавшим лисий лай.

— А кто у него друг? Подмастерье Станах. Ну а кто остальные? И можешь ли ты сказать, куда они направились?

— На восток, в предгорья.

«На восток, в предгорья...» Отлично. Станах идет в Торбардин, и маг уже никогда не сможет его защитить. Задира улыбнулся. Рука Добряка коснулась висевшего на плече арбалета.

— Мы пойдем за ним?

— Да, — сказал Задира. — И мы его прирежем, как цыпленка. Вулфен, пошли.

Мучаясь от головной боли, что причинял ему свет, Задира думал: «И как этот Вулфен смог подняться на залитый солнечным светом холм?!» Услышав, что его зовут, Вулфен поднял голову, повел туда-сюда глазами, похожими на грязные льдинки, и снова засмеялся с завыванием. Он чуял добычу.

Заслышиав смех Вулфена, на холм вскарабкался Мальыш. Задира тоже стал подниматься на холм.

Одноглазый Агус — Серый Вестник — последовал за троицей. Он слышал все их разговоры, но сам рта не раскрывал.

Тьорл был рад, что они вернулись в лес. На холме и даже у его подножия он чувствовал: они у всех на виду, а потому на них легко могут напасть. В лесу, среди деревьев, он вздохнул с облегчением.

Земля здесь была каменистой, то и дело встречались большие валуны; тропа часто терялась среди камней и между корней деревьев. Лес, хоть и выглядел почти так же, как у границы Квалинести, в действительности был другим — здесь начиналось то, что Финн называл «моя трасса». Финн и его отряд из тридцати эльфов и людей устраивали засады чаще всего здесь, на узкой полосе земли между Квалинести и Харолисовыми горами. Наиболее желанной добычей для них были патрули драконидов.

Свою группу Финн называл «Компания Ночной Кошмар»; с тех пор как дракониды появились в обжитых «Компанией» лесах, парни Финна стали охотиться на них, словно волки на зайцев. Люди, населявшие этот район, оказывали отряду Финна помощь всегда и во всем; уж во всяком случае кусок хлеба и кружка воды у них для парней Финна находились непременно. Жители сообщали Финну о том, где находятся солдаты Верминаарда, но солдатам Верминаарда об отряде Финна никогда не говорили ничего.

Тьорл чувствовал себя в этом лесу как дома. Через день-два, а может быть и раньше, он найдет Финна.

Или Финн найдет его.

Держа в руке лук с наложенной на тетиву стрелой, Тьорл шел первым. Вот он оглянулся через

плечо, заметил блеск гномской серьги, сверкнувшей в лучах солнца, увидел: Станах идет последним. Меч Станаха был сейчас в ножнах, но Тьюрл уже знал, что кузнец выхватывает меч из ножен в мгновение ока. Станах ничего не сказал Тьюрлу о том, что он думает о желании эльфа встретиться с Финном, однако эльф был почему-то уверен, что гном одобрил его намерение. Кельда также сочла его слова о том, что надо найти Финна, вполне разумными.

Тьюрл снова оглянулся и нахмурился. На поясе Станаха висела флейта Музыканта. Тьюрл пытался уговорить Станаха захоронить инструмент вместе с магом, но Станах наотрез отказался.

— Я хороню его, — сказал Станах упрямо, — но не его музыку. Маг — человек Хорнфела, значит, Хорнфелу я и отдам его флейту.

Насколько они поняли, игра Лавима на флейте какого-либо вреда им не принесла. Однако то, что она может приносить вред, для всех было очевидным. Станах сказал: «Не только маг пользовался флейтой для заклинаний, но и флейта сама по себе обладала магическими свойствами».

— Музыкант говорил мне не раз, что у нее есть собственный разум, — рассказывал Станах. — Иногда она играла совсѣм не то, что он хотел.

Больше гном не сказал о флейте ни слова, но прикрепил ремешок с флейтой к своему поясу и погладил ладонью полированное дерево.

Тьюрл посмотрел на кендера, идущего подпрыгивающей походкой рядом с Кельдой; он вдохновенно рассказывал ей какую-то бесконечную и

совершенно невероятную историю. Лавим время от времени поднимал глаза от дороги то на Кельду, то на Станаха; то на флейту. На флейту — чаще всего. Тьорл теперь опасался потерять либо кендера, либо флейту. По улыбке Кельды было ясно видно, что она не хочет потерять ни того ни другого.

Правда, эльф не стал задумываться, почему, собственно, его беспокоит, чего хочет и чего не хочет Кельда.

Наступил вечер, когда Тьорл, обернувшись, помахал рукой Станаху, подзывая его к себе. Кельда, уставшая донельзя, опустилась на покрытый лишайником валун и только слабо улыбнулась, когда проходивший мимо Станах ободряюще коснулся ее плеча.

Лавима Тьорл к себе не звал, однако кендер подошел к нему раньше Станаха.

— Почему мы остановились, Тьорл?

Тьорл провел пальцем по тетиве своего лука.

— Мы остановились поохотиться, Лавим. А ты займешься лагерем.

— Но я не...

— Никаких «но», Лавим. Здесь неподалеку есть ложбина — вон в тех скалах. — Тьорл луком показал на деревья, росшие среди камней слева от них. — Там ручей, там же, наверное, ты наберешь и сучьев для костра. — Он отдал кендеру свою фляжку, а Станах — свою. — Лавим, сперва наполни фляжки водой, а потом разожги костер.

Кендер нахмурился; его лицо покрылось густой сетью мелких морщинок.

— Знаешь, в последнее время я только тем и занимаюсь, что обустраиваю вам стоянки! Почему это Станах может ходить на охоту, а я должен только разделять дичь, собирать валежник да разводить костры? — Он вытащил из-за спины свой хупак и пристально посмотрел на них — сначала на одного, потом на другого. — Между прочим, я тоже хороший охотник.

— Никто в этом и не сомневается, кендерочек, — растягивая слова сказал Тьорл. — Единственное, в чем я действительно сомневаюсь, так это в том, что ты вернешься вовремя, если вдруг какая-нибудь птица, или куст, или облачко привлечет твое внимание.

Лавим обиделся и хотел возразить, но Станах заговорил первым:

— Он имел в виду не то, что сказал, Лавим. Он хотел сказать... — Станах запнулся. Если честно, Тьорл сказал именно то, что думал и сам Станах. Он решил сменить тему разговора. — И кроме всего прочего, ведь кто-то же должен остаться с Кельдой?

— Да, но...

— Этот кто-то — не кто иной, как ты, Лавим. Ведь ты же не хочешь, чтобы у нее было плохое настроение, правда?

— Нет, разумеется, не хочу, но я не понимаю, почему, если я останусь...

Тьорл собрался уже сказать что-то резкое, но Станах жестом попросил его помолчать.

— Если останусь я или Тьорл, она, конечно, будет знать, что ей не о чем беспокоиться. Но ведь в этом случае она будет думать, будто мы сомневаемся в том, что она может в случае чего постоять сама за себя, верно?

— А вы разве не сомневаетесь в этом?

— Если бы она могла постоять сама за себя, было бы просто замечательно. Но она не может. Зато ты можешь и защитить ее, и помочь ей во всем. Причём гораздо лучше, чем мы! Ты и только ты подходишь для этого, Лавим.

Кендер продолжал упрямо гнуть свое:

— Кельда уже метко бросает нож. Я сам учил ее и...

— И она так быстро уже всему-всему научилась, да? Тебя послушать — скоро мы должны будем у нее учиться!

Лавим набрал полные легкие воздуха, резко выдохнул:

— Нет, разумеется, нет. Я еще не успел научить ее обманному броску через плечо да и многим другим вещам. Но, Станах, я...

— Так что же это получается? Ты, значит, можешь спокойно уйти и оставить ее одну и даже не будешь беспокоиться о том, найдем ли мы ее здесь, когда вернемся? — Он нарочито тяжело вздохнул. — Видно, в одном я все-таки заблуждался...

Лавим перебил Станаха:

— Ну, ну, в чём ты заблуждался?

— Я был просто уверен, что ты взял Кельду под свою защиту. Знаешь, ведь когда ты учил ее

бросать нож, когда рассказывал ей всякие истории, ты же защищал ее от усталости и от страха. — Станах смотрел на кендера совершенно невинно. — Но, видно, я заблуждался, да, заблуждался.

Тьорл спрятал улыбку, а Лавим, ногой пиная по дороге камешки, пошел к Кельде.

— А ты, оказывается, так красноречив! Помоему, еще никому не удавалось в чем-то переубедить кендера; но, возможно, никто просто и не пытался этого сделать.

Станах пожал плечами.

— Просто он действительно любит Кельду, только на это я и рассчитывал. Однако вряд ли я смогу переспорить его в следующий раз. — Он показал пальцем на лук Тьорла, сказал насмешливо: — Я полагаю, на ужин у нас будет куропатка?

— А может, это ты накормишь нас беличьим мясом, а?

Станах ничего не ответил и пошел за эльфом в лес.

Звезды обещали, что следующий день будет ясным. Обе луны, красная и серебристая, заливая лес призрачным светом, высоко поднялись в ночном небе. Тени, как привидения, ползли по земле; Лавим наклонился к ручью и зачерпнул ладонью ледяную воду, потом присмотрелся: на дне ручья, отражая лунный свет, что-то блестело.

Лавим опустил в ручей руку и достал со дна сверкающий камень величиной с его кулак.

Красно-коричневый, с переливающимися зелеными прожилками камень, казалось, мерцал в слабом лунном свете. На его поверхности танцевали отблески белого и желтого цветов.

Подобно золоту и алмазам!

Ладно, скорее всего, это, конечно, не золото и не алмаз, а нечто иное, название чего знают только гномы.

Кендер сунул камень в один из своих кошельков, сел на корточки и взглянул на блики лунного света, скользившие по поверхности воды. Позади него залаяла в кустах лисица. Ночная хищная птица — наверное, сова — закричала где-то невысоко в небе, кролик в панике юркнул в свою нору. Сухие листья непрестанно шуршали под ногами обитателей леса, кого-то преследующих и от кого-то спасающихся.

«Интересно, — подумал кендер, — почему это говорят: „тихий, как ночной лес“? Да в ночном лесу шумно, как на ярмарке!»

Лавим тихонько засмеялся. Что-то в последнее время он начал частенько разговаривать сам с собой.

«Возможно, старею, — подумал он. — Люди считают, что старик говорит сам с собой потому, что знает: он сам и есть тот единственный, кто даст ему правильный ответ на все вопросы».

Лавим усился поудобнее и стал наблюдать за ночных лесом, освещенным лунным светом.

«Нет, — подумал он, — я ведь размышляю, а не просто беседую сам с собой, значит, я вовсе не так уж и стар. Шестьдесят лет — разве же это

возраст? Может, мои глаза и стали видеть хуже, чем раньше, но разве не я помог молодому Станаху спастись от драконидов?!»

Он улыбнулся: «Верно. И поскольку мы рассуждаем о Станахе...»

О, как хотелось Лавиму вновь — совсем ненадолго — взять в свои руки флейту мага. Но Станах берег ее и не спускал с нее глаз.

«Все, чего я хочу, — говорил сам себе Лавим, — это взять флейту на минутку или две... Я понимаю, она дорога ему, потому что Мзыкант был его другом, и таким хорошим другом! Бедный Станах. Ему, наверное, так одиноко без Мзыканта! Особенно сейчас, вдали от дома родного. Хотя он и будет безумно счастлив, если ему удастся принести Меч в Торбардин. Да, о чем это я? Ага, правильно, о флейте. Станах должен будет ужасно обрадоваться, когда найдет ее снова, — ну если я все-таки сумею взять у него на время флейту».

Лавим усмехнулся, глядя на красную и серебристую луны. Он не сомневался, что сумеет заполучить флейту, — это всего лишь вопрос времени.

Флейта не выходила из головы кендора с той минуты, как он впервые увидел ее. Он сумел извлечь из нее всего две или три ноты, прежде чем Станах отобрал ее у него. Теперь Лавиму нестерпимо хотелось знать: какого рода заклинания живут в магической флейте? Может быть, те заклинания, которые научат хорошо петь?

Лавим обхватил согнутые колени руками. Да, заклинания, которые учат хорошо петь... Он

ничего не понимал ни в песнях, ни вообще в музыке, но он уже знал, как должен играть на флейте мага, если снова возьмет ее в руки.

Кендер поднялся на ноги: Время шло, земля уже стала совсем холодной, а он еще не поймал никакой дичи на завтрак. Правда, ему этого и не поручали.

Он скользнул в лес, думая о флейте, кроликах и о куропатке, принесенной Тьорлом.

Поднимавшийся от горки углей дымок благоухал жареной куропаткой. Станах смотрел сверху на стоянку и удивлялся: когда же кендеры спят? Лавима нигде не было видно. У костра спала Кельда. Тьорл спал под кустом боярышника сидя, положив голову на согнутые колени.

Станах стал спускаться с холма к стоянке. Теперь дежурить должен Тьорл. И все, что Станах сейчас хотел, — немножко погреться у огня, а потом найти не слишком каменистое место и спать.

Деревья отбрасывали слегка колеблющиеся в свете костра черные тени. Станах посмотрел на Меч Бури, лежавший под согнутой рукой Кельды, и увидел отблеск огня на стали. Клинок был наполовину обнажен, и Станах тихонько, чтобы не разбудить Кельду, вложил его обратно в ножны.

Вот его рука коснулась неровности на рукояти... Он как раз собирался сгладить ее, на мгновение отвернулся от Меча, и тут пламя вспыхнуло в его глазах, и он, прежде чем свалился без чувств

на каменный пол кузницы, ощутил, как течет по шее кровь.

Пульсировавший сейчас в стали темно-красный свет не был отражением огня. Подумав минутку, Станах вынул Меч Бури из ножен — вынул так осторожно, что Кельда не проснулась и не забеспокоилась во сне. Он медленно встал и шагнул в сторону. Меч Бури кузнец держал на вытянутых руках.

Киан умер за этот Меч. И маг тоже.

«Слуги Рилгара, конечно, искали мага, когда он исчез. И конечно, они видели пирамиду. Мне не следовало ее строить», — думал Станах. Он встряхнул головой. Нет, тейварцы все равно рано или поздно обнаружили бы тело Мзыканта. По карканью ворон. Станах вздрогнул.

«Делай то, что ты должен делать». Это были последние слова мага, сказанные ему.

«Я и делаю то, что должен», — подумал Станах.

Что он хотел сделать? Найти Мзыканта, взять Меч у Кельды, и идти к Хорнфелу, и оставить своих спутников умирать: ведь их, конечно, схватят тейварцы. А ему-то что за дело?!

Станах взглянул на Кельду. Читать в ее сердце ему было так легко! Но когда же она сама поймет, что по уши влюбилась в бродягу, отдавшего ей Меч?!

«Поймет, когда узнает, что он мертв», — прошептал Станах.

Он посмотрел на Королевский Меч, лежавший сейчас на его ладонях. Конечно, ему надо было

забрать Меч в первую же ночь в Квалинести. Он должен был с легким сердцем оставить и Кельду, и Тьорла, и Лавима в лесу и немедленно отправиться в Торбардин. Поскольку он тогда этого не сделал, то теперь поступил так, как ему казалось наилучшим: позволил Кельде самой нести Меч в Торбардин. Он позволил ей любить мертвого человека. «Прости меня», — сказала Кельда, когда он сидел у тела друга. Она положила на его руку свою, без слов говоря, что по крайней мере в этот момент он не одинок. Она утешала его, как родственная душа, как сестра. Нет, он никак не может сейчас уйти от своих товарищ, оставить их тейварцам. Станах встал на колени возле Кельды и вновь вложил Меч Бури в ножны.

«Ну что же, — думал Станах, — понимаешь ли ты меня? Ты тоже одинока, потеряла родных и друзей. Да, ты понимаешь меня, моя маленькая сестра». Он потуже затянул тесемки на ножнах и пошел будить Тьорла.

Глава 15

Финн взглянул на свой окровавленный нож — он только что прирезал драконида. Он быстро выдернул нож, пока лезвие не застряло в каменеющем теле мертвого врага. Как всегда, к горлу подступила тошнота. Финн ненавидел этих ублюдков живыми и испытывал отвращение к ним мертвым. Дракониды убили его жену и сына. Сколько он их ни убивал — все мало!

Пахло потом, кровью, гарью. Дым от подожженных фургонов поднимался к вершинам высоких сосен и потом, уносимый холодным утренним ветром, скользил вниз, к пойме реки. Еще до рассвета Финн и его парни напали на патруль драконидов, охранявших три фургона с армейским имуществом.

«До рассвета и на рассвете,— думал Финн,— они видели свой последний сон, и сон этот был страшен».

Ни один из его ребят не был убит, но, правда, некоторые были ранены.

Финн улыбнулся и огляделся вокруг — увидев в дальнем конце вырубки Лера, он окликнул его и призывающе помахал рукой. Легкий ветерок

лениво лохматил темные волосы Лера; тот кивнул и, огибая обгоревшие фургоны и легко перепрыгивая через окаменевшие тела драконидов, поспешил к своему командиру.

— Больше нигде драконидов не видно?

Лер отрицательно покачал головой.

— Только эти, вождь. Я недавно поднимался на гору — оттуда далеко видно. — Никого, одни вороны, и они очень удивлены, что после такой драки им ничего не досталось на завтрак! — Глаза Лера озорно сверкнули. — Бедные птицы! Что же им достанется на обед?! Даже уже и не камни, а просто пыль.

Финн задумчиво хмыкнул.

— Лагерь будет у реки, Лер. Когда твой брат перевязает раненых, оба приходите ко мне.

— Да, вождь. — Но ответ Лера прозвучал вопросительно.

Финн, однако же, промолчал, и Лер, пожав плечами, пошел искать брата. Вождь вообще редко объяснял свои приказы, да Лер и не считал, что командир должен это делать, хотя случалось — вот как сейчас, — он пытался узнать что-нибудь, о чем Финн умолчал.

Кембал уже заканчивал перевязывать одного из раненых, Лер передал брату приказ Финна.

— Что-то случилось, Кем. Как ты думаешь, что?

Кембал, врач и солдат в одном лице, устало посмотрел на брата.

— Понятия не имею, но держу пари — речь пойдет о тех следах, которые ты видел вчера.

Говоря это, Кембал извлек стрелу из ноги еще одного раненого. Тот вскрикнул, побледнел, а затем со страхом и надеждой посмотрел на вытекающую из раны кровь; как и Кембал, он знал, что стрелы драконидов часто бывают отравленными. Раненый надеялся, что кровь, вытекая, унесет с собой и яд, хотя вид крови, разумеется, не доставлял ему удовольствия. Кембал стал обрабатывать рану и не заметил, как ушел его брат.

Кембал знал, что Финн не придавал большого значения случайным налетам — даже столь удачным, как сегодняшний, — на патрули драконидов и караваны, снабжающие армию Верминаарда оружием и продовольствием. Он хотел проводить крупные военные операции, но для этого ему, конечно, нужны были сведения о планах противника, о перемещениях его войск. Знал Кембал и о том, что посланные в Старую Гору на разведку Тьорл и Хаук до сих пор не вернулись из города, и это очень беспокоило командира.

Лер полагал: обнаруженные им следы оставлены Тьорлом, и Финн, видимо, был того же мнения.

Кембал наложил на рану повязку и пошел к следующему раненому. Кембал задумался. Ну да, Финн хочет обязательно выяснить: кому же все-таки принадлежат следы, которые видел Лер.

Тьорлу? Но рядом с его следами Лер видел следы гнома, кенцера и еще либо женщины, либо эльфа.

Что делал Тьорл в столь странной компании?
И куда же делся Хаук?

Последопуденное солнце — странно жаркое, каким оно иногда бывает осенью, — расплескало на скалистых склонах яркие пятна. В расщелинах между скал ветер шелестел сухими опавшими листьями. Станах тыльной стороной кисти руки стер пот с лица и встал на одно колено в тени, пересекавшей тропу. Кто-то прошел здесь совсем недавно. Гном взглянул на Тьорла, остановившегося рядом.

— Ваши?

Тьорл отрицательно покачал головой. Он показал на белую царапину, видневшуюся на камне дороги.

— Нет, ни у одного парня в отряде Финна нет подкованных сапог. И обрати внимание еще вот на этот след.

В стороне от тропы, на влажном мху, в тени высокой лиственницы, отчетливо отпечатался след сапога. Этот след явно оставил не лесной житель. Станах встревожился.

— Это гном, — сказал Тьорл. — Посмотри, по величине след почти совпадает с твоим.

Станах закрыл глаза и задумался. Тейварцы видели пирамиду, обо всем догадались и стали рыскать по всему лесу. Не так уж и трудно понять, кого они ищут.

— Это слуги Рилгара.

— Вполне возможно. — Тьорл молча пошел по тропе, пристально глядя в землю, и почти сразу же обернулся к Станаху: — Они направлялись к реке. Думаю, что они прошли здесь на рассвете.

Впереди есть всего одно место, где можно перейти реку вброд. Следующий брод будет лишь через десять миль по реке к югу.

— Проклятьс! — вспомнив об этом, пробормотал он. — Они хотят отрезать нас от реки.

— Где кендер?

— Сзади, с Кельдой.

— Я хотел бы перейти реку сегодня. Более того, я хочу своими глазами увидеть, кто убил мага. Держи руку на рукояти меча, Станах. — Эльф снял с плеча свой длинный лук. Быстро закрепил тетиву и вынул из колчана стрелу. — Нам троим надо будет защищать Кельду от четверых подонков. Придется изрядно попотеть, но мы должны спасти Кельду. Меч у нее, и именно она будет их больше всего интересовать. Сможешь ли ты убедить Лавима не отходить от нее ни на шаг, пока мы сходим на разведку?

— Даже и пытаться не стану. И не беспокойся об этом. Он сейчас что-то рассказывает Кельде и будет рассказывать ей еще долго. Давай пока поспешному сходим к реке.

Тьорл в нерешительности оглянулся. Кельда и Лавим стояли на повороте тропы. Девушка за все время пути ни разу не пожаловалась на усталость и теперь явно отдыхала. Лавим, не желая потерять слушательницу, не отходил от нее. Солнечный свет золотом блеснул в волосах Тьорла, когда он стал задумчиво чесать затылок. Станах стоял и ждал, какое решение примет эльф.

Ветерок донес до них нежный смех Кельды и веселый голос Лавима:

Тьорл и Станах осторожно пошли вперед. В десяти ярдах от того места, где они разглядывали следы, тропа повернула к востоку и сузилась настолько, что они могли идти только один за другим.

Затем тропа стала круто подниматься вверх. Некоторые камни были перевернуты, и было ясно, что перевернуты недавно: их нижняя поверхность с налипшей темной влажной землей оказалась наверху, а верхняя, покрытая мхом, — внизу.

— Они спешили, — сказал Тьорл, — и не беспокоились о том, что оставляют следы. Или они просто уверены в своих силах. — Он посмотрел через плечо назад. — Только бы Лавим никуда не убежал! Мы не должны оставлять ее одну.

Ветер усилился, по дороге заплясали тени. Станах попытался расслышать голоса Кельды и Лавима, но не услышал ничего, кроме шороха листьев.

— Я думаю, ты прав. Иди назад. Отправь Лавима ко мне и скажи ему, чтобы он шел только по тропе, чтобы никуда не уходил с тропы и обязательно встретился со мной.

Тьорл нахмурил брови, а Станах фыркнул.

— Я, конечно, не следопыт, но и не слепой. — Он кивнул на следы. — Не бойся, я их не потеряю.

Он сказал не все, что думал, а думал он вот что: «В случае опасности лук эльфа защитит Кельду лучше, чем ее Меч». Тьорл кивнул:

— Сойди с тропы, Станах. Иди рядом, между деревьями, и оттуда смотри на следы. Если слу-

Рилгара ждут нас впереди, они должны выставить наблюдателя на тропе. И, если ты его увидишь, возвращайся тихо, но быстро. Если они здесь... ну что ж, попробуем справиться с ними. Если сможем.

— А если не сможем?

Тьорл пожал плечами:

— Тогда мы попытаемся перейти реку в каком-нибудь другом месте. Но я не хочу сейчас думать о худшем.

— Иди к Кельде.

Станах посмотрел ему вслед. Затем свернулся с тропы и пошел в дюжине ярдов от нее, между кустов, ветки которых царапали его лицо и руки. Неожиданно он увидел впереди широкую каменистую поляну. Станах остановился, не зная, как же ему идти: вокруг поляны или прямо через нее? Никого не было видно. Станах усмехнулся и решил идти напрямую через поляну. Он осмотрел камни, потрогал их ногой и рукой. Снова осмотрелся — и снова никого не увидел. На другой стороне поляны тропа поворачивала направо, шла под скалой и затем резко уходила вниз. Станах подошел к поляне поближе. Деревьев здесь уже не было, и отсюда открывался вид на речную долину. Река казалась узкой серебристой лентой, брод по обоим берегам был окаймлен коричневыми водорослями. Каменистая речная долина также была пустынна.

Круживший над долиной сокол, высматривая жертву, скользнул вниз. Из речной воды выпрыгнула небольшая рыбка, и, прежде чем она упала

обратно в воду; сокол упал вниз, схватил ее с победным криком и снова взлетел.

«Ну вот и обед для тебя, — подумал Станах, глядя на сокола, — но, может, в реке что-нибудь и для нас осталось...»

Долина пуста, в реке полно рыбы, брод, должно быть, мелкий. Улыбаясь, Станах выпрямился и обернулся.

Сзади почти вплотную стоял одноглазый тейварец.

В груди Станаха похолодело. Перехитрили!

Станах наклонил вперед правое плечо и выхватил меч из ножен. Звон стали, освобожденной из ножен, не оборвал и не заглушил жесткого смеха Серого Вестника. Станах, считая себя уже мертвым, взмахнул мечом — меч свистнул в нескольких дюймах от шеи Агуса. Воздух вокруг мага вспыхнул алым пламенем, зашипел, посыпались искры, и руки Станаха от ладоней до плеч невыносимо заболели, как если бы по ним ударили чем-то очень твердым.

Все еще улыбаясь, Агус поднял правую руку и погладил воздух. Он прошептал слово, затем другое, и наполненный солнцем воздух вокруг Станаха стал холодным, как зимней ночью. Небо, за мгновение до того голубое, стало темным, тяжелым. Словно бы гигантская рука ударила Станаха сзади, и он упал на колени. Как во сне, он услышал стук упавшего на камень меча и увидел, что Агус нагнулся и поднял меч.

Станах пытался вздохнуть — и не мог. Воздуха в нем не было совсем, как если бы заклинание

одноглазого мага высосало его из легких кузнеца полностью.

«Они смогли победить даже Музыканта, — подумал Станах. — Вот она, тейварская магия».

Мысль о Музыканте напомнила ему о привязанной к поясу флейте. Музыкант пользовался флейтой для некоторых заклинаний, флейта сама обладала магическими свойствами, но все это было сейчас бесполезно для Станаха — ведь он не знал искусства магии. Он только знал, что в руках Серого Вестника флейта станет могущественным инструментом. Если тейварец станет рассматривать флейту, он, конечно же, поймет, как ею пользоваться. Станах незаметно отцепил флейту и отбросил ее в сторону, на щебенку.

Агус снова поднял руки. Он сказал всего три слова, только три, но это были слова переносящего заклинания.

Затем Агус наклонился, коснулся головы Станаха и улыбнулся ему, глядя прямо в глаза.

Схваченный вихрем переносящего заклинания, Станах почувствовал, что из его тела словно бы уходит тяжесть, а вместе с нею и жизнь, почувствовал, как уносит его куда-то неведомая ему сила.

Лавим уселся на высящийся рядом с тропой валун. На коленях у него лежал хупак, между ног он поставил большую кожаную сумку, набитую разными камнями. Он рассматривал камни, один за другим, столь же внимательно,

как лучник осматривает стрелы перед боем. Он взял в руки красно-коричневый, с крапинками желтого пирита и белого кальцита, камень и показал его Кельде.

— Этим камнем, — сказал он гордо, — я убил гоблина за сотню шагов.

Кельда взглянула на него с явным сомнением:

— Неужели за сотню, Лавим?

Кендер кивнул и небрежно добавил:

— А может быть, и за сто десять. У меня не было времени считать шаги, ты же понимаешь.

— Но ведь ты подобрал камень вновь, после того как убил гоблина?

— О да. Это хороший камень, счастливый камень. Он у меня уже давно. Он когда-то принадлежал моему отцу, а еще раньше — его отцу.

Кельда постаралась скрыть улыбку.

— Что-то вроде фамильной реликвии, да?

Лавим сунул камень обратно в сумку.

— Фамильная реликвия? Это ты хорошо сказала!

Кендеры, из поколения в поколение передающие камень?! Просто абсурд! Кельда, пряча улыбку, закрыла лицо руками, но Лавим все же увидел ее смеющиеся глаза.

— Что я сказал такого смешного, Кельда?

— О нет, Лавим; я вовсе не смеюсь, правда-правда. Я просто улыбаюсь. Ведь это так приятно, когда у тебя есть какая-то вещь, напоминающая тебе о твоем отце и деде...

Кельда подтянула ноги к груди и положила подбородок на колени. Она глядела на Кендера, а

тот продолжал рассматривать свое «вооружение». Его белая длинная коса под солнечными лучами светилась серебром. На загоревшем коричневом лице зеленые глаза светились так, как светятся на солнце весенние листья.

— А вот у меня ничего не осталось на память о семье — ну хотя бы какого-нибудь счастливого камня.

Лавим поднял голову.

— О, таких камней полным-полно в Кхаре. Ты там никогда не была? Это — моя родина. Это — прекрасная страна: все горы да холмы. И несколько совершенно удивительных долин. Когда-нибудь ты должна обязательно все это увидеть, Кельда. Мне давно уже хочется туда вернуться, но со мной вечно что-нибудь да происходит, всегда какая-нибудь история да приключится, ну как с этим Мечом Бури, например, хотя я толком так и не могу уяснить, — что это такое. И ты, Кельда, ведь не всегда была барменшей, так? Ты жила на ферме со своей семьей, правильно? Прежде чем дракон... ух, гадина!.. ну в общем, прежде ты в баре не работала, верно? Так вот, если тебе нравится природа, ты полюбишь долины Кхара. И я буду счастлив показать их тебе. А я уже скоро пойду туда, сразу после того, как мы отнесем Меч Бури в Торбардин. — Он помолчал. — Скажи, как ты думаешь, может, твой приятель Хаук тоже захочет пойти в Кхар?

Кельда взглянула на слепящий солнечный блик, пляшущий на камне.

— Почему он должен захотеть идти в Кхар?

— Ну если захочешь ты, захочет и он. Наверное, он уже знает, что ты идешь в Торбардин спасать его, и он, я думаю, должен быть благодарен тебе за это. Неужели они держат его в тюрьме? Или даже в темнице? Ведь в тюрьму, мне кажется, сажают ненадолго. Пищу там дают плохую. А темницы? Мне они совсем не нравятся. Пища не такая плохая, как в тюрьме, но ты ее получаешь не так уж и часто. Те, кто тебя туда сажают, стараются вообще забыть о своем существовании. Ты знаешь, Торбардин действительно очень велик. Там не один город, а целых шесть. Они все как-то связаны между собой — мостами, что ли. И все они построены внутри горы. Можешь себе представить? Там даже сады есть. Не знала? Но если все это внутри горы, то откуда там солнечный свет? А дождь? Дождь-то откуда берется? Конечно, гномы, я думаю, способны обеспечить свои сады водой, но ведь это просто адская работа! И даже если они способны это сделать — я имею в виду, обеспечить свои сады водой, — то все равно остается проблема солнечного света — уж его-то не принесешь в кадушке...

Лавим болтал без умолку, перескакивая с одной темы на другую. Кельда слушала его вполуха, думала о тюрьмах и темницах и не могла понять, каким образом Хаук сумеет узнать, что кто-то спешит ему на помощь?!

«Но он должен знать, — думала она. — Он должен знать, что Тьорл его ищет». Она погладила рукой ножны Королевского Меча. Он, Хаук,

конечно же, знает, что его освобождение зависит от этого Меча.

— ...И разумеется, если понесешь солнечный свет в кадушке, она должна быть очень плотно закрыта, разве не так?

«Если Хаук жив, он знает, что его ищут,— думала Кельда.— Но жив ли он?» Она вспомнила о маге, о пирамиде на поляне и о Станахе. Она закрыла глаза и уткнулась лбом в поднятые колени.

Она попыталась услышать голос Хаука. Ей казалось, что, если она еще может слышать голос Хаука, значит, он жив. Если она еще видит его глаза, то он должен быть живым.

Кельда мысленно стала восстанавливать те мгновения, когда Хаук, такой вежливый и добрый, говорил с ней, она уже не помнила о том, что в действительности она тогда его испугалась.

— ...И им, конечно, необходимы непрозрачные кадушки, может быть, покрытые свинцом или чем-то вроде того, чтобы свет не просачивался из них. Хмммм. Я буду весьма удивлен, если они все это учили.

Кельда погладила ножны Меча. Королевского Меча, как называл его Станах. А для Кельды этот меч всегда будет мечом человека, который рисковал ее жизнью ради игры, а затем играл своей жизнью ради ее жизни.

Неожиданно зашуршали кусты; Лавим быстро сгреб разложенные на валуне камни и ссыпал их в сумку. Кельда оглянулась и увидела стоящего

позади нее Тьорла. Она хотела было подняться на ноги, но эльф жестом остановил ее.

— Мы останемся пока здесь. А ты, Лавим, пойди и найди Станаха.

Кендер пристроил за спиной свой хупак.

— Конечно, Тьорл. А что там?

— Да вроде ничего. Иди и найди Станаха. Только смотри не заблудись. Очень прошу тебя об этом.

Радостно улыбаясь, встряхивая на ходу свою сумку, кендер пошел по тропе к реке.

— Когда я подходил, слышал: он тут что-то рассказывал, — сказал Тьорл. — А о чём, если не секрет?

Кельда улыбнулась:

— О Торбардине и о солнечном свете в покрытых свинцом кадушках.

— Солнечный свет в кадушках?.. — У Тьорла просто отвисла челюсть. — Для чего?

— Для садов. Он говорит, в Торбардине очень много садов. И еще он говорил, что Торбардин — это не один город, а несколько городов. Это правда?

Эльф пожал плечами:

— Не знаю. Города внутри горы? Просто не представляю, как это может быть! А ты ведь сама знаешь, чего стоит болговня кендеров.

Тьорл провел пальцем по тетиве лука. Кельда, помолчав, спросила:

— А где Станах?

— Там, на тропе. Пошел на разведку.

— Наверное, нам тоже надо пойти за ним?

Тьорл прислушался. Он ничего не услышал, кроме шума ветра в ветвях деревьев, но на всякий случай внимательно осмотрелся.

— Скоро пойдем. Тропа здесь идет вверх. Отдохни немножко.

Кельда молча кивнула. Тьорл смотрел, как солнечный свет золотом красит ее волосы.

«Итак, қадушки, — говорил сам себе Лавим. — Может, они их сделали, а может, и нет. Но ведь никогда не узнаешь, можно ли что-либо сделать, пока не попытаешься это сделать, так?»

В вершинах деревьев вздыхал ветер. Лавим быстро шагал вверх по тропе.

«Правильно, — думал он. — Разумеется, если у них там, в Торбардине, сады, они должны были что-то придумать насчет света».

Лавима уже не тревожило то, что он стал постоянно разговаривать сам с собой. Кроме того, он получал от этого такое же удовольствие, как от разговора с кем-либо другим. Да куда большее удовольствие! Сам себя он никогда не прерывал. А то ведь и Станах, и Тьорл, кажется, тоже — они ну просто удовольствие получали, прерывая его на каждом слове! Кельда, правда, иногда выслушивала его рассказы до конца... В общем, он радовался тому, что научился разговаривать сам с собой. Он задавал себе вопросы и получал дальние ответы..

Он сошел с тропы, там, где сломанный куст и примятая трава указали ему на то, что здесь прошел Станах.

Вот уж правду говорят, «стопает, как гном»! Станах протоптал такую широкую тропу, что

даже слепой мог увидеть, где он шел. Они ужасно неловки в лесу, эти гномы, ведь верно?

Вскоре Кендер увидел каменистую поляну. Лавим усмехнулся: «Готов спорить, он шел именно этим путем. Почему же он не оставил какой-нибудь прутик на тропе? Или какой другой знак? Ладно, спрошу его, как только встретимся».

Он вскарабкался на большой валун и осмотрелся. О да, Станах здесь, конечно, был. Некоторые камни перевернуты, лишайник с них прямо-таки содран. Лавим встряхнул головой. Яснее некуда, вот он, знак: Я ШЕЛ ЭТИМ ПУТЕМ.

Солнечный свет отразился от чего-то гладкого, красно-коричневого, лежащего между камнями. Лавим спрыгнул с валуна, подошел и вздрогнул: флейта мага! Он глубоко вздохнул, а затем протяжно свистнул. Флейта мага! Вот это находка!

Лавим поднял флейту и поднес ее к губам, ему не терпелось сразу же узнать: научит ли его флейта хорошо петь. Он попытался сыграть одну ноту, потом другую. И вдруг остановился, пораженный.

«Почему, — подумал Лавим, — Станах оставил флейту здесь? Он ведь всегда так старался не потерять ее и вдруг бросил ее здесь».

Кендер потер флейту пальцами, затем положил ее на ладонь так, чтобы на нее падал солнечный свет, полюбовался, глядя, как играют на дереве красные и коричневые блики. Неужели гном просто уронил ее?

Лавим фыркнул. Невозможно! Это же флейта Музыканта, и к тому же, как сказал Станах, магическая флейта! Два дня носить флейту на поясে, каждые пять минут проверять, не потерялась ли, а потом вот так просто взять и уронить?!

Кендер взгляделся в камни у своих ног. Здесь был кто-то еще. Точно! Около маленькой сосенки следы. Тьюрл ведь здесь не был. Тогда кто? Кендер опустился на колени и, растопырив пальцы, приложил руку к следам. Один шире, чем другой, но оба одинаковой длины. Ясно, это тоже гном. Другой гном.

Но откуда взялся другой гном здесь, в лесу?
Тейвар!

— Правильно, — сказал сам себе Лавим. — Тейвар. Из этого следует...

Лавим зажал рот ладонью и огляделся вокруг. В подлеске вздыхал ветер. Река в долине что-то шептала и смеялась. Сойка, шумно хлопая крыльями, бранилась с кем-то на вершине дуба. Вокруг никого не было, и все-таки он услышал голос — глухой, как шум ветра или далекая песня флейты.

Лавим, слышишь: Станах в беде.

Кендер глянул на долину, потом посмотрел на заросли кустов у тропы.

— Где ты? — громко спросил он. — Кто ты и откуда знаешь, что Станах в беде?

Ты должен помочь Станаху, Лавим.

— Да, конечно, но... Подожди-ка минутку! А может быть, ты — один из тех...

Это сделал тейварец.

— Но как я узнаю, что ты нам не враг?

А почему я говорю тебе, что Станах в беде?

— Но почему ты не хочешь сказать, кто ты?

И где ты?

Я сзади тебя.

Лавим обернулся. Сзади него никого не было. Лавим завертел головой во все стороны. Никого нет. Но не мог же он слышать голос, если некому было говорить? Или он снова начал разговаривать сам с собой?

Но это не его голос!

Лавим зажмурился, стараясь вспомнить, как звучал его голос, когда он разговаривал сам с собой. (Мысленно разговаривал, напомнил он себе.) Вспомнить не удалось и, решив, что это означает: он только что не разговаривал сам с собой, — кендер открыл глаза и снова внимательно осмотрелся.

Теперь слушай...

Голос доносился как бы отовсюду; сейчас он изменился, стал твердым, как сталь.

Лавим, ты звал меня. Теперь слушай меня! Иди за Тьорлом!

Кендер вздохнул. Если он сейчас все же разговаривает сам с собой, значит, он перенял у Тьорла и Станаха их дурацкую привычку перебивать говорящего.

— Я тебя звал? Никого я не звал. Я...

Об этом мы поговорим позже. А сейчас иди за Тьорлом!

Лавим послушно пошел назад к тропе. Затем побежал. Не от страха — от страха он бы не

побежал! Он бежал, — шумно, как гном через кусты, — потому что внезапно понял: голос, который он слышал, не был его голосом, и разговаривал он вовсе не с собой.

Кендер бежал, смеясь и размахивая старой деревянной флейтой. Он догадался, кто с ним разговаривал.

Глава 16

нейсс услышал, как зашипели установленные в Зале Совета осветительные горелки; затем в них вспыхнуло пламя, взметнулось и сразу осело, стало ровным. Он потер виски: в последнее время его постоянно мучила головная боль. Причина этой головной боли — восемь сотен беглецов, сейчас они ждали решения своей судьбы в долине у Южных ворот. Их представителями, которых Гнейсс видел лишь мельком, были полуэльф и высокая красивая Женщина с Равнин. Гнейсс еще раз потер виски. Сейчас эти двое, сидя в прихожей, ждут решения Совета. Вскоре они должны будут вместе со своими людьми либо уйти из гномских владений, либо — Гнейсс утомленно вздохнул — поселиться в Торбардине.

Тан Девара оглядел широкий овальный стол. Лица сидевших вокруг стола танов назвать веселыми было нельзя.

Туфа внимательно изучал полированную поверхность гранитной столешницы.

Овражный гном Блаф постукивал ботинками по ножкам своего кресла; он не очень-то хорошо понимал, в чем именно заключается особая

важность сегодняшнего заседания, но ему сказали, что оно важное, а потому изо всех сил старался не уснуть.

«Если вообще может считаться бодрствующим тот, кто зевает каждую минуту», — сердито подумал Гнейсс.

Два тана *дерро*, Ранс из Дергара и Рилгар из Тейвара, для которых темнота была как вода для рыбы, старались быть в тени. Ранс в эти дни все время держался к Рилгару поближе; оба толстые, как блохи на ленивой собаке.

Хорнфел, глаза которого говорили о бессонной ночи, поднялся со своего места во главе стола:

— Мы все согласились с тем, что пора прекратить обсуждение вопроса о том, впускать ли в Торбардин бывших рабов Верминаарда, бежавших из шахт Пакс Таркаса.

Ранс поднялся, намереваясь прервать его, но Хорнфел, словно бы не замечая этого, продолжал говорить ровным голосом:

— Представители беглых рабов ждут нашего слова. Я не хочу заставлять их ждать и дальше. Кроме того, нам предстоит сегодня обсудить еще ряд вопросов.

Повисла напряженная тишина. Блаф перестал стучать ботинками по ножкам кресла.

— Итак, мы будем голосовать. — Хорнфел повернулся к тану Клара. — Туфа, скажи свое слово.

Тан Клара медленно поднялся:

— Мое мнение не изменилось. Я не пойду против решения Совета. — Он бросил быстрый

взгляд на Рилгара. — Я соглашусь с общим решением, каким бы оно ни было.

Гнейсс тяжело вздохнул. Значит, может случиться так, что в конце концов именно его, Гнейсса, слово определит окончательное решение Совета... Как он и обещал Хорнфелу в недавней беседе у Южных ворот, он принял решение, которое казалось ему в данной ситуации наилучшим.

Хорнфел закрыл глаза, вздохнул и затем кивнул овражному гному:

— Блаф, скажи: прогоним людей или впустим их в Торбардин?

Блаф выпрямился в кресле, прищурился, а затем широко улыбнулся:

— Впустим.

Правда, он посмотрел на всех так, словно мог еще и взять свое слово назад.

Хорнфел быстро сказал:

— Ранс.

— Нет! Нет! И еще раз нет!

— Я понял тебя, ты против, — сказал Хорнфел. — Рилгар?

Тан Тейвара пожал плечами. Его глаза напомнили Гнейссе глаза голодного кота — такие же прищуренные и злые.

— Тебе не придется читать мои мысли, Хорнфел. Я говорю вслух: пусть они убираются отсюда. У нас нет для них места, они нам не нравятся, и мы в них не нуждаемся.

Гнейсс пристально посмотрел в глаза Рилгара. «Все, сказанное тобой об этих людях, можно

было бы переадресовать тебе, тейвар», — подумал он.

Затем он громко сказал:

— Мы можем отдать им наши восточные земельные участки, все равно мы не используем их уже три года. Мы не можем знать заранее: придутся люди нам по душе или нет. Но вот другой вопрос: нужны ли они в Торбардине? — Быстрым взглядом он окинул всех, сидящих за столом. — Фермеры всегда нужны, а эти люди и есть фермеры. Я говорю: давайте примем их, и пусть они работают и сами кормят себя. А половину урожая они будут отдавать нам как плату за убежище.

Гнейсс посмотрел на Хорнфела:

— А что скажешь на это ты?

Голос Хорнфела звучал торжествующе:

— Примем их.

Рилгар поднялся и вышел из Зала Совета; бормоча проклятия, Ранс последовал за ним. Таны *дерро* уже ничего не могли сделать, чтобы не допустить беглых рабов в Торбардин.

Совет проголосовал, и что-либо изменить не в силах был даже Рилгар. Пока...

Гнейсс взглянул на сидевших перед ним Туфу и Блафа. Он улыбнулся, услышав, что Блаф тихо спрашивает Туфу о том, как все-таки проголосовало собрание, и повернулся к Хорнфелу.

— Ты получил нужный тебе голос, мой друг. — Хорнфел задумчиво кивнул. — Но что же теперь? Может быть, ты думаешь, что твои

восемьсот оборванцев проведут зиму в праздности и спячке?

Хорнфел словно бы и не слышал в его голосе сарказма.

— Скажи мне, Гнейсс, удастся ли нам сделать своими союзниками больных и голодных людей, если мы сразу же начнем забирать у них половину их урожая?

Гнейсс усмехнулся:

— Они же не начнут работать прямо сегодня, Хорнфел. Просто скажи этим людям, что они могут провести зиму здесь. Если война из Внешних Земель придет в Торбардин, они, вероятно, будут хорошо сражаться, защищая город, где им оказали гостеприимство. Если же в Торбардин придет... междоусобица, что ж, у тебя есть мой Девар и Клар, а больше нам никто и не нужен.

Сказав это, Гнейсс вспомнил кошачий взгляд тана Тейвара. Он до сих пор ощущал ледяные иголки глаз Рилгара, уколовшие его.

— Ты прямо сейчас объявишь людям решение Совета?

Хорнфел побарабанил пальцами по столу.

— Я хотел бы минутку передохнуть.

— Передохнуть? Ну да, конечно, пойди отдохни. Но будь осторожен, где бы ты ни был. В последние дни мне очень не нравится, как смотрит Тейвар.

— И мне тоже, — сказал Хорнфел, и Гнейсс понял, что его друга мучила бессонница не только из-за беглых рабов.

Хорнфел постоянно помнил, что ему надо быть предельно осторожным. Он помнил об этом и сейчас, когда отдыхал в саду Двора Танов. Медленно ходил он по аккуратным дорожкам, выложенным гравием.

Он был рад одержанной на Совете победе. Он вовсе и не думал, что «восемьсот оборванцев проведут зиму в праздности и спячке». Но он не хотел ничего такого, что выглядело бы для них как «контрактное рабство», ничего, напоминающего подневольный труд. Так не завоюешь настоящих союзников, а он знал, что скоро они ему очень понадобятся. Подтверждение этому он увидел сегодня в глазах Рилгара.

Тан Хайлара остановился. Незаметно для себя он подошел к самому большому в Торбардине участку земли, засаженному растениями. Круглый год здесь цвели цветы. Повсюду виднелись вереск и серо-зеленые горные бессмертники, королевский папоротник разбросал свои листья, скорее золотые, чем зеленые, — словом, земля здесь была покрыта сплошным ковром зелени и цветов.

Широко раскрытые розовые лепестки олеандра сверкали в ярком свете, падающем с потолка пещеры из множества пронизывающих гору кристаллов. Хорнфел коснулся пальцем нежного цветка. Тот слегка задрожал под его ладонью. Хорнфел отдернул руку и посмотрел на льющиеся сверху потоки света.

Система проходящих с поверхности земли кристаллов освещала все шесть городов Торбардина,

как если бы эти города находились на поверхности. Света было достаточно для любых растений, и урожаев с подземных полей гномам Торбардина для сырой жизни вполне хватало.

«Мы любим горы и их тайны, — подумал Хорнфел, — но и свет мы любим тоже. Во всяком случае, многие из нас».

За спиной Хорнфела послышались чьи-то мягкие шаги. Он медленно повернулся и постарался не выказать удивления, когда увидел перед собой тана Тейвара. Хорнфел понимал: Рилгар здесь сейчас чувствует себя очень даже неуютно — ему был нестерпим яркий свет. Рилгар смотрел на него прищурившись, в его глазах Хорнфел отчетливо видел мрачные тени черных мыслей. Казалось, по саду пролетел зимний, холодный ветер.

— Твои... гости ждут тебя, — сказал Хорнфелу маг *дерро*.

С презрительной улыбкой Рилгар повернулся и, ничего не сказав больше, ушел.

«Черные мысли и кроваво-красная ярость», — подумал Хорнфел. Рилгар постоянно пытался всем танам Торбардина внушить, что нельзя впускать людей в горное королевство, и вот потерпел поражение:

Тан Хайлара знал: если бы Рилгар мог, он бы убил его не задумываясь; и если такая возможность ему представится, он это сделает. Но прежде он постарается убить Гнейсса, голос которого оказался решающим, из-за которого ненавистные Рилгару люди войдут в Торбардин!

Хорнфел полагал: единственная причина, почему Рилгар пока не пытается убивать Танов, в том, что он еще не нашел Королевского Меча.

Как долго он уже ищет его? И сколько времени еще осталось до того, когда он устанет ждать и начнет войну без Меча, без этого символа власти?

Хорнфел уже сомневался в том, что Меч будет найден. Слишком много времени прошло с того дня, как его увидели во Внешних Землях. Прошлой ночью Хорнфел задумался, что следует предпринять, если Киан, маг и Станах мертвые и если Меч Бури снова утерян.

Тогда, значит, надо думать о том, как защищаться от козней Рилгара.

Хорнфел чувствовал: об этом же думает и Гнейсс. В последнее время ему постоянно казалось: где бы он ни был, его всегда охраняют три воина Гнейсса; хотя что они смогут сделать против магии Рилгара?

«Ничего они не смогут», — мрачно думал Хорнфел, выходя из сада. Пора уже было сообщить людям решение Совета Танов.

Приставленные Гнейссом охранники не вошли вслед за Хорнфелом во Двор Танов, а, готовые вбежать по первому зову, остались за дверью, ведущей в сад. Еще три вооруженных стражи ждали Хорнфела в Зале Совета. Они стояли рядом с полуэльфом и Женщиной с Равнин.

Входя, Хорнфел взглянул на представителей беглых рабов. Один из них, рыжебородый полуэльф,

— услышав шаги вошедшего тана, повернулся к нему. Меч на бедре, длинный лук на плече, прямой пронзительный взгляд зеленых глаз.

Его спутница, высокая женщина, одетая в охотничьи брюки, как это принято у женщин Равнин, положила свою тонкую ладонь на руку полуэльфа. Ее золотые, как солнце, и серебристые, как луна, волосы сверкали в свете факелов. Она прошептала одно слово, всего одно, не более, — и полуэльф немного расслабился. По крайней мере, так казалось Хорнфелу. И все же было ясно: взгляд зеленых глаз полуэльфа почти никогда не смягчается. «Да, — подумал Хорнфел, — этот не из тех, кто согласится играть роль просителя. Ну что же, я не могу осуждать тебя, охотник, за твой нрав. И сам я не должен сейчас осторожничать, играя свою роль».

Хорнфел жестом приветствовал и стражников, и полуэльфа с женщиной; увидев это, стражники отступили от них на шаг.

— Благодарю, что согласились подождать, — сказал гном полуэльфу и женщине.

Полуэльф хотел сказать в ответ что-то резкое, но женщина легко коснулась рукой его плеча, и он промолчал. Заговорила женщина, ее голос оказался низким, но в этом голосе слышался успокаивающий шелест голубиных крыльев:

— Нам было приятно побывать в этом прекрасном зале.

«Ох, как я в этом сомневаюсь, — подумал Хорнфел ехидно, — во всяком случае, в отноше-

нии твоего друга». Он подошел к просторной нише, что находилась в боковой стене зала.

— Леди, — сказал он, вынимая факел из ближайшего светильника, — прошу тебя, устраивайся здесь так, чтобы тебе было удобно.

Она любезно склонила голову, вошла в нишу, села на предложенный стул, и Хорнфелу показалось: ее красота осветила нишу ярче, чем факел, который он держал в руке. Охотник встал рядом с ней, а за ним, почти вплотную, — три деварских стражи; Хорнфел вздохнул и нахмурился. Укрепив факел на стене, он повернулся к полуэльфу:

— Ты можешь находиться рядом со своей леди, если тебе так хочется. — Затем повернулся к стражам: — А вам лучше бы уйти.

Деварцы, хотя и неохотно, но вышли — они знали, что такое приказ. Полуэльф улыбнулся и встал за спиной женщины.

— Они охраняют тебя от нас? — спросил полуэльф тана.

Хорнфел с сомнением покачал головой и уселся в кресло напротив женщины.

— Да, они охраняют меня, но не от тебя или твоей леди. Мы не считаем нужным охранять себя от друзей.

Женщина с Равнин, услышав его слова, сказала:

— Мы рады, что ты назвал нас друзьями. — Она изящным жестом показала на своего телохранителя. — Это Танис Полуэльф. — Она улыбнулась. — Я не его леди, но он охраняет меня

лучше, чем кто-либо. И позволь представиться:
я — Золотая Луна, дочь вождя племени Кве-Шу.

Глаза ее мягко светились.

— Я служу богине Мишакаль, — добавила она, — и от ее имени прошу, скажите: вы поможете бывшим рабам Верминаарда, бежавшим с шахт Пакс Таркаса?

Хорнфел встряхнул головой:

— Леди, на Кринне нет служителей богов уже три сотни лет.

— Я знаю это, тан. Не было до сих пор. Теперь есть.

Гном закрыл глаза. Мишакаль! Гномы называли эту богиню Мезалакс и любили ее не меньше, чем Реоркса, которого называли Отцом. Реоркс создал мир, но без Мишакаль в этом мире не было бы красоты.

Хорнфел перевел взгляд с Золотой Луны на Таниса. Правду ли сказала она? Наверное, да. Боги вернулись на Кринн. Один дал сердце своего огня Королевскому Мечу, другая дала Верминаарду драконов... А Мезалакс, получается, дала свое благословение женщине с варварских Равнин?

Золотая Луна улыбнулась Хорнфелу — как будто свет самой Мезалакс коснулся его глаз.

Хорнфел снова быстро взглянул на Таниса. Когда полуэльф смотрел на Золотую Луну, его лицо смягчалось; на нем даже появлялась улыбка, которую он, правда, прятал в рыжую бороду.

— Моя госпожа Золотая Луна, — наконец сказал Хорнфел. — Добро пожаловать в Торбардин.

Теперь нужно было еще сказать о земельных участках на востоке. Но как быть с Золотой Луной? Разумеется, он не был уверен, что она действительно служительница богини, однако он уже знал, что не должен, не может допустить, чтобы она жила в убогой хижине. И при этом он также знал: она должна быть там, где и ее люди...

Дракон Темная Ночь раскинул крылья, наслаждаясь игрой теней на тускло мерцающих стенах и потолке своего лежбища. Он во всю длину вытянул свою змеиную шею и широко раскрыл пасть; конечно, его никто не видел — а жаль! — никто не видел, как похожи сейчас на тонкие языки пламени его острые клыки, отражающие свет маленького светильника, висящего на дальней стене.

Он повернул голову и сказал, обращаясь к возникшей на стене тени:

— Мой государь, вообще-то солнечные лежбища в скалах Пакс Таркаса лучше этих мокрых холодных пещер.

— Ты меня этим вовсе не удивил, — ответила тень.

Верминаард в своей комнате в Пакс Таркасе засмеялся. Его тень-образ на стене пещеры тоже засмеялась.

Темная Ночь ударил хвостом по полу пещеры и зарычал. Ему не нравились не только пещеры Торбардина. Ему не нравилось и само гномское

королевство. Здесь не было одного-единственного короля, здесь был Совет Танов. О, как не хватает здесь Верминаарда! Уж он-то навел бы порядок.

— Повелитель, я устал от безделья! Рилгар не торопится захватить власть, и я ему сейчас вовсе не нужен.

Очертания тени стали четкими, словно вырезанными на стене ножом. Темная Ночь почти видел глаза Верминаарда, они были обозначены на теневом изображении красными огоньками.

— Он все еще теряет время на того бродягу?

За все дни, что Хаук провел в пленау Рилгара, он так и не сказал, где находится Королевский Меч.

— Государь, Рилгар — просто слоняй! — Дракон зло зарычал. — О, был бы этот бродяга моим пленником, я бы давно высосал мозг из его костей!

Дракон Темная Ночь вспомнил, что он, чтобы поесть досыта, вынужден по ночам ловить горных баранов, а Рилгар высасывает кровь из Хаука просто ради своего удовольствия.

В ярости дракон фыркнул и закрыл глаза.

— Просто удовольствие — вот и все, что он сейчас получает от этих пыток. Он еще надеется, что все-таки выбьет ответ из Хаука, но, может быть, тот и на самом деле не знает, где Меч. И чего терять время даром?!

Глаза тени вновь вспыхнули красным, дракон скребанул когтями по каменному полу логова. Он

вовсе не был уверен, что Хаук знает, где Меч. А если и знает, то теперь уж ответ из него не вытянешь и клещами. Да, да, только время напрасно терять...

— Государь, а как идут дела у тебя?

— Вполне прилично. Я уже отправил несколько отрядов в горы, и скоро они будут на местах. Сегодня ночью Янтарь полетит сопровождать еще несколько отрядов в горы.

Янтарь! Янтарь будет летать, сея повсюду смерть и страх, а он, Темная Ночь, будет валяться здесь, в этой сырой и грязной дыре!

Темная Ночь заклацал зубами.

— Янтарь полетит с отрядами? А ему... — Темная Ночь осекся. Надменный Янтарь ни за что не возьмет никого в помощники. И все-таки дракон спросил осторожно: — Твоему дракону не захочется полетать с кем-нибудь в компании?

О Такхизис! Крылья дракона прямо-таки зудели от желания полетать! Да еще ночью!

Тень больше не казалась тенью, она скорее была похожа на отражение в полированном черном дереве. Дракон увидел лицо Верминаарда — надменно красивое, жесткое, как камень, с ледяными глазами.

— Моему дракону не нужна никакая компания, кроме меня, дорогой Севрист. Сегодня ему предстоит выполнить небольшую работу. Совсем крохотную. Это касается людей Финна.

Он мог бы сказать: касается комаров. Темная Ночь тяжело вздохнул.

Верминаард смеялся — словно громыхал ледоход на реке.

— Наберись терпения, Темная Ночь, слушайся пока своего нового господина.

И тень ушла со стены. Красные светляки исчезли, будто их и не было. Никогда.

Черный дракон зарычал. На взгляд Темной Ночи, его новый господин был настоящим ослом. Рилгар командовал армией гномов, и командовал хорошо. Это ведь не простое дело: уметь управлять племенем кровожадных *дерро*, для которых самые приятные мечты — мечты о пытках, о войнах, о смерти. И все-таки Рилгар осел, поистине осел!

Севрист не разбирался в политике и плохо понимал, почему, собственно, Рилгару так уж необходим этот Меч Бури? Этот Королевский Меч... Он вздохнул, и воздух в логове заходил ходуном. Эти гномы, и особенно Тейвар, были просто помешаны на всяких там талисманах и символах. Рилгар, видите ли, не может захватить власть в Торбардине, пока не получит в свои лапы Королевский Меч! И Верминаард, кажется, как это ни странно, согласен с ним.

«Что, собственно, случится, — недоумевал Севрист, — если у Рилгара будет не Королевский Меч, а какой-нибудь простой, безо всякого имени? Хорнфел должен быть убит? Должен! И какая разница: умрет ли он от Королевского Меча или от обычного?! Любой, кто его убьет, станет властителем в Торбардине, и напишет сказку о своих законных правах, и назовет себя

. Королем-регентом или Верховным Королем гномов, если пожелает. Будет королем Рилгар? Пожалуйста!.. Да, но в любом случае долго Рилгару не прожить». Темная Ночь ухмыльнулся и почувствовал себя лучше. Как Рилгар ни станет себя титуловать, все равно это не надолго.

Дракон почувствовал, что каменный пол пещеры слегка дрожит: кто-то торопливо шел к нему. Вскоре он услышал свистящее дыхание. Дракон закрыл глаза. Это был Рилгар, и по запаху Севрист почувствовал: он сильно взъярен.

О Владычица Тьмы! Пусть он войдет и скажет, что нашел свой проклятый меч!

Дракон открыл глаза и вздохнул. Нет, не нашел. Или все-таки нашел?

Темная Ночь присмотрелся. Да? Может быть, да...

Рилгар подошел и, скривив губы, холодно улыбнулся:

— Приветствую тебя, Темная Ночь.

— И я тебя, Повелитель.

Такое титулование нисколько не сделало улыбку Рилгара теплее. Этот титул для него ничего не значил! Он желал именоваться Верховным Королем, и только так! Ничто другое его не устраивало.

— Королевский Меч найден.

Дракон облизал языкком свои острые зубы. «Нет, еще нет», — не почувствовав в словах Рилгара должной уверенности, с сожалением подумал он. Рилгар еще только надеется, что

Меч будет скоро найден. Дракон пошевелил крыльями.

— Значит, я лечу, мой Повелитель?

И неожиданно услышал в ответ:

— Да, лети. Серый Вестник уже ждет тебя.

Севрист широко растянул безгубую пасть и ухмыльнулся. Он полетит! А в полете известит своего единственного и настоящего Повелителя о том, что настает время действовать.

Глава 17

— де ты? — спросил кендер.

Маг не знал, где он, и ответил кендеру, что сзади. Ответ, в общем-то, можно было считать правильным, ведь ему казалось, он был нигде и везде одновременно. В туманной движущейся среде, в которой он находился, не было никаких ориентиров, и казалось, все непрерывно куда-то несется. Он видел, но видел не глазами, а каким-то неизвестным ему ранее чувством. То, что давало ему зрение, не имело отношения к магии; магическим было только заклинание, которое перенесло его сюда.

Да, маг был призраком, созданным флейтой. В действительности он был мертв. На какое-то мгновение он остановил ход своих мыслей, это было похоже на то, как задерживают дыхание. Однако же, — как и его дыхание, когда он был жив, — мышление сейчас не было чем-то действующим само по себе, без его участия. Для пробы, как человек, касающийся пальцами недавней раны, он вспомнил свои последние мгновения на земле.

Он ощущал боль и изнеможение! Он услышал, как какая-то молодая женщина звала на

помощь, как она выкрикивала имя Станаха. Потом он долго-долго не слышал ничего, но вот его сознания коснулись тяжелые и печальные мысли Станаха.

«О, Джорди! Прости меня, друг!»

Конечно же, он тогда хотел ответить ему, хотел как-то предупредить Станаха о слугах Рилгара, но сил у него уже не было. О, как он был бессилен!

Когда Станах положил флейту рядом с ним, он увидел инструмент, хотя ничего уже видеть не мог. Во флейте была заключена его музыка и его магия. Она нежно пела ему его собственные песни, но также и песни, которых он прежде даже не знал. Он нашел в себе чуть-чуть сил и смог произнести еще одно, самое последнее заклинание...

Было ли это призрачное состояние больше, чем смерть? Он простер свое сознание в разные стороны вокруг себя. Он не мог «видеть» всего, что, как он себе представлял, должен был видеть призрак. Он видел — или знал? — лишь немногим более того, что должен был бы видеть, если бы был живым; но все-таки постепенно он «видел» все больше и больше. Он уже понял, что способность «видеть» будет возрастать и дальше, если он будет хотеть видеть. Он должен изучить этот потусторонний мир примерно так же, как изучают мир земной, и должен сделать это как можно быстрее. И еще: он здесь не один. Души, которые он ощущал в тумане, были немногочисленны и не выраживали к нему никакого интереса.

са. Как и он сам, они существовали только в движении и проносились мимо него, подобно вздохам; у каждой из них была какая-то своя особая цель. Он засмеялся, и туман вздрогнул. Сколько здешних душ связано с кендером до конца его земной жизни?

О флейта! Ее магия привязала Музыканта к Лавиму — к тому, кто привел заклинание в действие, — до конца земной жизни кендера. Заклинание не только дало Лавиму призрачного спутника, — связав его с магом; заклинание дало кендеру возможность постичь магию флейты.

Разумеется, Музыкант не ожидал, что первым после него на флейте станет играть кендер. Он то думал, что это будет Станах. Однако первым заиграл на флейте почему-то Лавим. Получившееся у него вызывающее заклинание вернуло Музыканта из потустороннего мира, и он стал искать возможность привлечь к себе внимание кендера. Всю ночь и первую половину дня ему пришлось продираться через бестолковые мысли Лавима, но наконец-то он сумел найти такое место в мозгу кендера, откуда Лавим мог бы его услышать.

Когда тейварцы схватили Станаха, кузнец бросил флейту на землю, чтобы она не попала в их лапы; флейту подобрал Лавим и заиграл на ней; теперь магической флейта стала только в руках Лавима; для всех других это просто музыкальный инструмент.

Маг надеялся, что прежде всего он сможет убедить Лавима отдать флейту Тьорлу.

Казалось, страх, который охватил мага, делал туман вокруг него все плотнее и темнее. Скоро уже нельзя будет ничем помочь Станаху.

Лавим спешил к Тьорлу и Кельде.

Вначале он только восхищался и удивлялся тому, как это его разговор с самим собой вдруг превратился в беседу с Музыкантом! Но еще до того, как подошел к Тьорлу и Кельде, ожидавшим его около тропы, он все понял! Кендер засунул флейту в самый глубокий карман своего старого, черного плаща: он был уверен, что Тьорл, узнав все, попытается просто-напросто отнять у него магическую флейту.

Вопросы Тьорла и голос Музыканта разрывали кендера на две части; и Тьорл, и Музыкант говорили одновременно, и Лавим никак не мог сообразить, кому он должен отвечать первому:

Расскажи ему о Станахе и отдай ему флейту.

Тьорл обеими руками схватил кендера за плечи.

— Лавим, что со Станахом?!

— Сейчас скажу. Минуточку.

Лавим остолбенел, не вполне понимая, кому из двоих он ответил.

Голубые глаза Тьорла вспыхнули гневом.

Говори! Скорее! И отдай ему флейту!

Лавим вывернулся из-под рук эльфа и встал так, чтобы между ним и Тьорлом оказалась Кельда. Тьорл, конечно, худой, даже тощий, но хватка

у него медвежья... Сейчас вообще казалось, будто он душу хочет вытрясти из кендера.

— Не горячись! Рассказываю.... Там, впереди, какие-то камни, ну, в общем, осыпь, а на ней — следы, одни из них — Станаха, а другие — нет, не его. Станаха там сейчас нет, и я не знаю, где он, но я вернулся сюда, потому что...

*Потому что ты должен отдать ему флейту.
Расскажи ему о флейте!*

— ...потому что я решил: ты должен знать об этом.

Лавим! Отдай ему...

Кендер упорно не обращал внимания на голос, звучавший в его мозгу.

— Тьюрл, как ты думаешь, что с ним случилось? Другие следы оставил тоже гном, наверное, один из...

Из тейварцев, — сказал маг.

— Из тейварцев, — сказал тотчас и Тьюрл.

У Лавима застучало в голове.

— Да, да. Это, наверное, те, что ищут Меч Кельды, да?

Эльф снянул с плеча лук. Выражение лица стало жестким; он достал стрелу из колчана, что висел у него за спиной. Кельда смотрела то на одного, то на другого.

— Тьюрл, они же убьют его! — прошептала она.

Солнечный свет, еще недавно золотистый, стал красноватым. Тени от кустов и деревьев удлинились. Ветер стал холодным.

«Да, — подумал Тьюрл. — Конечно, убьют. Раньше или позже».

— Они еще не могли увести его далеко, — сказал он вслух.

Он в пещере на берегу реки.

Лавим быстро-быстро сказал:

— Он в пещере на берегу реки, Тьорл.

— Откуда ты это знаешь? Лавим! Что ты еще знаешь? Говори!

Лавим не знал, что же еще он знает. Он не знал даже того, что только что сказал.

— Тьорл, я... — Он попытался было все объяснить, но тут же захлопнул рот: маг у него в голове громыхнул: «*Hem!*».

«Но как же я буду передавать ему твои слова, ничего не сказав о тебе? И не кричи так больше, ладно? У меня и так уже голова болит и...»

Ты скажешь ему обо мне позже. Сейчас некогда, а ведь ты будешь объяснять целый день. Станах не может ждать так долго.

«Но что я должен сказать?»

Маг тяжело вздохнул.

Скажи ему просто, что видел на берегу какие-то пещеры.

«Но я же не видел никаких...»

Не будь сейчас таким правдолюбцем, Лавим!

— Я видел на берегу пещеры. Где же еще Станаху быть? — Кендер говорил то, что говорил ему маг, но немного прибавлял и от себя. — Здесь их пять. Не пещер — гномов. А пещер только три. Они все на этой стороне реки и...

Тьорл и сам знает, где они, он бывал в них раньше. Финн прячет оружие и съестные припасы

в пещере в лесу, но он не знает, что его пещера связана подземным ходом с пещерами на берегу реки.

Лавим начал послушно говорить:

— Да, Финн прячет...

Стой! Не говори ему этого! И отдай ему сейчас же мою флейту!

Лавим сунул руку в карман и нашупал флейту..
Нет, пока он не был еще готов отдать ее Тьорлу.

— Финн прячет в лесу оружие, да, Тьорл?

А приходилось ли ему...

— А приходилось ли ему бывать в тех пе...
Я хочу сказать: приходилось ли ему бывать еще
в каких-нибудь окрестных пещерах?

Эльф снова нетерпеливо тряхнул головой:

— Да, Лавим, Финн бывал в других пещерах,
но все они в лесу, слишком далеко отсюда. Ох,
если бы они были хоть как-то соединены с пеще-
рами у реки...

— Да, они... Я... Я хочу сказать, может быть,
есть пещеры и где-то поблизости...

Лавим погладил пальцами флейту в кармане.
Теперь ему даже нравился разговор сразу с дву-
мя собеседниками.

— Ты, кендер, что-нибудь слышал об этих пе-
щерах?

— Да, кое-что я слышал о пещерах в этих
лесах. Не помню, от кого я о них слышал. Что-то
о пещерах, гм, начинающихся у реки и кончаю-
щихся в лесах. В Старой Горе говорили, что, мол,
бандиты хранят в этих пещерах съестные припасы
и оружие, а потом приходят и берут, когда хотят,
и, может, ты слышал об этом, и...

— Тьорл. — Кельда положила на руку эльфа ладонь, она заметно дрожала. — Тьорл, мы должны немедленно помочь Станаху.

Эльф тяжело вздохнул. Он сейчас находился как бы между двух огней: с одной стороны, если кендер говорит, что он «слышал», это означает всего лишь, что он мог слышать, или думал, что слышал; но если все сказанное Лавимом действительно правда и Станах в пленау тейварцев и если он скажет им, у кого Меч, — значит, жизни Кельды, несомненно, угрожает опасность.

«Мы должны помочь Станаху», — сказала Кельда. Эльф не мог оставить ее здесь одну, да еще с Мечом, за которым охотятся гномы, но и брать ее с собой он тоже не хотел: спасти Станаха будет ох как нелегко! Тьорл сжал руки в кулаки и выругался. Где же Финн? Он и его парни, без сомнения, где-то в этом лесу, а он, Тьорл, должен бегать по лесу и искать их. Он проклял Меч, проклял гномов и принял единственно правильное решение.

Он пошел по тропе к реке и попросил девушку и кендера идти за ним как можно тише.

Призрак мага облегченно вздохнул, что отозвалось хлопком — «хоп!» — в ушах кендера.

Ужас охватил Станаха своими липкими лапами. Кузнец находился во власти одноглазого Вестника и не мог ни нормально дышать, ни нормально думать. Словно во сне, он слышал чьи-то тонкие голоса.

Над ним уже не было ясного голубого неба, вместо него нависал каменный потолок, пахнущий илом и речной водой. Он лежал на полу пещеры, камни врезались ему в плечи и спину. Руки и ноги у него не были связаны, но двигаться он не мог.

«Нет, — подумал он вяло. — Дело не в том, что я не могу двигаться, — у меня нет желания двигаться!» Подобная влажному плотному туману апатия овладевала Станахом.

Выход из пещеры светился каким-то дрожащим сиянием. Станах не помнил, как он здесь оказался. Он вообще ничего не помнил, кроме холодного блеска в черном глазу Вестника, тошноты и долгого-долгого сползания в беспамятство.

И слышал далекие голоса.

Они хотели получить Меч Бури.

Станах увидел какого-то тощего гнома, тот заслонил собой свет от выхода. Они называли его Вулфен, и это был один из тех, чья кровь стекала несколько дней назад с его меча на дороге, ведущей в Старую Гору.

Ледяная глыба страха легла на грудь кузнеца. В глазах Вулфена он видел радость от представившейся возможности отомстить, слышал его лающий смех.

Станах не был магом, как Мзыкант. Он не знал никаких волшебных способов защитить себя. У него пока еще была яростная сила воли да надежда, что его друзья сделают все возможное, чтобы выручить его.

«Тьорл, — заклинал он, — возьми Королевский Меч у Кельды! Найди свой отряд и отнеси Меч в Торбардин! — А потом, словно бы зевнув, подумал: — Но почему Тьорл должен сделать это? Может быть, он уже решил, что его друг Хаук мертв? Да, может быть. Но ведь Кельда в этом вовсе не убеждена». Станах сумел прогнать сонную одурь, он был просто уверен, что она до сих пор считает Хаука живым. Она любит Хаука и не хочет и думать о том, что он мертв. Меч Бури должен быть принесен в Торбардин, и именно Кельда принесет его туда. А эльф пойдет за ней.

Станах уставился в потолок пещеры. Он не должен, не может снова потерять Королевский Меч. Он должен выдержать все, как Киан Красный Топор, как Мзыкант.

Вулфен что-то прохрипел. Станах стал мысленно убеждать себя: он всего лишь кузнец, отправившийся в путь по торговым делам.

Тайник оказался пустым, хотя Тьорл вместе с Хауком в ночь перед уходом в Старую Гору прятали здесь луки, колчаны, мечи и ножи. Имелся, однако, знак, показывающий, что Финн был здесь совсем недавно и что это он забрал все; значит, его парням срочно понадобилось оружие; по-видимому, им пришлось вести сражение, и, наверное, неблизко, раз оружие не вернули в тайник.

«Проклятие! — думал Тьорл. — Они нужны мне сейчас позарез, а им, кажется, был нужен только мой лук. Во имя богов, где же они?»

Он мрачно улыбнулся. Возможно, Финн каким-то образом сам узнал о караванах армии драконов; а возможно, это дракониды узнали, где находится Финн и его Компания Ночной Кошмар, и... Да, все возможно...

Пещера была для Тьорла низковата, и стоять в полный рост он мог только у входа. Тьорл услышал шаги Кельды, увидел отблеск ее золотисто-рыжих волос и быстро повернулся к Лавиму.

— Отсюда нет подземного хода к реке, — сказал он раздраженно.

Кендер решительно мотнул своей длинной белой косой:

— Есть, Тьорл. Сразу за задней стеной.

— А я говорю: нет хода! Ни за этой стеной, ни за какой другой. Здесь только камень.

Тьорл провел пальцем по стене, по корням сосен, что проросли в пещеру. Пахло землей и камнями. Тьорлу казалось, что он чувствует, как на поверхности земли истаивает тепло заходящего солнца. Пещеры — прекрасное место для хранения оружия, однако в них слишком темно и дышать трудно — во всяком случае, эльфу.

Лавим встал на цыпочки перед самой широкой и глубокой трещиной в стене. Он засунул в трещину руку и пробежался пальцами по камню. И с улыбкой посмотрел на эльфа зелеными блестящими глазами.

— Тьорл, я чувствую движение воздуха!

Левой рукой он быстро провел по стене, по тонкой трещинке, идущей до самого пола пещеры. Потом увидел такую же трещинку на потолке.

Его улыбка превратилась в лукавую усмешку, когда он, раскинув руки, измерил расстояние.

— Мы здесь все пройдем запросто.

— Ну да, если сумеем пройти через камень, — буркнул Тьорл.

— Нет, нам не придется ломиться через скалы. Здесь... — Лавим вскинул голову, как если бы к чему-то прислушивался, а затем удовлетворенно кивнул: — Кажется, я слышу эхо. Что-то вроде журчания воды: река, что ли... И если мы сумеем сдвинуть вот этот камень, мы сможем пройти прямо к воде. Ход здесь пойдет к востоку, не сворачивая, и приведет... наверное, к той самой пещере, где находится Станах.

— Все это тебе только кажется, кендерочек.

— Ой нет, не кажется. Я... — Лавим закашлялся, а потом вдруг согласно кивнул: — Ты прав. Конечно, прав. Но я слышу реку, Тьорл, и я уже нашупал внешний край этого камня. — Он вынул из трещины руку. — Стена не толще моей ладони, и край трещины совсем гладкий. Держу пари, если мы сдвинем этот камень...

Кендер надавил на стену плечом, затем толкнул ее руками.

— Лавим! — Тьорл тяжело вздохнул.

Кендер уперся ногами в каменный пол и изо всех сил надавил на камень.

— Лавим, я думаю...

Но кендер продолжал давить на камень.

— Слушай, ты не мог бы на минуточку перестать думать и помочь мне руками? Или плечом?

Надави всем своим весом на правую сторону камня.

Тьорл навалился на камень только для того, чтобы кендер убедился, что затеял дурацкое дело. Но камень под ним сразу сдвинулся, из-за камня потянуло влажным воздухом с запахом земли и еще чего-то. Затем хлынули запахи реки: рыбы, гниющих водорослей.

— Бандитские пещеры! — закричал Лавим. — Смотри! Я был прав!

Он было уже нырнул в открывшееся отверстие, но Тьорл успел схватить его за воротник плаща:

— Подожди, Лавим!

Однако кендер не хотел ждать. Он вырвался из рук эльфа и шмыгнул в открывшийся коридор.

Тьорл тотчас позвал Кельду. Она вошла в пещеру и недоуменно посмотрела на Тьорла:

— Где Лавим?

Тьорл показал пальцем на проход:

— Где-то там. И нам надо идти туда. Ты готова?

Кельда кивнула.

— Держись ко мне поближе и смотри лучше. Может, нам удастся отыскать кендера.

Он не собирался шутить, но изумрудные глаза Кельды осветились внезапной улыбкой, и Тьорл тоже улыбнулся, он зашагал по подземному коридору так уверенно, словно просто прогуливаясь с девушкой по безопасному и уютному залу. Проходя через дыру в стене, она оперлась рукой на его плечо, и он потом еще долго, пока онишли

в слабом свете, проникающем из пещеры, ощущал прикосновение ее пальцев.

«Три!»

В темноте снова вспыхнул вихрь красного тумана. Станах считал про себя. Они сломали ему уже три пальца. «Семь, — думал он, — еще осталось семь. Или два — если они не будут ломать пальцы на другой руке. Семь или два...»

Забытья не было, но двигаться он все равно не мог, будто невидимые путы привязывали его к каменному полу. «Тоже работа Вестника», — подумал Станах.

Красная звезда, уголек из горна Рекакса, висела в фиолетовом небе. Станах не отводил взгляда от этой звезды.

«Семь или два. Но, впрочем... впрочем... скоро я уже не буду чувствовать всего этого...»

Вулфен снова уставился на него своими черными глазами, похожими на бездонные дыры.

— Где Меч?

У Станаха уже не осталось ни чувств, ни сил. Черные крылья боли шелестели вокруг него. Он сглотнул, застрявший в горле какой-то горький комок, и его вырвало...

«...Говорю тебе, — сказал он Вулфену слабым хрипящим голосом. — Я не знаю.. Я не... я не нашел его...»

Вестник, усмехнувшись, кивнул напарнику.

Станах громко вскрикнул, но от боли не услышал собственного крика...

«Четыре! Шесть, — отметило его сознание, — шесть или один... шесть или...»

«Пять!»

Когда и пятый палец был сломан, крик звучал в ушах Станаха непрерывно. Правая рука, изуродованная, распухшая, синяя, лежала на каменном полу как бы отдельно от остального тела. Теперь она никогда уже не поднимет молот, не возьмет клемши... теперь она бесполезна.

Позади него Вестник издал какой-то звук, похожий на громыхающий смех. Другой тейварец, стоявший на страже у входа в пещеру, сделал шаг назад и обернулся. Станах почувствовал запах дыма от горевшего у входа костра.

Красная звезда мигнула, погасла, а потом появилась снова. Ледяной пот заливал глаза Станаха, скатывался по щекам к бороде. Он закрыл глаза, потом снова открыл их — пещеру словно бы заполнил туман.

Вулфен достал нож из ножен, висевших у него на поясе; острое лезвие сверкнуло в тусклом сумрачном свете. Вползавший в пещеру дым стелился по полу, от дыма у Станаха болели глаза, саднило в горле.

Станах взглянул на еще не поврежденные пальцы левой руки и закрыл глаза. Мысленно он увидел Королевский Меч, сталь с красной светящейся полосой, четыре сапфира цвета сумеречного неба и один цвета ночной звезды. Он увидел рожденную в пламени горна сталь, увидел изумление в глазах Изарна, когда тот понял, что темно-красное свечение стали не гаснет, даже если на-

клиник падает тень. Он увидел старого мастера в горе и тоске: Меч украден. Королевский Меч!

«Королевский Меч, — думал он. — Королевский Меч... Рилгар... Божественный горн, ты не должен допустить, чтобы Меч достался ему!»

Сталь ножа коснулась пальца левой руки Станаха. Он протяжно вздохнул и сделал резкий выдох.

«Похоже, он собирается вскрыть палец, словно орех, — с хрустом и треском», — подумал Станах.

Он открыл глаза, но крови не увидел — увидел только отраженный блестящим лезвием ножа собственный страх.

— Где Меч?

Станах подумал: Вулфен — сумасшедший. Вулфен засмеялся, и его смех отозвался нестерпимой болью в измученной, пожиравшей огнем правой руке Станаха.

— Я тебе говорил. Я... у меня его нет.

Нет! И вдруг Станах увидел, что Вулфен смотрит на него заинтересованно.

Голос тейварца стал мягким как дым:

— А у кого он?

Станах уже не видел звезду — ее заслонял тейварец. Он снова закрыл глаза.

Если тейварцы найдут Кельду с Мечом, они убьют ее раньше, чем она успеет вскрикнуть.

Маленькая сестра — так он называл ее про себя. Она пыталась утешить его, когда умер Музикант. Девушка, влюбившаяся в мертвого брата.

«Я делал то, что я должен был делать. И я видел смерть своих друзей, я лгал несчастной девушке. На каких весах взвесить и то и другое?»

Лица Станаха коснулось горячее дыхание Вулфена. В его черных глазах светилось безумие. Сталь его ножа касалась подбородка Станаха.

— У кого Королевский Меч?

К Станаху подошел Серый Вестник, его дыхание было похоже на шипение змеи.

Станах посмотрел на свою распухшую до неузнаваемости правую руку. Он больше никогда не поднимет молот! Ему больше никогда не изведать магии мастерства! Его мастерский клинок никогда не будет выкован! Вулфен украл у него все это. И вот теперь он и его безумный род *дерро* возжелали ограбить весь Торбардин, изуродовать и уничтожить все прекрасное, придавить всех пятой своей власти!

Острый кончик лезвия ножа прочертил линию по лицу Станаха и остановился у правого глаза.

— Я еще раз спрашиваю, но уже в последний раз. У кого Меч Бури?

Станах сплюнул, — ну что же, пусть он потеряет глаз.

Глава 18

Лавим прошел всего несколько ярдов, а потолок туннеля стал заметно выше. Река была, конечно же, близко — влажный воздух оставлял водяную пыль на стенах, на полу, на потолке. Свет в туннеле становился все слабее, идти приходилось почти на ощупь. Лавим услышал сзади шаги Тьорла и Кельды, осторожно пробирающихся в темноте.

— Маг, — прошептал кендер, когда что-то похожее на многоногого паука бросилось в сторону из-под его ботинка. — Маг, ты не мог бы там, где ты есть, сотворить какую-нибудь маленькую магию, чтобы здесь стало посветлее? Тут бегают какие-то пауки или что-то вроде того, и...

Нет, в этом я помочь не могу. Не теряй зря времени, иди вперед и позови Тьорла.

— О, не беспокойся. Я не потеряюсь. Но мне, гммм, мне просто интересно, а что там, впереди?

Там — темнота. Тьорл и Кельда уже обогнали тебя; Лавим, пока ты топтался здесь на одном месте.

— Ну и ну! Спасибо, что сказал мне. Сейчас я их нагоню.

Кендер в самом деле намеревался догнать Тьорла быстро, за какую-нибудь минуту.

В темноте он видел неважно, но от этого менее любопытным отнюдь не стал. Он ведь сказал Тьорлу, что это бандитские пещеры, ну а чтобы убедить в этом Тьорла, надо было сначала убедиться в этом самому. Он обогнул какие-то каменные обломки, зашел в какую-то небольшую пещерку; не обнаружив там ничего интересного, вернулся, заглянул в другую пещерку. Здесь слышался странный непрерывный гул, напоминающий шум ветра в вершинах деревьев; Лавиму вдруг почудилось: задняя стена начала шевелиться.

— Маг! Смотри! Мне кажется, задняя стена движется!

Это — летучие мыши, — сказал маг. — Уходи отсюда, Лавим!

— Летучие мыши? Да? Я не боюсь...

Но зато они боятся тебя, и если они полетят, тейварцы услышат шум и будут настороже. Уходи!

Лавим вздохнул, Музикант, конечно же, прав. Лавим вышел из пещерки так тихо, как может выйти только кендер. Он пошел в сторону реки, но постоянно забегал то в один, то в другой паучий угол — о, совсем ненадолго! Надо же было узнать, что там?

Музикант, который, будучи живым, считал себя самым терпеливым человеком, через пятнадцать минут совсем потерял терпение.

Лавим! Давай быстрее!

— Но ведь это бандитские пещеры, Музыкант, и я...

Это не бандитские пещеры. Иди к Тьорлу. И отдавай ему мою флейту!

Лавим на минутку заглянул в нишу, пол которой был покрыт щебнем и пылью. Тьорл и Кельда только что проходили здесь, и он был уверен, что вот-вот догонят их. Теперь он не только чувствовал запах речной воды, но и слышал, как она течет.

Кендер все-таки надеялся доказать себе и Музыканту, что в этих пещерах когда-то бывали разбойники; Музыкант ведь мог и ошибаться, верно? Однако в нише он нашел только разбросанные по полу камни да еще пыль. И не было никаких костей — ни одной!

Что ты надеялся здесь найти? Скелеты? Я ведь уже сказал тебе, что это не бандитские пещеры.

Лавим тяжело вздохнул. Теперь он уже не сказал бы, что ему нравится, когда кто-то сидит у него прямо в голове и читает его мысли.

— Но, Музыкант, я действительно думаю, что ты сказал это мне, чтобы...

Лавим!

Кендер раздраженно подумал, что Музыкант не просто призрак, но очень вспыльчивый призрак, да к тому же, так же как Тьорл и Станах, он не дает ему ничего договорить до конца.

Да, я вспыльчивый! Когда ты станешь говорить о чем-то, имеющем смысл, тогда...

В темноте раздался жуткий крик — крик, полный мучительной боли. Лавим подумал сначала, что так, наверное, может кричать лишь привидение. Да нет, какое там привидение...

И зачем он потерял столько времени?!

— Это Станах! — прошептал кендер.

Впереди громко охнула Кельда и выругалася Тьорл.

Да, это Станах. Лавим, постой минутку:

— Но ты сам только что сказал, чтобы я спешил... Кажется, ты хотел, чтобы я что-то сделал, но как я это сделаю, если даже ты не знаешь, как это сделать?

Стой здесь.

— Да, но...

Возьми мою флейту.

Лавим улыбнулся. Уж что-что, а это он сделает с превеликой радостью! Вообще-то он собирался поиграть на флейте попозже, как-нибудь на досуге, но, впрочем, сейчас раздумывать было некогда. Он сунул руку в сумку, достал флейту и поднес ее к губам.

Нет! — закричал Музыкант. — Пока еще нет! Сначала выслушай меня — слушай очень внимательно.

Лавим неохотно опустил руку с флейтой.

Делай все точно так, как я скажу, Лавим. Возможно, я сошел с ума, но если ты слышишь меня — слушай очень внимательно и сразу сделай то, что я скажу, — точно так, как я скажу...

Второй крик, еще ужаснее первого, разрезал темноту пещеры.

Слушай меня, Лавим. Флейта знает, что я здесь поблизости, — нет, не задавай сейчас вопросы! — она чувствует мой разум, мой дух. Ей будет казаться, что ее магия служит мне. Сделай глубокий вдох... нет, не такой, еще более глубокий. Вот теперь хорошо. Флейта сама будет играть мелодию. — магическую мелодию, — но ты должен дать ей достаточно воздуха и пожелать что-либо сделать.

«Ох, — подумал Лавим (говорить он не мог, так как набрал полную грудь воздуха), — и чего же я должен хотеть? Вызвать монстра? Или стать невидимым? Или сжечь все стрелы Тьорла?»

Сейчас не желай ничего из этого, Лавим, — сурово сказал маг. — Сейчас пожелай только то, что необходимо для спасения Станаха и всех вас.

Лавим почувствовал, что Музыкант неожиданно улыбнулся, и решил воспользоваться этим — исполнить свой собственный маленький каприз.

Эхо крика долго катилось по длинному, узкому туннелю, соединяющему лесную пещеру с той, что была в речном берегу. Тьорл вздрогнул и через плечо взглянул на Кельду. Она стояла на повороте тоннеля: глаза блестят, губы сжаты в прямую линию, рука лежит на рукояти ножа как раз так, как учил ее Лавим.

В туннеле смердели чьими-то гниющими останками и тухлой водой от большой лужи в середине пола. На грязном полу были видны несколько следов. «Впрочем, — подумал Тьорл, — если

тейварцы и заходили сюда, они, наверное, повернули назад, к реке, — решили, что дальше прохода нет. Удивительно все же, как это Лавим нашел вход в этот туннель?! Ну да, впрочем, известно: кендер найдет дорогу куда угодно, даже в кошелек самого бережливого скряги».

Призрачным светом мерцали полусгнившие остатки рыб, занесенных в туннель во время паводков. Прижимаясь к стене спиной, Тьорл обошел лужу, стараясь ступать как можно бесшумней.

Второй ужасный, хрипящий крик вывернул душу Тьорла наизнанку. Он рванулся ко входу в прибрежную пещеру.

Узкий проход, в который Тьорл мог бы пройти только боком, закрывал сейчас стоящий к нему спиной гном, одетый в плащ с капюшоном.

Но вот гном отошел в сторону. Увидев Станаха, Тьорл в ужасе закрыл глаза, но все равно перед глазами продолжала стоять страшная картина...

Эльф вздрогнул. Каждый палец на правой руке Станаха был изломан.

Тьорл крепко сжал рукоятку своего ножа. Неожиданно, представив, как его нож вонзится в тело гнома, он улыбнулся. Но прежде чем он успел хотя бы шевельнуться, раздался глухой звук флейты. Там, сзади Тьорла.

О боги! Кендер играл на флейте мага!

Тейварец резко обернулся. Его единственный глаз светился ненавистью и яростью. Увидев Тьорла, он выругался, его рука сначала, как бы

ощупала холодный, влажный воздух в пещере и вдруг взлетела вверх, заплясала в танце магических жестов. Тьорл, как пронзенная стрелой птица, упал.

В туннеле отчаянно закричала Кельда; в ее крике слышались слезы, испуг, беспомощность.

Легкая, веселая мелодия плыла к эльфу с потоком затхлого воздуха из туннеля. И вдруг страшный смрад обрушился на Тьорла. Жуткое зловоние все плыло и плыло из туннеля. Встав на колени, он беспомощно прижимал руки к груди и, скав зубы, отчаянно пытался одолеть подступающую к горлу тошноту.

Дышать от смрада стало просто невозможно... Голос, который мог принадлежать только Лавиму, звенел как бубенчик. Маленькие кулачки кендера застучали в спину эльфа.

— Тьорл! Неужели этот запах действительно так ужасен? Тогда, я думаю, из них вывернуло все кишki! Вот здорово! Эй, Тьорл! Вставай, а? Тьорл! Ты должен освободить Станаха и добить этих мерзавцев, хотя, наверное, они все... Эй, Тьорл?

— Кендер, — Тьорл с трудом сумел вздохнуть, — я поклялся всем богам вместе и, каждому из них в отдельности, что я... — Он снова почувствовал спазм в желудке и понял, что, пытаясь говорить, он только усиливает свои мучения.

На конец Тьорл перестал стонать и вздыхать. Когда же он оказался в состоянии снова оглянуться, оказалось, что около него никого нет.

«Я сейчас пойду и убью его, — подумал он, проводя по рту тыльной стороной ладони. Попшатываясь, он поднялся на ноги, прислонился к стене и попытался не дышать. — Я пойду свалю этого проклятого кендера на землю и выпущу ему все кишки.

Чья-то дрожащая рука коснулась плеча Тьорла. Около него, шатаясь, стояла Кельда.

— Ты жив?

— Жив. — Тьорл вскинул голову. — А ты как?

Она лишь слабо улыбнулась. Удушающий запах понемногу слабел, легкий ветерок относил его в сторону реки.

— Тьорл, что случилось? Откуда эта ужасная вонь?

— У проклятого кендера, оказывается, магическая флейта! Кстати, ты не видела, куда он делился?

Кельда огляделась по сторонам и покачала головой.

— Но эти крики... — Ее лицо стало совсем белым. — Станах...

В пещере послышался смех Лавима, а затем внезапно он оборвался. Тьорл шагнул в пещеру, за ним — Кельда. Ночной ветер с реки здесь уже немножко освежил воздух. Тьорл сделал глубокий вдох, затем другой. Тошнота наконец прошла. Он огляделся и увидел у стены Станаха. Кельда тенью метнулась к истерзанному гному.

Слуги Рилгара неподвижно лежали на каменном полу, и было ясно: больше они уже не поднимутся. У двоих пробиты головы — убивший их

камень, запачканный кровью, валялся рядом. Третий был убит ножом в грудь. Тьорл вышел из пещеры и увидел еще одного гнома, лежащего у реки наполовину в воде.

— Лавим! Отзовись! — В голосе эльфа звучало неподдельное удивление. — Это ты их всех убил?..

Кендер вышел из тени на свет, посмотрел вокруг.

— Но один из них все-таки удрал, Тьорл, а его-то я и хотел достать первым — я хочу сказать, именно его я больше всего хотел убить. Наверное, я должен был подождать тебя, но ведь у тебя, кажется, в это время возникли некоторые затруднения...

— Станах!

Кельда со вздохом опустилась на колени перед Станахом и приложила к его горлу дрожащие пальцы; она почувствовала дыхание жизни и подбадривающе кивнула Тьорлу.

От того, что он увидел, кровь заледенела в жилах Эльфа. Кровь и грязь покрывали черную бороду кузнеца. Ножевая рана проходила через все лицо от глаза до подбородка. Но страшнее всего было смотреть на правую руку Станаха.

Тьорла учили не только воевать, он был обучен и многим другим вещам. «Рука мастера священна», — сказал кто-то ему однажды. Рука мастера... Кузнец Станах уже не сможет выковать даже самой простой пустяковины.

Размышления Тьорла прервал глухой хриплый стон.

Станах взглянул на Кельду, его черные с синим отблеском глаза сейчас были мертвенно тусклы. Когда он попытался заговорить, она услышала лишь слабый шепот:

— Я не... Я не чувствую руки...

Его глаза уже не казались безжизненными — в них загорался страх. Он попытался шевельнуть пальцами. Почувствовав, что рука ему не подчиняется, Станах снова закрыл глаза.

— А сама рука у меня еще есть? Я чувствую руку только до локтя.

Кельда попыталась ответить, но не смогла. Она слегка погладила его по голове, убрала со лба окровавленные волосы. У Тьорла внезапно защемило сердце, по щекам покатились слезы.

Лавим сказал странным для него глухим голосом:

— Ну что ты, молодой Станах, твоя рука на месте.

— Я не... Я не чувствую ее.

Тьорл постарался успокаивающе улыбнуться и встал около Станаха на одно колено:

— Не волнуйся, рука у тебя действительно есть, Станах, но ты ее сейчас просто не чувствуешь. «Очень хорошо, что ты не можешь ее чувствовать», — подумал он, но вслух сказал только: — Теперь отдохай, Станах, набирайся сил.

Губы Станаха вновь шевельнулись:

— Музикант. Это они убили Музиканта. Они хотели... Меч Бури.

Тьорл увидел, как глаза Кельды потемнели. «Друг мой, Хаук, она до сих пор надеется, что

ты жив. Прости меня, но я надеюсь, что ты мертв!»

Кельда опустила руку на рукоять Меча Бури, но сразу же отдернула ее, как будто обожгла пальцы. Если бы Станах, не выдержав пыток, сказал, у кого Меч, ее уже, конечно же, не было бы в живых.

— О, Станах! — прошептала Кельда.

«Как же можно жить с мыслью, что ты жив только потому, что страдают и умирают другие?! — Тьорл встряхнул головой. — О, ты разрываешь свою одежду на бинты для перевязки ран и пытаешься охладить невыносимую боль водой из своей фляжки!» Глядя на нежные руки Кельды, слушая ласковые слова, с которыми она обтирала лицо Станаха и отрывала полосы от своего зеленого плаща на бинты, Тьорл неожиданно понял, что он влюбился в Кельду как раз тогда, когда она влюбилась в Хаука.

«Нет, — подумал он, — нет. Я просто устал, я все еще плохо чувствую себя после этой вони, и я не знаю, куда мы теперь пойдем. Нет, нет, я не влюблена в барменшу, к тому же она из людского племени. Нет и нет! Я не влюблен в женщину, которая любит Хаука».

Тьорл толкнул локтем Лавима и вышел из пещеры; ему нужен был свежий воздух — проветрить легкие и голову. Кендер поднялся с пола и вышел за ним.

— Лавим, ты говоришь: один из них удрал?

Кендер кивнул:

— Он оказался очень шустрым, этот овражный гном, этот кусок дерьяма... — Он оглянулся

через плечо, увидел Кельду и вздохнул. — Удрал. Его счастье. Пойми, у меня и так было много дел.

— Да, у тебя было много забот. — Тьорл взглянул вниз по течению реки. — И того прикончил тоже ты?

— Ух ты, он тоже мертв, по крайней мере, почти.

— Вижу. Ты, однако, шустер! За одну минуту столько дел наделал!

— Я же тебе и говорю: у меня было полно дел, Тьорл. А времсни у меня было мало, но ведь я всегда говорил тебе, что я хороший воин. Если, конечно, врагов не очень много и мои руки не связаны, а я, как на грех, потерял свой нож и...

— Где флейта?

Лавим задрал голову в небо.

— Гм, флейта? Какая флейта, Тьорл?

— Магическая флейта. — Эльф схватил его за руку. — И не рассказывай мне сказок, что у тебя ее нет.

— Но, Тьорл, я не... я думаю... кажется, я потерял ее где-то в пещере. — Лавим порылся в карманах своего плаща, в обеих сумках, даже озабоченно похлопал себя по ягодицам. — Я, гм, я, должно быть, потерял ее где-то здесь. Это зловонное заклинание оказалось ужаснее, чем я думал, оно, должно быть... ладно, скажу тебе правду, оно меня напугало. А тебя не напугало? Когда я тебя увидел, Тьорл, ты был каким-то зеленым, ну, не совсем зеленым, ты понимаешь меня, но вроде того. Так сказать, зеленоватым...

Зеленоватым! Да у Тьорла не было ни малейших сомнений в том, что он выглядел как заплесневелый хлеб. Но ему не хотелось и вспоминать об этом. Он знал только, что ему надо своими глазами увидеть флейту:

Тьорл снова взглянул на лежавшего наполовину в речной воде гнома и тут нечто, вонзенное в его тело, привлекло внимание эльфа.

— Найди флейту, Лавим, и сразу неси ее прямо ко мне.

— Конечно, конечно, но я и правда не знаю, где ее искать.

— Ищи в пещере!

— О, верно, в пещере. Но в какой?..

Остальную часть вопроса Тьорл не слышал — он уже бежал к лежащему на прибрежной отмели гному. Было в этом покойнике что-то, заставившее Тьорла подумать, что кендер к его смерти не имеет никакого отношения.

Станаху виделись горные уступы над Торбардином. Он грезил о покое. Он страстно желал увидеть холодный свет звезд, серебряные брызги света Солинари на первом снегу, красные отблески Лунитари на склонах и пиках горных вершин.

Он метался в горячечном бреду. Всё тело заполняла невыносимая боль.

Казалось, в мире существует только боль, весь мир состоит из одной боли, и сам он — сплошная боль! Нет костей и мышц, нет крови и дыхания — только борьба. Каждый раз, когда он пытался ос-

тавив боль внизу, подняться к небу, путь ему преграждал ухмыляющийся демон с глазами Вулфена. Он не мог выйти ни к золотому солнечному полдню, ни к алмазной ночи, ни к сапфировым сумеркам. Он терялся в темноте и слышал только плач дождливого рассвета и шуршание капель, стекающих по черным каменным стенам. Он был одинок, и не было пути домой, не было пути в Торбардин.

Лавим вернулся в пещеру. Он опустил руку в карман плаща и коснулся гладкого вишневого дерева флейты. Можно сказать, он почти удивился, обнаружив ее в кармане. Лавим не считал себя ни лжецом, ни негодяем, просто он сам верил тому, что говорил.

Он поднял голову, ожидая, что сейчас услышит голос Музыканта. У мага, кажется, всегда находилось что сказать по поводу мыслей Лавима.

На этот раз Музыкант не сказал ничего.

«Музыкант, — позвал Лавим. — Музыкант!»

Ни слова в ответ.

Лавим опустился на колени рядом с Кельдой. Он подумал, что Музыкант, возможно, все еще просто сердится на него.

«Получается, — сказал Лавим себе, — сама флейта не должна была слышать мои мысли; но почему-то она сыграла именно ту мелодию, которая была необходима для задуманного мной зловонного заклинания. О, это было прекрасное.

маленько заклинание!» Последнее он подумал специально для молчащего мага.

Кельда укрыла Станаха своим плащом, вытерла кровь и грязь с его лица, промыла рану на лице. Одной рукой она подняла его голову, а другой поднесла фляжку к губам. Увидев, что Станах не может проглотить ни капли, Лавим придинулся к нему и стал осторожно гладить его воспаленное горло. Гном судорожно сделал один глоток, потом другой... но так и не открыл глаз.

Девушка выглядела очень усталой.

— Мы... Мы должны что-то сделать с его пальцами, Лавим, но... я не... я не... — Она замолчала, не в состоянии найти слова, чтобы выразить свою боязнь и неумение помочь Станаху.

Лавим глубоко вздохнул:

— Ты боишься сделать ему еще хуже?

— Да, — прошептала она, — и... О, кендерочек, что бы я ни сделала, это причинит ему только боль!

— Жаль, что у нас нет гномской водки. Я слышал, что, если дать больному выпить побольше, он не будет ничего чувствовать, что бы с ним ни делали. Но водки у нас нет, и он, конечно, проснется, когда ты... Я не думаю, что он захочет посмотреть, как ты выпрямляешь и перёвязываешь ему пальцы. — Лавим покачал головой. — Не думаю также, что и я хотел бы видеть это.

— Лавим, помоги мне.

О, как не хотелось Лавиму даже думать об этом! До спазмов в животе.

— Кельда, я не думаю... то есть я хочу сказать, я действительно не очень хороший помощник в таких делах и...

Помоги ей, Лавим.

— Но я не думаю...

Держи его руку за запястье и выпрямляй пальцы, а она будет их перевязывать.

Живот Лавима снова свело. «Последствия зловонного заклинания», — подумал он, хотя знал, что заклинаний в данном случае совсем ни при чем.

— Нет, Музыкант, — сказал он магу, — я не хочу и не смогу этого сделать.

Голос мага прозвучал у него в голове с необычной мягкостью.

Лавим, он никогда уже не сможет работать правой рукой. Но ты можешь помочь Кельде облегчить его боль.

— Да, конечно, — прошептал Лавим.

Станаху казалось: что-то съедало его руку. Это «что-то» глодало один палец, выплевывало кость и принималось за следующий. Окруженный голыми, которые должны были быть ему хорошо знакомы, но Станах никак не мог вспомнить, почему, — попытался крикнуть и не нашел для крика сил..

Три!

(Два или семь...)

Четыре!

(Один или шесть...).

Реоркс! Я молю тебя! Яви мне свое милосердие
или порази меня навсегда немотой!

Огонь бежал по острию ножа Вулфена; сталь
его лезвия излучала страх, страх отражался от хо-
лодных и влажных стен пещеры, словно отзвук
боли. И снова в сознании Станаха звучали
слова...

— У кого Меч Бури?

Брызги сумерек и ночная звезда.

— Маленькая сестра моя!

Станах услышал далекий крик. Болезненный
и тонкий, крик повис в темноте вокруг него.

Пять!

— Отдохни теперь, молодой Станах, — сказал
бог голосом старого кендера. — Отдохни.

Чистый холодный ветер с гор высушил слезы
Станаха и унес прочь звучавшие вокруг голоса,
как легкий дымок.

Станах вздохнул и впал в забытье.

Глава 19

Тьорл быстро шел по холодному илу вдоль берега реки у самой воды. Ветер нес холода с гор на востоке, и сейчас эльфу почудился в воздухе запах снега. Тьорл хорошо понимал, что хотя им надо как можно скорее и как можно дальше уйти от этого злосчастного места, но им всем сейчас необходимо обогреться и поесть, а Станаху хоть немного отдохнуть и прийти в себя.

Станаха надо как-то поставить на ноги. Наверное, одноглазый тейварец еще где-то здесь неподалеку, и, хотя он теперь один, нельзя забывать, что он из тех, кого гномы называют «дерро». Тьорл, много времени проведший на границах Торбардина, знал гномский язык. Он знал, кто такие дерро: фанатики, люто ненавидевшие всё и всех на свете. А этот тейварец к тому же еще и маг и, значит, всегда опасен.

Тьорл пнул ногой камешек и сразу же подумал: «Веду себя как ребенок! А если я буду вести себя как ребенок, возможно, все мы умрем еще до рассвета». Он ведет себя как ребенок — и все это из-за Кельды. Он ведь и в туннеле вел себя не так, как следовало, потому

что больше думал о безопасности Кельды, чем о том, что он должен делать. Да, и если бы все было сделано как нужно, тейварец сейчас для них не представлял бы уже никакой опасности: он был бы мертв.

Проклятье! Женщина, подвергая свою жизнь опасности, идет через лес вовсе не потому, что *ты* любишь Хаука! Она делает это потому, что *она* любит *его*. Хаук оставил в таверне Тенни свой меч и унес сердце молодой женщины. Интересно, сам-то он знает об этом?

Тьюрл покачал головой. Вряд ли Хаук все еще жив.. О да, жалея своего друга, Тьюрл надеялся, что он мертв.

Эльф снова процедил сквозь зубы проклятие и побежал.

Мертвый тейварец лежал у речного поворота. Грудь гнома была пробита стрелой, на ее древке Тьюрл увидел четыре нарисованные синей краской полоски; он хорошо знал эту отметку, да и оперение стрелы из пера черного глухаря было ему хорошо знакомо.

«Финн!

Эльф огляделся. Слева бурлил речной поток. Справа — высокий берег и на нем — почерневшие осенние деревья.

Тьюрл вытащил стрелу из груди гнома, выпрямился и закричал пронзительным криком со-кола: «Кииин-ийииир!» Если его крик услышат в лесу, в ответ должно раздаться пение дрозда.. И Тьюрл услышал его почти сразу. И облегченно засмеялся.

Финн, высокий и стройный, стоял на обрыве возле дерева. Тьорл не видел его улыбки, но по голосу догадался, что его командир улыбается.

— Где ты пропадал, эльф?

— Искал тебя, вождь. А также надеялся, что ты найдешь меня. — Тьорл показал на лежащее у его ног тело. — Тебе, слушаем, не попадались под руку еще такие?

— Нет, только этот. Когда он увидел меня, то слишком уж быстро поднял свой арбалет. Не дал мне времени спросить: а где другие?

Финн, подпрыгивая, уже спускался по круто-му склону; из леса тотчас появились две тени и пошли вслед за ним.

Лер даже сумел обогнать вождя и оказался рядом с Тьорлом первым.

Темные глаза Лера сияли улыбкой, вечно взлохмаченные волосы шевелил холодный ветерок. Он радостно обнял Тьорла.

— А где Хаук? Он занял у меня три золотых и двенадцать медных. Сказал, на неделю. Я думал, вы оба быстро притащитесь назад. Если, конечно, вы не прошли мимо города...

Тьорл грустно покачал головой.

— Его здесь нет, Лер. — Он рукой показал его брату на вход в пещеру. — Кем тебе нужно бы пойти туда. И не оставляй здесь свою лекарскую сумку. Там кендер, утверждающий, что он убил четырех гномов.

Тьорл все еще держал в руках стрелу, он вновь посмотрел на нее и улыбнулся:

— Я знаю, что он действительно убил троих. Наверное, он сейчас раздувается от гордости. А также следит, чтобы никто из чужих не забрался в пещеру.

Лер засмеялся, но его брат, поняв Тьорла правильно, только кивнул и быстро пошел к пещере.

— И ты иди с ним, Лер, — властно сказал Финн.

Когда они с Тьорлом остались одни, командир взял у Тьорла свою стрелу, внимательно ее осмотрел и, не найдя никаких повреждений, сунул в колчан; затем повернулся к эльфу:

— Рад тебя видеть, Тьорл.

Эльф взглянул на лес:

— Я тоже рад тебя видеть, вождь. А что, остальные не с тобой?

— Нет. Я оставил их в шести милях к северу отсюда. Вчера Лер наткнулся на ваш след. И мы втроем пошли по следам... Верминаард, кажется, собирается скоро начать здесь войну. В последние три дня скучать нам не приходилось. — Финн улыбнулся. — Уничтожали фургоны с патрулями.

— Из наших кого-нибудь убило?

— Нет. Хотя Кема здесь чуть не вывернуло наизнанку от ужасающей вони. Что тут стряслось? Откуда появилась такая вонь? Если ты скажешь: из Бездны — я, наверное, поверю.

Тьорл только вздохнул, вспомнив, что чувствовал он сам.

— О, это очень долгая история. Я тебе расскажу ее как-нибудь потом.

— Ну я в этом и не сомневался. — Финн посмотрел на Тьорла испытующе. — Тьорл, среди ваших следов мы не нашли следов Хаука. Он погиб?

— Не знаю. Думаю, он в Торбардине.

Финн ничего не ответил, только взглянул на другой берег реки и на восточное предгорье. До Торбардина отсюда около сотни миль.

— Необычное, однако, для него место — Торбардин... Жив он или мертв?

«Необычно? О да», — подумал Тьорл.

— Ты должен мне рассказать всю правду.

— Врать не буду, вождь, но ты можешь мне и не поверить.

Финн отступил на шаг от мертвого тейварца и присел на корточки:

— Ну, давай рассказывай.

Тьорл присел рядом с ним. Ветер рябил воду на поверхности реки и шевелил бороду и волосы на голове мертвеца. Тьорл посмотрел вокруг и подумал: как тогда, в первую ночь в Квалинестии.. Такхизис, Темная Воительница, действительно пришла в Кринн.

В Истаре и Эрготе ее называли Королевой Драконов — и она была ею. Народ Ледяной Стены звал ее Разрушительницей — и она была ею.

В Торбардине гномы звали ее Тэмекс — Поддельный Блеск.

«Тебе она уже показала свое вероломство, — молча сказал Тьорл мертвому тейварцу. — Возможно, скоро в ее вероломстве убедится и твой хозяин».

Тьорл повернулся к Финну и коротко рассказал ему о Королевском Мече, о барменше, о бегстве из Старой Горы и обо всем остальном.

В высоком морозном небе среди звезд плыли, причудливо сливая воедино свои лучи, две полные луны — красная и серебряная. Два дракона летели рядом: похожий на черное копье Темная Ночь и красный Янтарь, который нес на своей спине Верминаарда.

Прикрыв глаза от яркого света лун, Темная Ночь сложил свои широкие крылья на спине, резко снизился и оказался под красным драконом; затем снова взмыл вверх и вновь оказался рядом с Янтарем, громко смеясь над его неповоротливостью.

Темная Ночь был беззаботен и весел. Сейчас влажные стены подземелья не давили на него, и черный дракон резвился и радовался как дитя. Вылетев из Торбардина, Темная Ночь у северо-западной окраины Равнин Смерти увидел красного дракона, летящего к восточным лесам. Он быстро набрал скорость и над Кровавыми Холмами догнал Янтаря. Темная Ночь отсалютовал красному дракону и мысленно послал Повелителю информацию о событиях в Торбардине.

Эмпатическая и телепатическая связь между драконами Такхизис и Верминаардом была настолько совершенной, что Повелитель не только получил ясное представление о планах Рилгара,

но ощутил также и то, как Темная Ночь оценивает его поступки.

— Ну что же, принеси ему его Королевский Меч. Помоги ему захватить власть. — Тон Верминаарда неприятно царапнул сознание Темной Ночи, словно провели железом по стеклу. — А потом отдашь этот Меч мне вместе с его головой. И то и другое будет прекрасным украшением моих стен.

Красный дракон вытянул длинную шею, полыхнул огнем, и Темная Ночь увидел, как заскользили по земле тени от языков пламени. Дальнозоркое создание ночи, он заметил внизу парней Финна и передал их изображение Повелителю.

Затем в нескольких милях к югу он почувствовал темное облако сознания Серого Вестника, крикнул, сделал круг над ним и спустился к земле, как можно ниже.

Он быстро полетел к западу от холмов — к тонкой серебряной ленточке реки. До рассвета оставалось несколько часов, и Темная Ночь надеялся вернуться в окрестности Торбардина до восхода солнца; а затем, еще до того, как солнце взойдет в следующий раз, Рилгар станет властителем всех гномских королевств.

Луны медленно уходили за горизонт на западе. Тьюрл смотрел, как их пурпурный свет касается вершин деревьев, и думал: поверил ли Финн Гому, что он только что рассказал?

Тьорл чувствовал, что вождь не верит в то, что Хаук жив, и не стал его переубеждать.

— Если только вера женщины может спасти кого-то от смерти, то тогда да, он жив.

В глазах Финна Тьорл ясно прочел, что мысленно он уже похоронил Хаука.

— Значит, ты хочешь идти в Торбардин?

— Да, вождь, хочу.

Финн помолчал, посмотрел на Меч Бури, лежавший сейчас в ножнах на бедре у Кельды, посмотрел на руку Станаха. Кембал, похвалив Кельду, уже заново перебинтовал пальцы.

Тьорл подбросил сучьев в небольшой костер, разведененный Лавимом у входа в пещеру. Кендер все еще так и не нашел флейту, хотя и искал ее вроде бы вполне усердно.

— «Ну да, потерял! — думал Тьорл. — Эта потеря наверняка где-то в твоих карманах, чертёнок! Радуйся, что сейчас ночь. На рассвете, как только ты встанешь, я обшарю все твои сумки и карманы, будь я проклят!»

Услышав тихие, мягкие шаги и шелест одежды, Тьорл быстро обернулся. К нему подошла Кельда, в ее глазах все еще была видна усталость:

— Я тебе не помешала?

Тьорл покачал головой:

— Ну что ты! Лер поймал несколько рыбин. Хочешь есть?

— Нет. Я не голодна. Просто устала.

Она села рядом с ним спиной к пещере.

— Как там Станах?

— Спит. Действительно спит. Кембал дал ему выпить какой-то настой из трав и какие-то порошки. Он говорит, что это поможет Станаху.

— Дай-то бог. Кембал — отличный боец и еще лучший лекарь. Сейчас он со Станахом?

Кельда кивнула. Прислушиваясь к никогда не умолкающей песне воды, пристально посмотрела на реку.

— Когда я перевязывала руку Станаха, он что-то сказал. На языке, которого я не знаю.

— На гномском, наверное.

— Ты ведь много времени провел на границах с Торбардином. правда?

— Несколько лет.

— Станах сказал что-то вроде «лит квайер».

— *Лит хваер*, наверное? Это значит «маленькая сестра». Ну да, ему же было очень больно, и он, наверное, был немного не в себе. Но все же странно, что он причислил тебя к своей родне. — Тьорл встрихнул головой. — Значит, Станах считает тебя младшей сестрой, так? Он говорил, что Киан Красный Топор приходился ему двоюродным братом, но вообще-то я никогда не задумывался о его родне. Все, что было связано с ним, для меня было связано только с этим злосчастным Королевским Мечом.

Река плескалась и вздыхала на отмелях. Тьорл бросил в огонь ветку, улыбнулся. Кельде показал на молодого коренастого парня, неустанно ходившего то в одну, то в другую сторону по берегу реки.

— Лер напоминает мне Хаука. Финн называет нас «Компания Ночной Кошмар». А мы называем Лера «Ночной кошмар Финна».

→ Почему?

— Он порывист, вспыльчив, неутомим — особенно в драках.

Стало намного холоднее, и ветер завывал над речной водой замогильным голосом. Кельда плотнее запахнула плащ.

— Но ведь, наверное, такие люди болеют всего и нужны Финну?

Тьорл ответил вопросом на вопрос:

— А ты не видишь разницы между Лером и Хауком?

— Я ведь знаю Хаука только по той одной ночи у Тенни. Но тогда я...

Тьорл уставился на огонь:

— И что тогда?

— Я не знаю, Тьорл. Я думала, он мог стать для меня чем-то... эээ... кем-то... кто мог бы мне понравиться.

«Понравиться», — подумал эльф. — Нравиться или любить — это ведь не совсем одно и то же...»

Теперь ветер задул с северо-востока, вдоль русла реки. Лер перестал расхаживать туда-сюда и, встав на берегу, смотрел на воду.

— Он очень симпатичный парень, наш Хаук.

— Но он ведь тоже любитель подраться?

Тьорл покачал головой:

— Нет, я бы не сказал. Обычно он не лезет в драку очертя голову. Он очень надежный това-

рищ и, как и Лер, очень молод. Я думаю, именно поэтому Лер и напоминает мне Хаука.

Кельда снова ясно вспомнила ту ночь в Старой Горе — ту ночь, когда Хаук отдал ей Меч Бури. Она также вспомнила, каким был в ту ночь Тьорл, как он был весел и не по-обидному насмешлив. Он смотрел, как она вытирала пролитый на стойку бара эль, и она еще тогда, когда они только вошли, сразу же обратила внимание на двух бродяг: широкий и коренастый, как медведь, Хаук и стройный, как олень, Тьорл. Она еще подумала тогда: как трудно, если вообще возможно, определить возраст эльфа.

Сейчас она смотрела на его золотистые волосы, развесеваемые ветром, в его голубые глаза, смягчившиеся от каких-то добрых мыслей, и на вытянутые к огню длинные ноги. О да, ореол романтики окружал его. Казалось, он всего только на несколько лет старше Хаука, а на самом-то деле намного старше.

— Я думаю, — нерешительно сказала она, — что мы все кажемся тебе очень молодыми.

— Да, иногда. Я прожил уже сто лет, поэтому и ты, и Хаук кажетесь мне совсем молодыми, однако по-эльфийским меркам и я молод. — Он улыбнулся и пожал плечами. — Это всегда удивляет всех незельфов. — Он слегка постучал кулаком себя в грудь, где внезапно что-то сжалось и заболело. — Но ведь у меня есть сердце, оно такое же молодое, как и я сам.

Лер, опустив голову, как взявшая след собака, пошел вверх по реке; Тьорл сразу понял, что это означает, и поднялся.

— Кельда, пошли к Финну.

Она почувствовала внезапную напряженность в его голосе и тоже встала. Прежде чем она успела задать ему хоть один вопрос, он уже быстро шел к реке.

Лавим почувствовал запах дыма сразу, как только ветер подул с северо-востока. Он лежал на животе у воды и вспоминал костер. Сейчас ему действительно было необходимо погреться. Его старый черный плащ валялся на песке поблизости, руки у кендера были мокрыми до плеч — он пытался поймать голыми руками рыбу, как это недавно делал Лер.

«Ты полагал, — сказал сам себе Лавим, — что это так же легко, как кажется, если смотреть со стороны».

Самое легкое дело — смотреть со стороны, Лавим.

Лавим ничего не ответил, он снова быстро погрузил руки в ледяную воду. Слишком поздно! Окунь, щекотнув хвостом ладонь, темной тенью промчался по мелководью у берега и уплыл на середину реки. Лавим вынул руки из воды, стряхнул с них ледяные капли и сунул их под мышки.

Тебя обманывают твои глаза, Лавим. Когда ты видишь что-то в воде, оно на самом деле находится не совсем там, где ты это видишь.

— Угу, — проворчал Лавим. — А ты знаешь это, потому что частенько занимался рыбной ловлей, да?

Мне кажется, — проворчал маг, — один из нас слишком раздражителен. Кроме всего прочего, я все-таки покойник. И если кто-то из нас раздражается по делу, то это я.

— Я вовсе не раздражаюсь, Музыкант. Я просто пытаюсь поймать себе завтрак, — быстро-быстро заговорил Лавим. — Я извиняюсь, что ты мертвый. Я не знал тебя, когда ты был жив, но все равно я извиняюсь. А что чувствуешь, когда умираешь?

Музыкант немного помолчал.

Не надейся, что ничего не чувствуешь.

— А где ты сейчас?

Я в твоей голове и в преисподней одновременно.

— А на что это похоже?

Музыкант засмеялся.

И там, и там — сплошная неразбериха. Смотри, Лавим, вон еще рыба, не упусти.

По мелководью скользила коричневая форель примерно такого же размера, как и удравший окунь. Она лениво била хвостом. Лавим ухмыльнулся и приготовился.

Хватай чутЬ спереди и сбоку.

— Почему?

Потому что ты хочешь на завтрак форель.

Лавим охотно согласился, что маг высказал здравую мысль.

— Хах! — крикнул он, когда его пальцы схватили форель. Он выхватил из воды мокрую, сверкающую в лунном свете рыбину. — Есть!

Однако форель извернулась, выскользнула из его рук и плюхнулась обратно в воду.

— Проклятье!

Лавим, стараясь согреться, хлопал себя по груди посиневшими, замерзшими ладонями. Дымом потянуло сильнее.

— Чего это они развели такой огонь?! Они там, у костра...

Лавим!

— О, боги, Музыкант, не кричи так! От твоего крика у меня барабанные перепонки лопаются! Что случилось?

Драконы!

— Где? — Лавим схватил свой плащ и хупак, вскочил на ноги, вгляделся в небо. — Где?..

На севере! Скорей возвращайся в пещеру, Лавим! Один из них летит сюда!

Лавим побежал к пещере. Все всегда говорят о драконах, и каждый свое: то они красные, то черные, то голубые, то зеленые — всех цветов радуги. Лавим видел только одного: красного, что ежедневно пролетал над Старой Горой.

Кендер влетел в пещеру смеясь. Ну и удача! Он скоро увидит драконов!

Глава 20

ны Хаука беззвучно, как призраки, скользили по стенам его тюрьмы. Когда они пришли впервые, он подумал, что сходит с ума.

Теперь его уже ничто не волновало. Он ожидал смерти, и действительно в последнее время он умирал. Рилгар уже не задавал вопросов, не заставлял вспоминать прошлое — он просто забавлялся своей игрой с его смертью.

Внезапная, как падающий на жертву сокол, или лениво-медлительная, как подстерегающий добычу лев, смерть постоянно жила в этой сырой могиле, иногда хватала его своими холодными лапами и тащила через черные ворота в королевство, где воздух ледяными зубами грыз его легкие.

Хаук давно потерял счет своим смертям и только лежал в темноте, видя свои сны скользящими по грубому камню стены.

Он видел волшебный лес. Квалинести, зеленая и тенистая родина эльфов, залитая медово-золотистым солнечным светом. Как сон во сне, по прогалинам и рощам шел Тьюрл. Это видение посещало его постоянно. Продолговатые

голубые глаза, которые так хорошо знал Хаук, — глаза друга. В них жили боль, печаль и еще едва ли не смирение. Тьюрл шел по тропам, известным только эльфам, и внимательно смотрел по сторонам.

Сон налетал, подобно приносимому ветром дымку, и однажды Хаук снова очутился в таверне в Старой Горе. И снова ему улыбалась девушка с медно-рыжими косами и зелеными, как молодые листья, глазами.

«Но, — подумал он, — она мне тогда вовсе и не улыбалась, она только отстранилась от меня, она боялась меня, а потом вдруг, разгневавшись, плонула мне в глаза. Потом, когда гнев прошел, в ее глазах появилась жалость. Но не улыбка». Улыбки ее он не видел. Никогда.

Как ее звали? Этого он никогда не знал.

Он пристальнее посмотрел на стену, пытаясь опять увидеть сон и во сне — ее лицо и разглядеть его пояснее. Она была высокая. Лишь на ладонь ниже его. Девушка. Барменша. Как же ее звали?

Картина на стене задрожала. Он вспомнил, что Рилгар не должен видеть эту девушку, и стал стирать ее изображение со стены.

«Так, значит, высокая», — продолжал думать Хаук, когда сон вдруг снова стал виден четко. Она появилась внезапно, как охотник, с мечом на боку, в плаще цвета ее глаз, в охотничьих кожаных брюках цвета грозового неба.

Девушка-охотник, как же тебя зовут?

Когда он задал ей свой молчаливый вопрос, она повернулась, лицо ее побледнело, а изумрудные глаза потемнели. Она удержала его руку ласковым приветливым жестом. Холодный свет блеснул на сапфирах и золоте рукояти меча.

Она носит его меч, который Рилгар называет Мечом Бури.

Белая горячая боль ударила его по глазам, по скулам, по спине, стерла сон со стены. Хаук заорал от горя по убитому сну, и крик эхом прокатился по его тюрьме.

Кто-то высоко держал фонарь, яркий свет лился на пол. Во тьме за фонарем послышался старый и сухой, словно у мертвеца, голос:

— *Он* не должен получить его. Не должен.

Хаук узнал голос. Он часто слышал его смеющимся или рыдающим в своих снах, когда умирал.

Вновь почувствовав боль, Хаук застонал и задал вопрос, на который никогда не получал ответа:

— Кто ты?

Раньше голос всегда исчезал, как только он задавал этот вопрос. Но в этот раз он не исчез.

— *Он* не должен владеть им. Давай, мальчик, поднимайся! Поднимайся!

Хаук не мог подняться. Покрытые шрамами, узловатые, дрожащие руки коснулись его лица..

— Мой Меч Бури, *он* хочет взять себе мой Меч Бури! *Он* думает, что нашел его, мальчик. *Он* полагает, что нашел!

Страх пронзил Хаука. Струйки дыма от масляного фонаря напоминали колыхающиеся знамена

смерти.. Оранжевый свет плескался в темноте. Хаук повернулся на спину и посмотрел в лицо гному. Длинные нечесаные седые волосы свисали ему на плечи. Густая спутанная борода опускалась почти до пояса. Слезы текли по его лицу, ужас был виден в его карих глазах.

Собрав все остатки сил, не обращая внимания на боль, Хаук поднял руку. Схватил гнома за запястье.

Пещера следовала за пещерой; каменные стены высоко взлетали вверх, сливались с исчезающими в темноте потолками; холодный, тяжелый запах застоявшейся воды; запах камня и земли царил в бесконечной цепи пещер.

Он был сильным, этот гном, казавшийся таким же древним, как сами горы, в которых он прожил всю свою жизнь. Он вздыхал каждый раз, когда ему приходилось нести Хаука на себе или тащить его за руку. Ему было нелегко нести Хаука, но он не роптал. Он должен был унести Хаука из тюрьмы в какое-то место, до которого, по его убеждению, руки Рилгара не смогут дотянуться.

И вот наконец они доползли до последней пещеры. Гном положил Хаука на набитый соломой тюфяк у дальней стены, этот тюфяк после каменного ложа в тюремной камере показался Хауку пуховой периной. На стенах пещеры имелись светильники, язычки огня дрожали — значит, здесь была даже вентиляция.

Гном старался ничем не побеспокоить Хаука, не нарушить его покой. Он, что-то тихо бормота себе под нос, обошел пещеру, нашел какую-то еду и несколько фляжек с водой. В центре каменной комнаты стояла небольшая жаровня. Время от времени гном подходил к ней, подсыпал угля и при этом каждый раз оглядывался на лежащего Хаука, его непрерывное бормотание становилось уже почти неслышным.

Хаук разглядывал его, стараясь делать это не заметно. Старые карие глаза были явно безумными, но сейчас в них поблескивало что-то доброе и сердечное, отгоняющее боль, тоску и страх. Хаук не знал, почему он оказался здесь, и пока был не в силах расспрашивать таинственного гнома.

Мало-помалу, как наступающий на берег прилив, к Хауку возвращались силы. Что ж, надо терпеть. Пока. Когда он наберется достаточно сил, к нему вернутся его гнев и ненависть. А сейчас он должен терпеливо ждать, когда он сможет отомстить Рилгару за все.

И тогда он поднимется и вырвет сердце из груди подлого ублюдка и разобьет его о камни:

Глава 21

станах левой рукой поднял правую, сломанные пальцы которой казались тяжелыми, бесчувственными кусочками металла. Ноги плохо слушались его; когда, поддерживаемый Кембалом, он сделал первые неуверенные шаги, то чуть не упал. Глубоко вздохнув, он двинулся к выходу из пещеры. Кембал стал уверять, что он скоро восстановит силы.

Добравшись до выхода, Станах прислонился к каменной стене и посмотрел на реку. Он надеялся, что Кем прав. Подобно темному туману, над водой вверх по реке плыл дым, гонимый сильным холодным ветром; небо над лесом озарялось красными сполохами. По берегу с Мечом Бури на боку бежала к возбужденно приплясывающему у воды Лавиму Кельда. Она схватила кендера за руки, пытаясь заставить его постоять на месте хоть минутку; наконец ей это удалось, он выслушал ее и, подхватив свои сумки, пошел вниз по течению к Тьорлу — тот, стоя у воды, что-то внимательно в ней разглядывал.

Станах увидел: из леса вышли и подошли к эльфу Финн и Лер. Финн показал рукой на север.

Гном обернулся и спросил Кембала:

— Что случилось?

Кем озабоченно укладывал в сумку лекарские инструменты и лекарства.

— Они говорят, что горит лес. Мы уходим отсюда, Станах. Как ты считаешь: ты можешь идти? Финн хочет как можно скорее уйти за реку, иначе нам не спастись от огня.

— Да? Если я должен идти, значит, я могу идти.

В пещеру вошел Лер, его волосы были, как всегда, взлохмачены. Он посмотрел на Станаха, а потом шлепнул его по плечу так, что гном должен был прислониться к стене, мысленно благодаря ее за то, что она оказалась рядом.

— Ну как? Ты сможешь сам идти, да? Отлично. Кем, пора топать отсюда.

Кем быстро упаковал свою лекарскую сумку и вскинул ее на плечо.

— Огонь уже близко? Лер, а кто поджег лес, не знаешь?

— Да, огонь близко и, главное, идет на нас. И очень быстро. — Лер осмотрел пещеру: не забыл ли чего? — Будем надеяться, что и всем остальным из наших удастся уйти от пожара. Жаль, что не знаем, докуда он уже разросся... Финн говорит, что на том берегу есть заранее обговоренное место, где мы должны встретиться с нашим отрядом.

Сказав это, Лер тотчас ушел; видимо, посчитав, что он вполне обстоятельно ответил на вопрос брата о причине пожара. Кембал вслед ему скроил недовольную гримасу.

Станах уходил из пещеры с привязанным к спине мечом и с чувством страха в груди.

— Река здесь не особейно широка, — сказал Тьорл, — и глубиной разве что до пояса. Ты сможешь перейти ее, Станах?

Силы к Станаху действительно быстро возвращались — то ли потому, что Кембал был хорошим лекарем, то ли потому, что надвигалась огненная стена пожара; но ясно было: он просто обязан перейти реку! Он взглянул на небо. Луны уже зашли; красное свечение неба над лесом выглядело зловеще.

— Да, я перейду реку, не беспокойся, — сказал он Тьорлу.

Эльф кивнул головой, но Станах увидел: в его глазах мелькнула тень сомнения.

— Я пойду сразу же за тобой. Кем говорит: ты должен беречь руки; постарайся их не замочить.

Первым в воду вошел Финн. — высоко над головой он держал лук — и почти сразу скрылся из глаз: над рекой стоял уже густой дым.

Подняв над водой перевязанную руку и надеясь, что хорошо смазанные ножны защитят от воды привязанный у него за спиной меч, вслед за Финном вошел в реку Станах.

Он почувствовал, как перехватило дыхание от ледяной воды, которая вначале была только по колени; а затем поднялась выше, до груди. Холод сковывал тело, проникая, казалось, до костей; ноги Станаха сразу же замерзли, как если бы он шел по льду босиком.

Следующим пошел Тьорл, за ним — Кельда. По совету Финна девушка завернула Меч Бури в плащ и шла, подняв его над головой: это, во-первых, помогало сохранять равновесие, а во-вторых, позволяло сохранить Меч сухим. Лер шел рядом с Кельдой и поддерживал ее, когда она отступалась. Один раз она поскользнулась и едва не упала, но Лер успел обнять ее за талию и, громко рассмеявшись по этому поводу, помог удержаться на ногах.

Станах тоже один раз чуть не упал в воду, но Тьорл успел поддержать его.

Кембал, подбадривая всех, шел сбоку.

А Лавим шел как бы сам по себе. Узнав о том, что предстоит переходить реку, он бросился в ледяную воду с радостью рыбы.

Когда Станах, закоченев от холода, наконец выбрался на каменистый восточный берег, он оглянулся, но реки не увидел — ее закрывал дым.

Кельда положила свои легкие руки на его плечи.

— Ну, как ты? Все в порядке?

— Да, в порядке, — ответил Станах, подумав о том, что сам он в этом вовсе не уверен. Ему казалось, речная вода вымыла из его тела все тепло.

Финн пальцем показал на низкие каменистые холмы. Его подчиненные пошли на разведку: Кембал — направо, а Тьорл и Лер — налево. Лавим, выбравшись на берег, встряхнулся, как промокшая собака, и побежал вдогонку за Тьорлом и Лером.

Жаркое дыхание горящего леса ощущалось и на этом берегу. Земля здесь была каменистая, повсюду — заросли кустов. Впереди виднелась гряда невысоких холмов, дальше, к востоку, за ними возвышались горы.

Каждый раз, когда они оборачивались, то видели зарево пожара. К Станаху подошла чем-то озабоченная Кельда.

— Гуйил фир, — прошептал Станах, останавливаясь.

Он обернулся и увидел, что лес на том берегу горит уже почти у самой пещеры. Несмотря на пронизывающий ветер и предрассветный холод, на его лице выступила испарина. Он стоял, чувствуя, что ему необходимо хоть немного отдохнуть. Кельда тоже остановилась.

Она попыталась повторить только что сказанные гномом слова:

— Гуйил файр? Так ты сказал? Что это значит?

Станах криво усмехнулся:

— Пожар.

Он показал рукой на лес.

— Огонь идет по вершинам. Если направление ветра изменится, пожар может перекинуться и на эту сторону реки. А если огонь достигнет Равнины Смерти — это и будет гуйил фир.

«И скорее всего, произойдет это завтра», — подумал он про себя.

Больше он ничего не сказал. Все свои силы он направил на одно: идти! Они медленно побрали вдоль берега. Кельда внимательно смотрела под

ноги и поддерживала Станаха, чтобы он не споткнулся.

Правая рука Станаха оставалась все такой же безжизненной и тяжелой, словно металлическая болванка. Он вспомнил, что в этой руке несколько часов назад горел безжалостный огонь. Сейчас он не чувствовал в руке никакой боли — чувствовал только холод в груди.

«Когда же, — думал он, — ну когда же подействуют целебные мази Кембала?»

Тьюрл на корточках сидел на вершине холма, пытаясь по звездам определить, скоро ли рассвет. Звезды на небе гасли, но вместо утренней зари полнеба освещали отблески лесного пожара.

Перейдет ли огонь и на эту сторону реки? Он поднялся на ноги, ощущив, что они затекли. Он уже и не помнил, когда последний раз спал, и не знал, удастся ли ему в ближайшее время выспаться.

Стоявший рядом Финн толкнул Тьюрла и показал вниз: к холму подходили Станах и Кельда. Им на помощь в прыжку спускался по склону Кембал.

— Гному нужен отдых, он едва переставляет ноги.

— Мы не можем здесь оставаться долго. Огонь, наверное, перекинется и на эту сторону.

Финн фыркнул:

— Он, что же, перепрыгнет через реку?

Они долго молчали. Тьюрл смотрел на запад; он думал о своих товарищах из отряда — они

видимо, остались в горящем лесу. Как их спасти? Он взглянул на командира и в его глазах увидел тот же вопрос; но в этих глазах одновременно были и ответ.

Их отряд должен был быть в шести милях отсюда к северу. Река там бурная и широкая, перебраться через нее там невозможно. А начался пожар как раз там...

«О боги,— молился Тьорл, который делал это совсем не часто;— если вы не можете спасти всех, даруйте жизнь хотя бы некоторым из них!»

Керрит. Бартт. Старый Джарт. Имена и лица тридцати его друзей, казалось, были написаны на ключьях летящего из-за реки дыма. Тьорл вздрогнул. Должно быть, они умерли быстро, его друзья, и так же легко, как ветер легко рассеивает дым.

Финн почесал затылок:

— А куда это делся наш кендер?

— Полагаю, старается держаться подальше от меня,— сказал Тьорл.

Финн хмыкнул:

— Но он вернется?

— Вообще-то он любит погулять, особенно по ночам, но всегда возвращается. К моему сожалению.

— Да? — Финн, прищурившись, посмотрел на Тьорла.— А я думал, он — твой друг. Что за кошка пробежала между вами?

— Да просто мы не сошлись характерами, — усмехнулся Тьорл.

Луны зашли, звезд на небе уже не было видно.
И вдруг Тьорл увидел в небе черную-пречерную тень и ужаснулся, как если бы увидел разверзшуюся землю.

Финн проревел проклятие и тут же, словно эхо, снизу отозвался Лср, предупреждающий всех об опасности.

Кошмарным видением ночи, издавая пронзительный крик, подобный кличу смерти, с неба на них стрелой несся черный дракон.

Когда дракон закричал, время, казалось, остановилось. Сердце Кельды замерло в груди, испугавшись ее страха. Ледяной холод пронзил ее до костей; не в силах двинуться с места, она увидала, как взмахнули крылья чудовища, увидала их блестящую, как черное дерево, внутреннюю сторону, увидала, как чудовище коснулось земли, — огромное, с высоко поднятой на длинной шее массивной головой. С непостижимой быстротой передние лапы дракона вытянулись вперед, как если бы они старались до чего-то дотянуться...

Дотянуться до нее!

И тут стон Станаха, словно острым мечом, разрубил страх Кельды. Она бросилась в сторону. Меч Бури!

Пусть, пусть она не умеет владеть Мечом как следует, пусть, размахивая Мечом, она только искалечит себя, но пусть прольется и драконья кровь!

Острые, как ножи, когти — черные, кривые, — нависли над ней, подобно готовой захлопнуться клетке. Кельда судорожно пыталась выдернуть Меч из ножен. О, как он тяжел!.. Она судорожно вновь и вновь пыталась выхватить Меч из ножен..

Страшный победный крик прогремел в ночи прежде, чем она сумела обнажить Меч. Верхом на драконе сидел гном в черном плаще с капюшоном.

Кузнец, прокричав какое-то проклятие, встал между драконом и Кельдой. Огромное крыло ударило его и бросило на землю. Он сумел подняться на одно колено. Быстро, как молния, длинная шея дракона метнулась в его сторону, зубы сжались, глаза сверкали.

— Станах! — отчаянно закричала Кельда.

Тяжелая шея дракона ударила ее сзади. Она упала, дыхание перехватило, она не могла даже крикнуть — ей не хватало воздуха. Чья-то рука крепко вцепилась ей в руку и потащила, потащила ее прочь от дракона... Кельда, задыхаясь и рыдая, подняла голову. Между Кельдой и драконом стоял Лер. Высоко подняв меч, он ринулся в атаку, хотя и знал, что не сможет пробить бронированную шкуру чудовища.

Клинок Лера блеснул и ударили дракона в крыло. Тот заревел, словно злорадно засмеялся.

Кровь Лера, словно горячий дождь, брызнула на лицо и руки Кельды. Она закричала, но услышала только бессильный стон. Она попыталась бежать, но только упала.

«Словно клетка», — подумала она вновь, увидев над собой когти дракона. И теперь эти когти обхватили ее, сжали и подняли — высоко-высоко над землей.

— Нет! — кричала она беззвучно. — Нет!

Наездник дракона схватил ее за руку и втащил на шею чудовища. Кельда, откинув голову назад, ощущая тошноту, изо всех сил пыталась вырвать свою руку из руки черного гнома.

О, только бы хоть как-то освободиться!

Свободной рукой ей удалось скинуть с головы гнома капюшон, и она увидела, что у него только один глаз. Когда дракон раскинул крылья и стал взлетать, Кельда с яростью дикой кошки вцепилась в единственный глаз наездника.

Неожиданно она почувствовала: ее талию схватили две руки, одна из которых была забинтована. Стана!

Кровь струилась по лицу наездника, капала на его бороду. Он отшатнулся от рук Кельды, а она вдруг поняла, что прозвучавший в ее ушах торжествующий крик — ее собственный.

Но тут небо опрокинулось на нее, а затем она услышала дикое завывание ветра под крыльями дракона.

Стройная и хрупкая на вид, Кельда все же выросла в деревне, с малолетства привыкла к тяжелой работе и была гораздо сильнее, чем казалась на первый взгляд. Она сидела на гладкой чешуйчатой драконьей шее так, словно сидела на лошади. Она снова бросилась на одноглазого всадника, не заметив, что в руке у него нож. Одноглазый

взмахнул ножом — и тотчас его руку схватила покрытая шрамами рука.

Станах!

Вот он — прилип к спине дракона позади наездника в черном плаще.

Одноглазый закричал от боли. Чешуя дракона волнами ходила под ногами Кельды. Как во сне, когда звуков не слышно и все движется очень медленно, Кельда увидела, что одноглазый заскользил по черному плечу дракона, увидела его открытый в отчаянном крике рот, увидела, что ухватиться ему уже не за что.

Хватая руками воздух, одноглазый полетел вниз.

От пережитого ужаса Кельда ослабела, она с трудом держалась на шее дракона. Стала передвигаться к плечам дракона и вдруг испугалась, что ее просто сдует сильным ветром, замерла. Внизу виднелись каменистые холмы, — упав, она разобьется так же, как разбился одноглазый гном.

Нет, нет, она не упадет!

Станах дрожащими от напряжения руками обхватил талию Кельды. Он оттащил девушку к спине дракона и помог усесться понадежнее, крепко прижав к себе. Она чувствовала его горячее дыхание. Потом увидела, что он держит ее уже одной только левой рукой, и сама крепче ухватилась за гребень на спине дракона.

Дракон что-то прокричал и, пролетев сквозь серые рассветные облака, стал снижаться. Кельда услышала, как вздохнул сидящий за ее спиной Станах, как он сдавленным голосом прошептал:

— *Лит хваер.*

Маленькая сестра.

Она слегка пригнулась, закрыв глаза от ветра и стараясь сохранить силы, которые еще пригодятся ей, когда дракон приземлится.

Руки Кельды были в крови Лера... Она заплакала, и слезы тотчас замерзли на ее щеках.

Темная Ночь заревел во весь голос — это он засмеялся. Далеко внизу под ним камнем падал с голубого холодного неба злой маг, которого называли Серым Вестником.

Тоже ведь своего рода полет! Да, черный дракон оплакал смерть Вестника громким смехом. Он терпеть не мог властного тона этого волшебничка, ненавидел его мысленные приказы, его запах. Он повернул голову, чтобы рассмотреть тех, что сидели сейчас там, где раньше был одноглазый гном. Так: другой гном, светловолосый, как и Вестник, и девушка из людского племени. Севрист сузил глаза. Языком, тонким и длинным, быстро облизал губы. Он чувствовал запах их страха — о, это очень приятный запах!

Конечно, жевать этого мускулистого, костлявого гнома будет не особенно приятно, но зато девушка! Ведь это у нее Королевский Меч, и Темная Ночь заранее предвкушал, что благодарный ему Рилгар будет щедр. Себе в награду он потребует эту парочку. На обед, конечно.

Черный дракон летел ровно, уклоняясь от порывов ветра, как опытный капитан, ведущий свое

судно по бурному морю, уклоняется от ударов волн в борта. Те, кто сидел у него на спине сейчас, ни в коем случае не должны упасть!

Станах не чувствовал ничего — ни усталости, ни ужаса. Дракон нес их через Равнину Дергота, или, как их называли гномы, Равнину Смерти. Когда черный дракон поднялся выше, чтобы попасть в благоприятное для него воздушное течение, Станах взглянул вниз и увидел на земле пятно пожара, разрастающееся на восток.

Сидевшая перед ним Кельда дрожала, как осенний лист, а он не мог найти для нее слов утешения.

В небе на юго-востоке засияло восходящее солнце, его лучи напоминали огненно-красные стрелы.

Огненно-красный дракон промчался через черный клубящийся дым над лесом и, взмахнув крыльями, полетел к высоким хребтам южных гор — туда, где находился Пакс Таркас.

Станах уже знал, из-за чего загорелся лес, но не понимал почему. Если отряды Верминаарда продвигаются все глубже и глубже в горы, то зачем же они жгут леса в тех местах, откуда собираются начать наступление?

Черный дракон снова стал снижаться, и Станах опять притянул к себе Кельду.

Почему же Верминаард велел поджечь леса? Снова взглянув вниз, Станах все понял. Широкие полосы огня, казавшиеся ему с высоты красными

шрамами на поверхности земли, проходили через подножия гор и сливались в единый поток, бегущий к равнинам.

«Все сделано так, — горько подумал он, — чтобы огненный поток устремился на Равнину Смерти».

Отсюда огонь — *гүйил фир!* — бросится на Торбардин, как передовой отряд армии Верминаарда.

Станах громко застонал. Да, никакая армия самых жестоких завоевателей не сможет вызвать таких разрушений, как это бешеное, неукротимое пламя.

...А ведь такое уже было. Сотни лет назад загорелись торфяные болота Равнин Смерти. Тогда гномы пытались остановить огонь, пытались не дать пожару уничтожить болота. Эти болота составляли часть гномских владений, здесь гнездились птицы, здесь на водопой собирались звери, в озерах водилась рыба. Гномы охотились здесь на птиц и зверей, ловили рыбу.

Несмотря на все усилия, торфяные болота спасти не удалось. Конечно, в основном Торбардин кормился от садов и огородов, расположенных в горе. Но правда также и то, что в природе все взаимосвязано, и уничтожение болот на Внешних Землях в конце концов отрицательно скажется на урожаях в самом Торбардине. А значит, рано или поздно, но в Торбардине наступит голод...

Ослабевшая от усталости и страха, Кельда повернула голову к Станаху и уткнулась лицом ему.

в плечо. Он попытался здоровой рукой погладить ее по голове, успокоить. Она ничего не сказала, но стала всхлипывать реже.

Дракон снизился и полетел медленно. На юго-востоке уже была видна гора, внутри которой и находился Торбардин. На вершине горы царила зима; сейчас, на рассвете, солнце окрашивало первозданно-белый снег на вершине в розовый цвет.

А Черный дракон летел уже над склонами горы. Станах увидел Северные ворота, разрушенные три сотни лет назад, еще до начала Войны Гномских Ворот. Зияющие проломы, камни, будто молчаливо кричащие от боли, и сами ворота, распахнутые на узкий уступ горы. Триста лет, как эти ворота всегда открыты. И поэтому они охранялись гномами более бдительно, чем действующие Южные...

Дракон, пролетев над воротами, приземлился у подножия горы.

Холодный страх заполз в душу Станаха. Да, Северные ворота охранялись воинами Девара. Однако пещеры ниже ворот, называвшиеся Глубинными Лабиринтами, — это тайные владения Тейвара. Выходит, дракон служит Рилгару? А значит, сейчас они окажутся в Глубинных Лабиринтах, где их нетерпеливо ждет тан Тейвара. Ждет, чтобы заполучить в свои руки Меч Бури. Меч, который сделает его Королем-регентом всех гномов и даст ему право главенствовать в Торбардине.

Станах закрыл глаза. Он слышал скрежет драконих когтей о камни. Кельда вздрогнула, потом повернулась к нему:

— Где мы? Станах, ты знаешь?

Станах знал. Он смотрел на сапфиры, сверкающие в рукояти Меча у нее на боку; он хотел сказать, что они там, где им предстоит скоро умереть. Но он не сказал этого.

— Мы дома. В Торбардине.

Только это он и сказал.

Глава 22

авим пнул ногой небольшой камень и проследил, как он катится вниз по склону холма. Он слышал, — правда, он не помнил, слышал ли от мага Музыканта или от кого-то еще, — что эти пустынные, пыльные места, носящие ужасное название Кровавые Холмы, когда-то были цветущей равниной.

Ты забыл сказать «унылые».

— Что?

Ты забыл еще сказать, что эти холмы унылые.

Лавим вздохнул.

— Разве я так уж обязательно должен был упомянуть и об этом?! Ведь я разговариваю сам с собой, не так ли?

Маг улыбнулся.

Теперь Лавим спихнул вниз большой ком сухой земли и смотрел, как он, ударившись о камни, превратился в пыль, которую вскоре унесло ветром. А интересно: как это Музыкант может одновременно и улыбаться, и говорить?!

Кендер полез в карман и достал аккуратно сложенную старую карту.

— На всякий случай я прихватил с собой карту этих мест. Она у меня не так давно, я раздобыл ее незадолго до того, как пришел в Старую Гору. Теперь вот пригодилась. Просто поразительно, сколько вещей норовит исчезнуть там, где я появляюсь!..

Он присел на корточки и, осторожно ее разглядывая, разложил карту на земле.

— Посмотри на это место, Музыкант. Оно даже на карте выглядит безобразно. — Лавим ткнул пальцем в карту.

Маг молчал.

— Видишь? Вот здесь, к востоку, находится Квалинесси. — Лавим искоса взглянул на небо. — Не правда ли, странно, что я потратил столько времени на поиски призраков, но так и не увидел ни одного?.. Да, так вот здесь Эльфийский лес, весь зеленый и такой красивый. Тут река, которую мы пересшли вброд, — да, да, вот эта голубая извилистая линия. — Он с отвращением фыркнул. — А вот здесь, где карта плохая, затертая, — здесь местность еще хуже. Карта говорит: здесь маленькие холмы. О-о! А на самом деле это вообще не холмы. Это горы.

Нет, это все-таки холмы.

— Ну да, тебе легко говорить; ты же по ним не ногами топаешь.

Лавим сложил карту и сунул ее обратно в карман.

— Наверное, проще всего попасть в Торбардин через Равнины Дергота, или Равнины Смерти, как их называют гномы. А почему они их так назвали, маг?

Потому, что во время Войны за Гномские Ворота здесь погибли тысячи гномов.

Лавим поднялся с корточек. Ветер теперь дул с запада и гнал огонь на восток. Гнал низом на болота Равнин Смерти. Запах дыма ощущался повсюду.

Кендер выбрал самый высокий из ближайших холмов; забрался на его вершину и присел там на корточки.

С этого холма пожар был виден хорошо. Сейчас он примерно в миле отсюда полз, как красная змея, к горам на востоке. Клубы черного дыма густой пеленой закрывали болота. Плотно зажмурив глаза, Лавим услышал рев огня, подобный далеким раскатам грома.

Молчавший долгое время маг вдруг заговорил, и кендер вскочил на ноги.

А почему бы, Лавим, тебе не пойти и не рассказать всю правду Тьорлу?

— Думаю, сейчас не стоит. — Лавим через плечо глянул на подножие холма. — Он сейчас очень расстроен из-за Кельды и Станаха. Я же все видел. Я... Мне и самому не хочется думать об этом.

Это я уже понял. Но, может быть, Тьорлу нужно с кем-нибудь отвести душу?

Лавим покачал головой:

— Может быть. Но не со мной. Со мной он говорить не захочет. Со мной... он просто отведет душу на мне. Вон, сам посмотри на него.

Тьорл сидел на корточках и глядел на небо. Он почти не сводил глаз с неба с тех пор, как дракон унес Кельду и Станаха.

Лавим вздохнул. Да, он потерял прекрасную возможность познакомиться с драконом поближе: он прибежал слишком поздно и увидел дракона, уже в небесах, когда тот черной тенью летел на восток; наездника в плаще на нем уже не было.

Они нашли одноглазого гнома в овраге. Почти все кости у него были переломаны, но одноглазый был еще жив. Когда Финн ножом перерезал гному горло, кендер подумал: он мстит за смерть Лера; однако Мзыкант сказал, что он просто скжалился над гномом.

Лавим взглянул на Финна — тот сидел у подножия холма, положив голову на колени, и словно бы не замечал беспрестанно расхаживающего Кембала. После гибели брата Кембал молча ходил у подножия холма, подняв голову в небо, крепко сжимая оружие, как охотник, ожидающий нового нападения хищника. Мзыкант сказал Лавиму так: Кембал заострил свои стрелы на камне мести.

Утром пожар пополз на юг, на север и на восток одновременно; от реки их стена пламени уже отсекла. Они отошли к пустынным каменистым холмам: здесь нечemu было гореть. Идти по каменистым холмам было трудно, и вечером, еще до захода солнца, четверка спутников, идущих на восток, остановилась передохнуть.

Лавим. Иди поговори с Тьорлом.

— И?

Что «и»?

— И отдав ему флейту, да? Ты все время твердишь мне об этом! Отдав ему флейту, отдав ему флейту!

Если ты это сделаешь, я буду просто счастлив.

— Но он не может использовать ее магию, а я могу!

Маг вздохнул:

До тех пор, пока я говорю тебе, что и как надо делать, — да, ты можешь.

— Тогда какой же смысл отдавать флейту ему?

Лавим!

Кендер зажмурился и закрыл уши руками. От души пожелав Музыканту оставить мерзкую привычку кричать у него прямо в голове, он пошел наконец-то поговорить с Тьорлом.

Эльф сидел, уставившись куда-то в пространство, и не оглянулся даже тогда, когда тень Лавима накрыла его. Лавим громко прокашлялся.

Только тогда Тьорл поднялся.

— Тьорл, я хотел бы поговорить с тобой...

— Лавим, до наступления темноты у нас меньше часа. Лучше сейчас не тратить время на разговоры.

Он кивнул Финну, уже вставшему с земли, тот ответил тоже кивком головы: в путь.

Они пошли по выбранной Финном дороге, и вскоре дым сплошным покрывалом повис над их головами. Лавим шел рядом с Тьорлом, стараясь не отставать от него.

— Тьорл, все же я хотел бы рассказать тебе кое-что..

Эльф не откликнулся.

— Я хотел бы рассказать тебе о Музыканте.

— Он мертв, — проворчал Тьорл. — Что же еще я должен узнать о Музыканте?

Лавим вздохнул:

— Я знаю, что он мертв. Однако же я думаю, что ты думаешь: если бы у тебя была флейта Музыканта, когда дракон схватил Станаха и Кельду, то ты мог бы хоть как-то им помочь.

Тьорл промолчал.

— Но нет, все равно ты бы ничего не сделал. Не смог бы сделать.

— Да? И почему же?

— Потому что флейта может быть магической только у меня в руках, Тьорл. Музыкант говорит, что она...

— Музыкант говорит?

Лавим кивнул:

— Видишь ли, он сейчас призрак. Он говорит мне прямо в мою голову, и он говорит мне такие вещи...

— Лавим!

— Пожалуйста, Тьорл, не перебивай, дай мне договорить. Он и правда сейчас призрак. И это он сказал мне тогда, когда красный дракон пролетел и поджег лес. Нет, не то, что он — дракон, я хочу сказать, — прилетел... ну, но что он летает и... И о черном драконе тоже он мне сказал. — Кендер вздохнул и прибавил шагу, все время стараясь не отставать от Тьорла. — Но... Но я был в ту минуту слишком далеко, чтобы я смог что-то сделать. Я пытался! Я действительно пытался, но Музыкант говорит, что у флейты ограниченные возможности и... Я прошу простить меня. Я действительно прошу простить меня. Я должен был тогда быть рядом. Я понимаю, что мне не

следовало уходить с холма. Но так уж вышло. И... И, я знаю, ты думаешь, что ты мог бы помочь Леру, и Кельде, и Станаху, когда дракон прилетел, если бы у тебя была флейта, но это не так — у тебя же нет мага в голове.

— И у тебя тоже, кендерочек! Иногда я думаю, ты малость того... головой повредился и...

Ответь ему, что ты не самый старый.

— Я не самый старый! Я вообще не старый! И уж вовсе не дряхлый! — тут же взорвался Лавим.

Тьюрл остановился как громом пораженный. Лавим словно мысли его читал.

— Что ты сказал?

— Я... Музыкант сказал... Я имею в виду, я сказал... Я не самый старый.

Лавим замолчал и остановился. Положив ладони на колени, опустив голову, он закрыл глаза, пытаясь побольше набрать воздуха в легкие.

— И Музыкант также говорит, что сейчас ты думаешь, как бы тебе заставить меня не шуметь, чтобы Финн не услышал.

Тьюрл часто-часто заморгал.

— Да? Он так сказал?

— Да, и еще он говорит, что сейчас ты думаешь: только спятившего кендера тебе еще и не хватало! Я не безумный, Тьюрл! Понимаешь? Я всего этого не придумываю. Это все правда! — Он пошарил в карманах и вытащил флейту; сунул ее в руку Тьюрлу прежде, чем тот успел что-либо сообразить. — Попытайся, сыграй что-нибудь.

— Ну и для чего? Я могу на ней сыграть, но я же не знаю нот ни для одного заклинания.

Лавим просвистел ему ноты, какие он сыграл для своего зловонного заклинания.

— Попробуй эти. — Он снова просвистел мелодию. — Ну, давай?

Тьорл осторожно держал флейту, не решаясь поднести ее к губам.

— Лавим...

— Попытайся! Сыграй! Музыкант говорит, что все будет хорошо.

Эльф снова посмотрел сначала на флейту, затем на Лавима и вздохнул:

— Давай, Тьорл, давай!

Тьорл нерешительно заиграл, опасаясь, что вдруг появится такое же зловоние, как в пещере.

Ничего скверного, однако, не произошло, разве что ветер слегка ослабел.

— Музыкант говорит, что ветер никакого отношения к флейте не имеет. Это связано с пожаром или сцe с чем-то. Понимаешь? Ну-ка, попытайся еще раз.

Тьорл снова заиграл. И — ничего не изменилось. Все так же дул ветер, и все так же пахло дымом. Тьорл уставился на флейту и вдруг увидел: к ней протянулась рука кендеры. Он не успел и глазом моргнуть, как Лавим выхватил флейту и тотчас спрятал ее в одном из бездонных карманов своего черного плаща.

— Лавим! Подожди! Дай...

Но Лавим, радуясь, что флейта снова у него, уже бросился наутек.

Эльф побежал за кендером. Теперь ему было ясно: если бы Лавим был на холме, когда приле-

тел дракон, он мог бы помочь Кельде, Леру и Станаху. Но его там не было — так уж случилось, — и упрекать за это кендерта так же бессмысленно, как упрекать самого себя за то, что, выстрелив в дракона, он не смог его даже оцарапать.

Тьорл побежал за кендером быстрее. Он уже не думал ни о призраках, ни о драконах. Он внезапно понял, что Лавим — действительно единственный, кому подчиняется флейта, и это вызвало у эльфа дурные предчувствия.

С вершины холма, по которой после полуночи Тьорл ходил с дозором, он видел буйство огня на болотах Равнин Смерти. С заходом солнца ветер утих, но огонь все так же стремительно приближался к горам. Болотные травы полыхали, будто сухие былинки, и теперь уже ничто не могло остановить пожара.

Тьорл выругался и посмотрел на звезды, крошечными льдинками рассеянные в черном ночном небе. Высоко в небесах сверкала окруженная туманным серебристым кольцом Солинари. Кроваво-красный свет Лунитари освещал холмы на востоке. Кольцо вокруг красной луны, казалось, было пропитано кровью. Тьорл ощутил в воздухе запах снега. «Пока не утихнет пожар, мы не сможем пройти в Торбардин», — думал эльф, — а это значит, что мы, скорее всего, вовсе туда не попадем».

Он провел пальцем по полированному дереву своего лука. Сделанный из тиса, такой гладкий,

такой удобный и -- бесполезный, бесполезный! — ведь он не помог защитить Кельду от дракона.

Тьорл вздрогнул, ощущив: боль и горе будто клыками вцепились в его сердце. Его стрелы отскакивали от черной шкуры дракона, как если бы она была защищена стальной броней. Вот если бы попасть ему в глаз! Он смог бы, вероятно, даже убить его, но дракон улетел слишком быстро — улетел прежде, чем Тьорлу удалось толком прицелиться. Когда дракон поднимался с земли, Тьорл было подумал, что Станах сможет стащить Кельду со спины дракона. Он молился, чтобы Станах успел сделать это, но когда дракон — вместе с кузнецом и Кельдой на спине — поднялся высоко в небо, Тьорл проклял все и вся на свете.

«Станах, — горько сказал про себя Тьорл, — Меч Бури ужс стоил тебе друзей и руки. Ты говорил: сам Реоркс благословил сталь для этого Меча; я говорю: бог проклял его. Но ты пытался бороться за него, и ты дрался как волк».

Он повернулся спиной к буйному и мрачному пламени пожара — гүйил фир! — и посмотрел на мирный огонек костра, разведенного ими в ямке, на его легкий дымок, летящий сейчас вниз по склону холма. Казавшиеся просто красными при солнечном свете камни и пыль сейчас в мрачном сиянии лун отливали кровавым пурпуром. Лавима, как всегда, нигде не было видно. Тьорлу так и не удалось догнать его.

«Где-то носится, — подумал он, — или, спрятавшись, беседует со своим призрачным магом».

Беседует с призраком?.. Конечно же, Лавим верит в то, что мертвый маг разговаривает с ним. Но сам Тьорл никак не мог решить, с кем говорит Лавим в действительности. Что правда, то правда: всё, что только хотят сказать, всё, что случится, — всё Лавим знал наперед. Эльф заговорил было об этом с Финном, но тот только плечами пожал и поглядел на Тьорла насмешливо.

Тьорл посмотрел на своих товарищев. Финн, завернувшись в плащ, спал у костра. Кембал, которого Тьорл около часа назад сменил на посту, сидел, пристально уставившись в огонь. Над молчаливым Кембалом в отряде всегда подшучивали. Неразговорчивый и добрый по натуре, он предоставлял говорить за двоих своему общительному младшему брату. Сейчас казалось, что смерть Лера навсегда изгнала мягкий веселый свет из глаз Кема. Он теперь жаждал мести, впрочем, как и сам Тьорл.

Внезапно Тьорл похолодел. Он впервые допустил — пусть мысленно, пусть наедине с самим собой, — что Кельда, может быть, уже мертва.

Черный дракон полетел в сторону Торбардина. Это могло означать, что Рилгар воцарился в гномских королевствах и черные драконы теперь в его подчинении. Да, это так. И Верминаард — его союзник.

Эльф ощутил: дыхание его перехватило. Прощай ночью он с удивлением думал, не влюбился ли он в Кельду. Он противился этой мысли и в то же время хотел услышать ее нежный голос, хотел

почувствовать — пусть и случайно — прикоснение ее руки...

В эту ночь — слишком поздно! — он понял, что действительно любит ее. Но теперь он мог только в памяти своей услышать ее голос, почувствовать ее легкую руку в своей или увидеть солнечное сияние ее волос.

Должен ли он был признаться ей в любви?

А как же Хаук?

Эльф горько улыбнулся. Они уже оба мертвы, и ему остается только вспоминать о прекрасной деревенской девушке, ставшей барменшой. Поздно уже терзаться и думать о том, что могло бы произойти в будущем. Ни Хаука, ни Кельды нет в живых.

Тьорл снова окинул взглядом окрестности: пожар слева и тьма справа, впереди и позади. «Все поздно, все, никого, ничего не осталось, кроме мести», — холодно подумал он. Какая разница, кто сейчас правит в Торбардине? Но он должен найти дорогу в гномские владения под горой, он должен отомстить за Кельду и за Хаука, он должен сделать это, он, кого они оба любили. Да, да, и она тоже любила...

Лавим наблюдал за Тьорлом из темной лощины, что лежала к западу от холма. Он уже обегал все вокруг и, не желая пока встречаться ни с Тьорлом, ни с его товарищами, устроился поспать в стороне от них. Сейчас он уже отдохнул и теперь больше всего на свете хотел поговорить с Музикантом. У Лавима накопились вопросы, на которые ему просто не терпелось получить ответы.

Кендер поудобнее устроился на камнях и устался в ночь. Но, увы! Маг не желал отвечать на его вопросы. Он переставал отвечать как раз в те минуты, когда кендер брал в руки флейту. Лавим погладил пальцами гладкое вишневое дерево и хитро улыбнулся. Он подумал, что молчание мага на его последний вопрос как раз и будет его ответом.

— Я думаю, — сказал он, указывая флейтой на то место, где, как ему казалось, должен был находиться маг, если он вообще где-нибудь находился, кроме как в его, Лавима, голове, — я думаю, что могу пользоваться флейтой в любое время, когда я этого захочу.

Маг промолчал.

— Я думаю, она будет слушаться меня вне зависимости от того, какую магическую мелодию ты прикажешь ей играть.

И опять маг промолчал.

Лавим ухмыльнулся:

— Вот так я думаю. Знаешь почему? Ладно, я тебе скажу: потому что ведь то вонючее заклинание было именно моим заклинанием и флейта играла именно ту песню, какая и была нужна мне. Я — хозяин флейты, она мне послушна. Вот почему ты хотел, чтобы я отдал флейту Тьорлу, разве не так? Да, я сам могу использовать магию флейты, и мне не нужно, чтобы ты говорил, как это следует делать. Флейта будет действовать просто потому, что ты сидишь в моей голове. Что ты скажешь на это?

Я скажу, что ты глупец, Лавим.

Лавим решил не обижаться.

— Может быть, может быть. Но я не просто глупец, а глупец с магической флейтой в руках.

Голос мага в голове Лавима стал холодным как лед.

Да, это так, и я не могу даже представить что-либо более дурацкое и опасное.

Лавим смотрел, как свет лун отражается в зеркально-гладком дернене флейты.

— Ты сердишься, не так ли? Странно. Ведь на самом-то деле это я должен сердиться на тебя за то, что ты сказал мне, будто без твоих подсказок флейта не будет действовать. — Он важно покачал головой. — Друзья друг другу не врут.

Друзья друг у друга не воруют, Лавим.

Кендер вскочил с камня как ужаленный:

— Я не крал флейту! Ты сам мне ее дал!

Я просил тебя отдать ее Тьорлу.

— И я ответил, что да, я сделаю это. Скоро, но не сразу!

Лавим, я не знаю, что ты собираешься делать, но было бы лучше не пользоваться флейтой; ее магия годится только для очень немногих заклинаний, а ты ведь не знаешь, для каких именно.

Кендер захихикал:

— Я знаю два из них. Это вот, ну то, вонючее заклинание, и еще — переносящее заклинание. Правда, в зловонном заклинании я уже не нуждаюсь!

Он начал карабкаться по кругому склону холма к Тьорлу.

— Переносящее заклинаний! Это так просто! — ликующе кричал он. — Мы сразу перенесемся в Торбардин и спасем Кельду и Станаха, а может, и этого... Хаука тоже!

Нет! Нет, Лавим! Для этого заклинания необходимы не только ноты, но и слова. Ты знаешь, как сыграть ноты, но если ты произнесешь заклинание неверно, ты можешь оказаться в самой середине неизвестно чего с тремя кучками пыли, в которые превратятся твои друзья!

Лавим вскинул голову и нахмурился, но тотчас хитро улыбнулся:

— Ты абсолютно прав, Музыкант. Так давай же, скажи мне эти слова. И тогда я буду их знать.

Маг, который — в жизни — мог бы усилием воли остановить несущуюся лошадь, искренне желал хоть как-то удержать сейчас Лавима, но ничего дельного придумать не мог. Не было сейчас у него никакой возможности остановить Лавима...

Эльф внезапно для себя увидел кендеру на вершине холма с зажатой в руке магической флейтой. Лавим запыхался и дышал тяжело, как старые меки; он помахал эльфу рукой:

— Тьюрл! Иди сюда! Я теперь все могу! Я могу доставить нас всех в Торбардин так быстро, что ты не успеешь и опомниться!

А Тьюрлу вспомнился печальный голос Станаха, шепчуший: «Мага знают в Торбардине по его переносящим заклинаниям».

Музыкант! Тьюрл молча умолял Музыканта не позволять кендеру говорить заклинание: «Музыкант, не допусти этого!»

Эльф рванулся к кендеру так стремительно, как только мог. Одни боги знают, что может случиться, если кендер ошибется, произнося слова заклинания! Что случится, если будет допущена ошибка?

Тьорл бросился на Лавима.

И Финн.

И Кембал.

Получилась настоящая куча мала. Кендер извивался и барабанялся, но флейту из рук не выпускал.

— Эй! Да что вы делаете? Вы же раздавите меня! Вы не понимаете, я...

Тьорл крепко сжимал рукой лодыжку кендера. Финн тянул Лавима к себе, Кембал — к себе... И никто из них не догадался схватить кендера за руки или закрыть ему рот.

Лавим, думая, что они не поняли, о чем он говорил (ведь ясно же, если бы они его поняли, они сейчас бы его благодарили), набрал в легкие побольше воздуха и поднес флейту к губам..

Почему-то он полагал, что мелодия переносящего заклинания должна быть более волнующей, чем три простые ноты.

Когда маг слышал первую из них, то заорал у Кендера в голове словно ошпаренный, и Лавим тотчас же подумал, что настоящее заклинание, вероятно, должно было бы звучать более мягко, чем ругательство.

Он почувствовал, как все вокруг поблекло; вытянулось, закружилось; а затем само собой завязалось в узел, да не в один, а в несколько.

Он подумал о том, как странно уходят из него все чувства и мысли — через пальцы рук и ног! «Пожалуй, когда я выйду из этого заклинания, мне понадобится где-нибудь уединиться на несколько минут... Меня, наверное, всего вывернет наизнанку... наверное, будет лучше, если мы окажемся где-то за городом, — ведь неудобно же при всех... И зачем я только плотно поел?!»

И вдруг все его мысли куда-то исчезли.

Тьорл сильно ударился о землю. Когда он попытался вздохнуть, его легкие заполнил дым. Огонь пробивался между его пальцами, и ему пришлось крикнуть “Э-эй!”, чтобы понять, есть ли у него вообще дыхание и не лишился ли он голоса.

«Проклятый кендер забросил нас прямо в огонь!»

— Вставай! Тьорл! Вставай!

Это был голос Финна. Тьорл по привычке попытался повиноваться. Он подтянул к груди колени и вдруг с плеском скользнул в холодную воду болота.

— Тьорл, ну пожалуйста, вставай!

Теперь это был голос Лавима.

Эльф стал отчаянно баражаться в воде и в конце концов смог встать на ноги. Он провел рукой по лицу, стирая налипший грязь и какие-то травинки. Пошатываясь, он оглянулся на кендера. В плотном дыму Лавим виделся всего лишь неясной тенью.

— Ради всех богов, ответь: где мы? — прошептал эльф.

— Я... Я извиняюсь, Тьорл. Я вовсе не хотел, чтобы мы оказались здесь, правда. Я просто хотел, чтобы мы очутились где-то рядом с Торбардином, потому что я понимал, что, если меня... и я подумал, нехорошо, если... ну, ты понимаешь меня, да? И, в общем, я совсем не знал, что делать, и ведь не было никого, чтобы спросить или посоветоваться, а заклинание этого типа, оно такое, что можно запросто попасть дальше от... — Он поскреб в затылке и посмотрел на пламя, подступающее к ним все ближе. — Ну вот мы и попали сюда, чтобы у них там, в городе, не... Что с тобой, Тьорл?

— Где флейта?

Лавим пожал плечами:

— Я не знаю. Я...

Где флейта? — Это говорил уже маг.

Лавим с шумом втянул воздух и застенчиво улыбнулся:

— Она у меня.

— Дай ее мне!

— Но, Тьорл, я...

— Сейчас же! — заревел Тьорл.

Лавим послушно отдал флейту.

— Но Музыкант говорит...

Тьорл спросил голосом, не предвещающим ничего хорошего:

— Что же говорит Музыкант?

— Он говорит, не выбрасывай ее. Она нам еще пригодится.

Дым вокруг становился все плотнее. Тьорл огляделся и увидел Финна, помогающего Кембалу подняться на ноги. Все четверо они стояли по колено в воде. А всего лишь в четверти мили от них, на западе, пожар полыхал сплошной стеной. Тьорл схватил Лавима за плечо:

— Смотри!

Лавим смущенно потупился:

— Я вижу.

— Мы в болоте, Лавим, и мы окружены огнем. Это и есть воплощение твоей идеи, как быстрее попасть в Торбардин?

— Нет, но...

К ним подошел Финн, взял Тьорла за руку и показал на восток.

— Я почти ничего не знаю об этих болотах, но вон там мы можем пройти. — Он словно ненароком скользнул взглядом по фигуре Лавима, а затем вновь повернулся к Тьорлу: — Я думаю, сначала нам следует убить этого маленького ублюдка. А тогда уж и попытаемся выбраться отсюда.

Лавим, боясь сказать что-либо лишнее и еще больше разозлить Финна, зажал рот рукой. Он посмотрел на Финна — тот повернулся, шагнул и сразу же исчез в дыму. Затем кендер перевел взгляд на Тьорла:

— Ты ведь не думаешь, что он действительно хочет сделать то, что сказал?

Тьорл ничего не ответил.

«Маг, — молча спросил Лавим, — ты не думаешь, что Финн действительно хочет сделать то, что он сказал?»

Если он и не хочет, то зато я хочу! — В голосе мага звучал металл.

— Но... Но, Мзыкант, я ведь только пытался помочь. Я только пытался... Мзыкант!

Маг не отзывался.

— Ну правда же, Мзыкант. Я действительно только хотел помочь!

Оглянись вокруг, Лавим, — сердито проворчал Мзыкант. — Ты в конечном итоге ничего полезного не сделал, но зато теперь и ты, и твои друзья получили прекрасную возможность изжариться прежде, чем проберетесь к Торбардину.

Лавим огляделся и повсюду увидел огонь — огонь, подступающий к ним все ближе; с треском взлетали в черное ночное небо сполохи искр.

Подумав, он решил подождать, пока они выйдут из огня, потом непременно напомнить всем, что хоть они и не в Торбардине, но значительно ближе к нему, чем были до того...

Глава 23

Гнейсс выбрал путь таким образом, чтобы пройти у самых человеческих хижин. Да, воздух здесь действительно тяжелый. Даже если допустить, что жалобы гномов несколько преувеличены, нельзя не признать, что жить рядом с людьми — радости мало.

Восемьсот людей сумели обжиться здесь довольно быстро. Малые дети уже бегали между жилищами, их звонкие голоса громким эхом отражались от стен пещеры. Женщины занимались домашним хозяйством, ухаживали за лошадьми, присматривали за шумным стадом коз и множеством кур и угок.

Место это выглядит мерзко, и даже все запахи здесь какие-то ужасно неприятные. Девар с неохотой подумал: его здесь раздражает все. Один Реоркс знает, сколько они здесь пробудут, прежде чем надумают уйти!..

Здешние поля были не такими, к каким люди привыкли у себя на родине. Поля здесь были ровные, без камней. Почву сюда гномы принесли много лет назад с поверхности.

Гнейсс остановился на краю недавно вспаханного поля. Темная почва поблескивала в

свете, льющемся в пещеру из множества установленных в потолке кристаллов. Парни шли по полю, разбрасывая семена из больших парусиновых мешков. Скоро это поле покроется молодой зеленью. Судя по тому, как люди работают, голодасть им не придется.

Да, спору нет, люди Золотой Луны работают хорошо. Любой мог бы почти поверить, что сама Мезалакс благословила их труды, что богиня благосклонна к Женщине с Равнин.

Почти благосклонна...

Гнейсс фыркнул. Что-то раньше ему не приходилось слышать о том, чтобы Мезалакс приказывала своим служительницам очаровывать танов. А Хорнфел явно очарован... В последние дни он, кажется, проводит среди людей больше времени, чем в гномских городах.

«Вот и мне, — думал Гнейсс, — как кому-то мальчишке на побегушках, приходится тащиться сюда каждый раз, когда надо сказать ему несколько слов! Он говорит: он, мол, ищет союзников. Он говорит: наилучший способ приобрести союзников — как можно лучше их узнать. Ха! Этот сброд — наши союзники?! Держу пари, толку от них никогда никакого не будет».

Послышался детский смех; из ближней жижи вышла какая-то оборванная девчушка. Встретившись глазами с Гнейссом прежде, чем он успел отвернуться, она смущилась, споткнулась и едва не упала. Он подхватил её под руки.

— Внимательней смотри под ноги, девчонка! Для чёго у тебя глаза?!

Упомянутые глаза, большие и голубые, как море, уставились на Гнейсса, потом девчонка повернулась и пошла к полю.

«Какие тощие ноги, а руки еще тоньше, — подумал Гнейсс. — Кто-то же должен позаботиться о пище для таких, как она! И не одежда — просто рванье! Больно смотреть на все это».

— Подожди-ка минутку!

Девчонка остановилась и откинула с лица расстрапанные черные волосы.

— Мне надо увидеть Золотую Луну и... — он хмуро улыбнулся, — и ее пленника Хорнфела. Где они?

— Пленника? — Глаза девчушки стали еще больше (если это вообще было возможно!), и она звонко рассмеялась. — Ой, какой ты шутник, дедушка!

— Дедушка?

Она грязным пальцем показала на его длинную седую бороду.

Гнейсс, сам того не желая, улыбнулся. До чего дерзкая! Ох плутовка! Надо быть с ней настороже!

Лицо дерзкой плутовки превратилось в сплошную улыбку.

— Я знаю, где они. Я тебя провожу.

— Ладно, — проворчал гном, — а потом ты проводи сама себя к своей матери, и пусть она тебя умоет и причешет, договорились?

Она тряхнула головой и как-то неопределенно пожала плечами.

— Не могу этого сделать, дедушка.

— Не можешь? Почему?

— Леди Золотая Луна говорит, что мои мама и папа ушли к Мишакаль. — На ее детское лицо наползла тучка. — Я думаю, это значит: они умерли.

Сказав это, девчушка запрыгала по аллейке, и Гнейссу пришлось ускорить шаг, чтобы поспеть за ней. «Все дети войны несчастны», — напомнил он себе. Он был воином и предводителем воинов и всегда старался быть с такими детьми как можно ласковее.

Гнейсс следовал за девчонкой по извилистой улице, образовавшейся между только что построенными хижинами — почти неразличимо похожими друг на друга, с низкими крышами и маленькими окнами. В одной из таких хижин он и нашел Хорнфела, тот сидел за столом рядом с Золотой Луной. Поскольку места за столом больше не было, полуэльф Танис сидел на корточках у двери, затачивая стрелы; настоящий воин, он любую свободную минуту занимался оружием. Хотя рыжеволосого Таниса и Золотую Луну часто видели вместе, все знали о Мужчине с Равнин, единственном, кто должен был — по закону — называть Золотую Луну своей леди. Да, их было девять — девять тех, кто освободил рабов из шахт Верминаарда. Гнейсс, однако, встречался и беседовал только с Золотой Луной и с Танисом. Остальные семеро просто предоставили право вести все дела бывших рабов этим двоим.

«Что ж, наверное, они поступили правильно», — подумал Гнейсс. Он слышал, что один из

них — гном холмов из печально знаменитого клана Огненный Горн. У Гнейсса не было никакого желания вести какие бы то ни было разговоры с одним из тех, чей дед сражался с гномами Торбардина во время Войны Гномских Ворот.

«А Хорнфел все время здесь... — думал Девар, — сидит с чашкой водки, принесенной из Внешних Земель, как будто ему больше нечего делать ни в Хайларе, ни в Совете!»

Но когда Гнейсс взглянул в глаза своего друга, он решил, что зря гневается на Хорнфела. Темные тени в глазах Хорнфела говорили о том, что все здесь не так уж и просто.

Золотая Луна улыбнулась и жестом пригласила Гнейсса в хижину, пригласила так, словно она здесь полновластная хозяйка.

— Ты пришел встретиться со своим другом? Да, да, и у тебя есть полное право сердиться на меня, тан Гнейсс: я задержала его у себя слишком долго.

«Ее называют Дочь Вождя, — тотчас подумал Гнейсс. — О... Я был бы искренне рад познакомиться с тем, кто сумел привить своей дочери такие манеры!»

— Здравствуй, леди.. Он действительно нам очень нужен. — Гнейсс повернулся к тану Хайлара. — Хорнфел, от стражи пришло известие. *Гуйш фир.*

Он произнес все это по-гномски и был очень удивлен; когда полуэльф мгновенно поднял голову и переспросил:

— Дикий пожар? — Зеленые глаза Таниса потемнели, он пристально посмотрел на Гнейсса. — Где?

— Идет от холмов, что на западе Равнин Смерти. Два пограничных патруля видели его прошлой ночью. Встерь гонит его сюда, прямо на нас.

«Пожар идет быстрее ветра, который гонит его», — подумал Гнейсс. Сегодня на рассвете он сам видел его со стены Северных ворот. В свете утра, *гуйил фир* казался морем пламени, волны которого вот-вот захлестнут лесные берега у подножия гор. Густой черный дым то столбами поднимался в небеса, то стяжался перед стеной яростного пламени, то танцевал смерчем над Равнинами Смерти. В мрачном зареве пожара даже рассвет выглядел болезненно-бледным.

Гнейсс вновь повернулся к Хорнфелу:

— Тебя ждут в зале Совета, друг мой. Этот вопрос и некоторые другие нужно срочно обсудить.

Золотая Луна, голубоглазая, с золотистыми волосами, поднялась из-за шаткого стола:

— Пожар??!

Гнейсс кивнул:

— Да, госпожа.

— Но из-за чего начался пожар? Вы знаете?

— Нет, госпожа, но ты и твои люди здесь в полной безопасности. — Он взглянул на Хорнфела, затем снова на Женщину с Равнин. — Ты сейчас об этом беспокоишься?

— Нет, — ответила она. — Я знаю, что мы здесь в безопасности. Но я также знаю, что случается, когда дикий пожар выходит на равнины.

Я видела это. Но ведь таких пожаров никогда не бывает в конце осени.

— Ты думаешь о драконах Верминаарда, не так ли?

— Да.

— Может быть. Я, во всяком случае, думаю так же, госпожа. — Гнейсс решил взять более официальный тон. — Леди Золотая Луна, все это нам необходимо обсудить на Совете. Надеюсь, ты извинишь нас, если мы тебя оставим.

Золотая Луна ничего не сказала, но, когда Хорнфел и Гнейсс вышли из хижины, Танис пошел за ними. Хорнфел вроде бы не возражал, Гнейсс — тоже.

Все шесть городов Торбардина, а также Северные и Южные ворота были соединены между собой множеством тоннелей. Хорнфел и Гнейсс знали все дороги Торбардина. Они оба родились здесь, прожили здесь всю свою жизнь и поэтому сейчас выбирали кратчайшие пути без малейшего раздумья.

Танис молча шел за Хорнфелом и Гнейссом. Когда они вступили на вырубленный из гранита мостик, Гнейсс, слышавший за собой дыхание полуэльфа, обернулся.

Кроме них, никого на мосту не было; впереди слышались крики и смех играющих детей. Сзади в саду было тихо.

— Что это? — вдруг прошептал Гнейсс.

Танис сделал рукой знак, призывающий к молчанию, и весь превратился в слух. Они услышали

шарканье ног... Полуэльф потянулся к мечу, Хорнфел крепко стиснул рукоятку небольшого кинжала.

— Вон там, — прошептал Хайлар.

Как только он это сказал, неясная тень на краю моста превратилась в гнома. Гнейсс вздрогнул. Гном, неожиданно появившийся, так же неожиданно и исчез, словно бы и не заметив ни танов, ни полуэльфа.

Тейварец, один из «волшебников» Рилгара.

Танис, поглаживая пальцем эфес меча, перевел взгляд с Хорнфела на Гнейсса.

— Кто это?

— Я не знаю его имени, — проворчал Гнейсс.

— Деган, — сказал Хорнфел. — Да, Деган. Из рилгаровских... помощничков.

«Наверное, он хотел сказать: из рилгаровских убийц», — подумал Гнейсс.

Он покачал головой и пошел вперед.

Гнейсс почти всю дорогу молчал, Хорнфел, — тоже. А полуэльф их ни о чем не спрашивал. Очевидно, Танис пошел с ними вовсе не случайно. По-видимому, полуэльф — телохранитель Хорнфела... Да, да, верно!

Конечно же, первое, что сделает этот трижды проклятый тейвар, если ему удастся захватить власть, — избавится от людей, пришедших в Торбардин. И они это хорошо поняли.

Внезапно Гнейссу захотелось увидеть солнечный свет, почувствовать его. Скоро ему придется сражаться, но он не хотел сражаться во тьме.

Дракон Темная Ночь не любил света. Рилгар раздраженно что-то проворчал и воткнул горящий факел в укрепленный на стене светильник. Его черная неровная тень протянулась по каменному полу к лапам дракона. Бешеная ярость клокотала в тане Тейвара. Пальцы его правой руки забегали по рукояти Меча, по золоту, серебру и сапфирам. Его гнев был холоден как лед. Он подал знак двум стражам, ожидавшим его приказаний, и они втащили в круг света что-то тяжелое.

Мертвое мясо! Темная Ночь зарычал, громко выражая протест. Совсем рядом, в маленькой пещере за его логовом, находилась куда лучшая пища: однорукий гном и девушка из людского племени, которых дракон принес на своей спине Рилгару. Темная Ночь желал живого мяса, и с недоводением смотрел на тело мертвого гномского стража.

— Это им ты и собираешься меня накормить?

Рилгар засмеялся — его смех был подобен треску ломающегося льда.

— А ты еще не наелся, да? Козла и теленка тебе мало? Ну, дракон, у тебя и аппетит! — Он подошел к дракону вплотную, в его глазах пыпал гнев. — Хаук сбежал! Я нашел вот этого, мертвого, в пещере, там, где должен был находиться Хаук. Итак, ты голоден? Прекрасно. Замори сейчас червячка и найди мне Хаука. Тогда ты получишь мясо получше. Когда найдешь Хаука. Но не раньше.

Темная Ночь вытянул вперед шею, его огромные ноздри затрепетали. Мертвечина на обед — это, конечно, оскорбление для дракона. Но в жи-

воте у него бурчало от голода. Он вонзил клыки в плечо мертвого стражи и захрустел его костями.

Рилгар отпустил стражников. Потом повернулся спиной к дракону и вынул из ножен Королевский Меч.

Божественное сердце клинка в скользящем свете факела забилось быстрее, ярче. Рилгар высоко поднял Меч обеими руками, потом медленно опустил его до уровня глаз. Его учащенное дыхание туманило сталь, но темно-красное сердце Меча все равно сияло так же ярко.

— Историки, — сказал он Мечу, — напишут обо мне и о моем царствовании. Король-регент? — Его глаза сузились. — Нет! Верховный Король!

«Нет, вовсе не регент, — подумал он, опуская Меч, — не хранитель трона Верховного Короля, ожидающий, когда будет обнаружен мифический Молот. Я, именно я буду Верховным Королем!»

Темная Ночь снова вытянул шею, почти коснулся головой Рилгара и в упор посмотрел в его глаза.

— Я буду сторожить своих пленников, Повелитель. Но только для своего собственного обеда.

Рилгар холодно улыбнулся и взглянул на пленников, лежащих в темноте там, куда их бросили стражники. Его сонное заклинание скоро перестанет действовать. Он опять улыбнулся, подумав, как они будут «рады», когда проснутся и поймут, что их охраняет вечно голодный дракон. Однако же этот подмастерье Станах и девушки из человеческого племени не должны быть съедены

драконом, для них найдется кое-что получше, чем его брюхо.

«Они будут присутствовать на церемонии моей коронации, и я буду благодарить их за то, что они *принесли мне* Королевский Меч, а после я вырву из их груди сердца за то, что *они мешали мне получить его*», — подумал Рилгар, но дракону он не сказал ничего, только пожал плечами.

Дракон поднял голову, обнажив клыки и обдав Рилгара зловонным дыханием.

— Повелитель, ты отдашь мне пленников?

Рилгар поморщился — ему было неприятно видеть клыки дракона так близко от своей шеи.

— Ты охраняешь их по моему приказу. Только мои слова для тебя — закон.

Темная Ночь подумал, как будет благодарен ему Верминаард, когда он принесет ему этот Меч и тот повесит Меч на стене тронного зала над черепом этого надменного гномика.

Рилгар торжествовал, он упивался победой, словно волк, догнавший зайца. Победа была совсем близка, оставалось только протянуть руку и взять ее. Его слуги идут по пятам других ганов — тоже волки, хоть и помельче, но такие же голодные..

Темная Ночь свернулся хвостом кольцом и растянул безгубый рот в беззвучном смеши.

Тан Тейвара отдаст приказ о коронации только тогда, когда Хорнфел будет мертв.

Дракон посмотрел, как Рилгар снова взял в руки Королевский Меч и поднес его поближе к свету факела. Темно-красное сияние окрашивало руку гнома, словно она была в крови.

О да, Хорнфел скоро будет убит.

Рилгар убьет своего главного врага в темноте, клинком в спину. Убьет, как трус. И неужели он действительно думает, что завоеванная таким образом власть принесет ему славу?!

А Рилгар медленно вложил Меч в ножны. Повернулся к дракону спиной и спросил:

— Ты слышишь мои мысли, да, Севрист?

Темная Ночь в ответ торжествующе расправил крылья.

— Да, ты слышишь их, и это хорошо. Но молчи о слышанном. Ты мне еще понадобишься — тебе нужно будет кое-куда слетать. И возможно, что я смогу позвать тебя только мысленно.

Дракон прижал крылья к бокам, облизал клыки.

— О да, Повелитель. Я, как всегда, готов выполнить твои приказы.

Дракон снова заглянул в мысли Рилгара. Гном думал о том, что уже очень скоро он станет Повелителем всего Горбардина.

«Ну что же, прекрасно», — подумал Темная Ночь. Он коснулся клыками каменного пола, обнюхал недоеденного гномского стражи и представил себе: кости, которые сейчас захрустят на его зубах, — рилгаровские.

Глава 24

B

оздух в пещере, бывшей для Хаука надежным убежищем, был прямо-таки заряжен энергией безумного Изарна. Задыхаясь и давясь словами, кузнец отчаянно пытался говорить. Ледяная ненависть пытала в его глазах. Лицо Изарна кривилось, дергалось, и он буквально силой выталкивал слова изо рта.

Хаук сел, прислонившись спиной к каменной стене пещеры.

— Спокойно и медленно, — прошептал он. — Расскажи мне все снова, но только спокойно и медленно.

— Парень. Эльф. Парень.

Хаук никак не мог сообразить, что Изарн пытается ему сказать, хотя сейчас кузнец казался более разумным, чем ранее.

— Повтори мне все снова, — опять попросил Хаук.

Он старался говорить, как можно мягче, чтобы хоть немного успокоить Изарна. Хаук не знал, сколько еще времени — минуты или часы, — Изарн будет достаточно разумным, чтобы говорить.

Да, Изарн был безумен, но временами сознание его прояснялось, он мог что-то соображать и связно говорить.

Когда он был нормальным, примерно как сейчас, его глаза были похожи на омыты в реке. В такие минуты он садился рядом с Хауком, разговаривал с ним.

Но когда он вновь становился безумным, Хауку хотелось его прямо-таки убить.

Глубоко вздохнув, Изарн наклонился вперед, его глаза заблестели, и Хаук испугался, что гном вот-вот снова станет безумным.

— Меч Бури вернулся домой!

Хаук сидел совершенно неподвижно и молчал.

— Слушай, — прошептал Изарн, — слушай меня. Меч, который я выковал, здесь. Королевский Меч вернулся обратно в сердце мира, где он и родился!

Хаук сидел все так же неподвижно.

— Ты слышишь меня?

Изарн двигал руками так, словно он что-то тер или чистил. Он вновь был сильно возбужден:

— Я слышу тебя, — прошептал Хаук.

«Девушка, — думал он, — маленькая барменша! Значит, он все-таки нашел тебя! О боги, нет! Неужели он тебя нашел! О-о!»

— Да, вернулся обратно, туда, где он должен быть, обратно ко мне, к тому, кто дал ему сердцы и жизнь. Обратно ко мне. Для тана Хорнфела. О тан Хорфел, ты будешь королем. Вернулся вместе с парнем.

Сердце Хаука бешено колотилось:

— Что за парень?

— Мальчик. Мальчик, которого я обучал.
Мальчик. Станах.

— Подмастерье?

— Да, да, — подмастерье. Парень. И девушка, одетая как эльф и высокая как эльф. Но она не эльф! Нет. Девушка с огненными волосами и нефритовыми глазами.

Хаук с силой схватил Изарна за руку. Рыжеволосая девушка с нефритовыми глазами принесла Меч Бури в Торбардин! Его барменша!

— Говори мне о девушке! Говори!

Изарн попытался выдернуть руку из рук Хаука, но с тем же успехом заяц мог бы пытаться вырваться из пасти волка. Судорожно дергаясь, извиваясь, гном произносил какие-то слова. Хаук не понимал их.

— Говори *внятно*!

— Рилгар, — кричал гном.

Хауку стало страшно. Он еще сильнее сжал руку гнома.

— Они у Рилгара, Рилгар схватил их! У Рилгара и мой Меч, и парень, и эльфийская девушка, которая не эльфийка!

— Где?

— В тайной темнице *дерро*.

— Почему? — закричал Хаук. — Скажи мне, почему?

— Я не... Я не знаю.

— Рассказывай мне все, что ты знаешь, старик, или я сломаю тебе руку. Я не шучу.

Гном стал рассказывать. Хауку даже подумалось: Изарн рассказывает с охотой, он хочет, чтобы Хаук знал все, что знает он, Изарн. И вдруг Хаук понял: гном хочет с его помощью

вернуть себе свой драгоценный меч — Меч Бури.

Ярость пламнем охватила Хаука. Его девушка, его барменша в плену! Его девушка! Он назвал девушку своей... Почему? Наверное, потому, что он так и не выдал ее Рилгару. И теперь ради ее спасения он должен найти Меч Бури, выкованный Изарном.

Глава 25

Станах слышал, как урчит дракон. Но вот он услышал и вздох Кельды. Свернувшись калачиком, девушка неподвижно лежала рядом с ним с тех пор, как их сюда принесли. Не сводя глаз с дракона, Станах медленно протянул к ней руку. Он обхватил пальцами ее запястье и попытался нащупать пульс: сердце билось медленно, но ровно. Действие сонного заклинания Рилгара на Кельду скоро должно уже кончиться.

Он устроился поудобнее, прислонившись спиной к каменной стене. Каждый раз, когда дракон зевал или потягивался, когда шевелилась Кельда, Станах вздрогивал.

Здесь было две пещеры. В одной находились Станах и Кельда, в другой, значительно большей по площади, с более высоким потолком, лежал дракон: Из пещеры дракона на склон горы вел высокий и широкий проход — там слышался вой ветра.

Станах умел видеть в темноте и попытался рассмотреть дракона, лежащего в своем логове. Прикинулся: от него до дракона было не менее пятидесяти ярдов.

«Но дракон, — подумал Станах, — может преодолеть это расстояние буквально в одно мгновение!»

В его правой руке, от ладони до плеча, жила адская боль: стражи Рилгара, тащившие их с Кельдой сюда, не особенно деликатничали. Вообще-то правая рука сейчас уже не должна была бы чувствовать никакой боли. И дело тут не в чудесных мазях Кембала — просто эта рука больше никогда ничего не почувствует. Сломанные кости можно срастить. Разорванные мышцы уже никогда не срастутся.

Станах увидел: в глазах дракона вспыхнул злобный желтый свет. Дыхание чудовища участилось, оно напомнило Станаху работу кузнецких мехов. Станах почувствовал: дракон голоден — и это испугало его. Но затем он ощутил: зверь не решается их съесть. Очевидно, Рилгар приказал ему только сторожить пленников, но ни в коем случае не убивать их; вот он и ждет...

Рилгар называл его Темная Ночь. Какое-то время назад сюда приносили для дракона двух козлов и теленка. Станах и сейчас еще ощущал густой запах крови. Среди костей животных на полу валялись и останки тейварского стражника.

Кельда задрожала, чуть шевельнула рукой и снова затихла.

Что-то уж слишком долго лежит она без сознания. Сколько же времени они здесь? Он смутно припомнил, как слуги Тейвара тащили их с

Кельдой сюда. А потом провал в памяти — это из-за сонного заклинания Рилгара, ну а во сне время летит быстро. Станах стал вспоминать то, что мог вспомнить...

Рилгар и с ним шесть тейварцев появились из пещеры, как летучие мыши. У стражников в руках были арбалеты, они ждали только одного приказа: стрелять. Но Рилгар не отдал такого приказа. Он велел Станаху и Кельде сойти со спины дракона на землю. Ежесекундно ожидая получить стрелу в грудь, они слезли с драконьей спинны.

Три стражника окружили Станаха, едва его нога коснулась земли. Они разоружили кузнеца, затем двое подхватили его под руки и потащили в пещеру, третий шел сзади, наставив арбалет в спину. У входа Станах оглянулся на Кельду, которая еще стояла возле дракона; ее также окружили три стражника.

Вот к ней вплотную подошел Рилгар. Его глаза ярко горели, руки непрестанно двигались, как бы в предвкушении: наконец-то вот сейчас он прикоснется к холодной рукояти Меча Бури.

Стражи крепко заломили Станаху руки за спину. Он застонал, потом снова обернулся — Кельда была уже без Меча.

А Рилгар медленно вынул Меч из ножен, посмотрел на украшенную сапфирами рукоять, затем убрал Меч обратно в ножны.

Станах попытался вычеркнуть из памяти глухой стон Кельды, попытался не услышать снова — в мыслях — свой горестный крик, когда увидел: Рилгар надел на себя пояс с

Мечом и улыбнулся. Вспоминать это было невыносимо тяжело...

Словно услышав его мысли, Кельда застонала, ее дыхание на мгновение прервалось. Станах накрыл ее ладонь своей и приподнялся к ней как можно ближе.

— *Лит хваер*, — прошептал он так тихо, что и сам едва услышал свой голос, — не пугайся. Я здесь, я с тобой.

В пещере было темнее, чем на земле в самую темную ночь, а она, человек, в темноте видеть не умеет. Станах почувствовал, как дрожит ее рука.

Темная Ночь рявкнул и повернулся к ним голову: едва он увидел пленников — глаза его блеснули желтым смертоносным светом. Затем дракон с видом полнейшего безразличия отвернулся от них. Когда Кельда услышала скрежет драконьих клыков, она похолодела.

Медленно и осторожно Станах снял свою ладонь с ладони Кельды, но она тотчас снова схватила его за руку. Ее голос был слаб и полон страха:

— Я не... Я ничего не вижу.

— Ничего странного. Здесь совсем темно. Но я рядом. Попробуй-ка сядь...

С трудом, но она смогла сесть, прислонилась к каменной стене и выпрямила ноги.

— Так лучше? Как твоя голова? Готов спорить, болит. — Он старался говорить как можно более беззаботно. — Это от сонного заклинания. Голова болит, как после доброй фляжки гномской водки, верно?

Вновь заворчал в своем логове черный дракон, его чешуя опять зашелестела о камни. Кельда снова задрожала.

— Это дракон, — сказал Станах. Сказал с беззаботностью зайца в волчьей норе. — Но ты не бойся, пока что он не решается нас съесть.

— Где... Где мы?

Станах пожал плечами, хоть Кельда и не могла этого видеть.

— В логове дракона, а он играет роль стражевой собаки. — Пока ему удавалось сохранять спокойный тон. — Не бойся, мы его не интересуем.

Верит ли она его словам? Скорее всего, нет.

— Почему здесь так темно?

Станах фыркнул:

— Потому что нет света. Совсем никакого света. Во Внешних Землях всегда есть какой-то свет, даже в самую облачную ночь. Здесь, под землей, света нет совсем, и не будет, если мы его сами не создадим.

— Но... Но ты же видишь, верно?

Темная Ночь вздохнул, из его рта запахло кровью. Станах сразу начал быстро-быстро говорить — надо было успокоить Кельду.

— У всего живого есть свое тепло. У вещей неживых, таких как камни, песок, своего тепла нет, они нагреваются от солнца и потом только сохраняют то тепло, которое они накопили. То, что я вижу, — это тепло, которое отдают живые тела. Все очертания я вижу нечеткими, но все-таки вижу. Я — житель подземелей. Ну а люди

всегда жили на поверхности земли и в темноте видеть не могут.

Кельда глубоко вздохнула:

— А что будет с нами?

Станах задумался, не зная, что ей сказать. Он покачал головой, но тут же вспомнил, что она ничего не видит.

— *Лит хваер*, я не знаю. Меч Бури уже у Рилгара. И я не понимаю, почему он нас пока еще не убил.

Кельда долго молчала. Потом сжала руку Станаха. Он уже знал, что она сейчас скажет.

— Тогда... Тогда, значит, Хаук уже мертв.

Кузнец проглотил комок в горле и ничего не ответил.

— Станах, скажи: он мертв?

— Да, — прошептал он. — Хаук мертв.

О, как здесь темно! Станах не мог заглянуть ей в глаза!

— *Лит хваер*, — прошептал он.

Она уткнулась лицом ему в плечо и заплакала. «*Лит хваер*» называл он ее. Маленькая сестра. Она лечила его искалеченную руку, она помогла ему, успокаивала его ласково, как сестра.

— Прости меня, — прошептал он. — Кельда, прости меня.

Она отстранилась от него, поникла. Полным слез голосом сказала:

— Это я; да, я убила его...

Станах услышал ее слова, но не был уверен, правильно ли он их расслышал. Он попытался

разглядеть ее лицо, ее глаза, но не увидел ничего, кроме дрожащего пятна красного цвета.

— Кельда, что ты сказала?

— Я должна... Я должна была лучше охранять Меч. — Ее руки, как призрачные птицы, метнулись вверх, закрыли лицо. — Нет. Мне следовало отдать его тебе или Тьорлу. Если бы я сохранила его, если бы ты смог принести его сюда и отдать своему тану... — Она горько вздохнула. — О, Станах! Если бы я не была такой глупой и отдала Меч тебе, Хаук был бы жив!

— Нет, — прошептал Станах. — Нет, Кельда, это не так. Ты делала то, что и должна была делать.

Он обнял Кельду левой рукой, правая рука висела безжизненно.

— Кельда, прости меня. Прости! Смерть Хаука... Нет, его спасение от тебя не зависело. Никогда.

Она вздохнула и покачала головой:

— Но, если бы я...

— Нет, — прошептал он, — нет. Хаук мертв, это верно, но ты никак не могла бы его спасти. Кельда, он, наверное, был мертв еще до того, как мы ушли из Старой Горы...

Она отшатнулась от него, как если бы увидела наставленный на нее нож.

— Но... Ты сам говорил... — Ее голос задрожал. — Нет, Станах. Ты же мне сам говорил...

— Я лгал. Мне был нужен Меч Бури. И я тебе лгал.

Она застонала.

Станах прислонился к каменной холодной стене и закрыл глаза. Он не сказал Кельде, что виноват перед ней. Впрочем, ему еще никогда в жизни и не приходилось извиняться. Да, даже перед Изарном — за потерю Королевского Меча... Он не мог найти слова, чтобы выразить свои чувства, но, наверное, таких слов нет и не было ни в одном языке.

Он слышал дыхание дракона и почти беззвучные рыдания Кельды, молчал, потом почувствовал тепло ее легкой ладони на своей правой руке. На той руке, что была перевязана лоскутами, оторванными от ее плаща. Он услышал слабый шорох и понял, что она гладит его изуродованную руку поверх бинтов.

Гуйил фир стремительно мчался через Равнины Смерти. Длинные узкие языки пламени вырывались вперед, как передовые отряды всадников, несущих сверкающие ярче солнца знамена. С жадностью мародера огонь набрасывался на болота и трясины, пожирал сухие травы и папоротники.

Стоя у своего стола в Чертоге Черной Луны и глядя на гладкую стеклянную поверхность столешницы, Рилгар видел, как движется огонь. Заклинаниями он вызвал изображение пожара и теперь смотрел на него сверху, как если бы стоял на вершине горы.

Затем, вполне удовлетворенный, он провел рукой над столом и прошептал какое-то магичес-

кое слово; изображение стало более четким и ярким..

Вот водянная крыса, спасаясь от огня, побежала в свою нору на дне мелкого озёрка, но не успела добежать и упала мертвой, вытянувшись около самой норы.

Вот утка с изуродованным оперением попыталась взлететь, но весь воздух уже пожрало пламя; и она бессильно упала в огонь.

Вот длинноногий журавль и шустрая серебристая лисица... Они ранее других почуяли опасность и стали уходить от огня; и все-таки безжалостное пламя догнало их и убило.

Там, где проходил огонь, воздух закручивался в смерчи, и никогда не утихающий на Равнинах ветер гнал несущие всему живому смерть смерчи к горам.

Рилгару огонь виделся яростным чудовищем, в бешенстве поднимающимся на задние ноги.

Пожар мчался к подножиям гор, с громким шипением проносился над трясинами, с ревом прокатывался через рощицы чахлых болотных сосен.

Рилгар отвернулся от разыгрывающихся перед ним огненных сцен, сливавшихся в сотканный из сверкающих нитей gobelen. Гобелен, в котором, однако, не хватало одной очень важной нити; да, еще недавно не хватало, но теперь эта нить у него в руках.

У разрушенных Северных ворот гномы уже много лет не выставляли постов наблюдения, однако сейчас один из стражей находился здесь по-

стоянно. Окрестности Северных Ворот, хотя и неофициально, но признавались владениями Тейвара.

Рилгар уселся за свой стеклянный стол и засмеялся.

Стражниками у Северных ворот были преданные Гнейссу деварцы.

«Ну что же, все преданные, — подумал Рилгар. — Или почти все. Но любой может быть подкуплен, даже страж-деварец».

Один такой — уже подкупленный Рилгаром — деварский страж с минуты на минуту встретится с Хорнфелом и передаст ему: Гнейсс ждет тана Хайлара у Северных ворот. Мол, Гнейсс обеспокоен тем, что пожар столь стремительно мчится по Равнинам Смерти к горам, и непременно хочет встретиться с Хорнфелом — надо обсудить ряд важных вопросов.

Хорнфелу, конечно, не захочется идти на территорию Тейвара — хоть и неофициальную, — но он отлично знает, что пожар можно рассмотреть только от Северных ворот. И он запросто поверит, что Гнейсс ждет его именно там.

И Хорнфела там действительно будут ждать. Только это будет не Гнейсс. Это будет Рилгар. И Меч Бури.

Рилгар нежно погладил ножны Меча.

— Ну что же, — прошептал он, — Хорнфел, ты долго искал Королевский Меч, и ты найдешь его у Северных ворот. Ты увидишь его, и это будет последним, что ты увидишь в своей жизни.

Рука богини Такхизис, Темной Воительницы, простерлась над магом. О, Торбардин, как сухой трут, вспыхнет в огне переворота, задуманного Рилгаром, и новое королевство будет называться королевством *дерро*.

Рилгар закрыл глаза, легко перешел на язык мысли и вызвал черного дракона:

— Ты нашел Хаука?

Темная Ночь ответил: нет, пока еще не нашел. Тан Тейвара сначала разгневался, но потом смягчился:

— Впрочем, теперь это не так уж и важно. Скоро все будет кончено. Тогда мы найдем и его.

Рилгар повелел черному дракону летать несколько часов над вершинами гор. Дракон должен был помочь Рилгару напасть на Хорнфела, а затем и на стражей Гнейсса — как у Северных, так и у Южных ворот.

Гнейсс стоял в саду рядом с Залом Танов. Воздух был напоен ароматом белых роз и красных королевских пионов. Гнейсс не был восторженным юнцом, он был воином; старым воякой, но он любил в одиночестве побродить по саду. Сейчас за пределами сада в воздухе Торбардина ощущалось что-то странное и тревожное. Лишь очень немногие знали, в чем, собственно, дело. Остальные просто ощущали тревогу.

Тан Девара повернулся и кратчайшим путем пошел из сада. Возле маленького пруда он огля-

дился и увидел, что в саду он не один. На берегу сидел Танис, полуэльф, и лениво, с видимым безразличием бросал в воду камешки.

Услышав шаги, Танис быстро обернулся, но, увидев Гнейсса, успокоился.

— Если ты ищешь Хорнфела, то его здесь нет, — сказал Танис.

— Я это уже понял. — Гнейсс внимательно посмотрел на полуэльфа. — Тебе здесь что-то нужно?

Полуэльф отрицательно покачал головой:

— Просто любуюсь садом.

Но он видел: Гнейсс ему не поверил — и добавил:

— Хорнфел только что здесь был. Мы с ним разговаривали, и тут к нему подошел один из твоих стражей и куда-то его позвал.

— Этот страж сказал куда?

— Если и сказал, то не мне.

Неловкое молчание повисло в воздухе. Танис чуть прищурил глаза и почесал бороду.

— Гнейсс, я тебе несимпатичен, да?

Взявшись рукой за садовую ограду, Гнейсс с трудом вытолкнул из себя слова:

— Скажу тебе, что я просто не могу решить еще сам для себя: как же я должен поступить...

— Ну конечно. — Танис присел на корточки и бросил в пруд еще один камешек. — Тебе не нравятся пришельцы из Внешних Земель, и ты не хочешь, чтобы они оставались в Торбардине. Но если так, скажи мне, почему ты все-таки проголосовал за то, чтобы принять нас?

— Потому, что понял: Хорнфел был прав, — коротко ответил Гнейсс. Его глаза сузились. — Чего ты хочешь, полуэльф?

— Безопасности для нас.

Танис легко вскочил на ноги и небрежно кинул на землю уже набранные им камешки.

— Вы ее получили.

— Да? Может быть. Но ведь есть опасность попасть между молотом и наковальней. У вас нарезает переворот. — Танис взглянул за ограду сада. — Посмотри, в Торбардине стало неспокойно. Гнейсс, скажи мне, неужели ты не ощущаешь этого в самом воздухе?

Гнейсс ничего не ответил. Он не считал нужным обсуждать проблемы Торбардина с кем бы то ни было из Внешних Земель.

— Очень плохо находиться между молотом и наковальней, Гнейсс. Мы говорили об этом с орнфелом как раз перед тем, как он ушел с своим стражем. Если будет нужно, мы будем сражаться. Но лучше, если мы будем сражаться рядом с тобой и твоими воинами. Если начнется междуусобица, тебе понадобится наша помощь, Гнейсс.

— Помощь необученных военному делу крестьян?

Полуэльф осторожно провел пальцем по ближайшему цветку, а затем стряхнул налипшую желтую пыльцу.

— Но вспомни, кто освободил их, — заметь, прямо под носом Верминаарда, Гнейсс! — и привел сюда из Пакс Таркаса?

«Восемьсот человек, — думал Гнейсс. — Ну что же, возможно, половина из них окажется способной сражаться и сможет защитить свои участки, если, конечно, дело дойдет до этого».

Но он подумал, что все-таки до этого дела не дойдет. Рилгар не станет сражаться за власть, пока не будет уверен в успехе. Но ведь есть еще и Ранс, поддерживающий Рилгара... Да, их первый удар должен быть сокрушающим. Два тана *derro* не станут терять время и не направят первый удар на участки в восточной части Торбардина. Так что никакой необходимости в помощи полуэльфа и его людей нет.

Или все-таки такая необходимость есть?

Гнейсс снова посмотрел на Таниса. Теперь в его взгляде не было недоверия или подозрительности; он осторожно, как бы с усилием, улыбнулся. Неизвестно, когда и где таны *derro* нанесут свой решающий удар. Но, глядя на Таниса и думая о беглецах из Внешних Земель, Гнейсс понял: этот удар можно ослабить.

Из Восточных участков есть два хода в город Ранса — с севера и с юга. Если напасть на город сразу с двух сторон, Ранс не сможет оказать Рилгару никакой помощи.

Он снова посмотрел на Таниса:

— Я еще плохо знаю твоих друзей, твоих фермеров, полуэльф. Я думал, они умеют хорошо сражаться только с паразитами на своих участках.

Танис пожал плечами:

— Думаю, у тебя будет возможность узнать их лучше.

Гнейсс погладил свою серебристую бороду:
— Ну что же, тогда я найду работу для твоих
фермеров.

Он поднял один из рассыпанных Танисом ка-
мешков и бросил его в пруд. Поверхность
воды покрылась рябью, но вскоре опять стала
гладкой.

Глава 26

ТЬОРЛ обессиленно прислонился к обгоревшему стволу старой толстой сосны. Одежда — мокрая, вся в болотной грязи, в тине и в саже — была тяжелой, словно кольчуга. Ноги дрожали от усталости; руки и спина болели, и Тьорл признался себе, что, если бы не подвернувшееся во время дерева, он бы просто упал.

Глаза слезились от гари и дыма, слезы грязными струйками стекали по щекам; Тьорл вытер их тыльной стороной ладони, и лицо его стало еще грязнее.

Позади буйствовало надвигавшееся сплошной стеной пламя. *Гуйил фир* свирепствовал, выбрасывал высоко в небо столбы огня и дыма и стремительно катился по болотам к подножиям гор. Отдыхать было некогда, Тьорл и его друзья могли позволить себе разве что короткую передышку.

— Финн, — прохрипел эльф. Слова застrevали в пересохшем горле. — Финн, что ты знаешь об этих горах?

Тот вскинул голову, его губы искривились в горькой усмешке:

— Я не гном и об этих горах знаю столько же, сколько и любой из нас, то есть можно

сказать: я о них ничего не знаю. Я слышал, гномы называют вот эти места, где мы находимся, Внешними Землями. И они никогда не любили — да и сейчас, надо думать, не любят — пришельцев из Внешних Земель. Жаль, что сейчас с нами нет нашего однорукого друга.

«Разумеется, жаль, — подумал Тьорл. — Конечно же, Станах — не самый приятный спутник, но сейчас ему бы цены не было. Однако же Станах, скорее всего, уже мертв».

Эльф вздохнул. Да, Станах всегда старался держаться как бы в стороне, но ведь он, однорукий, измученный, полез на спину дракона, и полез, чтобы спасти Кельду, а не из-за этого Меча Бури, будь он сто раз неладен!

Тьорл потряс головой, уставшей и от усталости тела и от мыслей. Он потерял уже стольких товарищев! И все из-за этого Меча Бури!

Финн закашлялся, и Тьорл быстро повернулся к нему:

— Командир, никто из нас не знает дороги в этих болотах, поэтому лучшее, что мы можем сделать, — просто бежать от огня. Это сейчас должно стать нашей целью.

— Может случиться так, что не все из нас увидят ее, эту цель. — Финн жестом показал на Лавима.

Кендер тоже сидел прислонившись к сосне. Опустив голову, Лавим сильно кашлял и вздрагивал всем своим маленьким телом. Последнюю мышцу он бежал прихрамывая, бормоча что-то о камешке, непонятно как оказавшемся у него в ботинке.

Впрочем, в одном ботинке кендера действительно имелась дырка, весьма большая, чтобы туда попал камешек. Однако достаточно было взглянуть на кендера, чтобы понять: камешек тут ни при чем.

Сейчас, думая, что на него никто не смотрит, Лавим растирал правую ногу, которую он подвернул.

Тьюрл взглянул на Финна — в глазах команда он увидел сочувствие. Хоть он и обещал перерезать кендеру горло и бросить его в болото, но, как всегда, гнев его прошел очень быстро.

На чем свет стоит костеря Лавима, Финн уже много раз вытаскивал его, когда тот проваливался в болотные ямы.

«Мы с Лавимом последние из тех четырех, кто начал это путешествие, — думал эльф, — и никто из нас толком не узнал своих товарищей — только их имена». Он внезапно осознал: за какие-то несколько дней каждый из спутников стал ему дорог. Смерть каждого из них — да, и неподимого Станаха тоже — будет ему долго не давать покоя.

Тьюрл оттолкнулся от дерева.

— Мы только попусту теряем время. Все равно ведь Станаха с нами нет. Я помню, он собирался идти на юго-восток от болот. Если я не ошибаюсь, сейчас мы находимся к северу от Торбардина. Дорога не будет легкой, но все же лучше, если мы двинемся прямо сейчас, пока еще можем идти... А что касается Лавима, Финн, то

он будет идти, пока сможет, а когда не сможет — я его понесу.

Тьорл подошел к Лавиму, опустился на колено и положил руку на плечо кендеры. Лавим оглянулся и стер с лица свою вечную усмешку, — она, впрочем, сама тут же вернулась на свое место.

— Ну, как ты, кендерочек? Готов продолжать путь?

— Я готов, Тьорл, и пойду как только ты скажешь. И я думаю... нет, это Музыкант думает...

— А что думает Музыкант? — осторожно спросил Тьорл.

— Он думает, что он может вывести нас к Торбардину. Он тут знает кое-какие тропы и говорит, что сможет провести нас на юго-восток. Он только хочет знать, позволишь ли ты ему быть нашим проводником?

Призрак-проводник?! Тьорл устало вздохнул. Но, в конце концов, почему бы и нет? Когда тебя подгоняет и вот-вот настигнет огонь, все годится, лишь бы выжить. Он взглянул на небо — темно-красное, с густыми клубами черного дыма.

— Да, мы ведь и правда не знаем, куда нам идти. Передай Музыканту мою благодарность за помощь. — Тьорл улыбнулся. — Он разрешит мне сказать Финну о том, что у нас появился проводник?

Лавим, усмехнувшись, кивнул:

— Но ведь он же не верит в Музыканта, не так ли?

— Тогда пусть он сам скажет Финну, чтобы в него поверили.

Тьорл с отсутствующим видом погладил гладкое вишневое дерево флейты. Он отобрал ее у Лавима, тонким кожаным ремешком привязал к своему поясу. И уж больше не спустит с нее глаз!

Эльф улыбнулся.

А Финн почему-то поверил. Сейчас, наверное, нужно было поверить всему — особенно тому, что давало им хоть какую-то надежду.

Хаук понятия не имел, где он находится. Здесь, в подземельях под горой, не было никаких ориентиров, здесь и освещения никакого не было. Только факел в руках у Изарна, и он шел за этим факелом по темным коридорам, как щел бы за полярной звездой темной ночью там, на земле.

Из тайника в своей пещере Изарн достал нож и меч и отдал их Хауку, при этом в его безумных глазах вспыхнула гордость.

— Я сам их сделал; — сказал он, когда Хаук протянул руку к остро отточенному оружию. — Возьми их. А я буду нести факел.

Хаук принял оружие с благодарным поклоном. С мечом в руке и с кинжалом на поясе он сразу почувствовал себя гораздо лучше — почти таким же здоровым, почти таким же сильным, как раньше. До того, как попал в эти проклятые пещеры.

Туннели, по которым его вел Изарн, казались Хауку лабиринтом, созданным каким-то безумцем

без смысла и цели. Некоторые из них были широкими и высокими, с установленными на гладких стенах держателями для факелов; другие — узкими и настолько низкими, что Хауку приходилось постоянно нагибаться, чтобы пройти по ним. В таких коридорах дым от факела Изарна вызывал слезы из глаз и заставлял Хаука кашлять. Наконец, не выдержав, чувствуя, как болят у него плечи и спина, Хаук схватил Изарна за руку:

— Долго ли нам еще идти? И где мы сейчас?

Старый кузнец вывернулся из-под руки Хаука.

— Идти осталось недолго — всего несколько туннелей.

— Да? Но учти: если они будут такими же, как этот, последний, то я уже мало на что буду пригоден.

Изарн ничего не сказал, только пожал плечами, как бы давая понять: тунNELи делались вовсе не для жителей Внешних Земель. Более того, они вообще создавались неизвестно для кого. Это были тайные коридоры. И многие из них очень узкие и низкие.

Вот Хаук завернул еще за один поворот и тотчас распластался плашмя по полу.

Потолок в этом туннеле был настолько низок, что Хаук подумал: гора навалилась на него всем своим весом. Грубо отесанные стенки туннеля больно царапали плечи и руки. Дым от факела Изарна пролетел над его головой, а затем, подхваченный встречным потоком холодного воздуха, вернулся назад.

Хаук понял, что это уже не коридор, а как бы проход между коридорами. Он на локтях выполз из туннельчика в более высокий коридор и осторожно поднялся на ноги.

Изарн, почти всю дорогу бывший спокойным, сейчас как-то неуверенно, нервно переминался с ноги на ногу. Его дыхание участилось, руки дрожали, и дрожал факел над его головой — так что стены коридора, казалось, плясали.

— Что с тобой? — прошептал Хаук.

— Здесь. Они здесь. Парень и девушка.

Сердце Хаука забилось в груди так сильно, что ему показалось: оно стучится о ребра.

— Где?

Изарн не ответил, он молча сунул в руку Хаука факел и скользнул вперед, в темноту. Хаук последовал за ним, в висках стучало.

Она здесь! Рыжеволосая девушка, имени которой он никогда не знал. Память о ней, о сиянии ее зеленых глаз помогла ему сохранить силы и разум, несмотря на все мучения, которым подверг его Рилгар. В те минуты, когда он не мог бы с уверенностью сказать, жив он еще или уже мертв, когда он видел смерть Тьорла и думал, что именно он, Хаук, убил его (хотя и знал, что этого быть не могло), — в самые трудные минуты девичьи глаза изумрудами сверкали в его сердце. И вот она здесь.

Медленно-медленно Хаук обогнул угол стены. Оранжевый свет факела залил небольшую пещеру — всю, вплоть до дальней стены, возле которой перед камнем с неровной трещиной стоял на

коленях гном. Ширина прохода была достаточной, чтобы Хаук мог свободно пройти, а вся пещера хорошо просматривалась с того места, где стоял гном.

— Здесь?

Изарн кивнул:

— Да, парень и...

Внезапно раздался то ли крик, то ли визг, от которого чуть ли не лопнули барабанные перепонки. Казалось, сам камень выбрировал от этого крика.

Изарн в ужасе закричал. Страх стрелой ударили Хаука в грудь и заставил его опуститься на колени; меч упал на пол, но факела Хаук из рук не выпустил. Крик был таким громким, что Хаук не слышал стука упавшего на каменный пол меча. А крик продолжал все усиливаться и усиливаться; тени от света факела, как безумные, метались по полу и по стенам. И вдруг яркий оранжевый свет, в котором потонул свет факела, вспыхнул в туннеле.

Изарна нигде не было видно.

Хаук взял факел в левую руку, правой поднял с пола меч.

— Изарн! — окликнул он. — Изарн!

Ничто не двигалось в каменном коридоре — только безумная пляска теней от факела. Страх упорно пробирался по телу Хаука и норовил вонзиться ему в сердце. Изарна нигде не было видно. Хаук прислушался, пытаясь уловить его дыхание, но ничего, кроме шипения и потрескивания пламени в факеле, не услышал. Где же гном?

И вдруг Хаук перестал думать и об Изарне, и о чем-либо еще. Мягкий, как дуновение ветра, стон послышался из трещины в стене. И он сразу понял: это стон женщины — возможно, умирающей.

С отчаянно бьющимся сердцем Хаук протиснулся в трещину. В небольшой пещере, почти у самых ног Хаука, лежал Изарн. Лежал неподвижно.

Пещера была холодной, в воздухе висел тошнотворный запах — запах дракона. У дальней стены, прислонившись к камню, сидела девушка с волосами цвета чистой меди.

Она подняла руку с крепко сжатыми кулаками, зеленые глаза были широко открыты, лицо было смертельно бледным. Рядом с ней стоял чернобородый гном и протягивал к ней забинтованную руку.

Хаук издал боевой клич и рванулся к девушке. Но, еще не добежав, он понял, что гном стоит к ней слишком близко и, если ударить его мечом с размаху, можно задеть девушку. Он повернул меч лезвием к себе.

Она увидела его и узнала в ту секунду, когда он уже опускал руку, намереваясь ударить гнома между лопаток рукояткой меча.

— Хаук! — крикнула она. — Нет! Нет!

Но было уже поздно.

Ее крик пронесся по пещере, отразился от стен, отразился и во вздохе гнома, мешком рухнувшего на каменный пол.

А Хаук уже снова поднял меч.

Девушка бросилась к гному, она хотела защищить его от сверкнувшей стали меча.

— Хаук опустил руку с зажатым в ней мечом, сердце неистово колотилось в груди. Факел вспыхнул и погас, кромешная тьма наполнила пещеру. Хаук слышал только завывание ветра где-то вдалеке да прерывистое дыхание девушки.

Он подошел к ней и мягко коснулся ее плеча. Повернувшись к нему, она вскрикнула, и этот крик как ножом полоснул его по сердцу.

Через долгое-долгое время забытья Станах почувствовал: дрожащие пальцы гладят его голову.

— О, пожалуйста, — шептал ему ласковый голос, — пожалуйста, Станах, мой друг, пожалуйста, не умриай.

Это плакал и говорил ребенок, слова, казалось, лились сами, шли от сердца. Это плакала и говорила Кельда.

Поток холодного воздуха вернул его к жизни. Здесь, в темноте, был какой-то свет, — здесь, за его спиной. Он смутно вспомнил: дикий вопль дракона, и почти сразу же после этого закричала Кельда. Она закричала так, что его сердце перестало биться; он уже не ожидал ничего, кроме нападения дракона, и, уж конечно, не ожидал сокрушительного удара рукояткой меча между лопаток.

— *Лит хвæер*, — слабо выдохнул он, еще не в силах открыть глаза, — я никак не пойму: жив я или мертв?

Она услышала его голос, облегченно вздохнула и обеими руками обхватила его левую руку.

— Станах, ты жив! Жив!

— О-о, — тихо вздохнул он. — Что это меня так стукнуло, Кельда?

Станах наконец-то смог открыть глаза.

Из тени за спиной Кельды вышел молодой человек, черноволосый и чернобородый. Одежда висела на нем, как на вешалке, — она явно была рассчитана на более упитанного человека.

«Вообще-то он плотный, — подумал Станах, — но это когда он ест сытно, а ему в последнее время, видимо, случалось есть не так уж и часто».

— Это я ударил тебя, гном.

И — никакого извинения. Неистовый свет горел в голубых глазах молодого человека; это были глаза волка, которого долго держали в клетке, глаза волка, вырвавшегося из клетки, но все еще напуганного.

С большим трудом Станах сел. Молодой человек следил за каждым его движением. Станах вздрогнул, подумал: пришелец выглядит как привидение. Одежда бродяги, а взгляд — как у голодного хищника. И вдруг он понял, кто этот молодой человек! Но как он смог остаться живым? Как смог вынести мучения, которым Рилгар, безусловно, его подвергал?

О да, это были кошмарные муки. Станах сердцем своим увидел отражение этих мучений в глазах Хаука.

Гном быстро взглянул на Кельду. Она осторожно, даже опасливо смотрела на того, кого так

долго искала и вот теперь нашла. И никак не могла понять: не следует ли ей бояться этого человека?

Станах поднялся на ноги, ощущая боль во всем теле. Хаук все так же внимательно следил за каждым его движением. Гном от души надеялся, что ему удалось изобразить на своем лице хоть мало-мальски приветливую улыбку.

— Ты — Хаук. Хаук Кельды. А удар-то у тебя хорош, ничего не скажешь.

Лицо Хаука несколько смягчилось, и Станах вдруг понял, что Хаук даже не знал ее имени.

— О, — сказал он, потирая шею рукой, — Кельда...

Кельда проглотила сухой комок в горле и поднялась с пола. Быстрым, нервным движением руки откинула волосы с лица, разгладила свой измятый плащ.

— Ты... Ты помнишь меня?

Его губы задвигались, но он не произнес ни звука. Только молча кивнул.

— Может быть... Может быть, ты уберешь свой меч? Пожалуйста...

— А он все еще продолжал сжимать рукоять меча.

— Ну пожалуйста.

Она сделала шаг в его сторону и протянула руку:

— Вот мы и встретились снова.

Хаук бросил на Станаха острый подозрительный взгляд, но меч все-таки опустил.

— А где Тьорл? — наконец-то разлепил он губы.

— Я думаю, жив-здоров.

Кельда посмотрела на Станаха.

— Я себя чувствую уже превосходно. — Он улыбнулся девушке. — Ты лучше поговори с ним о Мече Бури, Кельда. И если уж он нашел нас, может, он знает, как отсюда выйти. Дракон влетел так внезапно, что это, мне кажется, не сулит нам ничего хорошего.

Станах огляделся и увидел лежащего на полу гнома.

— Это Изарн, — сказал Хаук. — Я не думаю, что он мертв. Я... Он привел меня сюда, мы с ним вместе услышали этот рев, этот вопль. Он шел впереди меня, и, наверное, дракон, когда вылетал отсюда, опалил его.

Хаук оказался прав: Изарн, к счастью, был жив. Он лежал без чувств и хрипло, с трудом дышал. Станах смотрел на него, не отводя глаз. Изарн был почти неузнаваем, он был худ, его когда-то сильные руки сейчас были тонкими, как палки, борода, когда-то пышная и белоснежная, теперь была грязной и спутанной.

Когда Станах подошел, Изарн широко открыл глаза, но, казалось, он не видит своего ученика.

Станах встал перед ним на колени. Он думал о том, что когда-то эти тусклые карие глаза первыми увидели солнечное сияние Королевского Меча. Сердце Станаха сжалось. Сжалось от горя.

— Мастер, — прошептал он. Слово, которое он так давно не произносил вслух, легко слетело с его губ. — Мастер Изарн!

Его голос старик помнил очень хорошо, хоть и не слышал уже долгое время.

Он провел языком по растрескавшимся губам.

— Станах...

Голос Изарна звучал едва слышно.

— Да, мастер, это я. Я здесь. Я вернулся.

Изарн увидел темно-зеленую повязку на правой руке Станаха. Глаза его наполнились слезами.

— Что они сделали с твоей рукой, мальчик?

Станах вздохнул; он не знал, что ответить своему учителю.

Но ответ и не понадобился, Изарн впал в беспамятство...

Когда он снова заговорил, его голос вдруг зазвенел уже громко:

— Меч Бури убьет Верховного Короля!

Станах понял его слова и кивнул головой. Эти слова были пророческими! И Станах почувствовал: это пророчество испугало его.

Меч Бури убьет Верховного Короля.

Но постойте: в Торбардине нет Верховного Короля. Никто не занимал трон Верховного Короля уже триста лет. Да, но ведь и Королевский Меч никому не удавалось выковывать в течение тех же трехсот лет...

— Мастер, — промптал он, — я не понимаю тебя.

Свет безумия в глазах Изарна исчез, в них загорелась мысль — слабая, но ясная. Он посмотрел Станаху прямо в глаза:

— Ты, парень, всегда говоришь мне, что ничего не понимаешь. И всегда все понимаешь.

И в памяти Станаха всплыли слова, слышанные им от Изарна давным-давно, во времена, когда его руки накапливали опыт, а голова — знания.

— Твои руки уже многое умеют, Станах, мой мальчик, а в твоем сердце горит желание работать. Теперь тебе осталось научиться главному — научиться понимать.

Этими словами Изарн обычно предварял каждый новый урок, который он давал Станаху у кузничного горна.

Станах придвигнулся к Изарну как можно ближе.

— Мастер, ты же знаешь, в Торбардине сейчас нет Верховного Короля. И я не понимаю, что ты...

Изарн нахмурил брови. Он всегда хмурился, когда Станах, пропустив мимо ушей слова своего учителя, начинал его переспрашивать..

— Здесь есть король, мальчик, — нетерпеливо прошептал он. — Здесь есть король. Я сделал Меч для него. Меч Бури — так я его назвал... И теперь здесь есть король.

Хорнфел! Станах вздрогнул, внезапно поняв, о чем говорит Изарн. Хорнфел должен стать Верховным Королем.

Станах закрыл глаза. Несомненно, Изарн безумен. Но было ли сказанное им просто бредом? Поговаривали, что Изарн впал в безумие, когда был украден Меч Бури; но Станах знал,

что безумие родилось раньше — тогда, когда его мастер впервые увидел неугасимое сердце огня в стали Меча Бури и понял, что он выковал Королевский Меч.

Да, но не для Верховного Короля. Для Короля-регента. Даже сам Хорнфел не может рассчитывать на то, что он станет Верховным Королем.

Старый мастер заблудился в мрачных туманах безумия. Он просто не понимает, что говорит.

— Мастер Изарн, — прошептал Станах, открывая глаза.

Изарн не откликнулся. Станах посмотрел на него в упор, сердце подмастерья бешено колотилось.

Взгляд старого мастера впился в лицо ученика, потом он прикрыл веки.

— Мастер!

— Я сделал Меч, — прошептал Изарн, — сделал для тана. Этим мечом Рилгар убьет Верховного Короля.

Он провел по груди Станаха рукой, трясущейся от старости, покрытой шрамами и ожогами. Когда его пальцы коснулись руки Станаха, ученик почувствовал: они сухи, как старый пергамент.

— Ты принесешь Меч туда, где он родился. Найди его снова. Найди его.

Станах как можно крепче сжал пальцы старого гнома:

— Пожалуйста, мастер Изарн, не надо. Не посыпай меня...

Станах осекся.

Изарн Молотобоец был мертв.

Тонкие дрожащие пальцы коснулись плеча Станаха. Ошеломленный смертью своего мастера, родственника и друга, он обернулся. На коленях рядом с ним стояла Кельда.

Неожиданно чья-то черная тень легла на девушку и на тело Изарна, Станах вновь обернулся и увидел стоящего позади Кельды Хаука. Взгляд его стал менее мрачным, но и сейчас в нем все еще можно было увидеть то, что ему пришлось пережить в темнице Рилгара...

Станах попытался встать, но не смог.

Кельда протянула ему руку:

— Позволь мне помочь тебе.

Но прежде чем она взяла его под руку, между ними встал Хаук.

Он протянул Станаху свою большую руку — пальцы были в шрамах от меча и ножа.

Когда он помог Станаху встать на ноги, то не отпустил его руки сразу, как ожидал гном, а стиснул ее в крепком рукопожатии, как принято у боевых товарищей.

Станах ничего не сказал. Да и что бы он мог сказать?

— Я слышал, что говорил тебе старый гном, — сказал Хаук. — Теперь я даже и не знаю, могу ли я считать этот Меч, Меч Бури, своим. Думаю, что нет. Но я уже не могу оставаться в стороне. Рилгар... — Голос Хаука зазвучал почти неслышно. — Рилгар столько всего сделал со мной... Он показал мне смерть Тьорла и убедил меня, что это я убил его. Я знаю... Кельда сказала,

что Тьорл жив, но память об этом убийстве все еще во мне. Он, Рилгар, убивал меня, а затем воскрешал. — Хаук не отводил глаз от Станаха, он боялся, что Кельда может ненароком взглянуть в них и увидеть пустоту. — Он много раз убивал меня, Станах. Снова и снова. Я должен отомстить Рилгару, Станах.

Гном взглянул на свою забинтованную руку с переломанными пальцами. Он закрыл глаза и увидел ворон в холодных голубых небесах, услышал траурный плач ветра около пирамиды. Последние слова Изарна пришли из безумных, призрачных снов, сотканных из легенд. Реальность же заключалась в том, что многие его друзья и родные уже умерли из-за того, что Рилгар жаждет власти. Уже умерли... А может быть, и сие кто-либо умрет...

Станах открыл глаза и увидел: Хаук отдает свой нож Кельде.

— Кельда! Ты не пойдешь с нами, — все поняв, закричал Станах.

— Нет, пойду! — Она оглядела пещеру. — Я должна идти туда, куда пойдет Хаук, куда пойдете вы с ним. — Она провела пальцами по рукоятке ножа. — Ты ведь сам всегда говорил, что я должна научиться хорошо владеть оружием. Мне кажется, наш друг Лавим был хорошим учителем. Правда, я еще не знаю, смогу ли я убивать. И не знаю, смогу ли я защитить себя. Но думаю, что смогу... Я иду с вами.

Она осторожно коснулась его перевязанной руки.

— Многие страдали только ради того, чтобы спасти меня, Станах. И теперь я иду с вами.

Станах посмотрел на Хаука и увидел: пустота из его глаз исчезла. Но он увидел в них теперь страх за Кельду.

Хаук и Станах взглянули друг другу в глаза и хорошо поняли один другого. Идти с ними она должна, но оба, не говоря друг другу ни слова вслух, сказали себе: они защитят Кельду.

Глава 27

ымный ветер обдувал узкий осыпающийся уступ на склоне горы. Завывая, словно проклятая неприкаянная душа, ветер гнал с горящих Равнин Смерти густой черный дым.

Черный, как похоронный саван.

С этого уступа, расположенного на тысячу футов выше долины, огонь казался Хорнфелу рулоном золотистого шелка, разворачивающимся как знамя, струящимся и перекатывающимся по прихоти ветра.

Хорнфел видел, что огонь уже набросился на лесистые склоны горы. Подобно беспощадной армии завоевателей, огонь уничтожал все, что встречалось на его пути.

Внезапно ветер изменился, теперь он дул с северо-запада. Гонимый ветром пожар мчался сейчас по долине ниже Торбардина.

Гнейсс назначил ему встречу у сторожевого поста. Хорнфел проходил его минуту или две, поговорил с капитаном стражи, затем, почувствовав запах дыма, услышав шум пламени в долине, вышел на уступ.

Сейчас Хорнфел стоял на уступе в одиночестве — точнее, настолько в одиночестве, на-

сколько позволяли приставленные к нему Гнейсом телохранители. Сзади него, там, где в давние-давние годы были Северные ворота, стояли четыре воина: два из них непосредственно охраняли Хорнфела, а два других были часовыми. Руки стражей лежали на эфесах мечей, ни один из них ни на минуту не отводил глаз от тана Хайлара.

Большую часть территории у Северных ворот в последние годы занимали тейварцы. Но отсюда, из сторожевого поста, вели прямые пути к большинству Великих Залов Торбардина, например к Северному Залу Правосудия; правда, по этим дорогам уже давно никто не ходил и они были покрыты толстым слоем пыли. Но правда также и то, что сам Зал Правосудия содержался в чистоте и порядке. И все же со времен Войны Гномских Ворот здесь, конечно, было пустынно.

А раньше, пока Тейвар не изъявил желания сделать эти места «своими», здесь, у Северных ворот, вообще ничего не было, кроме оставшихся со времен войны скелетов; эти скелеты еще и сейчас иногда попадаются на глаза...

Из коридора послышался звон мечей, стук сапог. Гвардия Наблюдения проводила смену караула.

Кто-то спрашивал, кто-то отвечал. Хорнфел подумал: новоприбывшие задают вопросы о пожаре, а сменяющиеся сообщают им о том, как быстро движется огонь. Хорнфел чувствовал: всех беспокоит надвигающийся шквал огня.

Он пошел с уступа назад, к воротам.. Торбардину пока не грозила непосредственная опасность, но уничтожение болот и лесов отрицательно повлияет на жизнь всех гномов горного королевства уже к весне.

«Голода у нас, конечно, не будет, — подумал Хорнфел, — но придется попоститься. Как убедить Совет Танов, что нам следует не только оказывать всяческую помощь уже живущим у нас людям, но, возможно, надо открыть двери и для других?»

Хорнфел вздохнул.

В мыслях он постоянно возвращался к тяжелым временам Войны Гномских Ворот: тогда гномы и отъединились от всего мира в горном королевстве. О, Катализм принес всему Кринну одни только разрушения!..

После Катализма еще многие годы гномам жилось очень тяжело; Нейдар, который незадолго до Катализма увел своих гномов холмов из Торбардина во Внешние Земли, где хотел создать свое отдельное королевство, решил вернуться обратно. Они, гномы холмов, были голодными, потому что там, на выжженных землях, урожай были плохими, а охотой им прокормиться не удавалось. Порой целые группы этих гномов приходили в Торбардин...

Гномам холмов нужен был союзник, и они нашли его в лице Великого мага Фистандантилуса, он возглавил армию людей и гномов и повел ее сначала на Пакс Таркас, а затем на Торбардин. Люди верили, что в горах хранятся бесчисленные сокровища..

Король Дункан знал, и знали гномы холмов, что здесь действительно были сокровища: здесь была пища. Однако ее, пожалуй, было недостаточно даже для тех, кто в то время жил в Торбардине.

Верховный Король Дункан знал, что его долг велит ему оставаться со своим народом. И тогда они с Харасом задумали войну, которую историки назвали Войной Гномских Ворот.

Один род воевал против другого, а Дункан, последний король гномов, принял решение приступить в своем королевстве небольшое количество людей...

И вот война снова поразила Кринн.

Однако Хорнфел знал, что, хоть войны остаются жестокими во все времена, нынешняя война на Кринне существенно отличается от той, которую вел Дункан.

«Во-первых, — думал Хорнфел, глядя на охваченную огнем долину, — мы не принимаем в ней участия. Мой народ решил держаться подальше от этой войны. Во-вторых, беглецы, которых мы приютили сейчас, не гномы. Люди. Но в чем, собственно, различие? Ну да, они высоки ростом и живут очень недолго. Но ведь между людьми и эльфами тоже много различий, а ведь сумели же они объединиться в войне против драконов. А старая поговорка говорит, что волк, притаившийся у двери, делает даже незнакомцев братьями. А есть еще и другая старая поговорка, мой добрый Король Дункан: «Кто не учится у отцов, не научится ни у кого». Волк охотится сейчас на

твоих детей, Дункан. Я чувствую его. И сейчас мы делаем людей, этих незнакомцев, нашими братьями».

С этими мыслями он отвернулся от огня и прошел между двумя стражами к караульному помещению. Он не мог ждать Гнейсса дольше. Пусть капитан стражей скажет Гнейсу, что он был здесь и...

Послышался какой-то шепот, Хорнфел оглянулся. Из-за разрушенных ворот показался Рилгар, в темном плаще. Плащ не скрывал меча, как всегда висевшего у него на поясе. Его черные глаза блестели.

— Не правда ли, пожар похож на армию, — сказал Рилгар, — и эта армия подходит к Торбардину все ближе.

Огонь снаружи, и огонь внутри! Хорнфел вспомнил Дегана, как тот неожиданно вырос на мосту перед ним и Гнейссом, и взглянул на стражей. Они были на месте и, как всегда, смотрели на него.

— Да, пожар — как армия, — сказал Хорнфел. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не схватиться за рукоять кинжала. — Я иду созывать Совет. Необходимо обсудить создавшееся положение; боюсь, у нас будет поистине постная зима.

Рилгар пожал плечами:

— Совет так Совет. Как скажешь.

Он сделал шаг в сторону, пропуская Хорнфела, подождал немного, потом пошел вслед за таном Хайлара.

Пройдя мимо что-то бормотавших стражей Девара, Рилгар улыбнулся своим мыслям. Его армия готова начать битву, и Меч Бури висит в ножнах под его плащом. Ему казалось: Королевский Меч дышит голодной мощью.

Рилгар подошел к телохранителям Хорнфела.

Холодный сырой коридор, ведущий к мосту через огромную пещеру Эхо Наковальни, не был таким уж темным, как это поначалу показалось Кельде после хорошо освещенных улиц Торбардина. В конце концов ее глаза все-таки привыкли к слабому серому свету, просачивающемуся в коридор откуда-то издалека, — здесь не было кристаллов, проводящих свет с поверхности горы.

Мост пересекал пещеру на большой высоте, однако потолка нельзя было увидеть и с моста; не видя ни пола, ни потолка, Кельда не могла даже и приблизительно сказать, сколь высока пещера. По краям моста имелись невысокие перила, их держали в своих каменных руках скульптуры гномов.

— Станах, — прошептала Кельда.

Шепот долгим эхом пронесся по пещере. Она проглотила неизвестно, почему появившийся в горле комок и коснулась плеча Станаха.

Держа руку на эфесе меча, которым он обзавелся в городе, Станах обернулся. Когда они были в пещерах глубоко под городом, он уже говорил ей, что в темноте он видит иначе, чем на свету; сейчас его глаза были словно сплошные

зрачки, как будто пустые и призрачные. Неприятный холодок пробежал у нее по спине.

Гном улыбнулся с забавно-насмешливым выражением лица.

— Что, разве я тебе не говорил? С непривычки страшновато смотреть на мои глаза, верно? — Перевязанной правой рукой он слегка похлопал ее по плечу. — Но это я, маленькая сестра, всего лишь я.

«Я... всего лишь я... я...» — зашелестело эхо.

Кельда почувствовала осторожное прикоснение руки Хаука. Когда он заговорил, его повторяемые эхом слова стали словно бы гоняться друг за другом.

— Мне не нравится эта дыра, Станах. Что нужно Хорнфелу у Северных ворот? Я думаю, нам следовало бы пойти на этот ваш Совет Танов и рассказать все, что мы знаем.

Станах и сам сначала хотел пойти на Совет Танов, но тейварский страж, которого они схватили в холодном темном коридоре недалеко от логова дракона, на их вопросы о Рилгаре и Хорнфеле ответил лишь смехом да словами, сказанными с издевкой: «Смерть ждет сейчас Хорнфела у Северных ворот».

Тогда Станах вместе с Кельдой прошли вперед, а Хаук немного задержался с тейварским стражем; он убил тейварца и вскоре присоединился к ним.

Воспоминание об ухмылке теперь уже мертвого тейварского стража наполнило душу Станаха гневом и отчаянием; они могут просто не успеть

вовремя выйти к Северным воротам. Правда, Хаук заметил, что сказанное стражем не обязательно должно быть истиной.

— Смотри, — сказал он, показывая на торговую площадь, на таверну и парк. — Гномы обеспокоены, это верно, однако их поведение не похоже на поведение тех, кто услышал о смерти своего вождя.

Станах кивнул. Да, значит, Хорнфел еще жив. И помоги Реоркс, чтобы они успели спасти Хорнфела.

В самом воздухе Торбардина ощущался страх, он нависал над головами гномов, словно огромный черный капюшон.

Да, в Торбардине пахло бурей, но никто не знал: откуда же конкретно грянет буря.

Станах отвлекся от своих мыслей и шепотом сказал своим спутникам:

— Это владения Тейвара, и даже отчаянные любители приключений обычно избегают сюда приходить. Однако на мосту нам не должно ничего угрожать.

Преследуемые эхом, они пошли через мост.

Кельда шла, считая шаги и стараясь держаться ближе к середине моста; вообще-то ширина настила была вполне достаточной, чтобы они все могли идти рука к руке, но Кельде подумалось: было бы лучше, если бы он был еще шире.

Звуки их шагов слышались так, как если бы они отражались от очень близких стен. Кельда вздохнула, и ее вздох пронесся вдоль моста, как шум ветра, мчащегося через ущелье.

Наконец мост через Эхо Наковальни оказался позади. Станах оглянулся через плечо и, ничего не сказав, повел их дальше.

Он ориентировался под землей, как эльф в лесу, и, ни на секунду не останавливаясь, пошел на север. Они прошли мимо черных стен с отметками огня и мимо светлых стен с отметками сражений. В темных углах порой лежали скелеты — все, что осталось от воинов, погибших здесь триста лет назад. Их одежда давно истлела, но кости рук все еще сжимали рукояти мечей.

Кельда старалась не отставать от Станаха, а за своей спиной она слышала близкое дыхание Хаука.

После показавшегося бесконечным пути через абсолютную темноту впереди наконец-то забрезжил серый, как в густом тумане, свет.

Они подошли к высокой куполообразной пещере, в пещеру вели широкие каменные ступени.

— Храм, — шепотом сказал Станах. — Северные ворота совсем рядом. Молчите! Прислушайтесь!

Словно эхо давно прошедших времен, до них донеслись звон кольчуг и мечей, голоса гномов. Страх пауком пробежал по телу Кельды. Хаук, успокаивая девушки, положил ей руку на плечо.

— Не из-за чего волноваться, — прошептал Станах. — Это всего лишь смена караула. И это, будем надеяться, хороший признак. Что бы ни задумал Рилгар, не может же он напасть на Хорнфела сейчас, когда тут так много стражников!

Когда-то этот храм был прекрасен, как и все, что строилось гномами в далече-далекие времена. А сейчас на полу, покрытом толстым слоем пыли, валялись обломки камней. Кельда увидела черные звезды, врезанные в мраморный пол; поначалу она удивилась, почему звезды черные, но вскоре поняла: это почерневшее от времени серебро. Когда-то эти звезды сверкали в свете факелов, как настоящие небесные звезды.

Колонны из розового мрамора (некоторые из них упали) образовывали проход, ведущий к центральному алтарю, где стояла наковальня семи футов высотой. Весь алтарь был вырублен из единой глыбы черного обсидиана. У подножия наковальни лежало нечто похожее на гигантский молот.

«Да ведь это же храм Рейоркса, — сообразила Кельда. — Каким же прекрасным он когда-то был!» Она вздрогнула, вспомнив, что убить Хорнфела хотят рядом с этим священным местом.

Станах бесшумно подошел к алтарю и показал на дверь для служителей храма:

— Отсюда мы можем пройти в Великий Зал. Этот храм — лишь часть Северного Зала Правосудия. Когда-то здесь принимали гостей. Теперь — сама видишь — все в руинах. Отсюда мы легко попадем в караулку. Здесь, конечно, запустение и грязь, но в караулке всегда чисто.

Подошел Хаук и спросил шепотом:

— Что там, Станах?

Прежде чем Станах успел повторить это, что только что сказал Кельде, они услышали чей-то

предсмертный крик. Эхо крика еще не затихло, как прозвучал сигнал тревоги.

Подобно стреле из арбалета, Станах стремительно бросился к двери для служителей храма. Кельда тоже шагнула к двери.

Хаук схватил Кельду за руку. В его глазах был отчетливо виден страх за нее.

— Стой! — крикнул он. — Защищай дверь. Никого не впускай. Если мы еще сможем помочь Хорнфелу, это будет, возможно, наш единственный выход отсюда.

И тотчас исчез за дверью.

Оставшись в одиночестве и слыша звуки близкого сражения, Кельда едва удержалась, чтобы не последовать за друзьями, но все-таки осталась на месте. Перед ее мысленным взором все время вставало лицо Хаука — лицо бессердечного воина, жаждущего только одного: убивать врагов.

Холодные, сухие пальцы Кельды сомкнулись на рукоятке ножа. Это малое оружие казалось ей одновременно и легким, и тяжелым.

В ее памяти всплыли уроки, которые давал ей Лавим — теперь казалось, давним-давно.

«Нож служит нам вот для чего — пронзать врага».

Кельда, стараясь не обращать внимания на одолевавшую ее тошноту, на слабость в коленях, подошла ближе к дверному проему. «Пронзать...»

В большом Зале Правосудия было чуть светлее, чем в храме. И Кельда смогла увидеть, что там происходит.

Рилгар все-таки решил убить Хорнфела во время смены караула. Сейчас его слуг — воинов в черной с серебром одежде — в зале было по крайней мере вдвое больше, чем стражей Наблюдения.

В зале шла настоящая битва. Сталь гремела о сталь, слышались предсмертные стоны и крики. Густые запахи крови поднимались к потолку, как грозовые тучи.

И в центре, окруженный врагами, яростно сражался гном, на котором не было никаких отличий, говорящих о том, что это тан Хайлара. Об этом можно было догадаться, пожалуй, только по тому, что он был в центре сражения; да еще по тому, с какой невозмутимостью он вел бой, даже зная, что скоро будет побежден.

Хорнфел, прежде чем стал таном, долгое время был воином.

Рядом с ним сражался молодой гном в красной с серебром форме стража Наблюдения. Стоя спиной к спине Хорнфела, он защищал его от яростно нападавших тейварцев. Кельде показалось: она видит пробивающегося к ним Станаха и рядом с ним — Хаука.

Кельда, уже не раздумывая ни секунды, вошла в зал. Всего полдюжины ярдов отделяло ее от битвы, от друзей.

Что-то сильно ударило ее в спину, кто-то сквачил ее за ноги; и она, не успев даже вскрикнуть, упала. Девушка изо всех сил ударила правой ногой назад, руки, державшие ее, разжались, и она поднялась на колени.

И лицом к лицу столкнулась со своим врагом. Она вскрикнула, но не от ужаса. Она закричала от ярости и гнева: она увидела в глазах врага свою смерть.

«Пронзать врага... Не наноси удар сверху вниз, если ты стоишь вплотную к нему. Наверняка ты попадешь в какую-нибудь кость. Бей снизу вверх. Тогда у тебя будет хорошая возможность пронзить врагу что-либо важное: печень или почки...»

Обеими руками она схватила рукоять кинжала и ударила снизу вверх. Кинжал ударился о металлические кольчуги, и тогда, уже совсем бессознательно, она изо всех сил ударила кинжалом в горло противника.

Мерзким красным фонтаном хлынула кровь — тейварец упал мертвым.

Испытывая от запаха крови мучительную тошноту, Кельда поднялась на ноги. И опять что-то сильно стукнуло ее в спину. Она тотчас обернулась и ударила ножом, но не попала, и снова ударила, на этот раз ногой, попала тейварцу ниже пояса; тот упал, хватая ртом воздух. Кельда согнула ногу и еще раз резко ударила. И услышала, как треснула челюсть гнома.

Сердце билось оглушительно, но голова была ясной.

Кельда осмотрела залитый кровью зал. Воинов в черном с серебром стало уже заметно меньше, но все-таки их было еще гораздо больше, чем защитников Хорнфела. Стоя спиной к спине Станаха, Хаук сражался, как бешеный медведь.

Станах был сейчас на расстоянии вытянутой руки от своего тана. Ударом меча он снес голову с плеч ближайшего тейварца, отпихнул тело ногой и протянул правую руку к плечу Хорнфела.

Он коснулся плеча тана как раз в ту секунду, когда молодой гном, защищавший Хорнфела, упал, пронзенный тейварским кинжалом в грудь.

Хорнфел обернулся.

Забрызганный кровью только что убитого стражи, с огнем гнева и ярости в широко открытых глазах, он двумя руками высоко занес меч над Станахом.

И тут Кельда отчаянно закричала.

Глава 28

руг! — прокричал Станах. — Хорнфел! Друг!

В том, что перед ним не враг, Хорнфела убедил не возглас Станаха «Друг», а то, что Станах тотчас проткнул мечом живот напавшего на Хорнфела тейварца.

Зубы Хорнфела сверкнули в улыбке воинского приветствия. Да, это действительно друг. И несомненно, другом был также широкогрудый человек, защищавший Станаха со спины; глаза этого человека пылали, как гүйил *fipr*, по клинку его меча стекала кровь.

На какую-то долю секунды Станах получил передышку и быстро оглядел зал. Он смотрел вокруг как волк, загнанный охотниками в узкое ущелье, и, подобно волку, он искал выхода из ловушки. А найти выход было просто необходимо!.. Когда он наконец-то нашел лазейку, позволявшую уйти отсюда, его взгляд повеселел.

Стража Наблюдения должна отвлечь от Хорнфела внимание тейварцев Рилгара хоть ненадолго.

— Кто сейчас в караулке? — спросил Хаук.

— Никого. — Хорнфел со вздохом посмотрел на стража, погибшего, защищая его

жизнь. — Мы как раз шли туда, когда тейварцы набросились на нас.

Хаук усмехнулся:

— Значит, туда, верно, Станах?

Кузнец кивнул, но не двинулся с места — он словно бы высматривал кого-то в зале; неожиданно Хорнфел услышал, как он выругался.

Станах локтем толкнул товарища в спину и показал куда-то своей перевязанной правой рукой. Хорнфел взглянул и от удивления широко раскрыл глаза.

Девушка из людского племени — с вымазанными в крови руками, с лицом бледным, как Солнари, — прислонившись к одной из колонн, сражалась с тремя гномами в черно-серебряной одежде; ножом она промахивалась часто и тогда наносила удары ногами. Но было ясно, что долго ей не продержаться.

— Хаук! Вон Кельда! Хватай ее и быстро в караулку!

Станах как можно крепче сжал меч левой рукой и кивнул тану:

— Я буду прикрывать тебя сзади, Хорнфел.

Тан Хайлара уже смог убедиться в том, что Станах надежный телохранитель. Он повернулся и быстро пошел к караульному помещению.

Умерший Музыкант постоянно обследовал пространство, в котором он оказался, и каждый раз убеждался, что в состоянии проникать дальше, чем ранее. И самое главное: он убеждался,

что всякий раз расширялись границы его возможностей.

Сейчас он мог двигаться куда угодно: вперед, назад, вверх, вниз. Он мог слышать все, что слышали его товарищи в этом пространстве, и даже более того: он мог слышать мысли всех, кто его окружал.

И сейчас мага тревожило, что Лавим, Тьорл и два их спутника считали себя единственными живыми существами в том ущелье, по которому они шли, а на самом деле это было не так...

Узкое ущелье было похоже на трубу, через которую тек дым пожара. Тьорл выругался. Воздух был наполнен дымом, словно колчан хорошего охотника стрелами, дышать становилось все труднее, дым разъедал глаза, и по лицу катились слезы.

Тьорл подумал: читает ли Музыкант его мысли? И безрадостно улыбнулся: я сам могу читать мысли, вот Финн, пожалуй, ругается сейчас про себя последними словами.

Финн и Кембал ушли на разведку; видно их не было, но слышался кашель. Лавим шел сзади, он не кашлял, только чуть слышно посапывал.

Это сопение Тьорла насторожило. Он обернулся и сразу понял: кендеру без посторонней помощи до конца ущелья не добраться.

Тьорл подождал, когда Лавим подойдет, взял его за руку, усадил на землю, потом присел рядом с ним на корточки.

— Мы не можем сейчас терять время, Лавим.
Разреши мне помочь тебе.

Лавим отрицательно покачал головой.

— Нет, — он едва дышал, — я чувствую себя прекрасно, Тьорл, правда-правда.

Но, увы! выглядел он отнюдь не прекрасно. Покрывавшая его лицо сажа не могла скрыть ни сероватую бледность кожи, ни усталость в глазах. Казалось, грязный тяжелый воздух шел в его легкие только для того, чтобы кендёр, кашляя, выплевывал его еще более грязным.

— Лавим, пожалуйста, разреши помочь тебе. — Тьорл мягко, но крепко взял кендера за плечо. — Пожалуйста. У нас нет времени для споров. Поднимайся с земли и полезай ко мне на спину. Давай, давай! Так будет лучше. Пока. А там, глядишь, мы и выйдем на чистый воздух.

Но Лавим снова покачал головой. Кендер был упрям, его потрескавшиеся, пересохшие губы приоткрылись:

— Я могу идти, Тьорл. Я...

Что-то внезапно резануло Тьорла внутри, болезненно щекнуло, словно удар кнута.

— Перестань спорить!

Но сейчас он не видел Лавима, хотя и глядел на него. Не видел, как тот уставился на Тьорла широко раскрытыми глазами.. Перед глазами встали лица тех, кого он потерял.

Хаук и Кельда.

Его товарищи из отряда Финна.

Лер, не испугавшийся дракона и убитый им.

Упрямец Станах!

Да, и еще маг Мзыкант.

«Я иду с одними призраками!»

— Хватит! — крикнул Тьорл вслух. В горле у него пересохло. Он увидел, что Лавим испугался его крика, и тотчас добавил потише: — Хватит споров!

Тьорл схватил кендера за плечо с такой силой, что рука побелела, испугался, что может повредить ему мышцу или даже кость; он попытался расслабиться — и не смог.

Лавим изогнулся от боли, но ничего не сказал. Потом положил свою ладонь на сжимавшую его плечо руку Тьорла, медленно покачал головой, как будто внезапно что-то понял, и улыбнулся:

— Успокойся, Тьорл. Успокойся. Я думаю, мне действительно лучше немножко отдохнуть. На спине так на спине. Но нам и впрямь надо поторопиться, а то мы, боюсь, не найдем Финна и Кема.

Он устроился на спине эльфа, обнял его руками за шею, а ногами за пояс. «Надеюсь, я и вправду не очень тяжелый», — подумал он.

Он сейчас подумал, что ты, Лавим, весишь столько, сколько голодный младенец, — сказал ему маг.

— Ну, что касается голода, — тут все правильно.

Тьорл оглянулся:

— Что ты сказал, Лавим?

— Мзыкант говорит, мы уже почти на месте.

Я этого не говорил. Но ты прав, осталось совсем немного. Ты можешь сказать ему, что я не

потерял ни разума, ни дороги. Еще одна миля — и вы у Северных ворот.

— Еще одна миля, Тьорл. Я мог бы...

Не проси его, чтобы он отпустил тебя на землю. Он верит, что, помогая тебе, он делает то, что и должен делать. Пусть помогает.

— Я действительно почувствовал себя лучше, спасибо тебе, Тьорл, — вздохнул Лавим. — Музыкант сказал, чтобы я сказал тебе: он не теряет ни разума, ни дороги.

Тьорл пожал плечами. Когда он заговорил, голос его был полон сарказма:

— Ладно, ладно, но ведь мои мысли он читать не хочет!

— Мне кажется, — сказал Лавим, — я знаю, что ты иммешь в виду.

Музыкант молчал не слишком долго. Едва Лавим начал размышлять о неудобстве своего положения: словно едешь на хромом пони по горам, — как Музыкант вновь ворвался в его мысли.

Дракон!

— Дракон! — закричал Лавим.

— Дракон? — переспросил Тьорл. — Где?

Вон там, на горе!

— Вон там, на горе! — Кендер сполз со спины Тьорла и, скав рукоятку кинжала, закричал: — Финн! Кем! Вон там, на горе, дракон!

Тьорл схватил Лавима за руку:

— Где на горе? Где, Лавим?

Лавим только пожал плечами и прищурил глаза, он не знал, что ответить Тьорлу. Он изо всех

сил старался никого не раздражать, но его голова сейчас, казалось, раскалывалась на части, она была переполнена звуками голоса Мзыканта, его собственными мыслями и вопросами Тьорла.

Разговаривая с каждым из них и ощущая при этом, что он просто говорит сам с собой, Лавим попытался ответить Тьорлу:

— Где? Вон там, Тьорл, на пиках... высоко... за гребнем горы... Что? Что ты говоришь, Мзыкант? Хорошо! Хорошо!

Словно откуда-то издалека кендер услышал голоса Финна и Тьорла. Лавим крепко сжал руку эльфа, его сердце бешено заколотилось, дышать стало трудно.

— Он полетел убивать тана Хайлара! Этот наш приятель, ну, Станах, всегда твердил мне о тане Хорнфеле...

— Кто, Лавим? О чем это ты говоришь? Где дракон?

Лавим потряс головой, страстно желая, чтобы в ней прояснилось.

— Дракон на горе. Там, за вершинами, над Торбардином. Там маг *дерро*, и сейчас он идет убивать тана Хайлара. Как раз сейчас он думает об убийстве, Тьорл. И он торопится... и..., и там уже идет сражение или что-то вроде того. Там Станах! И Кельда!

Ошеломленный Тьорл молчал, уставившись в одну точку. Вместо него заговорил Финн:

— Кендер, Станах и девушка уже давно мертвы.

Лавим повернулся к Тьорлу, стал его трясти.

— Тьорл, Мзыкант знает, что говорит. Все, что он сказал, происходит сейчас там, в Торбардине!

У Тьорла не было и тени сомнения: все, что только что сказал маг устами кендера, правда. Эльф осмотрелся вокруг. Дракон... Война...

Он чувствовал, что Финн не верит ни единому слову Мзыканта.

— Лавим, — медленно сказал эльф, — а там, внизу, под нами, сейчас тихо? Спроси Мзыканта, что там происходит?

Пока ничего, но скоро начнет происходить.

Лавим помотал головой:

— Пока тихо... но скоро. Тьорл, мы должны...

— Где Станах и Кельда?

— В Торбардине. И с ними... — Лавим вскинул голову, вслушиваясь в безмолвные слова Мзыканта. Его глаза расширились от изумления. — С ними Хаук. Он жив! Мзыкант говорит, мы сейчас совсем близко от Северных ворот. Всего четверть мили вниз по ущелью. Тьорл, может быть, мы успеем вовремя...

Финн фыркнул:

— Ага, может быть, мы, если пойдем, то и успеем. А может быть, потеряем дорогу. Тьорл, дым сейчас такой густой, что и на ярд ничего не видно. Вполне возможно, мы просто не увидим ворота и пройдем мимо.

Лавим ответил сразу же:

— О нет, мы не пройдем мимо. Ущелье выводит на уступ прямо перед воротами. Уступ

совсем узкий. Всего пять футов шириной. И для нас главное — не свалиться с него.

Финн уставился на кендера с недоумением:

— А может, нам лучше вовсе не выходить на уступ, а? Здесь высота тысяча футов. Что скажет твое привидение по этому поводу?

Лицо Лавима было невиннее, чем у младенца.

— Он говорит, лучше всего — не отступаться. А также он говорит, что нам следует поторопиться:

Ярость захлестывала Рилгара, как гуйил фир — долину. Он не смог убить Хорнфела! Глаза его застилал кровавый туман бешенства. В исступлении он почти ничего не слышал; словно издалека, доносились до его слуха стоны умирающих воинов — и его слуг, и деварцев Гнейssa.

И неожиданно в его мозгу с высот над Торбардином прозвучал мысленный голос Темной Ночи. Рилгар услышал его нетерпеливое рычание и немедленно откликнулся — тоже на мысленном языке.

Ты готов?

Да, я готов. Я жутко голоден ичу запах крови.

И тогда Рилгар улыбнулся.

Минутку терпения, мой друг. Скоро здесь для тебя будет сколько угодно пищи. Ты сможешь выбирать из рода Хайлара кого захочешь.

Рилгар услышал, как дракон облизнулся. О да, пир удастся на славу!

Он провел пальцем по эфесу Меча Бури, ощущал: биение огненного сердца клинка песней отзывается у него в сердце. В большом Зале сейчас уже слышны были только слабые стоны раненых и умирающих. Снова, как в давние времена, кровь обрызгала стены и колонны Зала Правосудия. Рилгар насчитал двадцать своих убитых слуг и тридцать защитников Хорнфела.

Рилгар выругался, он не хотел убивать их всех. Ему нужно было убить всего двоих — Хорнфела и подмастерье Станаха.

Да, этот подмастерье неожиданно встал на его пути! Если бы не Станах — и девочка, и Хаук сидели бы сейчас как миленькие в темнице и не мешали бы ему.

Если бы не этот проклятый подмастерье, Хорнфел сейчас был бы уже мертв.

Рилгар закрыл глаза, стараясь успокоиться и привести в порядок свои мысли. Он задумался. И придумал...

Двадцать его стражников убиты, однако оставалось еще шесть. Горячих желаниям отомстить за смерть своих товарищей! Конечно, их слишком мало, они не смогут взять штурмом караулку, но ведь существует весьма легкий способ увеличить их число. Для этого, конечно, нужно время, однако не так уж и много: за это время Хорнфел и трое его защитников еще не успеют отдохнуть и не станут даже пытаться пройти через Зал. А уйти отсюда незамеченными нельзя. Воины из обеих смен стражей Наблюдения убиты.

— Хорнфел сейчас никак не сможет вызвать подмогу. — Рилгар громко и злобно засмеялся. — А очень скоро всем, кто мог бы и захотел бы прийти Хорнфелу на помощь, будет уже не до него...

Да, Хорнфел не сможет уйти из караулки. Там, за Северными воротами, — обрыв глубиной в тысячу футов. Там еще и Темная Ночь! Он не выпустит никого.

Рилгар подозвал стражника:

— Пять отрядов к Северным воротам. Быстро!

Страж поклонился, стремглав пробежал через Северный Зал Правосудия, затем нырнул в тайный проход за храмом. Там были тейварцы, которым Рилгар велел ждать приказа о нападении на город Клар.

Рилгар решительно взмахнул кроваво-красным Мечом Бури.

Хорнфел слышал крики и стоны умирающих. Здесь, в караульном помещении, трудно было понять, были ли это стоны друзей или врагов. Он чувствовал себя очень усталым, из-за дыма пожара на Равнинах дышать было трудно. Хорнфел прислонился к стене.

Снова послышались крики. Это кричали воины Тейвара или Девара? Но разве это столь уже важно? И те и другие были гномами. Да, как и во времена Войны Гномских Ворот, сейчас гномы сражаются с гномами. Тогда они сражались за еду. Теперь они сражаются за власть.

У Рилгара в руках Королевский Меч. До сего дня Хорнфел никогда не видел Меча Бури. Пылающая темно-красным огнем сталь срезала жизнь воинов Гнейсса, как коса срезает колосья.

Королевский Меч вернулся в Торбардин...

За своей спиной он слышал шаги человека по имени Хаук. Хорошее имя, звучит как имя сильной хищной птицы и очень ему подходит. В бою он сражается спокойно, умело, в глазах его горит безжалостный огонь хищной птицы.

Девушку с изможденным бледным лицом они звали Кельда. По-гномски *Келье дтха* означает «странница».

Плеча Хорнфела коснулась рука в окровавленной повязке. Он оглянулся и увидел черные с голубым отблеском глаза сына Кларма Молотобойца.

Хорнфел сказал благодарно:

— Я обязан тебе жизнью.

— Не говори так, тан Хорнфел, ведь пока мы еще не придумали, как нам выбраться отсюда.

— Ну спасибо, молодой Станах, утешил.

Станах криво улыбнулся. Через все его лицо проходил красный след недавней ножевой раны.

— Наш неутомимый друг Хаук считает, что мы в западне и нам остается только ждать, когда придут охотники и прикончат нас. Ты тоже так думаешь, тан?

— Похоже, он прав. Отсюда всего два пути: либо обратно в Зал, либо за ворота. Нас все-го четверо, и летать мы не умеем. Ты, конечно,

догадываешься, что Рилгар не стал терять время попусту и вызвал подмогу. Но если охотники хотят убить нас, им придется войти сюда и драться с нами. И наши жизни им, этим охотникам, будут стоить недешево. Нас мало, но у нас много любого оружия; это ведь не просто караульное помещение, есть целый склад оружия.

Станах кивнул.

— Ну что же, будем ждать. — Хорнфел вздохнул и как бы даже с неохотой задал давно мучивший его вопрос: — А что с Кианом и магом, Станах?

— Их пирамиды стоят во Внешних Землях, тан, — коротко ответил Станах.

Больше ничего и не надо было говорить. Горные гномы знают, что означают эти слова.

— Вооружи девушку чем-нибудь понадежнее, чем нож, — мягко сказал Хорнфел. Затем его голос отвердел: — Здесь не найдется ни кольчуги, ни шлема, подходящих Хауку по размеру, но для нее, я думаю, отыщется что-нибудь подходящее. Присмотри что-нибудь и для нас с тобой. Мы должны встретить Рилгара во всеоружии.

Келье дтха. Странница. Одетая в эльфийский охотничий костюм и гномскую кольчугу, которая была для нее коротковата, но слишком широка в плечах, Кельда переминалась с ноги на ногу, привыкая к своему новому одеянию.

В одном из коридоров караульного помещения действительно хранилось множество самого раз-

личного оружия. В стойках стояли копья и арбалеты, по стенам были развесаны мечи, в ящиках у стен лежали колчаны со стрелами.

Со стороны ворот в помещение через прорубленные в каменных стенах маленькие оконца пробивался солнечный свет, в воздухе пахло дымом.

Когда Хаук надел на голову Кельды блестящий стальной шлем, Станах только покачал головой. Защищающая нос пластина мешала ей видеть.

Лит хваер, стараясь смотреть так, как смотришь, когда закрываешь лицо ладонью от солнца.

Она кивнула головой, хотя из-за тяжелого шлема сделать ей это было трудно.

— Я чувствую себя дурочкой, Станах. Словно малый ребенок, играющий в переодевания.

Хаук помог Кельде правильно надеть шлем, погладил ее по лицу, потом быстро поцеловал.

Станах увидел, как дрогнули ее плечи, отвернулся и сказал:

— Дурочкой ты себя чувствуешь или нет, Кельда, но в этой одежде ты будешь защищена от кинжалов нападающих: А я чувствовал бы себя спокойнее; если бы ты взяла еще и меч.

Кельда провела пальцем по рукоятке своего ножа, глаза ее сверкнули:

— Нет, я не умею пользоваться мечом, Станах. Лучше я оставлю при себе только нож, им я уже научилась владеть.

— Да, — сказал Хаук, — и, к сожалению, сюда могут ворваться и те, кто уже знает, как ты умеешь драться. — Он мягко повернул ее к

двери. — Кельда, возьми несколько мечей и отнеси их Хорнфелу. Выбери самые лучшие — он тан Хайлара. А мы со Станахом выберем себе мечи после — из тех, что останутся.

Когда Кельда вышла, Хаук сел на одну из каменных скамеек, стоявших в коридоре. Нежность, светившаяся в его глазах, когда он говорил с Кельдой, исчезла, будто ее никогда и не было.

— Станах, похоже, нам предстоит здесь умереть.

— Я не вижу большой разницы, где умирать: здесь или в другом месте.

Хаук улыбнулся:

— Я тоже. Я слышал, ты назвал ее «лим хаэр». Что это значит?

— На гномском языке «маленькая сестра».

— Хорошо, что ты считаешь ее своей сестрой.

«Да, — подумал Станах, — хорошо, что она научила меня так думать». А вслух он сказал:

— Гномы не так уж и просто признают кого-либо своей родней.

Слабая улыбка осветила лицо Хаука:

— Я рад, что ты признал ее сестрой. Мы играем в опасную игру, друг Станах. Скоро она будет драться за твоего тана и вместе с таном, хотя драться она не умеет. Она будет убита первой, и ты это знаешь. Не можем ли мы ее спасти как-нибудь? Чтобы она могла убежать или где-нибудь спрятаться?

Станах покачал головой:

— Единственное, что она может сделать, — заколоть себя своим кинжалом.

Взглянув на Хаука, Станах понял, что он и сам уже думал об этом. И тогда Станах добавил:

— Но она ни за что не согласится сделать это. Я вот еще что скажу тебе, Хаук: она выжила, когда дракон спалил ее дом; она выжила в занятой драконидами Старой Горе; она выжила и тогда, когда драконнес ее над Равниной Смерти. Ее будет невозможно убедить, что теперь она должна уйти из жизни, — неважно, каким способом. Я думаю, не стоит даже пытаться. Она заслуживает того, чтобы мы ничего не сказали ей о возможно лучшем для нее варианте — о самоубийстве.

И тут из караулки раздался голос Хорнфела.

— Они пришли, Станах... И их много.

Глава 29

ым, заносимый в ущелье ветром из долины, где бушевал пожар, не позволял Тьорлу вздохнуть всей грудью. Черный ужас сдавливал его сердце, и, хотя вой, который он слышал, был всего лишь воем ветра на склонах горы, ему чудилось, что это рычит дракон.

— Я не чувствую запаха дракона, — говорил он себе, — возможно, я вообще не могу почувствовать уже ничего, кроме чада от горящих лесов.

А кроме того, он никак не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдает нечто огромное, клыкастое, когтистое, стремительно опасное; он постоянно ожидал нападения.

И все-таки страх перед драконом по сравнению с боязнью высоты казался просто детским ночным страхом. Тьорл бросил быстрый взгляд через плечо. Сейчас они были вдвоем с Лавимом — их послали на разведку. Как показалось эльфу, силы Лавима возрастили вместе с его обаянием, а обаяние любого кендера; как известно, возрастило вместе с грозящей ему опасностью. Тьорл знал, что он, пожалуй, единственный, кто мог бы удержать

Лавима от драки, если драться вовсе не обязательно.

Они поднимались по крутому склону горы, шли по узкому уступу, и эльф старался как можно теснее прижиматься к каменной стене, что была когда-то стеной Северных ворот Торбардина.

Когда они дошли до ворот, Тьорл чувствовал: ноги его дрожат от напряжения и от усталости. Теперь им надо было дождаться Финна и Кема — те поднимались медленно, осторожно. Шум скатающихся по склону камней всякий раз отзывался болезненным эхом в сердце Тьорла.

Лавим, обогнавший эльфа и забравшийся на уступчик шириной не более длины его ноги, развлекался тем, что сбрасывал камешки в бездонную пропасть.

Голова у Тьорла закружилась, он закрыл глаза, понял, что так еще хуже, и снова открыл глаза.

Боги, обрушившие когда-то на Кринн Катаклизм, разрушили Северные ворота, но, правда, не полностью. Кое-где стены уцелели, в них были видны похожие на открытые раны глубокие трещины. Уступ, по которому шли Тьорл и Лавим, был и всегда узок, а со временем его ширина уменьшилась всего до трех футов. Сейчас большее всего он подходил орлам для отдыха — что-то вроде насеста.

Неизвестно как оказавшийся сзади Тьорла Лавим подошел, сияя от удовольствия.

— Тьорл, разве здесь не прекрасно?! Отсюда виден весь мир! Честное слово! Я видел болота и,

думаю, видел Скулкап. Между прочим, они уже не горят — болота, я имею в виду. А Скулкап вообще не может гореть, он же весь каменный. Готов поспорить, если бы не вон тс горы, можно было бы увидеть и Старую Гору. Готов также поспорить, что можно было бы увидеть весь путь до моря, да и до Энстара. Да докуда угодно! Мой отец, он как-то сказал, что за морем есть еще какие-то земли, но он не знал никого, кто бы там побывал. Мне почему-то кажется, кто-то сюда пришел оттуда, и им, этим кому-то, вероятно, так здесь понравилось, что они и не подумали возвращаться обратно.

Ветер зашумел сильнее, и Лавим повысил голос, чтобы Тьорл его слышал.

— Когда мы ушли с Равнин, я думал, мы доберемся сюда, победим всех врагов и вернемся на холмы, но теперь я так не думаю, Тьорл. Я думаю, мы непременно спасем этого Хорнфела, найдем Хаука, и Станаха, и Кельду, и потом... потом я отправлюсь посмотреть, что там за земли, там, за Энстаром.

Лавим стал вслух размышлять о том, как должны выглядеть земли за Энстаром, кто там живет, как туда добраться, есть ли там другие кендеры...

Слушая Лавима вполуха, Тьорл улыбался. Не было смысла даже и пытаться заставить его помолчать. В конце концов, если здесь на высотах действительно, как предупреждал Музыканта, сидит дракон, то он уже все равно увидел, что они подошли к воротам.

Как бы там ни было, но проще остановить лавину, чем болтливю кендера. Тем более, что Лавиму еще не удавалось отвести душу с тех пор, как они ушли с болот.

И вдруг Тьорл с удивлением понял: Лавим уже выговорился и затих.

Весь в поту, с запорошенным пеплом и пылью лицом, со слезящимися глазами, подошел Финн; следом за ним шел Кембал. Оба они тяжело дышали.

— Лавим, а где же ворота?

Кендер показал рукой вперед:

— Сразу же за поворотом. Я уже видел их. Мы действительно пришли, верьте мне.

— А где же этот самый дракон?

Лавим весь ушел в себя. Затем он улыбнулся и закивал головой — он слушал то, что говорил ему Мзыкант. Ткнув пальцем в скалу, кендер решительно заявил:

— Прямо вот здесь, над нами. Он в большой пещере, внутри горы. Мзыкант говорит, он рассержен. Он говорит, дракон черный и не любит, когда светло. А сейчас в его пещере слишком много света. Слишком много — для него.

— Черный?! Сейчас день, светит солнце. Может быть, он днем не летает?

— Ах, нет, — сказал Лавим бодро-весело. — Мзыкант говорит, он не любит свет, но летать при свете может. Наверное, свет его только лишь раздражает. Он говорит: Тьорл, ты вот почему боишься дракона: он действительно сейчас рассержен, и он произнес маленькое заклинание

страха, ну, чтобы вокруг него всем было страшно. Если он еще больше рассердится и произнесет большое заклинание, то ты не сможешь и с места двинуться. — Он поднял голову, кивнул и добавил: — Музыкант говорит, дракон знает, что мы уже здесь.

Финн смотрел так, будто хотел на месте убить Кендура за то, что он говорит. Кембал молча вынул меч из ножен.

Тьюрл только улыбнулся:

— Ладно, Лавим, давай отдохнем от всего от этого.

— Отдохнем от чего?

— А почему дракон не нападает на нас? Музыкант знает это?

— Ух, а я и не спрашивал...

— Ну так спроси!

— Сейчас, сейчас... Я... ох... Музыкант говорит: потому что дракон чего-то ждет. Он знает, что мы здесь, и знает, что может запросто убить нас в любое время... — Финн что-то раздраженно проворчал, а Лавим пожал плечами с видом невинным и даже оскорблённым. — Я извиняюсь, но так думает дракон. И он ждет. — Кендер снова взглянул на Финна: — И не спрашивай меня почему. Я не знаю, потому что Музыкант не знает. Он знает только, что дракон ждет. Но я думаю, он ждет, потому что должно что-то случиться или...

Лавим замолчал. А потом вдруг перешел на шепот, дрожащий шепот:

— Я думаю, мы опоздали.

Кендер побледнел, Тьорл схватил его за руку:

— Лавим, что? Что случилось?

— Мы пришли слишком поздно... Да, Тьорл, мы пришли слишком поздно!

— Лавим, о чём ты говоришь?

Кендер выдернул свою руку из рук Тьорла и помчался по засыпанному мелкими камнями уступу.

— Лавим! Стой! Подожди!

Тьорл побежал за ним. И почти сразу же остановился.

Подвернув лодыжку, Тьорл упал на одно колено. Боль огнем ударила в колено и в голень.

Он испугался, что сейчас упадет с уступа в долину, до которой тысяча футов, испугался такой для себя смерти. Он хотел крикнуть, но не смог.

Подбежавший Кембал крепко схватил Тьорла за руку и оттащил подальше от края уступа. Все это произошло так быстро, что Финн не успел даже и шага шагнуть.

— Проклятый кендер! — проворчал Финн. — Чтоб ему!

Вниз с шумом катились камни и щебень. Холодный ветер обдувал лицо Тьорла. Он ясно слышал, как стучит кровь в висках, как судорожно бьется сердце; к горлу подкатила тошнота. Руки дрожали. Наконец Тьорл смог глубоко вздохнуть.

— Не будем о кенdere, — прошептал он. А когда захотел говорить громче, то почему-то тонко-тонко запищал. — Ворота сразу за этим поворотом. Дай мне руку.

Финн покачал головой:

— Лучше посиди минутку, отдохнись. Думаю, ты сейчас, если попытаешься встать, упадешь.

Прижавшись спиной к скале, Тьорл с трудом поднялся на ноги.

— Мы не можем терять время, Финн. Тут, в горе, что-то случилось.

— Это утверждает мертвый маг в башке твоего проклятого кендера?

— Да, — тяжело дыша, сказал Тьорл. — Это утверждает Мзыкант. Ты можешь верить или не верить, Финн, но ведь не станешь спорить, что Мзыкант — или сам Лавим, это уж как тебе угодно, — каждый раз оказывается прав.

Финн этого не отрицал, но и признавать тоже не хотел, он только вздохнул. Он отвел глаза в сторону и подумал, что гораздо легче смотреть с тысячефутовой высоты на объятую пламенем долину, чем видеть страх в глазах эльфа.

Наконец он махнул рукой Кембалу:

— Давай, Кем, иди первым.

Кембал осторожно — по краю уступа — обошел Тьорла, за ним с бледным как смерть лицом последовал эльф. Последним шел Финн, и Тьорл чувствовал его взгляд на своей спине.

Солнечный свет с трудом пробивался сквозь завесы дыма. Прижавшись спиной к камню и держа нож наготове, Лавим стоял у Северных ворот. Попытался заговорить с Мзыкантом:

— Здесь же должна была быть очень большая дверь!

Музыкант ничего не ответил.

— Я говорю, — громким шепотом сказал Лавим, — что здесь должна была быть...

Я отлично слышу тебя, Лавим. Помолчи! И не перебивай меня. Они получили несколько минут передышки — и ты лучше всего поступишь, если побудешь сейчас здесь.

— Кто получил...

Помолчи!

— Кто получил несколько минут передышки? Скажи.

Хорнфел, и Станах, и Кельда, и...

— Станах? И Кельда? А что Хаук? Он тоже здесь? Я столько слышал о нем, и было бы просто замечательно наконец-то встретиться с ним. Музыкант...

Послышались чьи-то тяжелые, медленные шаги. Лавим осторожно заглянул внутрь горы. Там, внутри горы, было темно; кендер сощурил глаза и затаял дыхание.

Широкоплечий гном с длинной, густой каштановой бородой медленно шел по узкому коридору. В правой руке у него был меч, в левой — кинжал. Одежда на нем была изодрана в клочья и выпачкана в крови.

Это Хорнфел, тан Хайлара.

— Да? Правда? А что это он так выглядит? Ему просто необходимо хорошенко выспаться и...

Гном остановился у полуоткрытой двери и прислонился к каменной стене. Затем, словно укорив себя за минуту отдыха, посмотрел на свой

меч и пошел обратно — туда, откуда пришел.
И сразу же послышались его слова:

— Они пришли, Станах. И их много.
— Станах... — прошептал Лавим.

Теперь в коридор вышел Станах, а вместе с ним — широкоплечий молодой человек, котому, на взгляд Лавима, следовало бы не только высаться, но и хорошенко поесть.

Лавим влетел в караулку, радостно вопя:
— Станах!

Молодой человек обернулся, выхватил меч и кинулся к кендеру.

— Назад! — крикнул Станах. — Хаук, это свой!

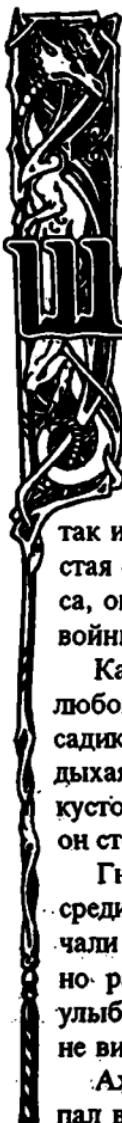
Но Хаук уже взмахнул мечом.

Лавим быстро пригнулся, и меч Хаука свистнул над его головой. Потом Лавим осторожно и медленно выпрямился и прислонился спиной к стене.

— Станах, — прошептал он, — ты не думаешь, что тебе следует рассказать ему поподробнее, что я твой друг? — Он улыбнулся Хауку и стал сам рассказывать: — Я, знаешь ли, действительно его друг. Однажды в Старой Горе на него напали двадцать пять драконидов и чуть не схватили его, но я спас ему жизнь. Потом, когда его схватили в речной пещере, мы — я, Тьорл и Кельда — снова выручили его. Да, и еще, — Станах, наверно, об этом не знает, но это правда, ты можешь спросить Тьорла, когда он сюда придет, а он сейчас придет! — я воспользовался магической флейтой Музыканта, и она перенесла нас

прямо сюда, к горам... ну, может быть, не совсем
прямо к горам. Видишь ли, от заклинания немно-
го тошнит, и я не хотел, ...ведь это было бы не
очень приятно, верно?.. если мы окажемся прямо
в середине города и нас вдруг вывернет, поэтому
мы оказались в болоте и... о, боги! — в том месте
все горело!..

Стиснутый в объятиях Станаха, Лавим уже не
смог продолжать свои не слишком вразумитель-
ные объяснения.

Глава 30

Широкие окна кабинета Гнейсса выходили в сад.

Входящему в кабинет становилось ясно сразу же: его хозяин — военачальник. На стенах были размещены картины с изображениями знаменитых битв, а также разное оружие — как старинное, так и современное. Мебель была прочная, простая — старым ветеранам, посещающим Гнейсса, она напоминала о походах и превратностях войны.

Как ни странно, но страстной, хотя и тайной любовью сурового воина были сады. Небольшие садики, похожие на лабиринты. Он любил, отдыхая, полюбоваться буйным цветением трав и кустов. Но сейчас он, казалось, не видел сада — он стоял у окна в глубокой задумчивости.

Гнейсс слышал крики играющих детей — среди них были и его внуки. Детские голоса звучали так радостно! Лицо старого воина невольно растянулось в улыбке. Такой широченной улыбки — аж до ушей — на его лице никогда не видел даже его лучший друг Хорнфел:

Ах, Хорнфел! Куда же это ты пропал?! Пропал вот уже несколько часов назад! Тебе давно

следовало бы вернуться, друг мой, в зал Совета. И не означает ли твое молчание то, что Рилгар уже захватил власть в Торбардине?

Да ведь и Рилгара тоже никто не видел нигде уже несколько часов!

Звякнуло оружие. Гнейсс обернулся: в чем дело? Два человека и полуэльф Танис рассматривали карту на столе Гнейсса. Танис и рыцарь Таран низко склонились над планом Торбардина. Их товарищ, которого Танис назвал Красавцем, сидел рядом с ними, закованный в броню. Он был очень высок, очень широк в плечах и, по-видимому, очень силен; столь крупного человека Гнейсс видел впервые в жизни.

Все трое выглядели здесь странно.

«Слишком большие, — подумал Гнейсс. — Все трое так огромны!»

Гнейсс, подойдя к столу, громко прокашлялся. Он был полководцем, но никогда не был оратором; говорил мало и всегда только по существу дела.

— Хорнфел слишком уж долго задержался у Северных ворот. — Он кивнул Танису. — Уже три часа, как его нет. Мне это не нравится. Мои разведчики докладывают, что в городах Торбардина очень тихо; даже слишком тихо. Во всех городах, кроме одного. Тейвар гудит, как развороченное осиное гнездо. — Он положил руку на стол с картой. — Итак, перейдем к делу.

Он коротко ознакомил трех друзей с положением дел в шести городах Торбардина; затем

разъяснил план защиты, составленный им ранее вместе с Танисом.

— Я еще не знаю, присоединится ли к Рилгару Ранс, — сказал Гнейсс. — Отряды моих деварцев и воины Хайлара защитят дороги, ведущие к нашим городам, и не дадут их захватить. — Он ткнул пальцем в юго-восточную часть карты и кивнул Красавцу: — Я думаю, если ты с половиной своих людей сумеешь перекрыть дорогу между Дергаром и Восточным участком, а рыцарь Таран с другой половиной перекроет южную дорогу, то воины Ранса окажутся в клетке, в которой и просидят, пока не кончится сражение.

Красавец насмешливо хохотнул:

— Это уж будет зависеть от них самих.

— От этого будет зависеть судьба моей армии, парень, — тихо сказал тан Девара.

Он повернулся к Танису.

— Ты сделаешь мне большое одолжение, — сказал Гнейсс как можно учтивее, — если возьмешь на себя общее командование всеми людьми. Есть ли у кого-либо еще какие-нибудь вопросы?

Танис смущенно улыбнулся:

— Всего один. Хотелось бы, конечно, учесть все случайности. — Он провел пальцем по северо-западной части карты, по районам, где были расположены города Клар и Тейвар, а затем ткнул пальцем в Северные ворота. — А как вот с этими?

— Здесь все ясно. — Гнейсс в свою очередь ткнул пальцем в город Тейвар; тень длинного

пальца, словно нож, разрезала карту надвое. — Отсюда все и начнется. Клар, в котором правит Туфа, находится между Тейваром и Урзанским морем. У Туфы недостаточно сил, чтобы сдержать этих подлых ублюдков, но я пошлю ему на помошь своих воинов. — Он поднял глаза, в них светилась тревога. — Получается: два поля битвы и между ними человеческое поселение... Ты хорошо знаешь своих людей, — добавил Гнейсс, обращаясь к Танису. — Раздели их сам на два отряда, командиры у тебя есть, — он показал на Красавца и Тарана, — но постарайся сделать так, чтобы отряды находились не вблизи городов.

— Некоторое недоверие к союзникам, да? — протянул Красавец.

Гнейсс помолчал, обдумывая ответ. «Ради Божественного Горна! Что же сказать, чтобы не обидеть их и не оттолкнуть от себя?!»

— Вы — наши союзники, — сказал он медленно, — и я доверяю вам полностью. Но мои воины раздражительны по природе своей, и они могут не захотеть воевать вместе с вами. Могут не захотеть — до тех пор, пока не будет уже слишком поздно. Ты меня понял, Красавец?

Глаза Красавца гневно блеснули, Танис положил свою руку на его широкое плечо, успокаивая.

Гнейссу было честное слово, непонятно, почему полуэльф, которого казалось бы, не должны особенно любить ни эльфы, ни люди, — просто потому, что он полуэльф, получеловек, — почему именно полуэльф Танис верховодит среди людей? Ведь он явно командовал не только этими двумя,

безусловно замечательными воинами, но и теми людьми, что освободили рабов Верминаарда, и всеми этими бывшими рабами.

— Больше вопросов нет?

Больше вопросов не было. Посмотрев еще раз на карту, все трое вышли. Гнейсс остался один. Он снова подошел к окну и вдруг осознал: он уже не слышит смеха детей. В садах никого не было. На улице за садом также было тихо — да, и там тоже никого не было.

Вошел начальник личной охраны Гнейсса и сообщил, что кто-то пытался убить тана Клара. Туфа, к счастью, только легко ранен и сейчас во главе своей армии идет в южный район Тейвара.

— Тан, — глаза начальника охраны суроно поблескивали, руку он держал на рукояти боевого топора. — Туфа говорит, что Рилгар отправил около пятидесяти воинов к Северным воротам. Оставшихся в Тейваре Туфа сможет какое-то время удерживать, но он опасается, что вот-вот вернутся те, кто ушел к воротам.

Гнейсс проверил, хорошо ли наточен клинок его меча, сунул его в ножны и, туго затянув пряжку, надел пояс с мечом. Теперь он знал, где находится Хорнфел, и знал, почему уже несколько часов нигде не видно Рилгара.

И Хорнфел, и Рилгар — у Северных ворот.

— Десять отрядов! Немедленно! — скомандовал он. — Четыре отряда лучников, остальные — меченосцы. Ты поступаешь под командование Туфы. Возьми остальных наших солдат и поддержи Клар.

У Гнейсса не было уже почти никакой надежды, что он успеет добраться до Северных ворот вовремя, чтобы спасти Хорнфела. Однако же сотня деварцев пройдет через Тейвар, как луч солнца сквозь тьму. Он должен хотя бы отомстить за смерть друга.

Объятие Станаха, от которого у Лавима едва не затрещали кости, сердечный поцелуй Кельды — на большее времени не было.

— Ты говоришь, и Тьорл здесь? — спросил Станах.

— О, да. — Лавим быстро-быстро закивал. — Он идет сюда и скоро здесь будет. — Кендер увидел, что Хаук пошел к воротам. — Слушай, будь поосторожнее, встречая Тьорла. Там с ним еще двое, и Тьорл не обязательно идет первым. — Потом повернулся к кузнецу: — Ты помнишь того, ну, Финна, о котором всегда говорил Тьорл, Станах? Он тоже здесь, и с ним еще Кембал. — И снова обратился к Хауку: — Не нападай на них. — Кендер говорил так, словно убеждал сторожевого пса не рвать на части приближающегося гостя. — Это наши друзья, хотя ты их и не знаешь...

Хаук ухмыльнулся:

— Ну ты и скажешь, старина! Я их всех отлично знаю.

— У него уж больно быстрый меч, у этого Хаука, — проворчал Лавим, когда Хаук ушел. — Минуту назад мне даже показалось: я пришел

сюда только для того, чтобы меня перерубили пополам, — ну как раз точно посередине... Сэр, — обратился он к Хорнфелу, — а знаешь ли ты о том, что кто-то очень хочет тебя убить?.. И...

Хорнфел, до этого молчавший, прервал бурный поток красноречия кендерса:

— Я знаю это, Лавим. Скажи-ка мне лучше, ты сам как узнал об этом?

Лавим уже почувствовал, что гном, хотя и смотрит строго, но совсем не суров — ну вот ни настолечко. И еще он подумал, что его ответ должен быть как можно более подробным.

— Кое-что мне рассказал об этом Станах. Ну, об этом Мече Бури, и как он его делал для тебя, но другой тан захотел получить твой меч, и вот вы тут все сражаетесь за то, кто будет королем, или что-то вроде того...

— Королем-регентом.

— Ну да, вот это самое. Вроде короля, а вроде того парня, который приглядывает за складом, когда лавочник уходит пообедать, верно?

Ошеломленный столь неожиданным сравнением, Хорнфел только головой кивнул.

— Вот-вот, значит, я правильно думал. Музыкант рассказал мне о том, другом тане, который сейчас собирается тебя убить. Он...

— Музыкант? — Кельда покачала головой. — Ты, Лавим, говоришь: Музыкант? Но ведь он...

— Знаю, знаю, да, конечно, он мертв. Но он, честное слово, говорил со мной. Ну, это все началось еще в Квалинести, когда Станах строил пирамиду для Музыканта и...

Послышались голоса Хаука и Тьорла. А потом какие-то крики. Станах вскочил на ноги.

— Что это, Станах? — спросил кендер.

— Это те самые враги, которые пришли, чтобы убить тана, Лавим. У тебя есть оружие?

— Только нож. Я потерял свой хупак в болоте, но...

— Вон там ты найдешь сколько угодно и какого угодно оружия — вон там, в том коридоре. Иди вооружайся и побыстрее возвращайся сюда, ко мне. — Но когда Лавим устремился в коридор, Станах неожиданно схватил его за воротник: — Подожди. А какое оружие у Тьорла и у этих двоих, что пришли с ним?

— У Финна и Кема — луки и мечи. Тьорл потерял свой лук в трясине...

— Покажешь им, где оружие. И не мешкай!

Станах понимал: сейчас нужно все хорошо и быстро обдумать. Защитников Хорнфела стало больше, но у Рилгара воинов все равно во много раз больше. Станах холодно улыбнулся. «Но теперь у нас есть лучники. А это в бою что-то да значит».

Своей забинтованной правой рукой он коснулся локтя Кельды.

— *Лит хваер*, пожалуйста, позови сюда Тьорла и... — Станах запнулся, вдруг подумав, что он говорит недостаточно убедительно.

Хорнфел кивнул Кельде:

— *Келье дтха*, когда ты сделаешь то, о чем просит Станах, передай Финну мое приглашение в Торбардин. Скажи ему, что мне очень нужны

хорошие лучники и я буду очень благодарен ему, если он приведет своих людей сюда.

Кельда послушно кивнула и убежала...

— Станах, — сказал Хорнфел, посмотрев на молодого гнома, — если я сегодня умру, то уж во всяком случае не как крыса в норе.

— Нам сейчас дорог каждый меч, тан Хорнфел, и, уж конечно, твой — не в последнюю очередь.

Станах повернулся и громким шепотом изложил свой план всем, кто был в караулке, а собрались уже все.

Со стороны нападающих все стихло, слышно было только позякивание кольчуг и мечей.

Приказ Рилгара «В атаку!» прозвучал холодно, словно голос самой зимы..

Станах поднял меч и прошептал молитву:

— Реоркс, молю тебя, пожалуйста, спаси нас...

Два лучника, Финн и Кембал, уселись на древнем механизме ворот, достать их мечами было нельзя, а стреляли они так быстро, что, казалось, весь воздух состоит из одних только стрел. Кельда даже забеспокоилась: что лучше — получить ли удар мечом в грудь от противника или стрелу в спину от своего же лучника?!

Еще более опасными были стрелы арбалета, которым вооружился Тьорл, — они с визгом мелькали в воздухе. И каждый раз эхом визга ар-

балетной стрелы отзывался предсмертный стон кого-либо из нападавших.

Хаук понял опасения Кельды.

— Не бойся, Кельда. Они не попадут в тебя, стрелять метко во врага — это их дело. Твое дело — оставаться живой.

Он хотел еще что-то добавить, но времени на разговоры не было. Хаук яростно вступил в бой.

Кельда сражалась не лучше, чем в предыдущем бою, но, пожалуй, с большей яростью.

Не нужно было быть воином и мужчиной, чтобы понять: они в ловушке. За их спинами не было ничего, кроме горящей долины, да и та — на тысячу футов ниже пещеры.

Сразу два одетых в черно-серебряную форму стражи напали на Кельду слева и справа. Она успела вонзить нож в горло одного и ударить другого носком ботинка в колено. Кровь была повсюду, она дымилась на лезвии ее ножа и текла по пальцам.

Кто-то — ей показалось, Лавим — крикнул, чтобы она пригнулась; Кельда хотела пригнуться, но поскольку знулась и упала на залитый кровью пол. Рядом с ней стоял на одном колене тейварец и целился из арбалета в Хорнфела.

— Негодяй! — отчаянно завопила она, бросилась на гнома сзади и вонзила ему нож между лопаток.

Предсмертный вопль тейварца заставил ее вздрогнуть..

Снова предупреждающе крикнул Лавим — и в дюйме от ее головы пролетел нож.

Кельда услышала чей-то ужасный стон и обернулась.

— О, ну зачем, зачем она обернулась?!

В поясницу вонзился нож, и острые боли тотчас пронзила все тело; тошнота подкатила к самому горлу, в глазах потемнело.

Она почувствовала, что быстро слабеет, потом — откуда-то издалека — услышала, что кто-то позвал ее по имени.

У нее не было уже не только сил, чтобы освободиться от навалившейся на нее тяжести, но и дыхания, чтобы ответить на зов.

Она слышала скрежет стали, ударившейся о кость.

Это ее ударили? Ее?

Она не знала... Боли не было... До тех пор, пока клинок не выдернули из раны. Тогда она осознала, что ударили ее.

И — потеряла сознание.

Предсмертные крики мрачным эхом отдавались в душе Хаука. Бешеная ярость овладела им, он молча бросался на врагов и убивал, убивал... как будто это могло принести ему утешение. Те, кто пал от его меча, могли бы считать, что им еще повезло, если перед смертью они не видели его глаз...

— Кельда! — закричал кто-то неподалеку.

Хаук выдернул меч из живота очередного тейварца.

— Кельда!

Она лежала на залитом кровью полу лицом вниз; ее левая рука была подвернута, а правая откинута в сторону, будто просила помощи или поддержки. Возле нее лицом вверх лежал мертвый тейварец. Две стрелы торчали из его тела: одна пробила ему грудь, другая — горло.

Но подойти к ней Хаук не смог. Рилгаровские стражи неудержимой толпой лезли в караулку, волны сражения все время относили Хаука в сторону, и он мог только изредка взглянуть туда, где лежала Кельда. Молчаливая и неподвижная. Как мертвая.

— Кельда! — это закричал тогда Тьорл.

Но было уже поздно. Слишком поздно!

Он выстрелил, и стрела пробила горло тейварскому стражу. Но слишком поздно!

Диким взглядом обвел он помещение в поисках кого-либо из своих, кто мог бы ей помочь. Лавим находился недалеко от нее, но едва Тьорл хотел крикнуть ему, как кен더라 сбил с ног один из тейварцев.

Кто мог бы помочь Кельде? Как ей помочь?

Как спасти остальных?

Тьорл послал стрелу в грудь гнома, намеревавшегося ударить Лавима ножом в спину, и крикнул Станаху, который только что выдернул меч из живота своего противника, — крикнул о том, что случилось с Кельдой.

Шум сражения оглушительно гремел в ушах. И Тьорл вовсе не был уверен, что Станах услышал его крик, но крикнуть еще раз он не успел — на него навалились сразу четыре тейварца. Они

были слишком близко, выстрелить в них из арбалета было невозможно. Тьорл схватил в одну руку меч, в другую — нож и с именем Кельды на устах, как если бы это был боевой клич, бросился на врагов.

Станах сражался спина к спине с Хорнфелом. Тан Хайлара был искусным воином, и, пока Станах защищал его спину, тейварцам одолеть его никак не удавалось.

А Станах, отбивая атаки врагов, думал: вообще-то в этой караулке с ее узким входом им, восьмером, можно было бы продержаться очень долго. Но... Один из восьмерых — не умеющая сражаться слабая девушка, другой — старик кендер! Финн и Кембал и так уже сильно сдали.

«И я — с одной рукой. И скоро выбьюсь из сил...»

Хорнфел ловко убил сразу двух тейварцев и повернулся к Станаху.

— Отдохни, Станах, — тяжело дыша, сказал тан, — я и сам могу защитить свою спину. Отдохни. А потом — ты нужен и другим!

— Я нужен здесь, — проворчал Станах.

Он взмахнул мечом и отрубил напавшему тейварцу руку. Белым сверкнула кость, хлынула красная кровь. Тейварец не закричал — только с тонким свистом выдохнул воздух. Крик Станах прочитал в его глазах.

И тут перед ним появился другой враг.

Рилгар!

Сам Рилгар!

Когда тан Тейвара взмахнул Мечом Бури, его глаза засверкали неистовой ненавистью. В этих глазах Станах увидел свою смерть — так же как увидел ее и в красном сиянии меча.

Он успел подставить свой меч под удар Рилгара. Но сил у него было уже явно мало, Рилгар отжимал его меч, и Меч Бури уже едва ли не касался лица Станаха.

Вот Рилгар зашипел, и Станах, ощущая, как задрожала его изувеченная рука, понял, что тан Тейвара уже чувствует себя победителем: Рилгар не шипел, а смеялся.

И тут кто-то, дико вскрикнув, свалил Станаха с ног. Сталь Меча Бури разрезала воздух там, где только что была шея Станаха.

Падая, кузнец выронил меч. Оказавшись на залитом кровью каменном полу, он с трудом перевел дух и почти вслепую захлопал здоровой рукой по камням, нащупывая меч.

— Вставай! — закричал рядом Лавим. — Вставай, молодой Станах! Поднимайся! Их становится все больше и больше! Посмотри!

Все еще задыхаясь, Станах поднялся на ноги и осмотрелся вокруг. Да, воинов стало больше!

И вдруг он громко рассмеялся. У гномов, которых он увидел, была форма цветов Девара: красный и серебристый!

— Это же наши друзья, Лавим! Это же воины Гнейssa!

Станах глубоко вздохнул и только тут понял: он уже не слышит песен, которые пели тетивы

луков и арбалета.. Звон стали доносился теперь уже только из большого Зала. В караулке позади него было совсем тихо. Он посмотрел на старого кендера. На кендера, который вновь спас ему жизнь.

— Где... Где тан?

Руки кендера были по самые локти в крови, на щеке — огромный синяк, его черный плащ превратился в грязную тряпку. Но Лавим твердо стоял на ногах, и его глаза все так же сияли зеленым веселым светом.

— Точно не знаю, — сказал Лавим. — Возможно, он в караулке. Он пошел, кажется, туда. Станах, тот гном с безумными глазами, который чуть не отрубил тебе голову, пошел за ним! Пайпер говорил, он и есть тот, кто хочет убить Хорнфела.

— Музыкант говорит... — Станах встряхнул головой. — Музыкант говорит...

Но сейчас не время беседовать о мертвом маге! Он должен поскорее найти Хорнфела.

— Кто еще жив? — спросил Станах.

— Финна ранили в ногу. Хаук жив-живехонек. Кельда ранена, но минуту назад я говорил с Кемом — он сказал: она будет жить.

Кендер замолчал, теребя свою длинную белую косу.

— Лавим, — спросил Станах, — кто-то еще ранен? Убит?

— Я... Я не знаю, если с Тьюрлом все обойдется...

— Что с ним? — буркнул Станах.

— Тот гном с безумными глазами... Ну, он погнался за Хорнфелом, и Тьорл встал между ними, и Меч Бури...

Станах медленно оглядел зал. Двадцать девять тейварцев лежали мертвыми или умирали; Рилгара среди них не было. И Станах не знал, где сейчас Хорнфел.

А Лавим не знает, остался ли жив Тьорл...

Станах заговорил хриплым голосом, его горло скжalo предчувствие неминуемого несчастья.

— Я должен найти тана. Я... Я должен найти его, должен, Лавим. Хаук сейчас с Кельдой?

— Да.

— Пойди к нему. Мы в долгу перед ним: мы ведь еще не отомстили за его муки. Скажи ему: я знаю, где мы сможем отомстить полной мерой.

Лавим взглянул на кузнеца и отошел от него, а потом вспомнил, что от волнения забыл рассказать Станаху о драконе. Он повернулся назад, но Станаха поблизости уже не было.

Глава 31

ече у Хорнфела не было. Не было у него и ножа. У него была только его жизнь, но и жить ему, похоже, оставалось недолго. Он поднял голову и заговорил со спокойным достоинством:

— Убей меня, тейвар, убей, и ты прославишься как Проклятый Король. — Его карие глаза засияли. — И помни: нет проклятия тяжелее, чем от убитого. Прими мой вызов. Здесь, над королевством, которым ты хочешь править, здесь давай мы и решим наш спор. Решишься ли ты встретиться со мной один на один в честном бою?

Они стояли лицом к лицу на уступе, словно две статуи, вырубленные из живого камня горы. Тан Хайлара и тан Тейвара. Дымный ветер кружила вокруг них, шевелил их одежду и волосы. Но Станаху они показались двумя высеченными из камня монументами. Странный спор двух странных монументов.

Они оба должны были бы слышать, как подошли Станах и Хаук, но ни Рилгар, ни Хорнфел не обернулись. Станах услышал свой голос будто бы со стороны.

— Мы можем сразиться с ним, тан Хорнфел.

Хорнфел не отвел глаз от Рилгара, но, когда он заговорил, он говорил для Станаха:

— Конечно, вы это можете. Но я бросил ему вызов, и он принял его.

«Да, — подумал Станах, — но победишь ли ты? Нам нужен ты, Король-регент, а не этот безумный маг *derro*. Хорнфел! Не вступай с ним в бой!»

В душе Станаха вновь прозвучали странные слова Изарна: «Я сделал Меч для тана Хайлара. Рилгар убьет им Верховного Короля».

Там, в подземных коридорах, Станах с недоверием отнесся к словам старого мастера; теперь, стоя на уступе, в тысяче футов над долиной, глядя на красное сияние Королевского Меча, Станах почти готов был уже поверить, что Изарн сказал правду.

Станах спорил с самим собой. Пытался спорить. Ну, в самом деле, где Молот Хараса? И как быть с легендой, которая утверждает, что именно Молот должен освятить Меч Верховного Короля? Никто не знает, где Молот. Никто и никогда не видел этого мифического Молота. И хотя Изарн Молотобоец, выковавший Королевский Меч, перед смертью называл Хорнфела Верховным Королем, он, должно быть, действительно был не в своем уме и реальностью ему просто представлялись легенды.

За его спиной раздались шаги нетерпеливого Хаука. Станах жестом попросил его не подходить.

— Мы можем сразиться с ним, — прошептал Хаук. — Станах, мы можем сейчас и сразу покончить с этим ублюдком..

Станах отрицательно покачал головой:

— Нет. Это дело танов. А мы, Хаук, мы подождем.

Но Хаук не хотел услышать из уст Станаха ничего, кроме смертного приговора Рилгару. Его рука взялась за рукоять меча.

— Чего мы будем ждать? — жестко спросил он. — Смерти Хорнфела?

— Он — умелый воин. Он не должен умереть.

С холодной, как лед, улыбкой Рилгар приподнял голову, он словно бы уже чуял запах своей победы. В серых сумерках его глаза стали похожи на змеиные, зрачки сузились, будто сумеречный свет земли казался ему ослепительным сиянием.

Станах вздрогнул от внезапного страха. Внезапного — будто принесенного порывом ветра.

Его глаза! Да, его глаза! Рилгар не любит света, и для боя с Хорнфелом он должен был бы выбрать место потемнее, и такая возможность у него была! Почему же Рилгар здесь? Почему он не увел Хорнфела обратно в караулку?

Рилгар поднял руку, губы его зашевелились, беззвучно произнося магические слова.

Страх вновь пронзил Станаха и заполнил все его тело.

— Хорнфел!...

Но — слишком поздно!

Сумерки превратились в полночь, беззвездную, безлуинную, заполненную могильной тьмой. С ледяного неба оглушающе прогремел боевой

крик дракона. Станах упал на колени, как если бы этот крик вытянул из него все силы. Ослепленный заклинанием темноты, какое произнес Рилгар, оглушенный страхом, каким окружил себя дракон, Станах услышал только крик Хаука да гневный голос Хорнфела.

Изdevательский смех Рилгара летел в темноте, словно на крыльях дракона.

— Ублюдок! — прорычал Станах. — Вероломный ублюдок!

Поднятый крыльями дракона ветер бросил кузнеца на скалу с такой силой, что он не сразу смог перевести дыхание. Оглушенный, ошеломленный, пойманный в паутину тьмы и страха, Станах оказался совершенно беспомощным. Над кузнецом снова пролетел дракон, на этот раз порыв ветра потащил его к краю уступа, под которым в тысяче футов ниже бушевало пламя; языки этого огня тянулись вверх, готовые тотчас поглотить все, что упадет к ним.

Хаук, закричав, схватил его за запястье правой руки и оттащил от края уступа. Затем отвел в караулку.

Эхом всего этого кошмара до Станаха донесся звон стали, сталкивающейся со сталью в сплошной темноте..

Тан! О, Реоркс, там Хорнфел!

— Он сражается вслепую! — побледнев, крикнул Хаук.

Охвативший Хаука ужас молнией пробежал по его рукам и дрожью отозвался в теле Станаха,

Тьорл, тяжело опираясь на подставленное Лавимом плечо, заставил себя подняться на ноги. Ему случалось видеть людей, встававших на ноги, когда они не могли даже дышать; тогда он удивлялся, как такое возможно, но теперь он знал, что такое возможно. Медленно унося жизнь, из раны на животе сочилась кровь.

Это произошло быстро, очень быстро!.. Ярость и бешенство битвы достигли своей высшей точки — и тут в большой Зал ворвались одетые в красную с серебром форму воины Девара. Сидевший на стойке старого механизма ворот Тьорл вдруг увидел Рилгара — увидел, как тот взмахнул Мечом Бури над Хорнфелом. У Тьорла не было времени зарядить арбалет — он, не раздумывая ни секунды, бросился к тану Тейвара.

Эльф встал между Хорнфелом и Рилгаром и принял на себя предназначавшийся тану Хайлара удар.

Сейчас он не чувствовал боли — только холод во всем теле. И поэтому понимал, что умирает.

И что значит для умирающего страх, какой напоняет на всех дракон?

— А... арбалет, — прошептал он.

Лавим отрицательно покачал головой:

— Тьорл, я не думаю, что ты...

— Пожалуйста, помоги мне, Лавим.

— Нет, Тьорл. Ты должен подождать Кема. —

Голос кенцера дрожал. — Он поможет тебе, Тьорл, ты увидаишь. Ты сам увидаешь, Тьорл, что Кем поможет тебе...

Тьорл прислонился лицом к каменной стене. Даже попытка говорить усиливала холод во всем его теле. Он провел ладонью по флейте Мзыканта, висевшей у него на поясе.

Лавим как-то говорил, что Мзыкант может читать его мысли. Тьорл сжал флейту.

«Мзыкант, — стал думать он, — скажи кендеру, чтобы он помог мне. Я могу убить этого дракона, если только он поможет мне. Мзыкант...»

Лавим, делай то, что он просит. Делай так, как он говорит.

Кендер протестующе закачал головой; пальцы Тьорла вцепились в его плечо.

— Пожалуйста, Лавим.

И все-таки, даже вкладывая арбалет в руки Тьорла, Лавим продолжал твердить:

— Тьорл, тебе следует остаться здесь. Ты должен подождать Кема. Он сейчас с Кельдой, но...

— Кельда, — прошептал Тьорл. — Лавим, она жива?

Лавим быстро-быстро закивал головой:

— Она чувствует себя прекрасно. Так сказал Кем. Пожалуйста, Тьорл, пожалуйста, разреши мне помочь тебе сесть. И подожди, когда придет Кем и перевяжет тебя.

Тьорл рукой сжал плечо Лавима:

— Помоги мне там, на уступе.

— Нет, Тьорл!

Боль, которая должна была сверлить его изнутри, пока еще не чувствовалась, но он понимал, что она подкрадывается к нему, как безжалостный волк.

— Музыкант, скажи ему.

Тьорл увидел, как кендер, вскинув голову, слушает безмолвные слова Музыканта.

Лавим, так уже было, когда ты должен был помочь Кельде выправить пальцы Станаха. Я знаю, что ты не хочешь слушаться Тьорла, но ты должен. У нас нет времени для споров. Делай как он скажет.

— Но зачем нам туда идти? Он должен дождаться Кема! Музыкант!..

Голос кендера постепенно затухал, сливаясь с завыванием ветра. Тьорл плохо представлял себе, как ему удастся выйти на уступ. Руки Лавима тряслись, но он все же поддерживал Тьорла, и они медленно-медленно, но пошли.

Холод на уступе показался эльфу пустяком по сравнению с заполняющим его тело холодом.

Где-то рядом, хоть и казалось, что далеко, — звенела сталь о сталь. Темнота накрывала уступ могильным саваном. В глубине души проснулся страх высоты и тихонько зашептал что-то Тьорлу. Но только зашептал. И совсем тихо. Как исчез страх перед драконом, так пропала и боязнь высоты.

— Лавим, натяни тетиву.

Он слышал, как Лавим, поставив арбалет на землю и натягивая тетиву, ворчал. Слышал, как с воем, заглушающим шум ветра, черный дракон набирал высоту и разворачивался, чтобы снова спикировать на уступ.

Хриплый голос Хаука кричал:

— Станах! Он сражается вслепую!

Почувствовав в своих руках арбалет, Тьорл открыл глаза.

— Музыкант видит вместо тебя, — прошептал Лавим. — Все будет как ты задумал.

— Направляй мою руку!

— Он будет...

— Ты правильно наложил стрелу?

— Ну конечно, Тьорл!

Эльф вдохнул воздуха, и тут боль всей тяжестью навалилась на него. Ветер со свистом ворвался в темноту. Дракон пикировал на уступ, завывая с дикой и свирепой радостью...

Только что Тьорл не мог приподнять рук, и вдруг они стали легкими. Тьорл поднял арбалет и, мысленно возвзвав к Музыканту, приготовился стрелять в дракона, которого он не мог видеть.

Заклинание страха, произнесенное драконом, тяжким грузом лежало на сердце Станаха. Хорнфел был в магической темноте слеп, но каким-то образом он находил возможность сражаться и со страхом, что вызвал дракон, и со своим злейшим врагом — Рилгаром. Слепота против Меча Бури и убийцы, в чьих руках находился Меч! Слепота на уступе, под которым тысяча футов пустоты!

Но прежде чем кузнец вспомнил, что не может двигаться из-за парализующего его действий страха, он уже вырвался из рук Хаука и побежал из караулки.

Ошеломленный, с мучительной головной болью, Станах, выбежав на уступ, остановился. Он мог видеть даже в кромешной тьме, но сейчас он не видел ничего.

Вдыхая дымный холодный воздух, Станах старался взять себя в руки. Это ему удалось, он понял, что может определить место боя по хриплому дыханию сражающихся и звону стали.

С ледяных небес пикировал на уступ дракон. На людей и гномов накатывались волны страха. Вслушиваясь в звуки боя, Станах медленно пошел вперед, молясь, чтобы он смог правильно определить, кто из сражающихся Хорнфел и кто — Рилгар.

Сталь клинков звенела в магической темноте. Медленно подходя к танам, Станах вслушивался в шаги и в тяжелое дыхание сражающихся.

И тут Станах неожиданно для себя услышал жужжение летящей арбалетной стрелы.

Они были ничего себе — эти эльф и кендер. Скажем, кое-что для возбуждения аппетита. Досыта ими не наешься, конечно, но все же.

Дракон просто рассмеялся, когда он увидел арбалет в руках эльфа.

Интересно, что же это хилое создание собирается делать со своей жалкой игрушкой?!

Темная Ночь отвел крылья назад, вытянул передние лапы; метнувшись к уступу, он засмеялся во весь голос.

Он услышал звон спущенной тетивы, ощущил, как едва заметно вздрогнул воздух. Серебром сверкнул стальной наконечник стрелы. И вонзился точно в левый глаз чудовища. И его смех тут же превратился в предсмертный вопль.

Дракон успел еще удивиться и испугаться: почему он не может взмахнуть крыльями? Почему онемели лапы? И еще прежде, чем сознание покинуло его, он почувствовал боль. Жуткую боль.

И успел понять, что наступает смерть.

Темная Ночь падал в горящую долину, обгоняя эхо своего предсмертного крика.

Словно луч света во тьме, вопль дракона, отражаясь бесконечным эхом на склонах горы, разорвал слепоту Станаха.

Словно лед под лучами солнца, таял страх драконьего заклинания, и темнота, вызванная им, исчезала, как дым на ветру.

Черный Дракон был мертв!

Станах огляделся, отыскивая Хорнфела.

Тревожно вскрикнул Хаук. Звякнула о камни сталь, и Станах увидел Хорнфела, стоящего без оружия спиной к горящей долине. В развевающемся на ветру черном плаще, с безумно горящими глазами, перед ним стоял Рилгар с Мечом Бури в руке.

— Огонь или меч? — прошептал он. — Пламя или сталь?

Лицо Хорнфела было смертельно бледным, но страха в его глазах не было.

— Сталь, — сказал он Рилгару и насмешливо поманил его к себе пальцем. — Посмотри мне в глаза, если можешь.

Рилгар сжал рукоять Королевского Меча и выставил его перед собой, целясь прямо в горло Хорнфела.

Станах прыгнул на тана Тейвара в ту самую секунду, когда Хорнфел бросился ему в ноги. Маг упал на землю, Станах ударил его в плечо, а Хорнфел — по ногам.

Но, падая, Рилгар с силой ударил Станаха локтем в подбородок, и тот тоже упал. Он попытался сразу же подняться на ноги, но не смог. Рилгар, держа Меч в руке, боролся с Хорнфелом. Тан Тейвара лягнул ногой и ударил Станаха по голове каблуком сапога. К счастью, две сильные руки подхватили кузнеца и поставили его на ноги. Это пришел ему на помощь Хаук.

— Здесь нет места, чтобы нам ввязаться в бой, — сказал Хаук, крепко обхватив Станаха.

Рилгар все-таки сумел вырваться из рук Хорнфела. Размахивая Королевским Мечом, как боевым топором, он бросился на тана Хайлара. Хорнфел мгновенно перекатился к скале. Сталь с силой ударила о камень. Рилгара отбросило к краю уступа. Хорнфел что-то прорычал, затем выкрикнул яростное проклятие. И поднялся на ноги раньше, чем его проклятие отразилось эхом от скалы.

Стоя на краю уступа, держа Меч Бури в правой руке, Рилгар зашатался. Станах увидел, как страх смерти сверкнул в глазах мага *дерро*, когда из-под его ноги выскоцил камень.

Задыхаясь от напряжения, Хорнфел рванулся к Рилгару и обеими руками схватил его за руку, держащую Меч, а потом, упав на колени, потащил его от края уступа.

— Отпусти его! — крикнул Хаук.

Хорнфел, стиснув зубы, отполз вместе с Рилгарам еще дальше от пропасти.

— Отпусти его, — прошептал и Станах.

Но Хорнфел не отпускал мага.

Вот пальцы тана Хайлара коснулись рукояти Королевского Меча. Рилгар запрокинул голову назад и завопил; Хорнфел вырвал у него Меч. На мгновенье, отражая последний свет сумерек, сверкнула сталь клинка.

Маг отшатнулся. И упал с обрыва.

Станах закрыл глаза, что-то мучительно царяло у него в горле. Какое-то бесконечно долгое мгновение он даже не знал, забывается ли снова его сердце.

К Станаху подошел Лавим. Хаук передал кузнеца в руки кендера, а сам бросился к Хорнфелу.

Станах открыл глаза и огляделся. Лавим что-то говорил ему, но что именно — Станах не мог разобрать.

— Медленнее, — хрипло прошептал гном, — Лавим, говори медленнее.

Лавим взял Станаха за левую руку.

— Идем со мной, Станах, — сказал он. — Сейчас ты должен идти со мной.

Гном ничего не ответил — просто послушно пошел с кендером.

Он услышал печальный голос Кельды и затем увидел ее.

Она стояла на коленях, поддерживая голову лежащего Тьорла. Одежда на ней была разорвана, виднелись бинты. Она что-то сказала Лавиму,

кендер с побелевшим лицом пошел к воротам и закричал:

— Кембал!

Станах видел печальное лицо Кельды, ее дрожащие руки. Она положила пальцы на горло Тьорла, надеясь почувствовать биение жизни... О, слишком много крови было на охотничьем костюме эльфа!..

Услышав голос Хаука, Станах обернулся. Хаук пристально смотрел на Меч Бури, который держал в своей руке Хорнфел, и что-то говорил.

Тан Хайлара подошел к Тьорлу и медленно положил Королевский Меч рядом с ним. Когда, выпрямившись, Хорнфел посмотрел на Королевский Меч, в его глазах мелькнуло странное отвращение, мгновенно исчезнувшее, но успевшее холдком задеть сердце Станаха.

Меч лежал рядом с умирающим Тьорлом, и огонь горна Реоркса пульсировал в клинке.

Хаук встал на колени и положил свою дрожащую руку на руку Тьорла. Его губы беззвучно шептали имя друга. Друга, пришедшего спасти его от рилгаровских пыток... Печальнее глаз, чем сейчас у Хаука, Станах не видел никогда в жизни. Кузнец мягко коснулся плеча Кельды:

— *Лит хваер.*

Он сел позади нее.

— Я послала Лавима за Кембалом. — Печаль звучала в ее голосе. — Но Кембал уже не поможет... Тьорл умирает, Станах.

Кельда прижалась к плечу Станаха, уткнулась лицом в его густую черную бороду. Он погладил

ее по руке и посмотрел на Хаука. Было видно: Хаук не желает смириться с мыслью о том, что его друга нельзя спасти.

Неожиданно Тьорл вздрогнул. Его губы щевелились, как если бы он хотел что-то сказать. Его ладонь, лежащая в ладони Кельды, дрогнула, девушка отвернулась, и в ее зеленых глазах замерцали слезы.

Очень осторожно, чтобы не причинить ему лишнюю боль, Кельда наклонилась и поцеловала Тьорла.

— О, — прошептал Тьорл, — однажды ты уже поцеловала меня: на счастье и на прощание. В Старой Горе. — Он поднял руку, коснулся ее лица. — Кельда.

Рука его бессильно упала.

Кельда всхлипнула, а сердце Станаха наполнилось невыносимой печалью.

Меч Бури принес Тьорлу смерть.

Глава 32.

Меч Бури.

Королевский Меч, сотворенный из осколков сумерек и полуночной звезды.

Меч принадлежал Хорнфелу, и Меч был теперь в Торбардине. Но Хорнфел даже не притрагивался к нему.

Гномы Торбардина признали тана Хайлара Королем-регентом, одни — радостно, другие — угрюмо, однако официально церемония могла произойти только по истечении семи ночей; до этого носить Королевский Меч было нельзя.

Хорнфел поднял крышку сундука, в котором хранился Меч Бури. Покрытый бархатом цвета дыма и атласом цвета огненного сердца стали, которой коснулся Рейоркс, этот сундук хранил в разное время Королевские Мечи всех Верховных Королей.

Теперь он хранит Меч Короля-регента. В Зале Танов около него поставлена надежная стража, но все, кто желает, могут видеть его, удивляться ему, восхищаться им.

И гномы приходят сюда, словно верующие — в храм. Зал Танов никогда не охранялся так тщательно, как в эти дни. Все шесть танств

выделяли стражей — те дежурили круглосуточно: и днем, и ночью.

Хорнфел отступил назад от сундука, от длинного ларца, который теперь каждый раз, когда он его видел, все более и более напоминал ему гроб. Разве еще какой-либо Королевский Меч обошелся такой же дорогой ценой, как последний?!

Когда тейварцы, сражавшиеся у города Клара, узнали, что их тан мертв, они сразу же побросали оружие и в панике бежали с поля боя.

Хорнфел с грустью думал, что теперь кровь прольется в самом Тейваре и будет литься до тех пор, пока тейварцы не выберут нового тана.

Ранс повел свою армию в район, где поселились люди, но отряды Таниса действовали быстро и решительно: рыцарь Таран стойко держал оборону на юге, а Красавец в это время нанес по армии Ранса удар с севера.

План Рилгара провалился.

На Совете Танов Ранс заявил: он всего лишь хотел защитить свои владения, потому что полагал, что люди Таниса — в союзе с Тейваром, и что, если бы Рилгар захватил власть, им было бы позволено мародерствовать в Торбардине. Никто не смог, к сожалению, доказать, что на самом деле именно он, Ранс, был союзником Рилгара.

Хорнфел вздрогнул, осознав, что стоит неподвижно, уставившись на Меч: Украшенная серебром, золотом и сапфирами рукоять и огненный клинок из великолепной стали... это цена стольких жизней!

Он устал до глубины души, а главное, он не знал, что ему делать со своим регентством. С регентством, доставшимся ему ценой смерти его родственников, друзей и даже людей-пришельцев, которые умерли ради него.

Тан Хайлара услышал шаги и резко обернулся, почему-то подумав, что это — Музыкант. Он уже чуть было не воскликнул: «Музыкант!», но вовремя спохватился — это был кендер Лавим Попрыгунчик.

Хорнфел удивленно посмотрел на кендера. Получается, Лавим прошел мимо двадцати четырех вооруженных воинов и ни один из них его не заметил!

Кендер, как всегда бодрый и благожелательный, ответил на немой вопрос Хорнфела с явным удовольствием.

— Ты знаешь, тан, они ведь смотрят только на тебя и больше ничего не видят. Ну да ладно, стоит ли об этом говорить? Поговорим о другом. Скоро зайдет солнце, и кое-кто ждет тебя в Долине Танов. Думаю, что тебе было бы не лишне там побывать, поэтому я и пришел за тобой. Ну и, кроме того, признаюсь, я хотел еще разок посмотреть на Меч Бури. — Он показал пальцем на Королевский Меч. — Я, конечно, видел эту вещь много раз. Но должен тебе сказать, что здесь этот Меч выглядит как-то иначе.

Хорнфел улыбнулся:

Что значит иначе?

Ну, иначе... Он мне кажется больше, что ли...

Желая лучше рассмотреть Меч, Лавим подошел к сундуку поближе. Хорнфел стоял рядом с ним. Лавим, конечно, забавный и бесхитростный, но все же он кендер — и ухо с ним надо держать востро.

— Нет, не больше, — высказал Лавим результаты своего обозрения Меча. — Просто, я думаю, он сейчас уже не похож на Меч Кельды. Или Хаука. Или кого-либо еще. — Лавим пожал плечами, а потом задумчиво поднял глаза к потолку. Глаза его сузились. — Правильно. *Его*.

Хорнфел почему-то вздрогнул.

— Лавим, — медленно и осторожно сказал он, — с кем ты сейчас говорил?

Морщинистое лицо Лавима просияло:

— С Музыкантом, конечно.

Музыкант! Еще три дня назад, в караулке, Лавим, захлебываясь словами, торопливо рассказывал ему, Хорнфелу, почему он столь ловко прошел к Северным воротам по уступу шириной в пять футов. Кендер тогда заявил, что он постоянно советовался с призраком Музыканта. Финн, помнится, тогда нехотя подтвердил слова кендера. Хорнфел не знал, что и подумать...

Лавим вскинул голову, слушая какой-то голос, которого Хорнфел не слышал.

— О, — сказал он, будто что-то вспомнив, — правильно. Я совсем забыл.

Он засунул обе руки в карманы своего старого черного плаща, пошарил в них: То, что он наконец извлек из кармана, вызвало у Хорнфела улыбку: кендер держал в руке столь хорошо знакомую Хорнфелу флейту Музыканта.

— Тебе ведь знакома эта вещь, да? Это флейта Музыканта. Она магическая, я точно это знаю, я пользовался ею дважды. Один раз, когда спасал Станаха от этих...

— От тейварцев.

— Верно. И еще один раз, когда она перенесла меня, Финна, Кема и... — Лавим чуть пригорюнился, глаза его потемнели, — и Тьорла из Кровавых Холмов, через болота, сюда. Ее должен был принести тебе Станах — ведь, как он сказал, ты и Музыкант были близкими друзьями.

— Близкими друзьями... Именно так Станах и сказал?

— Вообще-то нет. Это я так сказал. Но Станах, конечно, сказал бы именно так, если бы он об этом подумал.

Хорнфел нежно погладил флейту пальцами.

— Музыкант действительно говорит с тобой, Лавим?

Кендер быстро-быстро закивал головой, его белая коса запрыгала вверх-вниз, вверх-вниз.

— Ну, конечно! Он рассказывал мне, как ты спас его от темницы; когда он оказался в Торбардине, и как свет поступает в Торбардин с поверхности земли; и о садах, и о фермах. — Глаза Лавима засверкали: — И он сказал мне еще кое-что... он сказал... Ну, в общем, я не могу сейчас рассказать тебе об этом. — Лавим вздохнул: — Но не переживай, скоро ты узнаешь обо всем. Да, да... Но есть одна вещь, о которой я могу тебе рассказать прямо сейчас.

Хорнфел снисходительно улыбнулся. Настроение у него начало улучшаться.

— О чём же?

Лавим сунул флейту обратно в карман и произнес торжественным тоном:

— Он сказал, что ты должен принести Меч Бури в Долину Танов, когда ты пойдешь туда для... ну, в общем, когда ты туда пойдешь...

«Для похорон Тьорла», — подумал Хорнфел. Да, здесь в ближайшие дни будет много похорон... Хорнфел должен будет ходить на все, на какие сможет. Но похороны Тьорла... Похороны Тьорла должны быть — по крайней мере, для Хорнфела — также и похоронами Музыканта. И Киана. Эльф, гном и человек — все они умерли за Меч Бури. И за него, Хорнфела.

Разумеется, следовало принести Королевский Меч на похороны Тьорла, но ведь до официальной церемонии введения в сан Хорнфел не имеет права носить Меч. Даже для похорон Тьорла.

Хорнфел покачал головой:

— Я не могу сделать этого, Лавим. Пока я еще не имею права носить Меч Бури. Поэтому и не могу принести его в Долину Танов.

— Мммм. Действительно не можешь? Это что: будет невежливо, или ты нарушишь закон?

— И то, и другое.

Какое-то — совсем короткое — время, Лавим то ли думал, то ли слушал.

— Так, ну что же, тогда и не носи его, не пристегивай к поясу — просто доставь его туда.

— Лавим, я думаю, что...

— Ну, тогда смотри, — серьезно сказал Лавим и, не переставая говорить, подошел к сундуку. — Это ведь только кажется всем проблемой. Все говорят, что я никогда не думаю, и все считают, что вот они-то действительно думают. Не всегда хорошо; когда долго думают да размышляют. Это может привести только к нерешительности..

Быстро-быстро — так снует форель в ручье. — Лавим взял из сундука Королевский Меч и сунул его в руки Хорнфелу.

— Ну вот! Если мы и нарушаляем какой-то закон или проявляем невежливость, — хотя, я полагаю, ты всегда излишне вежлив, — ты все же можешь подержать его в руках час или около того. Ведь ты же можешь подержать его в руках десять секунд, ведь верно? Так какая же разница?!

Рукояти Меча Бури было удобно в ладони Хорнфела. Меч был сделан специально для его руки.

— Это именно Мзыкант сказал, чтобы я доставил его? — спросил Хорнфел.

Лавим торжественно кивнул.

— Ну что же, значит, я доставлю его... Но ведь ты хотел отдать мне флейту?

— Ах да, верно. — Лавим похлопал себя по карману. — Но ведь ты же будешь нести этот тяжеленный меч. А о флейте не беспокойся, я в целости и сохранности буду носить ее пока в своем кармане.

Глава 33

дома, — думал Станах. — Дома!»

Левой рукой и плечом он подкатил еще один камень для пирамиды Тьорла. Он напомнил себе о доме потому, что сегодня на рассвете он был, разумеется, действительно дома. Сейчас, когда закатное солнце окрашивало Долину Танов красным цветом, ему еще необходимо было постоянно напоминать себе об этом. Нет, Торбардин, пока он отсутствовал, не изменился. Все то же, все так же. Но сам он изменился сильно.

Станах вспомнил о встрече с родителями, с друзьями, но ему не хотелось вспоминать о том, как они смотрели на его изуродованную правую руку, и о том, как они смотрели в его глаза, когда поняли, что он уже не тот тихий и мирный кузнец, каким он был лишь несколько недель назад.

Он побывал во Внешних Землях и вернулся домой другим.

И дело вовсе не в егоувечье... Он изменился потому, что увидел за последние дни гораздо больше, чем многие гномы за всю жизнь.

Холодный ветер промчался через Долину Танов. В старину здесь была большая пещера;

эта пещера давно исчезла, а появившаяся на ее месте впадина превратилась в долину с маленьким озерком посередине, на берегах которого гномами были разбиты небольшие сады.

... В Долине Танов гномы хоронили своих мертвых, а кроме того, это было место, где они, обычно относившиеся к магии с великим недоверием, радовались волшебству, ибо в воздухе над озером висела гигантская пирамида Могилы Дункана и ее удерживало в воздухе только заклинание одного давно умершего мага.

Здесь был похоронен Дункан, последний Верховный Король гномов. После его смерти, вот уже три сотни лет, в Торбардине не было Верховного Короля. И, видимо, не будет. Ибо Харас, друг и телохранитель Дункана, постановил, что следующим Верховным Королем станет лишь тот, у кого будет не только Королевский Меч, но и Боевой Молот, изготовленный самим Харасом и спрятанный им неведомо где с помощью магии. И до сих пор никто Молота Хараса нигде еще не отыскал.

Изарн сказал, что Верховым Королем должен стать Хорнфел.

Станах встряхнул головой. Нет, Хорнфел не может воссесть на трон Верховного Короля. Он лишь Король-регент. Хотя Реоркс и знает, что Хорнфел может править королевством отнюдь не хуже истинного Верховного Короля...

Кузнец прислонился к груде камней и провел рукой по лицу. Он вспотел; весь перепачкался, надетая сегодня белая рубаха была уже порвана

Это была его кузнецкая рубаха. Да, ему больше никогда не стоять перед горном, но он просто не представлял себе более удобной для работы одежды, чем эта рубаха. И еще коричневые кожаные брюки. Одежда, в которой он работал в кузнице.

Многие хотели помочь ему построить пирамиду для Тьорла, но он считал, что построить ее должен сам. Один. Без чьей-либо помощи.

Когда-то, стоя у пирамиды Музыканта, Тьорл насмешливо сказал Станаху:

— Ты уже весьма искусен в строительстве. Кажется, твои друзья не живут долго. Сколько пирамид ты построил с тех пор, как ушел из Торбардина?

Помнится, Кельда тогда назвала слова эльфа слишком жестокими. Но Станах не посчитал его слова жестокими тогда, не считает такими и сейчас. Тьорл честно сказал вслух то, о чем он думал...

Губы Станаха изогнулись в невеселой улыбке. Пирамида Музыканта была первой. Пирамида Тьорла стала второй.

— И она будет последней, — прошептал он. — Да, последней, Тьорл. Хотя я никогда и подумать не мог, что буду строить пирамиду для тебя, и уж тем более здесь, в Долине Танов, в тени могилы Верховного Короля.

В долине просвистел ветер, но вскоре, словно пропев печальную панихиду, стих. Станах вспомнил о флейте своего друга. Лавим упрямо утверждает, что хотя Мзыкант и мертв, маг разговаривает с ним, нашептывает ему прямо в голову. Что он ему говорит? Конечно, ругает, чего кендер и заслуживает.

Станах снова взялся за работу. В глубине души он не верил в призраков. Маг мертв. Он сам похоронил его — так же как теперь собирается похоронить Тьорла.

Их было семеро, собравшихся в Долине Танов, в тени Могилы Дункана, у пирамиды Тьорла.

Сам Хорнфел распорядился поставить пирамиду Тьорла в Долине, где до сих пор хоронили только королей и танов.

И более того — на могиле эльфа Тьорла гном Хорнфел сказал прочувствованную речь.

Но почему, удивлялся Станах, почему Хорнфел принес в Долину Танов Меч Бури?

Станах взглянул на Кельду, стоявшую около могилы рядом с Хауком. И впервые за последнее время Станах искренне улыбнулся. Этим двоим предстоит быть вместе всего несколько дней. И сейчас они не разлучались ни на минуту.

Тело Тьорла принесли в Долину Кембал и Финн, они же положили его в изготовленную Станахом пирамиду. Они и Хаук были единственными из всей «Компании Ночной Кошмар», кто

остался в живых, и сейчас они прощались со своим боевым товарищем.

Прежде чем Хорнфел занял свое место у подножия пирамиды, он отсалютовал Тьюрлу Королевским Мечом, а затем коснулся им земли. К Станаху подошел Лавим, необычно серьезный и таинственный. Кузнец от души надеялся, что сейчас кендер не заведет своих обычных разговоров о призраках.

Лавим поднял руку и слегка коснулся плеча Станаха:

— Это ты построил ее? Ты один?

Станах печально кивнул.

— Это хорошо, — прошептал Лавим. Потом он показал пальцем на Могилу Дунканы. — Но ты не думаешь, что тень от этой огромной плавающей штуки будет падать как раз сюда? Музыкант говорит, это Могила Дунканы и...

Станах закрыл глаза:

— Помолчи, Лавим. Не сейчас.

Через Долину Танов летел холодный ветер. Его песня не мешала стоявшим у пирамиды в скорбном молчании — сейчас она объединяла их.

Когда заговорил Хорнфел, он вспомнил бой у Северных ворот и гүйил фир у подножия горы.

— Волк и доныне у наших дверей, так станем же братьями в борьбе с ним. Мы слишком долго держали наши двери закрытыми, думая, что если мы не слышим волчьего воя — значит, никакого волка и вообще нет. Теперь мы слышим его воя, слышим крики тех, кто сражается и умирает в щлыках войны. Мы слышим завывание

волка в злобном шипении магов *дерро* и в свисте крыльев драконов. Да, увы, Тьорл уже ничего не слышит, но мы, мы, пока будем слышать волчий вой, будем готовиться к встрече с волком.

Хорнфел поднял глаза и обвел медленным взглядом всех собравшихся у пирамиды.

— Но мы не только слышим, но и видим. Мы видим братьев в тех, кого ранее считали чужаками. Да, волк у наших дверей; Верминаард топчет кровавыми сапогами наши земли, и война, к сожалению, будет продолжаться до тех пор, пока не убьет всех, как она убила Тьорла... Я вместе с вами оплакиваю смерть друга.

Глубоко задумавшись, Станах не сразу осознал, что Хорнфел закончил свою речь. Скорее осознал, что ветер запел по-иному. Он взглянул на Кельду, стоявшую напротив него, с другой стороны пирамиды. Девушка подняла голову, последние лучи солнца ярко высветили ее рыжие волосы; кажется, она тоже почувствовала, что ветер стал петь другую песню.

Позади Станаха, словно удивляясь чему-то, глубоко вздохнул Лавим. Станах обернулся и увидел: кендер достает из кармана флейту. Магическую флейту. Флейту мертвого Мзыканта.

Несколько мгновений кендер словно прислушивался к чему-то, потом поднес флейту к губам и начал играть. В тусклом свете сумерек пирамиды Долины посерели, их очертания стали расплывчатыми.

Солнце, угасая, плясало на серебристой поверхности озерка, Станах не только видел свер-

кающие блики, он ощущал запах ила, ощущал сладкий вкус озерной воды.

Алмазный иней, уже покрывший ветки деревьев, таял от прикосновения руки. Кельда подняла руку, коснулась пальцами своих губ, а Станах тотчас ощутил зимний холод на своих губах.

Роса, испаряясь, летела в небеса, к солнцу; солнечные лучи сверкнули на лице Хаука; росинки, подобно слезам, медленно сползали по щекам к его бороде. И Станах почувствовал росинки на своих щеках, почувствовал, как они высыхают и исчезают в лучах солнца.

Завтра он должен попытаться вспомнить мелодию песни Лавима. Он должен будет всегда помнить и видеть лес, каким он видит его сейчас, в свете сумерек; песня должна будет напоминать ему смех ветра в ветвях деревьев.

Лавим присел на корточки и смотрел, как Хаук, Кембал и Финн кладут последние камни в пирамиду Тьорла. Звуки его печальной песни глухим эхом еще неслись по долине.

— Я не хотел, чтобы они заплакали, — прошептал кендер.

Неужели? — Голос Музыканта был очень ласковым. — *Тогда чего же ты хотел?*

— Я хотел, своей песней напомнить им: о Тьорле, вот и все. — Он вздохнул и, слушая ветер, который теперь стал просто ветром, тряхнул головой. — И... Да, я знаю, что Станах один построил пирамиду и что, по велению Хорнфела:

Тьорл похоронен рядом с королями и танами, и все же... Мне показалось несправедливым, что он будет лежать здесь, а не в своих лесах. И я хотел, чтобы они вспомнили Эльфийский лес Квалинести. Для него.

И они вспомнили, и будут помнить. Ты создал прекрасную песню, Лавим.

Кендер изумлено поднял брови:

— Я? Я сам? А разве не ты и не флейта?

Кто хотел спеть эту песню?

— Я...

Ну, значит, это была именно твоя песня. Понял?

О, эту удивительную песню создал он сам! Лавим, широко раскрыв глаза, вскочил на ноги:

— Значит, я...

Помолчи, Лавим! Это еще не все. Помолчи. И подожди еще немного. И тогда сделаешь так, как я скажу.

Когда Хорнфел вынул Королевский Меч из ножен, Меч Бури запел высокую песнь стали. На Долину Танов уже легли глубокие сумерки, но красное сердце стали продолжало, не угасая, сиять в клинке. Свет горна Реоркса пульсировал в нем, заливая темно-красным сиянием лица всех стоявших у пирамиды.

«Кровавый от свет», — подумал Станах.

Затем он взглянул на Королевский Меч, которому он помог появиться на свет. И вдруг вспомнил ту радость, которую он испытал, впер-

вые увидев Меч Бури, вспомнил те надежды и чаяния, которые родились в нем тогда.

И вовсе это не кровавый отсвет, хотя Реоркс знал, конечно, сколько крови прольется из-за Меча Бури. Кровавый отсвет должен быть холодным, как смерть. А свет Королевского Меча, ярко сверкая в темноте долины, нес тепло.

Словно фонарь в руке храброго гнома. Да, вот такого, как тан Хайлара.

Хорнфел высоко поднял Меч Бури, и даже тень Могилы Дункана не могла ослабить его света.

Ветер затих. Стоявшие у пирамиды подняли головы.

Станах услышал восторженно-удивленный вздох стоявшего сзади Лавима.

Хорнфел попрощался с Тьюрлом по-солдатски, положив Меч Бури на самый большой камень пирамиды. Когда острие клинка коснулось камня, его свет вспыхнул еще ярче, и тут же послышался смех Лавима и его восторженный возглас.

— Ну конечно же! Разумеется! — вскричал кендер.

Кельда тяжело вздохнула. Станах быстро обернулся, намереваясь заткнуть кендеру рот, однако проворный и быстрый Лавим увернулся от его руки и побежал вокруг пирамиды к Хорнфелу.

— Я знаю, где он! Я знаю! Музикант мне сказал! Он вроде бы выжидал и выжидал, даже когда ты получил свой Меч. Я-то хотел идти за ним скорей, но он сказал: нет. Он еще не был уверен. Это вроде как зудело в его сознании все

время — так он сказал. Но он должен был еще подождать. Однажды он уже приходил сюда. Он говорит, он уже был в этой долине немногого раньше, но тогда он еще был жив и не мог видеть мир так, как он видит его сейчас, когда он уже мертвый: Вы просто не поверите! Хорнфел — Король! Я знаю это! И я знаю...

Финн схватил Лавима за плечи:

— Окаянный ты кендер! Ну теперь-то что случилось? Неужели ты не можешь ну хоть недолго помолчать? Хотя бы сейчас!

Хорнфел отвел глаза от Меча Бури, его свечение чуть-чуть ослабело, подошел к Финну и попросил его выпустить из своих рук кендера.

— Что случилось, Лавим? О чем ты говоришь? Что ты знаешь?

Лавим отбежал от Финна и посмотрел на Хорнфела:

— Музыкант сказал мне. И я теперь знаю, где он. Я должен был сказать тебе раньше, но я, правда-правда, не знал, о чем Музыкант говорит. Он сказал, что это дело Короля-регента, а ты еще им официально не стал. Я сказал тебе однажды, что, мол, ты и вправду не похож на того парня, который сторожит лавку, пока лавочник обедает... Музыкант велел мне сказать тебе, чтобы ты принес сюда Меч Бури сегодня вечером, потому что Королевский Меч должен знать, где он находится. И я сказал: конечно, я это сделаю...

Яркий свет вспыхнул в мозгу Станаха. В его памяти прозвучали последние слова Изарна, сказанные им перед смертью.

— Лавим! — закричал он. — Да говори же скорей!

Кендер испуганно подпрыгнул и широко раскрытыми глазами посмотрел на Станаха.

— Я пытаюсь сказать Хорнфелу нечто действительно очень важное, молодой Станах. Но как только я начинаю говорить, меня сразу же перебивают. Ох! — Он снова повернулся к Хорнфелу. — Так о чём это я? О да, правильно. Я знаю, где находится *Молот Хараса*!

Не снимая руки с эфеса Меча Бури, Хорнфел взглянул на кендера взглядом полным недоверия и одновременно надежды.

— Где? — прошептал он.

— О, не так уж далеко отсюда, — засмеялся Лавим. — Я бы сказал, совсем недалеко... Разумеется, ты должен кого-то послать за ним. Наверное, не одного, потому что, как ты знаешь, Харас действительно очень хорошо спрятал свой Молот. Он сделал его невидимым, и охраняет его всякая там магия, ибо он и вправду не хотел, чтобы кто-нибудь его нашел случайно. Он хотел, чтобы его нашел подлинный Верховный Король, а не какой-нибудь там... Ну, он хотел короля такого, как Дункан. Знаешь, кого-то вроде тебя?

— Где он? — снова прошептал Хорнфел.

Лавим улыбнулся и показал прямо вверх.

Хорнфел посмотрел в небо. Станах тоже задрал голову кверху и увидел красноватую звезду, которую гномы называют «Угольком из Горна».

«Ох, — подумал он, — ох, Лавим, что ты еще придумал?»

Кельда тоже подняла голову, тяжело вздохнула и коснулась руки Станаха. Хаук улыбнулся и кивнул.

— Нет, не среди звезд, Станах, — сказала Кельда голосом, слегка дрожащим от волнения. — Могила...

Лавим кивнул:

— Правильно. Могила Дункана. Да и где же ему еще быть?

Станах посмотрел на Хорнфела. Сейчас он был очень похож на Верховного Короля гномов. На Верховного Короля, стоящего с Королевским Мечом в руках.

— Да, да, Хорнфел — Король, — прошептал Станах.

Хорнфел поднял голову, а Станах упал перед ним на колени. Гномы ни перед кем не падали на колени уже много-много лет...

Станах заговорил, не думая о том, что он говорит, слова сами шли из сердца.

— Король Хорнфел, Молот твой. Я найду его. И принесу его тебе.

— О, да! — крикнул Лавим, быстро подходя к Станаху. — Это не будет очень уж трудным делом. Всего несколько небольших сраженьиц, кое-какая магия и еще кое-что. Музикант все-все об этом знает, и мы быстро его найдем!

Станах обернулся:

— Мы?

— Ты, и я, и Музикант, и... — Лавим посмотрел на Кельду, Финна и Кембала, — и еще тот, кто захочет пойти. Я думаю, каждый захочет, потому

что... ну, что они будут делать здесь, в Торбардине, когда ты, и я, и Музыкант отправимся за Молотом? На все на это нам потребуется день или два...

Настала ночь. Сидящий на земле рядом с пирамидой Тьорла Станах посмотрел на Кельду.

— Он говорит: «день или два». — Станах улыбнулся. — Или говорит: «Музыкант сказал».

— Станах, ты веришь ему?

Гном пожал плечами. Ведь это Музыкант провел их через ущелье к Северным воротам. Лавим говорит, что именно Музыкант направлял арбалет Тьорла, когда эльф убил дракона.

Вслух Станах сказал:

— Он был прекрасным стрелком, Тьорл. Но...

Кельда кивнула:

— Ведь было совсем темно. Никто не смог бы попасть в единственное уязвимое место дракона. Должно быть, хорошо думать, что...

Кузнец вздохнул. Должно быть, очень приятно думать, что Музыкант все время был с ними. Да, был... Должно быть, просто замечательно думать...

Станах вдруг нахмурился:

— Итак, я иду за Молотом. Хараса, а меня, ведет кендер, которого, в свою очередь, ведет призрак? Получается так?

— Мы идем за Молотом.

— Мы? Действительно... мы?

Кельда села рядом с ним, но ничего не ответила. Она провела пальцем по камням пирамиды.

— Мне будет его не хватать.

— И мне тоже.

Кельда вдруг повернулась к кузнецу, щеки ее раскраснелись.

— Станах, я уже говорила в подземелье и то же самое скажу сейчас: я пойду туда, куда пойдет Хаук. Я пойду туда, куда пойдешь ты. Я буду помогать вам искать Молот Хараса.

Гном взглянул на висящую над озером могилу Дункана.

Ледяную воду озера чуть рябил легкий ветерок. Звездный свет подсвечивал черную поверхность воды, и у берегов она казалась серой.

Кельда положила свою ладонь на его изувеченную правую руку.

Гном поднялся и помог встать Кельде:

— Теперь нам лучше уйти. Я не помню, чтобы Лавим отдал Хорнфелу флейту. Я уже достаточно наслышался о том, что он с ней делает, и не смогу спокойно спать, пока она не будет в руках у Хорнфела.

Станах шел молча. Кельда шла рядом с ним тоже молча.

Когда он остановился у ворот Торбардина и посмотрел назад, то увидел: на пирамиде Тьорла — тень Могилы Дункана.

Ветер снова завел свою песню, и Станах вошел в Торбардин, думая о том, что он всегда должен будет помнить сегодняшнюю песню флейты.

Песня Тьорла

Река привольно течет через лес,
Солнечный свет искрится в ней,
Задумчивый свет струится
С осеннего небосвода.

В морозные зимние дни
Нагие деревья надевают новые украшенья,
Сотворенные изо льда,
Сверкающие, как алмазы.

Воскрешая надежды и чаянья,
Новая жизнь рождается в старых зарослях,
И птенцы шевелятся в гнездах
И смотрят в весеннее небо.

Выпивая росинки с листьев,
В жаркий полдень
На солнечной летней поляне
Легкокрылый танцует ветер.

Хор:

Осень, зима, весна, лето...
Мир прекрасен всегда.
Одинокий, среди деревьев,
Найди красоту у своих ног.

СОДЕРЖАНИЕ

Предупреждение Астинуса	5
Пролог	7
Глава 1	19
Глава 2	27
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	67
Глава 6	77
Глава 7	94
Глава 8	115
Глава 9	118
Глава 10	137
Глава 11	152
Глава 12	170
Глава 13	188
Глава 14	191
Глава 15	209
Глава 16	228
Глава 17	245
Глава 18	262
Глава 19	279
Глава 20	293
Глава 21	298
Глава 22	314
Глава 23	334

Глава 24	346
Глава 25	350
Глава 26	365
Глава 27	384
Глава 28	398
Глава 29	414
Глава 30	424
Глава 31	440
Глава 32	454
Глава 33	461

Сто тысяч российских любителей фантастики прочли знаменитую "Трилогию Летописей", в которую вошли романы:

**ДРАКОНЫ ОСЕННИХ СУМЕРЕК
ДРАКОНЫ ЗИМНЕЙ НОЧИ
ДРАКОНЫ ВЕСЕННЕГО РАССВЕТА**

Сегодня мы рады Вам сообщить радостную новость: Маргарет Уэйс и Трэйси Хикмэн закончили работу над четвертой частью "Летописей". Их новый роман называется

ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ.

Год за годом, месяц за месяцем проходят над Кринном. Дуют промозглые осенние ветра, сыплют колкие ледяные кристаллы зимнее небо, распускаются дивные цветы на горных лугах. Вслед за весной спешит лето...

Однако Тьме ненавистен яркий солнечный свет. Глазам, привыкшим к вековечной мгле Бездны, больше по нраву глухой сумрак и серые тени. Темная Владычица жаждет мщения и собирает рассеянные в битвах полчища драконидов. Черный Паладин подбирается к Башне Верховного Жреца и пытается взять ее штурмом. А в это время на далеком, затерянном в Океане острове юная девушка находит таинственный, сияющий колдовским светом Талисман. Чародею Рейстлину становится известно о могущественном Талисмане, он бросается на поиски загадочного артефакта, сталкивается с юной хранительницей Талисмана и узнает, что...

О невероятных приключениях Героев Копья читайте в заключительной части
"Тетralогии Летописей"
ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

DRAGONLANCE ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Маргарет Уэйс и Трейси Хикмен
КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ

На истерзанные войной земли Кринна пришел долгожданный мир. Уставшие от странствий и кровопролитных битв, Герои Копья смогли наконец-то вздохнуть спокойно и заняться каждый своим любимым делом. Но вот однажды в небе над Аисалоном пронеслась тень Синего Дракона. Любитель отчаянных авантюре, проныра Тассельхоф столкнулся с отрядом диковинного вида гоблинов... Волна отвратительных убийств прокатилась по городам и селениям...

Теперь на защиту Кринна поднимаются Аети Героев Копья. Они унаследовали от родителей извечные качества истинных воителей: благородство души и нестигающую волю.

Попутный ветер вновь наполнил паруса боевых кораблей, заскользили в умелых руках мореходов канаты. Впереди — невероятные приключения, тяжкие испытания и удивительные тайны. Новое поколение Героев крепко держит рукояти мечей и древки разноцветных стягов, отважные искатели приключений знают, что **УДАЧА — НАГРАДА ДЛЯ СМЕЛЫХ**.

Читайте книгу о Втором Поколении воителей Кринна
КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ.

.Литературно-художественное издание

**Нэнси Верайн
МЕЧ БУРИ
ТРИЛОГИЯ ГЕРОЕВ
Том 2**

Перевод с английского

**Руководитель проекта
Геннадий Белов**

**Художественный редактор
Павел Борозенец**

**Технический редактор
Татьяна Раткевич**

**Корректор
Татьяна Андрашнова**

**Компьютерная верстка
Алексей Соколов**

ЛР № 071177 от 05.06.95.

**Подписано к печати с оригинал-макета 05.05.96.
Формат издания 84×108¹/32. Печать офсетная.
Гарнитура Таймс. Тираж 40 000 экз. Усл. печ. л. 25,2.
Изд. № 58. Заказ № 433.**

**Издательство «Азбука»
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.**

**Отпечатано с оригинал-макета
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.**

Как слышит бард всем сердцем неловимую
мелодию и тайную гармонию своей песни,
как знает рассказчик слова
рождающейся в нем легенды,
так и гном Молотобоец знал
выковать чудесный меч, клинок
пред внутренним взором, связанный
которое сокрушит полчища.
Когда клинок пройдет сквозь
пламени горна и в охлаждаясь
когда приобретет хищно-зубастый блеск
и будет заточен, волшебному мечу
дадут имя, словно живому существу.
Имя это повергнет в трепет всех членов
вековечной Тьмы,
ибо величать клинок станут

МЕЧ БУРИ

TM

DRAGONLANCE™ and
are trade marks of TSR, Inc.
© 1988 by TSR, Inc.
All rights reserved.

179463

15000